Вл. Кравченко.

Дроздовцы

от Ясс до Галлиполи.

Сборник.

Том I

ВЛ. КРАВЧЕНКО

B. BOGAEVSKY
230, AV. DE LA D^te LECLERC
95160 MONTMORENCY
FRANCE

ДРОЗДОВЦЫ ОТ ЯСС ДО ГАЛЛИПОЛИ

СБОРНИК

ТОМ I

Мюнхен
1973

www.elan-kazak.ru

All rights reserved
Все права сохраняются за автором

Printer: I. Baschkirzew Buchdruckerei,
8 München 50, Peter-Müller-Str. 43.
Printed in Germany

ОГЛАВЛЕНИЕ

Источники, на основании которых написан сборник 4
От автора 5
Глава I
Введение 9
Глава II
Формирование отряда и поход Яссы—Дон . 17
Глава III
Второй Кубанский поход 119
Глава IV
В рядах Вооруженных Сил Юга России . 195
Приложение: фотографии и схемы . . . 395

www.staff.kazak.ru

ИСТОЧНИКИ,
НА ОСНОВАНИИ КОТОРЫХ НАПИСАН СБОРНИК

1. «Дневник» генерала Дроздовского.
2. «Очерки Русской Смуты» генерала Деникина.
3. «Воспоминания» генерала Врангеля.
4. «В борьбе за Россию» генерала Витковского.
5. «Дроздовцы в огне» генерала Туркула.
6. «Дневник» полковника Кабарова — История 2-го конного Дроздовского полка.
7. «Марковцы в походах за Россию» полковника Павлова.
8. «Дон и Россия» полковника Белявского.
9. «Кавалергарды в Великую и Гражданскую войну» Звегинцева.
10. «Вчера» Белгородского (генерала Шинкаренко).
11. «Седьмая Гаубичная» Пронина, Александрова и Ребикова.
12. «Дневники» капитанов Орлова, Соловьева и Гаврилова.
13. «Статьи» полковника Нилова, полковника Левитова, капитана Орлова, штабс-капитана Знаменского и поручика Пронина.
14. «Заметки» генерала Харжевского и ряда соратников.
15. Советские источники: «Разгром Врангеля в 1920 г.» изд. ГВИЗ в 1930 г., «История Гражданской Войны» Рабиновича, сборник к 15-летию Красной армии, «Перекоп» и Чонгар» изд. ГВИЗ в 1933 году, сборник «Ликвидация Врангеля», «Война с белополяками» Какурина и Меликова, изд. в 1925 г., «Разгром Врангеля» Короткова, «История Гражданской Войны» Сухорукова, 3-х томный сборник издательства Советская Россия — «История Гражданской Войны» и сборник изданный Министерством Обороны Советского Союза в 1968 году — «50 лет Вооруженных Сил СССР».

Имеющиеся в сборнике «Дроздовцы от Ясс до Галлиполи» приказы, документы, официальные сообщения, распоряжения и объявления помещены без изменений.

Во втором томе сборника «Дроздовцы от Ясс до Галлиполи» будут помещены следующие главы: Крымская Эпопея, Галлиполи и Заключение со многими фотографиями и схемами.

B. BOGAEVSKY
230, AV. DE LA D=-LECLERC
95160 MONTMORENCY
FRANCE

ОТ АВТОРА

Белое Движение, вызванное революцией, одно из самых значительных явлений в истории России. Начатое сразу же после захвата власти большевиками оно беспрерывно продолжалось на юге до ноября месяца 1920 года, а на востоке — до ноября 1922 года. Не прекращалось оно и после окончания активной борьбы Белых армий, но не раз возобновлялось путем восстания крестьян в центральных губерниях России, узбеков и таджиков в Туркестане и свободолюбивых народов на Кавказе. Да и белые воины, покинувшие родину, никогда не считали себя побежденными и ожидали случая возобновить борьбу с оружием в руках. Возможность эта была использована ими во время второй мировой войны, путем создания Русского корпуса в Сербии. Почти одновременно формировалась и армия из бывших красноармейцев, под командой бывшего советского генерала Власова. С появлением этих двух армий Белому Движению было дано новое название, более подходившее к условиям времени, — оно стало называться Освободительным Движением. Новое Освободительное Движение могло сыграть роковую роль в судьбе правительства СССР, если бы Гитлер не проводил вредную расовую политику и не был одержим бредовой идеей построения тысячелетнего Райха.

Но и теперь Освободительное Движение не потеряло своей актуальности. В той или иной форме, — будь то протест ученых против преследования писателей, или жалобы целых групп верующих в ООН против гонения на религию, или распространение нелегальных журналов и газет вроде

www.elan-kazak.ru

«Самиздата», оно осуществляется и по сей день у нас на родине. Белая идея, положенная в основу Освободительного Движения, не мечта, а реальность.

Белое Движение в России начального периода революции представляет большой интерес особенно теперь, когда коммунистическая опасность приняла мировой характер, и не случайно опыт четырехлетней гражданской войны в России является предметом глубокого и всестороннего изучения как политиков, так и военных в генеральных штабах некоторых государств. Само собой разумеется, и будущие историки приложат немало труда для правдивого и беспристрастного освещения Белого Движения.

Хотя за прошедшие пятьдесят лет много написано воспоминаний в виде книг, очерков, статей, отдельных рассказов и дневников с описанием бесчисленных эпизодов из боевой жизни как отдельных доблестных героев, так и целых воинских частей Белой армии, но исчерпывающей и полной истории этого, поистине всенародного, антибольшевистского Движения, еще не появлялось. Чтобы облегчить исследователям и будущим историкам трудную задачу правильного понимания происходившего, нам, современникам, и, тем более, участникам гражданской войны в России следует: с одной стороны, дополнить ранее написанное новыми фактами, ставшими более понятными пройдя через призму времени, а с другой стороны, все уже написанное как сырой материал, систематизировать или обобщить, дав новое освещение многим фактам, сопровождая его фотографиями и схемами боевых действий. Вот эту цель я и преследовал, берясь за составление настоящего сборника.

В Белой армии на Юге России воинские части и их командиры отличались своей храбростью, заслужив высокую оценку даже со стороны советских исследователей, но судьбе угодно было выделить из всей доблестной армии одну дивизию, которая по имени ее основателя генерала Дроздовского, получила название Дроздовской. Эта дивизия заслуженно может быть названа легендарной. Не зная пораже-

ний части ее всегда являлись угрозой для противника, который нередко избегал встреч с ними, но вынужденный вступить в бой, был бит и почти всегда обращен в бегство. Боевой путь славных Дроздовских частей, со дня их возникновения и до конца, я счел долгом запечатлеть на страницах этого сборника, использовав для этого отрывочные и разрозненные воспоминания разных авторов, названных в тексте, и приложить фотографии и схемы.

Мне хочется верить, что мой скромный труд воскресит в памяти бывших соратников, оставшихся в живых, добрую память о славных делах дроздовцев и других белых героев, пробудит сочувствие у всех, принимавших участие повсюду в Белой борьбе. Верю также, что и все русские люди, прочтя эту книгу, отдавая должное заслугам дроздовцев не забудут и тех, кто своими жизнями создавал славу Дроздовским частям. Вечная память павшим в бою, погибшим в смуте, и слава оставшимся в живых!

При составлении Сборника мне оказали неоценимую помощь присылкой книг, дневников, статей, воспоминаний и заметок, Наталия Владимировна Орлова, приславшая обширный дневник своего покойного супруга — капитана Г. А. Орлова; генерал В. Г. Харжевский, капитаны Гаврилов и Соловьев, ротмистр Хренов, штабс-капитан Знаменский, поручик Пронин и еще два моих сослуживца, имен которых назвать не могу. Но особо нужно отметить помощь полковника Сергея Родионовича Нилова, который, несмотря на плохое состояние здоровья и зрения, прокорректировал весь Сборник, написал несколько статей и воспоминаний, внес дополнения в некоторых местах и прислал часть помещаемых фотографий. Без его помощи Сборник оказался бы неполным.

Этот Сборник выходит в двухтомном издании. В первом томе изложены все события от Ясс до Новороссийской катастрофы, а во втором — Крымская эпопея, Галлиполи и заключение с указанием источников (заграничных и советских), на основании которых и составлен Сборник. Даты в Сборнике — по старому календарю.

www.slan-kazak.ru

Издание Сборника могло осуществиться только благодаря материальной помощи организаций, боевых соратников, сбора пожертвований и произведенной предварительной подписке. Всем принимавшим в этом участие приношу мою сердечную благодарность.

Вл. Кравченко.

ГЛАВА I

ВВЕДЕНИЕ

«Курилась от весенних туманов степь. Оттепель после зимы. Зимнее, холодное в природе уходило, таяло. На смену шло новое. Потом, за этим, — настоящая весна. В радостном свете солнечно-весеннего дышала зелено-дымная степь. Всюду кругом стоял живительно-благодатный гул. Чудесно, прекрасно это весеннее в природе. И этот отчетливо-ясный весенний гул. Всюду кругом живительно-благодатный шум жизни. Тепло. Новое в природе.

И вот среди зелено-дымного в степи возникло чудо — необыкновенное *видение*.

Как могло случиться? И еще в те дни анархии и смуты, зарева пожаров, воплей и воя, среди, не сдерживаемой ни чем, разбушевавшейся стихии, с чем граничило то, чему свидетелями были люди?

Видение в степи — только *сон*. Так думали одни.

Если это, — действительность, то она не больше как ни с чем не сравнимая *дерзость*, а чем она кончится — неизвестно. Так о *видении* размышляли боязливые, малодушные.

У трусов, при виде такой дерзости, на лицах блуждала злорадная улыбка: *таким* далеко не уйти и ничего не совершить.

Стройно, блестя на солнце штыками, шла какая-то военная часть, с необыкновенными солдатами и офицерами. Можно было смело поверить, что маленький воинский отряд, безусловно, ведет куда-то и совсем необыкновенный ко-

www.elan-kazak.ru

мандир. Все, все было необыкновенно в этом маленьком отряде, начиная с одежды и кончая строгой дисциплиной, царившей в нем. Великолепно пригнанное обмундирование — новые защитные гимнастерки, добротные сапоги. И что еще удивительнее — погоны на плечах...

Звучит, несется солдатская песня... Поет радостная, весенняя зеленая степь...

Куда-то вперед помчались по дороге разведчики отряда — мотоциклисты и *виденье* растаяло в степи...

Сон?.. Волшебство зелено-дымной степи?!.. Такого не было.

Вот и разгадка. Гремят выстрелы под большим городом... Рвутся снаряды над громадным вокзалом. Белые облачки разрывов над перекинутым через большую реку мостом... Еще немного и смолкло все...

Освобождение. Воскресение. Весеннее в природе. Весеннее в душах и сердцах людей... Весна, радость, жизнь... Счастливые улыбки. Слезы радости вновь обретенного счастья...

А необыкновенные солдаты и офицеры необыкновенного отряда в этот момент — горды и, также как освобожденные, счастливы... Им — цветы, благодарности, улыбки... В душах и сердцах в этот момент бьется одно, оно поет, громко и трепетно звучит: *освобождение!*

Начало его... Вот один большой город... А потом — дальше!.. Вся Россия? Возможно!?.. И звучит в душе ответ: смелым и дерзким — возможно. Трудно?.. Да, — будет трудно. Будет тяжело: кровь, жертвы, гибель многих, муки!?.. Все, все, но будет и это:

Что делали они? Да, принимали муки.
Потом устали и легли на сон.
И в словаре задумчивые внуки
За словом «Долг», напишут слово — «Дон».

Чудо, возникшее в зелено-дымной степи — маленький отряд полковника Дроздовского. После он станет славным

Дроздовским полком. Дальше развернется в дивизию. В свои военные подвиги вплетет славу и лавры побед.

Славу непобедимых».

Прошло полвека уже со дня исторического Похода, начатого весной 1918 года с Румынского фронта, в конце первой великой войны, на Дон небольшого отряда, под водительством полковника генерального штаба Михаила Гордеевича *Дроздовского*, послужившего в дальнейшем ядром для сформирования одного из крупнейших соединений Добровольческой армии на Юге России, овеянной славой — непобедимой Дроздовской стрелковой дивизии.

Поход и вся боевая эпопея дроздовцев безусловно будут отмечены многими историками в их трудах. Михаил Гордеевич Дроздовский будет поставлен в один ряд с генералами Алексеевым и Корниловым, как основатель и организатор Добровольческой армии, — армии проникнутой сознанием важности борьбы за Честь и Славу Великой России, за государственность и порядок на нашей Земле.

Только благодаря исключительному упорству, колоссальной энергии и отваге, всегда горящий любовью к своей Родине, несмотря на все препятствия, интриги, трудности и резкое осуждение со стороны окружения и в штабах, смог Михаил Гордеевич Дроздовский довести начатое дело до конца, и идея, возникшая на Румынском фронте, о сформировании добровольческих частей в помощь генералу Алексееву и сам Поход на Дон не остались пустыми словами. Отряд русских добровольцев, горячо любящих свою Родину, видящих спасение ее только в борьбе со злом; отряд, окруженный со всех сторон врагами, но спаянный дисциплиной, с боями прошел через ввергнутый в хаос Юг России и прибыл на Дон, чтобы соединиться с Добровольческой армией. Эпопея почти трех лет тяжелых трудных боев за освобождение Родины. Около 15 000 могил бойцов павших на поде брани и до 35 000 раненных и убитых из бывших в рядах дроздовцев

Невольно напрашиваются вопросы. Почему только один полковник М. Г. Дроздовский привел свой маленький отряд

www.elan-kazak.ru

на Дон и почему этот отряд не был в десять раз больше?! Почему не нашлось еще подобных Дроздовскому начальников? Ведь там, на Румынском фронте, зародилась идея формирования даже целого корпуса добровольцев, для отправки его в помощь генералу Алексееву на Дон.

Ответ несложный. События развивались неудержимо: «бескровная» революция вылилась в дикую, исступленную, бессмысленную войну одних русских против других, вызвав море крови, насилий и грабежей; хаос и анархию всюду и везде . . . Связь Румынского фронта с генералом Алексеевым и Доном была прервана.

Видя кругом царящий хаос и распад, потеряв веру в возможность борьбы с большевиками, командующий фронтом генерал Щербачев, его штаб и перепуганное офицерство отказались от идеи похода на Дон. Вскоре последовал и приказ о прекращении начатых формирований, а сам поход на Дон был отменен. Среди начальников нашелся только один — полковник Дроздовский — не потерявший веру в возможность борьбы. Он не прекратил начатое дело формирования 1-й Бригады Русских Добровольцев в Яссах и, дерзнув, спас, казалось уже погибшую идею, — блестяще начал и закончил Поход.

Приказом Главнокомандующего Добровольческой армией, от 25 ноября 1918 года, за № 191 была установлена медаль Похода Яссы—Дон.

Приказ гласил:

«В воздаяние мужества и решимости 1-й Бригады Русских Добровольцев, вышедших под командой Генерального Штаба полковника Дроздовского из Ясс и прибывших, совершив исторический 1200-верстный поход, 25 апреля 1918 года на Дон, на соединение с Добровольческой Армией — устанавливаю медаль.

Медалью этой награждаются все действительные участники Похода, выступившие из города Яссы или города Дубоссары, прибывшие на Дон и отбывшие шестимесячный подписной срок службы.

Лица, выпедшие из Ясс или Дубоссар и оставившие ряды названного отряда по случаю ранения, контузии или тяжелой болезни, удостоверенное надлежащим начальством, пользуются правом на награждение медалью, награждаются наравне с совершившими весь поход, при условии возвращения их в дальнейшем в строй 3-й дивизии или Добровольческой Армии.

Медали, заслуженные павшими на поле брани передаются потомству их или ближайшим родственникам для сохранения в памяти их, но без права ношения.

Награжденным медалью выдаются именные удостоверения за подписью лица, пользующегося правами не ниже начальника дивизии с приложением соответствующей казенной печати.

Удостоверения на погибших в боях выдаются тем лицам, коим передается для сохранения в памяти и самая медаль.

Списки лиц, награжденных медалью по представлению их подлежащим начальством, объявляются в приказе Главнокомандующего Добровольческой Армией.

Чины армии, виновные в самовольном присвоении и ношении медали, подлежат ответственности по ст. 1416 Уложения о наказаниях с усилением наказания по приказу Добровольческой Армии от 25 сентября с. г. за № 500.

Медаль носится на груди левее всех степеней георгиевского креста и георгиевской медали, правей всех прочих знаков отличий и медалей.

Приложение: описание медали.

Подлинный подписал
Генерал-Лейтенат Деникин.

Описание медали,

установленной в память похода 1-й Бригады Русских Добровольцев.

Медаль устанавливается серебряная, матового цвета, овальной формы и имеет у ушка два скрещенных серебря-

www.elan-kazak.ru

ных же меча. По окраинам медали на лицевой стороне располагаются две ветки: справа дубовая, как символ непоколебимого решения, и слева лавровая, символизирующая решение, увенчавшееся успехом. На поле этой же стороны медали изображен выпуклый рисунок: Россия в виде женщины в древнерусском одеянии, стоящей с мечом в протянутой правой руке над обрывом, и на дне его и по скату группа русских войск с оружием в руках, взбирающаяся к ногам женщины и олицетворяющая стремление к воссозданию Единой, Неделимой, Великой России. Фон рисунка — восходящее солнце.

На оборотной стороне медали, на верхней части ее, полукругом по краю выгравировано: «Поход Дроздовцев» и поперек медали: «Яссы—Дон», следующая строка: «1200 верст», затем дата — «26/II—25/IV 1918» и в последней строчке — фамилия награжденного с инициалами его имени и отчества.

Ширина медали — один дюйм, длина — полтора дюйма. Размер каждого меча — один дюйм.

Начальник Штаба Главнокомандующего Добровольческой Армией
Генерал-Лейтенант Романовский.
Дежурный Генерал
Генерал-Майор Трухачев.

www.elan-kazak.ru

ДРОЗДОВСКИЙ МАРШ

Из Румынии походом
Шел Дроздовский славный полк
Для спасения народа
Нес геройский, трудный долг.

Генерал Дроздовский гордо
Шел с полком своим вперед,
Как герой он верил твердо,
Что он Родину спасет.

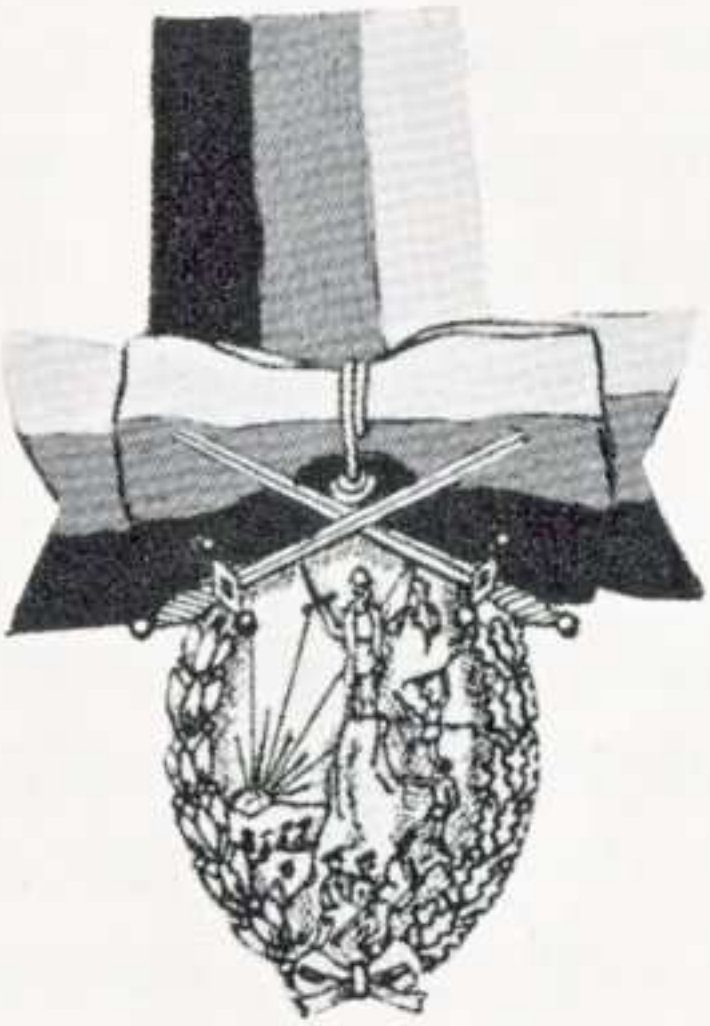
Верил он — настанет время,
И опомнится народ,
И он сбросит свое бремя
И за нами в бой пойдет.

Много он ночей бессонных
И лишений выносил,
Но героев закаленных
Путь далекий не страшил.

Ведал он, что Русь святая
Истомилась под ярмом,
Словно свечка догорая,
Угасает с каждым днем.

Шли дроздовцы твердым шагом,
Враг под натиском бежал,
И с трехцветным русским флагом
Славу полк себе стяжал.

Генерал Дроздовский.



Знак Отличия
за
Поход Яссы - Дон.

www.elan-kaza

ГЛАВА II

ФОРМИРОВАНИЕ ОТРЯДА И ПОХОД ЯССЫ—ДОН

Осень 1917 года.

После Февральской «бескровной» революции покатилась Матушка-Россия к пропасти, в которую и сверглась после кровавого Октября. Опасная и несвоевременная операция, проделанная над Империей в дни войны, не дала ожидаемых положительных результатов и вместо исцеления от недугов — вызвала смерть оперированной. Слишком неопытными были «врачи» да и сам их «хирургический нож» оказался слишком грязным, тупым и отравленным. Власть выпала из рук тех, которые взяли в свои неопытные руки бразды правления в стране и ее, почти без сопротивления с их стороны, как валявшуюся на улице, подняли и захватили в свои руки подонки общества, возглавленные прибывшими в запломбированном вагоне через Германию — Лениным, Троцким.

Началась вакханалия под знаменем защиты завоеваний Февральской революции. Ленин со своими присными, сразу же по приезде в Россию, стал углублять ее, пустив в полный ход пропаганду, с целью сокрушить оплот и защиту государственности, порядка и законности — российскую армию, в которую уже были впрыснуты вредные бациллы недальновидными «временными» правителями России. Армия, отравленная ядом политики и безвластия, став жертвой пропаганды, разложилась. К середине осени 1917 года развал

www.elan-kazak.ru

армии завершился и фронта фактически защищать было некому, хотя номинально он еще и существовал. Только на участке Румынского фронта, который находился дальше всех других участков фронта от очага «достижений революции» — Петрограда, сохранялись еще в воинских частях некоторая боеспособность и дисциплина. Даже после прихода к власти большевиков, во многих местах на этом участке фронта вообще не поднимался вопрос о выборном начале; приезжие «ораторы» там появлялись редко. Первое время эксцессов почти не было и офицеры оставались на своих местах. Юго-западный и Румынский фронте были вскоре украинизорованы. Штаб Румынского фронта охранялся куренем гайдамаков, тщедушного состава с тщедушными же юнцами, явно не воинственного вида. Был в Яссах украинский посол Галиб с комиссаром Чеботаренко, но это и все, так как других властей, украинских частей и формирований там не было. На улице Музилер № 24 помещалось бюро таинственного Московского центра, где принималась запись и издавалась газета «Республиканец», явно монархического направления. По улицам города Яссы осенью бродили офицеры, в одиночку и группами, приехавшие в город в поисках формирующихся частей Добровольческого корпуса. Таково было положение на участке Румынского фронта в ноябре 1917 года.

Областью Всевеликого Войска Донского управлял, вернее ее возглавлял, выборный атаман — генерал Каледин. Там еще сохранялся относительный порядок.

***

После большевистского переворота в октябре 1917 года из Петрограда на Дон прибыл генерал *Алексеев*, который и положил, в начале ноября, основание Белого Движения. На его зов стали стекаться добровольцы и вскоре туда же прибыли и все быховские узники во главе с генералом Корнило-

вым. Была налажена связь между генералом Алексеевым и штабом Румынского фронта. Вот тогда-то и возникла в Штабе фронта идея о сформировании в помощь генералу Алексееву Корпуса русских добровольцев. В это же самое время генерал Алексеев обратился к генералу Щербачеву с просьбой послать добровольцев офицеров на Дон; но последний по каким-то причинам не сделал этого и, еще больше, — даже не поставил в известность об этом офицеров.

Офицеры, под разными предлогами покидая свои части, прибывали в Яссы. В числе приехавших офицеров оказались и девять офицеров 61-й артиллерийской бригады во главе с капитаном С. Р. Ниловым. Будучи еще в своих батареях, читая газету «Русское слово», они узнали о формировании добровольческих частей на Дону и отправились в Яссы.

Прибыв в Яссы, эта группа офицеров явилась в Штаб Румынского фронта к генерального штаба капитану Федорову. Там они встретили сочувствие со стороны последнего и полковника Давыдова. Им сказали: подождите, может быть, на днях, что-нибудь выйдет с формированием и здесь.

Они разместились в гостинице «Яши-Бухарест», но видя безрезультатность ожидания формирования в Яссах, решили 16 декабря покинуть Яссы и самостоятельно пробираться на Дон к генералу Алексееву. Неожиданно, поздно вечером 15 декабря 1917 года, в их комнату вошел в сопровождении полковника, на погонах которого была цифра 60, капитан Федоров. После взаимных приветствий присутствующие узнали, что с капитаном Федоровым пришел полковник генерального штаба Дроздовский — начальник 14-й пехотной дивизии. Полковник Дроздовский сразу же приступил к делу.

— Я думаю, сказал он, — начать в Яссах формирование отряда для борьбы с большевиками. Согласны ли вы присоединиться ко мне?

Ответ был единодушный — «Так точно».

— Кто из вас старший? — спросил полковник Дроздовский.

www.elan-kazak.ru

Представился капитан Нилов.

— Завтра в Штабе фронта у полковника Давыдова получите ордер на помещение и будете комендантом.

В этот момент было положено основание будущего отряда Русских добровольцев, совершившего поход Яссы—Дон, а утром, 16 декабря 1917 года, одна из палат лазарета Евгеньевской Общины Красного Креста явилась колыбелью 1-й бригады Русских Добровольцев.

Нервный, худой полковник Дроздовский был типом воина-аскета: он не пил, не курил и не обращал внимания на блага жизни; всегда — от Ясс и до смерти — в одном и том же поношенном френче, с потертой георгиевской ленточкой в петлице; он из скромности не носил самого ордена. Всегда занятой, всегда в движении. Трудно было понять, когда он находил время даже есть и спать. Офицер Генерального штаба — он не был человеком канцелярии и бумаг. В походе верхом, с пехотной винтовкой за плечами, он так напоминал средневекового монаха Петра Амьенского, ведшего крестоносцев освобождать Гроб Господен. Большой русский патриот полковник Дроздовский и был крестоносцем распятой родины. Человек малого чина, но большой энергии и дерзновения, он первый зажег светильник борьбы на Румынском фронте и не дал ему погаснуть.

Началась вербовка. Бюро записи открылось на улице «Страда Музилер», № 24. Было выпущено следующее воззвание к офицерам и солдатам фронта:

Офицеры и солдаты!

Учредительное Собрание разогнано. Грабежи и насилия большевиков кровавыми волнами заливают Русскую Землю. Армии не существует: она погибла на радость ликующему врагу.

Отчаянное положение нашего Отечества вызвало необходимость создания добровольческих войск. Приказом по Румынскому фронту за № 1334 объявлено о формировании Первой Отдельной Бригады Русских Добровольцев.

Бригада принимает всех желающих, не считаясь с политическими взглядами, но при условии беспрекословного повиновения начальникам и соблюдения полной дисциплины.

Бригада просит штабы, начальствующих лиц и всех офицеров выбрать в частях достойнейших из солдат. При их согласии на перевод в Первую Бригаду Русских Добровольцев, необходимо сообщить их фамилии штабу фронта: Штарум, капитану Генерального Штаба Федорову. При возможности нужно посылать их прямо в Яссы, улица (страда) Музелер, № 24.

Офицеры и солдаты. Вы спешите домой, но там вам не будет отдыха, ни покоя. У порогов ваших домов братоубийственная война, внутри их — голод и и слезы. Если вам дороги ваши родные очаги, ваши дети, матери, жены и сестры, если мысль о них сжимает ваше сердце, — ваше место под знаменем добровольческих войск. Хотите их защитить и спасти, идите к нам в Первую Отдельную Бригаду Русских Добровольцев.

Условия службы в Первой Бригаде Русских Добровольцев:

1. В частях Бригады господствует абсолютная дисциплина, никаких комитетов не существует.
2. От поступающих требуется подписка о беспрекословном подчинении начальникам.
3. Содержание офицерам начинается с 200 рублей в месяц, при полном пищевом, вещевом довольствии, солдатам — от 25 рублей в месяц до 100, в зависимости от времени службы, поведения и звания.
4. Производство в чины, награды, ранения, пенсии засчитываются на общих основаниях с армией.

Запись добровольцев производится в Яссах, улица (страда) Музелер № 24. На станции Унгени — специальный агент для пропуска прибывающих из России. Каждый поступающий в Бригаду должен был дать следующую подписку:

Я . . . . . , поступаю добровольно в Национальный Корпус Русских Добровольцев, имеющий целью воссоздание

www.elan-kazak.ru

порядка и организацию кадров по воссозданию Российской Армии, причем за все время пребывания в Корпусе обязуюсь:

1. Интересы Родины ставить превыше всех других, как-то: семейных, родственных, имущественных и прочих. Поэтому защищать с оружием в руках, не жалея своей жизни, Родину, жителей ее, без различия классов и партий и их имущество, от всякого на них посягательства.

2. Не допускать разгрома и расхищения каких бы то ни было складов.

3. Всюду стоять на страже порядка, действуя против нарушителей всеми способами, до применения оружия включительно.

4. Быть внепартийным, не вносить и не допускать в свои ряды никакой партийной розни, политических страстей, агитации и т. д.

5. Признавать единную волю поставленных надо мною начальников и всецело повиноваться их приказаниям, не подвергая их обсуждению.

6. Всюду строго соблюдать правила дисциплины, подавая собою пример окружающим.

7. Безропотно и честно исполнять все обязанности службы, как бы они тяжелы временами ни были.

8. Не роптать, если бы случайно оказался недостаток обуви, одежды, пищи или она оказалась бы не вполне доброкачественной.

9. Также не роптать, если бы оказались неудобства расквартирования, как то: теснота, холод, грязь и пр.

10 Не употреблять спиртных напитков и в карты не играть.

11. Без разрешения своих начальников от своей части не отлучаться.

12. В случае неповиновения, дезертирства, восстания, агитации против дисциплины подлежу наказанию по всей строгости законов военного времени.

Одним из способов вербовки был следующий.

С утра наличный состав добровольцев отправлялся на вокзал и в большое кафе, находившееся в центре города Ясы, где обычно собирались проезжавшие офицеры. Подсаживались к столикам, заводили разговоры, уговаривали. В большинстве случаев ответ был один: мы устали, мы воевали три года (подобное говорил даже и прапорщик, явно выпущенный в офицеры 2—3 месяца тому назад), поедем домой, отдохнем и . . . если у вас что-нибудь выйдет, то присоединимся. Те же песни и на тот же мотив пели в то время и на Дону, где горсть офицеров, юнкеров и безусой молодежи, порой пробравшихся с опасностью для жизни издалека, защищала подступы к Ростову, а несколько тысяч находящихся там офицеров, вело беспечную жизнь и выжидало: если у вас что-нибудь выйдет. Хотя, казалось бы, в обоих случаях экипаж им был подан прямо к крыльцу.

Чтобы как можно скорей пополнить ряды своей бригады, полковник Дроздовский послал несколько офицеров-вербовщиков в Одессу, Киев и другие большие города. В Одессе было основано даже вербовочное бюро. К Рождеству он создал особую группу разведчиков под командой капитана 3-го Сибирского горно-артиллерийского дивизиона Болговского, для выполнения специальных заданий: отправка переодетых в явно большевистские гнезда с целью разведки; устраивание засад на дорогах ведущих в тыл с фронта в Яссы. Находясь в засадах они останавливали и забирали автомобили, уходящие втыл, отбирали оружие и снаряжение у мелких частей. Таким способом и вооружались добровольцы. В конце декабря на товарной станции в Соколах (3 километра от Ясс) была захвачена разведчиками целая автомобильная рота. Разведчики ночью без шума сняли часовых в парке и окружили эшелон, где помещались чины этой роты. Утром 400 человек сдалось, почти без всякого сопротивления, двенадцати разведчикам добровольцам, проведшим эту операцию. Кроме автомобилей и оружия было захвачено большое

www.elan-kazak.ru

количество продуктовых консервов, что в ту пору было очень существенным.

Создалось весьма странное положение, Безусловно, полковник Дроздовский начал формирование с разрешения Штаба фронта и тот же штаб закрывал глаза на «набеги и самоуправства» его добровольцев. С другой же стороны, официально, добровольческой воинской единицы не существовало, а поэтому она не могла получить ни оружия, ни хлеба, ни банки консервов из интендантских складов, которые в то время в Яссах, как говорится, ломились от этого добра. В Яссах же был почти голод и за деньги ничего нельзя было купить. Капитану Нилову удалось уговорить старшую сестру лазарета отпускать из лазаретной кухни, в счет будущих благ, суп и кашу, а наш военный агент, полковник Генерального штаба Палицын, устроил получение хлеба из армейской хлебопекарни с заднего крыльца. Когда на Рождество в общежитие добровольцев пришел полковник Дроздовский в сопровождении английского майора, то на вопрос последнего, в чем нуждаются добровольцы, последовал ответ: нет ни сахара, ни чая. На другой день английский майор прислал, видимо из своих запасов, два фунта чая и пуд сахара. Штаб Фронта, очевидно стараясь сохранить невинность перед Украинской Центральной Радой, относившейся весьма враждебно ко всяким неукраинским формированиям, делал вид, что ему ничего не известно.

В начале января 1918 года полковник Дроздовский приказал захватить пришедшую в Соколы 8-ми орудийную горную батарею и немедленно вывезти 4 орудия и 4 ящика в Скентею (местечко в 30 километрах от города Яссы), занять пустые бараки бывшие там и принадлежащие румынской армии. Здесь он решил расквартировать свои будущие строевые части. С прибытием орудий горной батареи было положено начало формированию уже строевых частей будущего отряда.

В середине января 1918 года обстановка начинает меняться. Штабу Румынского фронта и союзникам становится ясно,

что фантастическое предположение Центральной Рады о создании особого Украинского фронта из войск Юго-западного и Румынского фронтов, под командой генерала Щербачева, не соответствует реальной обстановке и является только одной утопией. 12 января Центральная Рада IV-м Универсалом провозглашает самостоятельность Украинской Народной Республики и вступает в переговоры с Германией о заключении мира. В связи с этим резко меняется отношение союзников и генерала Щербачева к добровольческим формированиям. Из весьма сдержанного, оно становится благожелательным. 24 января генерал Щербачев решает расширить дело формирования добровольческих частей, начатое полковником Дроздовским, но, к сожалению, инспектором добровольческих формирований был назначен не он, а генерал Кельчевский. Полковнику Дроздовскому была отведена скромная роль начальника 1-й бригады в предполагаемом корпусе. Приступают к формированию 2-й бригады в Кишиневе и 3-я намечается к формированию в Белграде.

Генерал Кельчевский и его начальник штаба генерал Алексеев начинают проявлять кипучую «канцелярскую» деятельность: создаются и распускаются всевозможные штабы, разрабатываются различные штаты. Откуда-то сразу появляются штабные работники всех чинов и рангов, которых раньше никак не могли уловить вербовщики полковника Дроздовского, но зато пополнение строевых частей идет весьма медленно, а сведения о формировании бригад в части на фронте поступают лишь случайным порядком. Полковник Дроздовский с самого начала настаивал, чтобы генерал Щербачев отдал приказ по Румынскому фронту, предписывающий офицерам явиться в Яссы для поступления в добровольческие части. Рядовые офицеры не разбирались в политической обстановке и ждали такого приказа. Что такой приказ имел бы успех, свидетельствует такой факт. Строгий и энергичный командир 2-го Балтийского морского полка полковник Жебрак собрал всех офицеров своего полка и, из Измаила, повел их догонять отряд полковника Дроздовского.

www.elan-kazak.ru

Несмотря на все перемены, полковник Дроздовский продолжал энергично вербовку добровольцев и организацию своей бригады. Все поступавшие в нее офицеры сначала группировались в общежитии лазарета, а затем партиями направлялись в Скентию, где и распределялись по родам войск. В общежитии постоянно оставалась только команда разведчиков и автомобильная рота. Свободные палаты лазарета постепенно заполнялись работниками штаба генерала Кельчевского, прозванными добровольцами «палатами лордов», где происходили бесконечные совещания, составлялись всякого рода проекты и формировались отделы.

Первой частью, сформированной полковником Дроздовским в Скентее, была конно-горная батарея капитана Колзакова, затем пулеметная команда, 1-я стрелковая рота подполковника Руммеля, 2-я рота капитана Андриевского и потом легкая артиллерийская батарея полковника Ползикова. Команда конных разведчиков, сформированная из пехотных и артиллерийских офицеров, была переименована в 1-й эскадрон, когда в нее влилась группа офицеров 8-го драгунского Астраханского полка во главе с штабс-ротмистром Аникеевым. В середине февраля появился гаубичный взвод, сформированный подполковником Медведевым, отряд броневых машин, состоявший из двух броневиков вооруженных 20 миллиметровыми автоматическими пушками системы Викерса. Броня у этих машин была всего 4 мм вместо 7 мм у нормального типа броневиков. В окна этих бронированных грузовиков системы Пирша можно было поставить обыкновенные пулеметы с их щитами. Эти бронированные машины входили в состав противоаэропланной батареи. Всего такого типа батарей в русской армии было только две. Третий броневик, вошедший в состав сформированного отряда броневых машин, который в дневнике полковника Дроздовского упоминается как броневая батарея, был вооружен только четырьмя пулеметами.

Все формирования в Скентее вел ближайший помощник полковника Дроздовского, его начальник штаба полковник

Генерального штаба Войналович. Он принял меры к повышению дисциплины, расшатанной революцией и в офицерской среде. Велись строевые занятия и был установлен уклад жизни в сформированных офицерских частях, применительно к нормам военных училищ, с той разницей, что, не в пример юнкерам в былое время, теперь сами офицеры должны были кормить и чистить лошадей, быть кашеварами и уборщиками помещений. Командир ударного батальона штабс-капитан Туркул, по прибытии в бригаду и назначении во 2-ю роту, сразу попал в наряд по уборке бараков. Его отделенный начальник, подпоручик, одобрил тщательность работы и поощрительно заметил: «Из вас толк, пожалуй, выйдет». Толк из штабс-капитана Туркула, впоследствии начальника Дроздовской стрелковой дивизии, действительно вышел.

Особенно отчетливо проводилась дисциплина в конно-горной батарее и во 2-й роте. Из среды их состава, главным образом, вышел командный состав Дроздовской дивизии.

Строгая дисциплина, занятия и суровый спартанский образ жизни в Скентее спаяли части 1-й бригады и в тяжелый момент полковник Дроздовский мог на них опереться.

27 января 1918 года Центральная Украинская Рада заключила мир с Центральными державами и они начали оккупацию Украины «для поддержания порядка». Также для «поддержания порядка» румыны заняли Бессарабию и по примеру Украины вступили в переговоры о мире.

После оставления Ростова Добровольческой армией и Новочеркасска донцами, связь с генералом Алексеевым и штабом Румынского фронта прервалась. В штабе растерялись даже те, долг которых был быть главными руководителями и исполнителями в деле формирования добровольческих частей и подготовления похода на Дон. Они, благодаря своему опыту и еще сохранившемуся авторитету, должны были, в случае нужды и при создавшемся положении, действовать решительно и дерзнуть поднять дух своих колеблющихся подчиненных и довести задуманное дело до конца. Но

www.ellan-kazak.ru

случилось как раз наоборот, — они испугались и потеряли веру в возможность, при создавшемся положении, какой бы то ни было борьбы с большевиками. Они решили, как и большинство офицеров, что не стоит рисковать своим благополучием и даже жизнью, что лучше продолжать сидеть в безопасности в Румынии, выжидая дальнейших событий, и отказались от проведения в жизнь идеи похода на Дон. Как следствие всего этого последовал приказ, отменяющий поход на Дон, освобождающий всех, уже записавшихся в Добровольческий корпус и давших подписку; дальнейшие формирования отменялись, а сформированные части подлежали расформированию.

Все говорило за то, что идея Похода на Дон погибла. Но иначе думал полковник Дроздовский. Он не пал духом, не потерял веру в возможность и необходимость борьбы с красным драконом; приказа о роспуске частей не исполнил и твердыми шагами пошел по намеченному ему судьбой пути. На его смелый и дерзкий призыв «Я иду — кто со мной?», откликнулись, и за ним пошли все записавшиеся в его бригаду.

С момента начала переговоров о мире румынское правительство начало всячески препятствовать дальнейшему формированию, запретило выдачу из складов оружия и снарядов, опубликовало сообщение в Бессарабии о том, что в Яссах нет никаких добровольческих частей. Украинский посол Галиб потребовал у румынского генерала Авереску разоружения бригады полковника Дроздовского. Противники похода резко осуждали полковника Дроздовского, называя его затею безумием, авантюрой. Они злобно смеялись над Дроздовским, ставили «палки в колеса», где только можно, желая не только затормозить дальнейшее формирование, но и совсем сорвать выход бригады в поход. Сформированная генералом Белозером в Кишиневе 2-я бригада (около 1000 человек) приказом распускается. Штаб генерала Кельчевского старался вовсю, чтобы развалились уже сформированные добровольческие части.

События разыгрывались быстрым темпом и полковник Дроздовский должен был спешно начать задуманный поход. Ночным переходом он перевел свои части из Скинтеи в Соколы и начал хлопоты о подаче эшелонов для перевозки бригады в Кишинев. Тормоза со всех сторон, — и только 20 февраля появились первые ласточки на горизонте, когда французский полковник Одон прислал полковнику Дроздовскому уведомление о наряде 3-х эшелонов для перевозки частей бригады в Кишинев. 22 февраля получено было разрешение на эшелоны, но на другой день оно было отменено румынским кабинетом министров и последовало запрещение выхода отряда с оружием из пределов Румынии.

Вообще же за все время — внешне чисто официальная любезность, а в то же самое время тайно: запрещения, «итальянская забастовка», невыдача уже обещанного оружия, снарядов, имущества и бензина. Два раза румыны подтягивали свои пехотные части с броневиками, для устрашения, в Соколы и каждый раз полковник Дроздовский в ответ разворачивал против них свои силы. Он твердо решил пробиться с оружием в руках и, если румыны попытаются разоружить бригаду, оказать вооруженное сопротивление. Он пригрозил открыть огонь из орудий по городу Яссы и королевскому дворцу. Если и не вышло вооруженного столкновения, то только потому, что румынские власти, поняв решимость полковника Дроздовского идти до конца, разрешили предоставить бригаде железнодорожные составы, выдать снаряды и бензин.

С полковником Дроздовским пошли в поход все строевые части из Скинтеи, а из Ясс — все разведчики и большинство из автомобильной роты. Штабные же работники («Палаты лордов» генерала Кельчевского) остались целиком в Яссах, с явным облегчением, что отряд уходит. Из миллионов лей, отпущенных французами на формирование Добровольческого корпуса, полковнику Дроздовскому было выдано только 600 000 и еще дан мешок серебряных Георгиевских крестов, теперь уже ненужных Штабу Румынского фронта. Не-

www.elan-kazak.ru

пожелавшие присоединиться к отряду и оставшиеся в Яссах получили ликвидационные деньги ввиде жалования за 4 месяца вперед; очевидно, как премию за недостаток мужества.

До 26 февраля продолжались всякого рода переговоры. Наконец были получены письменные разрешения на подачу эшелонов и выход из Румынии. Необходимо отметить, что большую помощь оказал румынский лейтенант Василеско при получении снарядов, имущества и подаче эшелонов. Выдачу бензина задерживал и старался не додать отпущенный союзниками бензин, штабс-капитан Преображенский, начальник авто-части Штаба Румынского фронта. Это вынудило сдать румынам одну броневую машину, три автомобиля продать за бензин и частично за деньги (из состава автомобильной роты). Только таким образом удалось образовать запас бензина до 200 пудов.

Подаваемые румынами эшелоны не соответствовали соотношению платформ и вагонов, подавались неаккуратно, что вызвало задержку в погрузке, а недостаток эшелонов заставил полковника Дроздовского приказать продать и даже бросить все худшее и менее нужное.

26 февраля ушли первые эшелоны, а 27 четвертый и пятый. 28 февраля погрузился шестой эшелон и в тот же день выступила походным порядком и автомобильная колонна. Покидая Соколы, полковник Дроздовский просил распустить слухи, с целью надуть немцев, что его отряд, сосредоточившись на северо-восток от Кишинева, пойдет в направлении на Рыбницу, Балту, Ольвиополь — на соединение с поляками.

О самом походе имеются самые достоверные сведения в изданном уже «Дневнике полковника Дроздовского», выдержки из которого, дополненные воспоминаниями участника похода, полковника Сергея Родионовича Нилова, ниже помещаются. Самому полковнику Дроздовскому пришлось задержаться с отъездом из Соколов, не желая оставить одного офицера 2-й бригады, приехавшего получить деньги для чинов своей бригады. Ему в конце концов удалось получить

75 000 рублей для уходящих в поход. Это вместо 120 000 лей.

Вместе с полковником Дроздовским на автомобиле выехал и генерал-лейтенант Неведовский, прибывший в Яссы в тот момент, когда формирование бригады было закончено, и ему вначале предложили идти рядовым артиллеристом, на что он и дал согласие. При выступлении отряда начальник артиллерии бригады полковника Дроздовского, не пожелавший выступить в поход, остался в Яссах и на его место был назначен генерал Неведовский.

В своем дневнике полковник Дроздовский пишет, что выехал из общежития в Яссах 28 февраля в 2 часа 30 минут дня. До границы его три раза останавливали румыны, проверял пропуска. Он ехал на автомобиле с генералом Неведомским. На границе, в Унгенях, он догнал у переправы броневики. Вот небольшая выдержка из его дневника:

«Погода хмурится. Начинает накрапывать. Дорога дрянь, ухабы. От Унген на Пирсе (марка автомобиля) ушли значительно вперед. Хотели еще сегодня попасть в Кишинев (остальные решили ночевать в деревне), но остановки с пропусками, две лопнувшие шины и плохая дорога — задержали. Уже темнело и в восемь с половиной часов приехали в Калараш. Фонари не горят. Ночевать в Калараше негде. Решили искать приюта у священника(благочинный). У него помещалась ликвидационная комиссия 27-го тяжелого дивизиона. Там нас напоили чаем, накормили и устроили на ночлег на походных кроватях».

Артиллеристы и хозяева много рассказывали о пережитом за время хозяйничания большевиков. Рассказали и о приходе румын и об их отношении к ним. На утро, 1 марта, полковник Дроздовский продолжил путь и к 2 часам дня прибыл в Кишинев, где он расчитывал пополнить свой отряд за счет находящихся там офицеров. Вечером он узнал о прибытии эшелонов — горного и кавалерийского — и что на одной из станций румыны пытались разоружить части. Румыны выслали роты с пулеметами, но когда увидели против себя также пулеметы с продернутыми лентами, а быв-

www.elan-kazak.ru

ший с ними офицер получил за свое нахальство пощечину — предпочли лучше ретироваться с миром.

Впечатление от чинов 2-й бригады у полковника Дроздовского получилось неотрадное. Вид их, почти всех, распущенный и неопрятный, а настроение требовало желать много лучшего. Виновато в этом было тамошнее начальство: генералы Асташев и Никитин. Генерал же Белозер, на предложение полковника Дроздовского принять командование отрядом и пойти на соединение с генералами Алексеевым и Корниловым, отказался и, ссылаясь на приказ Штаба фронта, освободил всех, давших подписку, от обязательства, а затею с походом назвал авантюрой. Больше того, он стал отговаривать офицеров присоединяться к отряду, считая полковника Дроздовского безумцем.

В помещении 4-го полка 2-й бригады собрались 2 марта офицеры, и там полковник Дроздовский произнес прекрасную речь, разъяснив собравшимся офицерам цель похода, предупредив, что он за количеством не гонится, а что ему нужны только мужественные, твердые и энергичные люди. Закончил словами: «Кто идет — пусть поторопится присоединиться сегодня и завтра утром». Полковник Дроздовский в своем дневнйке записал:

«К утру 2-го марта собрались на вокзале окончательно все эшелоны, вчера пришли автомобили, а сегодня броневой взвод. Войналович уехал днем на Пирсе. Боюсь, чтобы без него не вышло бы скандала. Кажется, под давлением румын, должны были первые роты (1-я и 2-я) перейти в Дубоссары при неизвестной обстановке. Могли быть отрезаны немцами, а мост закрыт румынами. Приказал во что бы то ни стало сидеть на переправе верхом, обеспечив обратный уход передовой части через мост. На вокзале склад имущества. Не на чем вывозить продовольствие, обмундирование, оружие, боевые припасы. Вообще с грузами хаос. Приказал, что возможно поднять, отобрав необходимое, а прочее уничтожить или продать. Это поручил старшему, из оставшихся при обозах офицеров, капитану Соболевскому. Некогда здесь заниматься устройством складов и перевозкой в несколько оборотов.

Агитация против похода изводит. Со всех сторон «каркают» представители генеральских и штаб-офицерских чинов; вносят раскол в офицерскую среду. Голос малодушия страшен, как яд. Колебания и сомнения грызут. И на мне отразилось это вечное нытье, но не ожидание неизбежного. А все же тяжелые обстоятельства не застанут врасплох. Чем больше сомнений, тем смелее вперед по дороге долга... Только неодолимая сила должна останавливать, но не ожидание встречи с ней. А все же тяжело.

К 5 часам вечера все части, кроме обоза, ушли вперед. Завтра повожусь с уходом местных офицеров, увозом грузов, а там утром 4-го и сам вперед».

Вечер 3 марта полковник Дроздовский провел у Кейданова в разговорах с офицерами 2-й бригады и Трахтенбергом. Из этих разговоров выяснилось, что, если бы не вмешались штабы фронта и 2-й бригады, а начальство не освободило уже записавшихся от обязательств по подписке, — больше бы пошло с отрядом или даже все.

У полковника Дроздовского появилась мысль всех посадить на подводы. Было получено донесение, что Дубоссары заняты дроздовцами, что большевики бежали и что захвачено четыре комитетчика, из которых один хвастался в Дубоссарах, что убил десять офицеров и одного архиерея. Немцев и австрийцев нигде вблизи обнаружено не было. День 4 марта ушел на ликвидацию запасов, продажу автомобилей за 12 000 рублей и переброску всех, остававшихся в районе Кишинева, в Дубоссары.

5 марта в 11 часов собрались все старшие начальники для реорганизации отряда, сокращения обоза и числа автомобилей. На этом собрании была окончательно установлена конструкция отряда, число автомобилей было решено сократить и за средства от продажи их приобрести бензин, обоз привести в такой порядок, чтобы всё поместить на повозки. Состав отряда 1-й Отдельной Бригады Русских Добровольцев

www.elan-kazak.ru

принял следующий вид: командир — полковник Дроздовский; начальник штаба — полковник Генерального штаба Войналович (убит на вокзале в Ростове, вечером 21 апреля) и его помощник — подполковник Генерального штаба Лесли; стрелковый (пехотный) полк в составе двух рот и пулеметной команды под командой генерала Семенова (после боя под Ростовом полк принял полковник Жебрак, убитый позже в бою под Белой Глиной); конный дивизион из двух эскадронов, артиллерия — под общей командой генерала Неводовского; броневой отряд; техническая часть; лазарет и обоз. Конным дивизионом командовал ротмистр Гаевский. Первым эскадроном — штабс-ротмистр Аникиев, а вторым — ротмистр Двойченко. Эскадрон ротмистра Двойченко был им сформирован в Кишиневе и состоял главным образом из пехотных и артиллерийских офицеров и, из скромности, вначале носил наименование — конно-пионеры, так как настоящих кавалеристов в нем было едва ли человек 10. В Дубоссарах он был переименован во 2-й конный эскадрон и вошел в состав конного дивизиона. Артиллерия состояла из конногорной батареи капитана Колзакова; легкой артиллерийской батареи под командой полковника Ползикова (в будущем, в чине генерала, командира Дроздовской артиллерийской бригады); гаубичного взвода, из двух 48-линейных гаубиц, под командой подполковника Медведева (в будущем — командира четвертого гаубичного дивизиона Дроздовской артиллерийской бригады — в чине полковника). Броневой отряд (в дневнике Дроздовского он вспоминается под наименованием — броневая батарея) состоял из двух бронированных грузовиков, вооруженных 20-мм пушками и броневика с четырьмя пулеметами. Броневым отрядом командовал капитан Ковалевский (убит под Тихорецкой, командуя бронепоездом). Всего в 1-й бригаде в момент выхода из Дубоссар было 1050 человек и состояла она на две трети из офицеров — все зеленой молодежи. Штаб-офицеров, кроме штабных, было всего шесть.

Итак полковнику Дроздовскому удалось, несмотря на всё, вывести свой отряд из Румынии, преодолев все преграды и самую трудную — моральную, всеобщее равнодушие, неверие, маразм.

В своем дневнике полковник Дроздовский 5 марта пишет: «К вечеру вести о разъездах австрийцев, человек 20—25, в Ягорлыке и у Окны. Положение затрудняется нежелательностью столкновений. Сведения от жителей (возможно и врут), но про разъезд у Ягорлыка очень достоверное изложение факта. Около 23-х часов приказал послать взвод на Ягорлык немедленно. В бой не ввязываться, а если пойдут в Дубоссары — заманить. Решил приготовить все к выступлению 6-го марта вечером. Поживем — увидим. 'Утро вечера мудренее'.

6-е марта. Утром донесение от разъезда, что в Ягорлыке был австрийский офицер с двумя всадниками, которые тогда же вечером ушли. Разъезд остался в Ягорлыке, выслав дозоры. По словам жителей в 20 верстах севернее Ягорлыка есть человек 200 австрийцев. Все утро хлопоты с отсылкой лишних автомобилей на продажу, подготовкой частей к выступлению; упорная борьба с сепаратистами, желающими все делать по-своему, не привыкши к точности. Приучаю к исполнительности. В 4 часа дня посылаю конницу и броневики вперед с целью разведки и обеспечения. Войналович упорно хотел придать горный взвод и проявил феноменальную настойчивость. Все же не согласился — сейчас он там, как пятая нога у собаки. Главное — еще не сформировался. Услали в Кишинев обе легковых и два грузовика продать и достать бензин. Два грузовика продали здесь за 6 500 . . . Весь день сборы, организация обозов . . .

7-го марта. В третьем часу донесение от Гаевского — ничего серьезного, стал на ночлег. Выступление затянулось. Сборный пункт Семенов назначил в стороне, в Лунке. Тронулась колонна в 9 часов 20 минут. Неслаженность движения, страшная растяжка, вообще чудовищный обоз. Надо энергично сократить. Чем займемся на дневке. Крутые подъ-

www.elan-kazak.ru

емы и спуски также увеличивали растяжку и разрывы. На привал голова колонны пришла около 3 часов 15 минут. На привале двух отправили в дальнюю командировку. (Примечание: полковник Дроздовский и в будущем периодически посылал надежных офицеров для пропаганды и вербовки офицеров в отряд, в районы занятые большевиками.) Погода почти жаркая, солнце светит во все лопатки. Дорога хорошая. Донесения от конницы утешительные — из Окна ушли на север. Выступили с привала в 5 часов 45 минут. Только в 11-м часу вечера голова колонны прибыла в деревню. Почти три часа шли при луне. Поэтично, но неприятно и невыгодно: опрокинули один ящик 48-ми линейной и две или три повозки поломались. Штаб — в имении Анатра и в деревне Кошарка, приняты очень хорошо; легкая батарея и обозы в Слободке, а прочие в Кошарке. Прочли о себе в одесских газетах о Дубоссарах. Беглые евреи пропечатали и все наврали, ни слова правды. Побег пор. Ступина и Антонова на Пакаре — украли 10 пудов бензина.

8-го марта. В 7 часов на ногах, устал сильно и хотелось спать. Полубессонные ночи сказались. Увы, теперь некогда выспаться. Выступление назначено на 10 часов в три колонны. Выступили около 10 часов. Крутые подъемы с горы на гору. Колонна растягивается страшно. Мортиры никак не шли, обоз растягивался, автомобилям часто помогали руками. Средняя колонна при переходе дважды пересекалась австрийскими эшелонами — мирно. Один офицер сломал ногу, отправил на Мандаровку, сказав, что он из ликвидационной комиссии в Банднове. Австрийцы спрашивали — не из проходящей ли колонны. Рассказывали, что австрийцы кричали: счастливой дороги! Они пересекали там колонну у самого разъезда и австрийские офицеры приветствовали отданием чести. На разъезде, до встречи с эшелонами, получены донесения, что в Вальгоцуполове австрийский батальон с пулеметами. Решил остановить и сосредоточить колонны в Николаевке, Зарнице Новая (на карте ее нет) и в Борисовке, где ждать дальнейшего от разведки. Получены донесения по

прибытии в деревню, что австрийцы ушли. Остановка на ночлег. Устали — уже около пяти. Ждать точных донесений еще часа два. Получил донесение об украинцах. Решение: завтра идти всем в Вальгоцуполово, где дать дневку. Решение расформировать мортиры и сократить обозы. Ходатайство командира мортирного взвода и решение сократить вдвое ящики и за их счет иметь 8-ю упряжку и заводных. Хозяева приняли чудно: заботились, накормили лошадей даром. Деревня тихая, хорошая и избы хорошие. Присоединилось к коннице два офицера-добровольца, сыновья соседнего помещика.

9-го марта. Выступили в 9 часов: правая по большой дороге на Вальгоцуполово, левая со мною, по кратчайшей, на западную окраину, пехота — пешком. Вскоре, по прибытии на Мардаровку и Плосское, обстрелян австрийцами, легко ранившими одного. По получении донесения решил выслать броневик, усилить заставу и собрать подводы для приготовления к походу. Это было часа в два. Вскоре прибыли оставшиеся в Дубоссарах кавалеристы и грузовой автомобиль, все вооруженные. Австрийцы их любезно пропустили; говорили, что ранили двух большевиков, которые грабили жителей . . . Оказывается — это реквизиция моей конницей. Потом долго шли с австрийцами разговоры по телефону с Мардаровкой, из коих выяснилось, что они нас не преследуют, но им жалуются жители на насилия и они, как прибывшие для защиты, должны принимать меры. Зная, что мы нейтралы (мы это им говорили), они против нас ничего не имеют, предлагают свободный путь, лишь бы не обижали жителей. Много лжи, больше всего евреи клевещут, но много самоуправствует конница. Сегодня я очень ругал конницу, грозил судом, потребовал окончательно прекратить реквизиции. Австрийцы обвиняли также, что наш разъезд первый открыл огонь — возможно. Эта буйная публика может только погубить дело, пока налаживающееся ввиду нейтралитета немцев. Из Ананьева прибыли 4 офицера узнать, что у нас. Говорят: там много офицеров и решили вернуться с

www.elan-kazak.ru

группой желающих присоединиться. Австрицев там нет. Броневик по выяснении дела возвратился. В связи со всем решил пока, тщательно охраняясь, если возможно, сохранить дневку, а потом сразу быстро уходить. Приказал во всяком случае ликвидировать все лишнее в обозе спешно. Завтра утром посылаем еще 2 грузовика в Ананьев для продажи и один за бензином. Таким образом опять целый день волнений. Слишком близко австрийцы. Евреи крайне враждебны, а крестьяне за нас, озлоблены на евреев, приветствовавших австрийцев, и недоброжелательны последним.

Успокоимся, когда в глубь заберемся.

А тут еще уже поздно вечером по телефону говорил комендант Мандаровки, прося, не стрелять по их отдельным группам, если будут проходить — не ловушка ли — накапливание... Войналович все считал пустяками, был против моего желания отмены дневки, а теперь и сам поколебался. Но теперь я все же склоняюсь, чтобы подождать сведения, а при первых тревожных признаках — уходить. Послезавтра же, во всяком случае, начать спешный уход. Распускаю слухи, что здесь останемся еще дня 4—5, а потом перейдем в Ананьев. Прибыли три замосца из Одессы: Ляхницкий, Кулаковский и Чупрынов. (Примечание: прибывшие офицеры из 60-го Замосцкого пехотного полка, которым в свое время на войне командовал полковник Дроздовский.) Отчет о положении дел в Бюро. Кулаковского решил послать в Одессу, чтобы закрыть Бюро и взять кого можно, а нас ловить в пути, ожидая посыльного в Кантакузенке.

Погода все время чудная. Сегодня хорошо идти, не жарко — ветерок. Вся природа, казалось бы, улыбается, а на душе тревога за отряд.

Подлость масс, еще вчера буйных и издевавшихся, сейчас ползающих на коленях при одной угрозе: снимают шапки, кланяются, козыряют. Вызывают они в душе сплошное презрение.

Остановились у С. Приняли очень любезно: кормили поили, заботились. Газетная травля (еврейская) «Одесских но-

востей» и других социалистических листков (прапорщик Курляндский) — желание вооружить всех. Впереди нас идет слава, как какого-то карательного отряда. Разубеждаются потом, но клевета свое дело делает, создает шумиху и настораживает врагов.

А ведь мы — блуждающий остров, окруженный врагами: большевики, украинцы, австро-германцы!!!

Трудно и тяжело! И тревога живет в душе, нервит и мучает.

10-го марта. Около 2-х часов донесение мардановского разъезда о том, что около 18-ти часов 9-го марта в Мандаровке высадились два эшелона австрийцев, которые, как будто, ожидают боя с нами. В 3-м часу — донесение, что якобы жителям Плосское приказано оставить их деревню, так как ожидается бой. Сведение довольно странное — почему Плосское, ведь не мы же будем вступать в бой... Но во всяком случае решил выступать, как только успеем и отдал приказ немедленно собираться в поход. Обоз впереди.

К моменту выступления луна зашла —темно. Запряжка и кормежка лошадей трудна. Уход затянулся и только в 7 с половиной хвост колонны (арьергард) — конница и горная артиллерия вышли из деревни. Утро холодноватое, туман. Все равно, наблюдение австрийцам, бывшим далеко, невозможно, только секретные агенты могли видеть.

Шли спокойно. На 18-й версте привал — покормить и напоить лошадей, частью не накормленных и не поенных. В 18 часов прибыли в Святотроицкое. Стали по квартирам довольно хорошо. Жители, крестьяне, благоприятны. Наша хозяйка и хозин хаты очень радушны и заботливы, даже сахар выставили. Холодновато только в хате. Спали на кроватях. Крестьяне состоятельные. Взяли за все недорого, по-Божески.

Страшно устал, глаза смыкаются. Волнения и бессонные ночи сказались еще на походе. Не раз начинал засыпать в седле. Часам к 22-м сон совсем разобрал. Улегся и как камень в воду.

www.elan-kazak.ru

11-го марта. День тоже пасмурный и холодный ветер. Выступление в 9 часов. Дорога среди степи. На десять верст кругом ни селения, только изредка отдельные хутора. Довольно крутые овраги, дорога гладкая, твердая, но тучи не раз грозили перейти в дождь, а тогда — невылазная грязь вместо асфальта. Начинало накрапывать, но ветер, дувший как сумасшедший, до боли в глазах, разогнал тучи. Когда пришли в Веселое в 5-м часу вечера, уже было голубое небо. Пыль и ветер стали угнетать на ходу.

При уходе из Святотроицкого арестовали солдата из местных (уволенного), агитировавшего в нашем обозе против офицеров. В Новопавловке арестовали еще 6 человек из большевистских заправил, список коих был получен полковником Лесли в Ананьеве от местной офицерской организации. Сидят пока у нас под арестом. Нескольких, однако, не успели захватить — удрали заблаговременно. Крестьяне посолиднее очень довольны арестами. Чем дальше на восток, тем видимо сильнее дух большевизма. Уже не так радушно встречают. Замечается иногда даже враждебное отношение: «Буржуи, на деньги помещиков содержатся, отбирать землю пришли» ... Есть, однако, очень не мало и на нашей стороне, но они терроризованы. Например, хозяин нашей избы, даже не из богатых, подтвердил все данные леслевского списка и жаловался на террор. Он сказал, что наш конюх (штабной) собирается сегодня бежать, что он сочувствует большевикам и об этом сам проговорился перед женой хозяина. Но все это говорил наш хозяин шепотом и умолял его не выдавать. И вообще нередко являются с петициями — убрать большевиков — увы, не можем много шуметь, дабы не губить свое дело — соединения с Корниловым. Конюха же пока что арестовали.

Часть отряда стала в д. Веселая, автомобили в соседней деревушке (не имеется на карте), а конница в колонии Веселая, три версты восточнее деревни. Там, между прочим, произошел комичный эпизод: в имение, что рядом, приехал наш офицер-фуражир, а в это самое время туда явилось 8 франтов пограбить, очевидно еще не слышавших о нашем прибытии в здешние края. Наш фуражир, закупив фураж у помещика и увидев, что эти 8 франтов желают пограбить, заставил всех их грузить им закупленное на подводы, доставить в эскадрон, выгрузить, а потом крепко друг друга выпороть. Потом их прогнали. Жаль! ..

В 23 часа, когда закончили ужин, явился офицер от Жебрака с сообщением, что тот идет из Дубоссар с более чем 100 добровольцами и массой (чуть не втрое) лошадей и с обозом. 10-го марта должен был выступить из Дубоссар.

Это очень ценное прибавление. Сам Жебрак очень ценный, как человек воли. Решил задержать свой марш на правой стороне Буга на лишних 1—2 дня, выждать присоединения. Вот люди, которые хотят придти!

Начинаю бояться аз погоду. Уж очень многое зависит от нее: проходимость дорог, и, главное, глубина бродов. Погода капризничает и зловеще ...

12-е марта. Деревня Веселая — дневка. Шли работы по проверке, организации и сокращению обоза. Пока все совершается в частях, а затем будет проверено особой комиссией. Вели стрельбу из пулеметов, бросали ручные гранаты, производили учение — рассыпной строй. С погодой не хорошо — ветер, по-прежнему, дует изрядный, тучи бродят угрожающие. Того и жди — будет дождь. Решил еще один день постоять. Тут спокойнее ждать Жебрака. Высланы шесть тайных разведчиков в Контакузенку, Акмечеть и Константиновку. Разведчиков переодели большевиками. Вечером узнал у искровиков тяжелую новость: немцы сообщают о большой победе на западном фронте: 45 тысяч пленных, 600 орудий и массы запасов. Указывают пункты, представляющие прорыв фронта. Подействовало ужасно — ведь только победа союзников могла быть для нас надеждой на спасение. Тоска, безнадежность, тоска ...

13-е марта, деревня Веселая. Ночью приехал Жебрак. Его отряд должен ночевать сегодня в Новополовке. С ночи

www.elan-kazak.ru

погода испортилась совсем, ветер стих, но пошел дождик, а потом мокрый снег.

Путь, начавшийся под таким благоприятным знаком, стал осложняться. Трудности переправы велики: только броды, и вероятно не мелкие, а тут дождь, вода холодная. В Вознесенске несомненно австрийцы. Трудно будет проскользнуть через этот рубеж. По боевым условиям, пожалуй, трудней через Днепр (потом выскажу свои соображения — почему). Но над всем доминируют вести с Запада. Это пожалуй уже катастрофа, угнетающая меня до основания. Неужели Россия погибла?

Но все-таки вперед. Потеряно все, остается только возможность выиграть, помочь несчастной Стране. Нам осталось только — дерзость, наглость и решимость.

Около 16 часов поехал в Новополовку, куда на ночлег прибыл отряд Жебрака. Переговоры с Жебраком. Соединение не состоялось. Опять наследие.

Завтра выступаем. Дорога хотя и не вязкая, но верхний слой подмок и уже труден для автомобилей и неприятен пешеходам. На полях редкий снег. К ночи определенно холодно и подмерзает. Тяжелые условия для перехода в брод, если даже последние окажутся довольно мелкие. В общем, переход Буга, один из самых трудных барьеров.

14-го марта все вокруг в белом саване. За ночь выпал снег, окна замерзли. Определенно холодно — мороз 2—3 градуса и холодный ветер. Земля подмерзла. Условия переправы складываются все суровее и труднее. Колонна выступает в 9 часов. Вначале было холодно идти. Постепенно к концу марша потеплело и мороз окончился. На большом привале зашли в соседнюю избу пообедать молоком и яйцами. Солдатка — муж в плену. Она и ее квартиранты жалуются на современные «свободы». «Раньше было лучше», приходится слышать очень часто, но полная неспособность бороться, одни сетования. Запуганность, забитость, а охотно сообщают имена зачинщиков и комитетчиков, если только расчитывают, что их не выдадут.

Пришли в Домашевку после трех часов дня. История с квартирами 2-й роты. В ее район понасадили сестер, начальствующих лиц и всем хорошие квартиры. Это недовольство высказал генерал Семенов.

Вернулись разведка (тайная) и разъезды. Сведения о переправах: хороший паром у Акмечети, бродов нет, у Кантакузенки мост не охраняется, но в Вознесенке батальон австрийцев с 4-мя орудиями. Проходившие большевистские части через брод Мертво-воды были ими обстреляны. Я этого не хочу.

Домашевка, 15-го марта. Утром собрал все донесения и принял окончательное решение: переправляться у Александровки с автомобилями — там паром подъемностью в 800 пудов. Он делает рейс в одну сторону в 3—4 минуты. Переправу же начать сразу с подхода, ночью, когда еще спят, для чего выступить в 18 часов, причем конница с конно-горной вперед, переменным аллюром, для начала переправы. За ними вся пехота с пулеметами, затем артиллерия, потом обозы. Автомобили в конце, так как для них нужно особое оборудование парома. На всякий случай легкая батарея, в начале переправы, будет поставлена на правом берегу на позицию (опять же практика).

Все время до похода прошло у меня в налаживании отношений старших начальников к добровольцам, по устранению впредь квартирных трений, по ликвидированию сестер, из коих оставлено пока только 4 из 11-ти. Указал, чтобы, не исключая и жены Лесли, все жили вместе при отрядном лазарете — это не свадебное путешествие. Пришлось выдержать сильную атаку ликвидируемых сестер, не устоял, разрешил довезти их только до Александровки, откуда ближе к железной дороге. Наладил связь с ожидаемым Кулаковским — все благополучно. Он прибыл еще с 4-мя. Отличный, редкий офицер. Днем работала комиссия по проверке и сокращению обоза — некоторые результаты дала. В Домашевке по авто-части — крупная удача: у местной помещицы в соседней экономии купили до 250 пудов бензина, который

www.elan-kazak.ru

она охотно продала и недорого — по 20 рублей за пуд. Она сильно опасалась, что большевики или иная нечисть заберут даром, а нам торжество — на все машины теперь хватит бензина верст на 500, если не больше.

Выступили в 18 часов. Семь человек отправлены в дальнюю командировку.

В дороге мысль настойчиво вертелась вокруг прошлого, настоящего и дней грядущих. Нет, нет да и сожмет тоской сердце. Инстинкт культуры борется с мщением побежденному врагу, но разум, ясный и логичный разум торжествуй над несознательным движением сердца... Что мы можем сказать убийце трех офицеров или тому, кто лично приговорил офицера к смерти за «буржуйство и контрреволюционность». Или как ответить тому, кто являлся духовным вождем насилий, грабежей, убийств, оскорблений, их зачинщиком, их мозгом, кто чужие души отравлял ядом преступления?!..

Мы живем в страшные времена озверения, обесценивания жизни. Сердце молчи, закаляйся воля, ибо этими дикими, разнузданными хулиганами признается и уважается только один закон: «Око за око», а я скажу: два ока за око, все зубы за зуб. «Поднявший меч...» В этой беспощадной борьбе за жизнь я стану вровень со страшным звериным законом — «С волками жить...»

И пусть культурное сердце сжимается иногда непроизвольно — жребий брошен и в этом пути пойдем бесстрашно и упорно к заветной цели через потоки чужой и своей крови. Такова жизнь... Сегодня ты, а завтра я. Кругом враги... Мы, как остров водою, окружены большевиками, австро-германцами и украинцами. Огрызаясь на одних, ведя политику налево и направо, идешь по пути крови и коварства к одному светлому лучу, к одной правой вере, но путь так далек, так тернист.

Холод усиливается — почти мороз. Полная луна холодным светом освещает пустынные, ровные пашни, изредка прорезанные узкими полосками снега. Большинство идет пешком почти весь переход Слезли с подвод — все же теплее.

Холод проникает всюду... 12-й час, вот и река. В половине двенадцатого, когда голова нашей колонны подошла к парому, уже началась переправа горной батареи. Эскадроны были уже на левом берегу. Переправа тянулась долго. Только в 6 часов 16-го марта переправил части и началась переправа обозов. Чем дальше к утру, тем становилось холодней. Ветер усиливается. Грелись у костров из камыша, соломы, сухой травы и бурьяна. Дров нет. В домике паромщика битком набито греющимися. Вернулся в штаб, пил чай. Почти совсем заснул. Днем от заставы донесение о приходе на станцию Трикраты эшелона. Донесение, до крайности не вязавшееся с обстановкой. По выяснению оказалось мифом — пришел поезд с товарными вагонами. День опять ветренный и холодный. Бессонная ночь сказалась. Устал, хочется спать. Лег в начале 10-го.

17-го марта с утра пурга. Выступление задержалось и колонна двинулась только в 7 с половиной часов. Ветер восточный и северо-восточный холодный гнал тонкую снежную пыль, резал лицо. Руки коченели, отмораживались уши. Лед нависал на усах, бороде, на ресницах и бровях. Можжит. Дорогу видно плохо. Снег слепит чем дальше, тем больше. Идти тяжело, в особенности артиллерии и кавалерии — мерзнут руки и ноги. Мортирщики стонут, много добровольцев полумальчиков, ясно, что 45 верст им было бы не под силу в таких условиях. Сократил переход. Остановились в Спасибовке и Петропавловке, вместо Еланца. Бежал прапорщик, летчик Бербеко со своим приятелем — не усмотрела конно-горная.

Как разнообразно отношение жителей. Масса во многих деревнях очень благоприятно настроена, так например, в Акмечети и Александровке. Акмечетских трех убийц полковника, которых нам выдали жители, сегодня расстреляли. Акмечетские особенно помогали переправе. Их комитет сам прислал плотников и техника направить паром для броневиков. Дали доски для усиления и вообще оказывали всякое содействие. Приходится выслушивать много жалоб, просьб

www.elan-kazak.ru

о разборе разных ходатайств о защите от одних и видеть злобу и косые взгляды других. Иные бегут, только слыша о нашем приходе. Наши хозяева среднего достатка, боятся грабежей. Лучшее имущество хранили в бочке в стоге соломы. При нас только вынули пересмотреть и проверить. Сломалась на походе ось горной пушки. Слава Богу починили.

18-го марта настоящая зима, хотя не холодно. Ветер сильный. Кругом — бело. По дороге снега не много, но все же для автомобилей плохо. Бросили автомобиль с пушкой. Сломалась, кажется, шестерня. Суток трое надо для починки, если вообще можно, но по внешним признакам нельзя, а ждать невозможно. Взяли, что можно: запасные части, а машину и орудие испортили. Дорога до Сербуловки была очень тяжелая. От таяния тонкого слоя снега верх дороги загрязнился. Стало скользко и липко. А тут еще перед выходом на тракт немало поблуждали по степи. Проводник плутал. На ногах налипали комья грязи . . . Головной броневик, который должен был идти с конницей, положительно надрывался. Конечно, за конницей не поспел. Колеса буксовали. Даже одев лапы, шел с трудом и кое-как добрался до Сербуловки. По деревне не мог пройти, так как мост через ручей был крайне ненадежен. Тут мы его и оставили. Я приказал ему ждать остальные автомобили и выступить всем вместе, ночью, когда подмерзнет. После Сербуловки в общем дорога была хороша — почти везде сухая. Через первый встречный ручей пройти не удалось, так как пародия на мостик была разрушена. На переезде через ручей увязали даже телеги. Пришлось дать версты две крюка на обход. Вообще из-за дороги переход оказался достаточно неприятным. Воображаю, что здесь делается, когда получается настоящая грязь.

Большевиков нет нигде, говорят, что они бегут при первых вестях о нашем приближении и давно уже покинули наш район. Вообще о нас ходят самые дикие вести: то корпус, то дивизия, то 40 000, буржуи, нанятые помещиками, старорежимники. Жители разбираются в общем слабо. Не-

редко спрашивали: 'Вы украинцы?' — 'Нет'. — «Австрийцы?' — 'Нет'. — 'Большевики?' — 'Нет'. — 'Так кто же вы?' — 'Мы — русские'. — 'Значит большевики — русские ведь все большевики'.

В общем массы довольны. Просят защиты, установления порядка. Анархия, дезорганизация измучили всех, кроме небольшой горсти негодяев. Говорят, что некому жаловаться, нет нигде защиты, никакой уверенности в завтрашнем дне. В Еланце просят навести порядок, если не можем репрессиями, то хоть напугать . . . Постоянные налеты, грабежи, убийства терроризировали население, а виновных боятся называть из страха мести. Наши хозяева — евреи, ограбленные вчера на 900 рублей, встретили нас крайне радушно. — 'Хоть день будем покойны!'

К интенданту привезли, собрав по домам, три воза хлеба и очень удивились, что он заплатил. Посылали в виде откупного, так привыкли, что проходящие части грабили и отбирали даром. Это — углубление революции после большевистского переворота гастролерами, наезжающими в деревню, грабежи имений и экономий под угрозой пулеметов. Иногда, впрочем, сопротивляются, дают отпор, защищая помещиков (Домановка, Трикраты). Самое зло — пришлые матросы и солдаты-красногвардейцы.

В Еланце пришлось дать дневку, поджидая автоколонну. Еще пропал день против расчета. Еще промедление . . . Начинается полоса неудач, пока еще не очень значительных. Погода здесь — великий фактор.

19-го марта. Вынужденная дневка в Еланце — поджидал автомобили. Последний добрался только в 14 часов. Уже сильно чувствуется необходимость хорошего ремонта, а потому решил бросить отдельно автоколонну на два перехода вперед, вместе с двумя днями дневки получат 3—4 дня, где ей и ждать соединения с нами. Когда они станут на ремонт, автомобильная искровая станция будет нас связывать при раздельном расположении.

www.elan-kazak.ru

Погода слегка пасмурная, ветра нет, подсыхает, но очень боюсь дождя... От грабежей и налетов большевиков стон стоит. Понемногу выясняем и вылавливаем главарей, хотя главные заправилы умудряются заблаговременно удрать. В штабе сосредоточиваются показания всех квартирохозяев. Также помогла очень посадка одного переодетого вместе с арестованными. Те ему сдуру многое порассказывали. Жители боятся показывать на формальном допросе, только трое-четверо дали показания под условием, что их фамилии останутся неизвестными. Наш хозяин, еврей, говорил, что местные евреи собирались послать делегацию просить оставить какое-нибудь угрожающее объявление о поддержании порядка, а то их перед нашим приходом грозили громить, а теперь грозят расправиться, когда мы уйдем. А ведь они не рискнули назвать ни одной фамилии. Бумагу, конечно, приказал написать. Авось страх после нас придаст ей силу... Кстати, к бумаге приписали о сдаче арестуемых за грабежи и хулиганство украинским властям — много смеялся. Поймут ли украинцы все глумление в этих строках...

Забавно, до чего грозная слава окружает нас. Наши силы иначе не считают, как десятками тысяч... В этом диком хаосе что может сделать даже горсть, но дерзкая и смелая. А нам больше ничего не осталось, кроме дерзости и смелости. Когда посмотришь на карту, на этот огромный предстоящий путь, жуть берет, и не знаешь — в силах ли будешь выполнить свое дело. Целый океан земли впереди и враги кругом...

20-го марта немного пасмурно, холодновато. Погода обещает быть хорошей. Беспокойство за погоду, от которой так много зависит, отражается на сне. Хотя условия прекрасные, спал плохо. Выступление в 8 часов. Вскоре после движения погода изменилась. Небо серо, пошел мокрый мелкий снег. Дорога разгрязнилась. Липкая грязь висела гирями на ногах, облепляла колеса. Лошадям очень тяжело. Только после привала, на половине остального пути, снег остановился, но небольшой северный ветер захолодил... Некоторые лошади

стали. Автомобили стали у Васильевки, на одной трети пути, не говоря уже о намеченном двойном переходе. Когда-то присоединятся. Горные снаряды пришлось перегрузить на вызванные обывательские подводы, не доходя 5-ти верст до Софиевки. Прямо несчастье...

Прибыли головой колонны в Софиевку в 19 часов. Это даже хорошо».

В это время среди населения ходили слухи о великом князе Николае Николаевиче, который будто стал во главе восставших против большевиков и двигается на Екатеринослав и Николаев. Конечно это была лишь легенда, но она показывала настроение масс в то время, ждущих освобождение даже и под водительством великого князя, авторитет которого в России был всегда очень велик. В своем дневнике от 21 марта М. Г. Дроздовский записал, что он, ввиду создавшегося положения, в связи с переменой погоды, принужден был сократить марши, из Софиевки перейти только в Новый Бут, автомобильную колонну оставить там где она застряла, для просимого и необходимого ремонта; дать конскому составу небольшой отдых. Попытка наладить связь с автомобильной колонной по радио не удалась, так как находящаяся при отряде повозочная станция только принимала сообщения, но передать что-либо по ней было нельзя. Оказалось, что ее умышленно испортил, бежавший из отряда еще в Кишиневе, слухач.

Когда отряд выступил из Софиевки — грязь была невылазная, и с большим трудом и многими остановками, наконец, прибыл в местечко Новый Бут. В дальнюю командировку, чтобы установить связь с генералами Алексеевым и Корниловым, отправлялись два офицера: Бологовский и Кудряшев.

В это время в Новом Буге местную власть изображал большевистского толка комитет, который, когда узнал о приближении отряда Дроздовского, перекрасился, поведя иную политику. Организовав вооруженную охрану в 50 человек,

www.elan-kazak.ru

комитет повел борьбу с нарушителями порядка, перестал высказывать свои симпатии к большевистской власти, арестовывал грабителей и даже трех расстерлял. Во главе комитета стоял прапорщик, бывший учитель, до этого выдававший проходящим большевистским частям себя, как их сторонника. О Новом Буге следующая запись в дневнике М. Г. Дроздовского: «Такое уже время перекрашивания в различные цвета, нас собственно это мало касается, и раз, когда комитет не косится на нас, а наоборот, по тем или иным соображениям идет параллельно, решили его оставить в силе и даже поможем, пока здесь — шире ликвидировать преступные элементы. Свою часть местечка охраняем сами, а в остальной оставили их охрану и патрулирование, сохранив им оружие.

Мы (четверо) остановились у дьякона на площади, штаб у священника. Местечко неимоверно грязное. Много учебных заведений: женская гимназия, 6-ти классная мужская гимназия, учительская семинария и еще какая-то школа, но в общем удивительно убогое впечатление от местной интеллигенции — учителей, священников, чиновничества. Убогая, вся погрязшая в тине жизненных будней, да еще под знаком вечного страха перед насилиями.

Ввиду мирного настроения местечка, решил использовать его кузницы и, вместо двухдневной остановки во Владимировке, один день задержался в Новом Буге. Все же равно разведчики уедут отсюда. В разведку на Берислав поедут прапорщики Беспалов и Дмитриев. Погода обманула. Часов с 4-х начало мелко моросить и почти всю ночь шел мелкий и упорный дождь. Что будет с автомобилями? Ведь, так если еще два-три дня, придется их бросить. Я не могу их ждать. Итак уже столько времени потеряно. Между тем бросить сейчас жаль. Уйдешь еще дальше, оставив их дожидаться лучшей дороги и погоды, и команду их потеряешь — прямо драма.

Переговоры по радио не наладились . . . Поставили польскую, свою будем исправлять, а пока остались без разговоров. Все это мучает, злит, нервит. С проклятой дорогой и разведчикам не удалось отправиться сегодня. Выслал я их немого поздно и они, задержанные грязью, застигнуты были темнотой верстах в десяти от местечка. Под дождем мрак был полный. Дороги не видно. Вернулись назад. Выйдут завтра с рассветом.

Спали в гостиной на полу. Мне попался тонкий войлочный тюфячок. Только Неводовский спал на диване — была его очередь. Выспались, однако, прекрасно.

Утром 22-го марта прибыл в 10 часов в Новый Буг штабскапитан одного из летучих партизанских отрядов — их семь офицеров, совместно с хуторянами одного из хуторов севернее деревни Малеевки, сорганизовались и вели борьбу с бандами. Вчера сделали налет на Малеевку (11 человек с чучелом пулемета), сплошь большевистскую, захватили их пулемет и удрали благополучно. Малеевцы собираются их бить, и они, укрепившись на хуторе, просят помощи — обезоружить Малеевку. Это почти нам по дороге. Послал отряд: 3-ю роту, конно-горный взвод и 2-й эскадрон, все под командой Неведовского. Обещают, что часть офицеров поступит к нам добровольцами. Отряд выступил только в 3 часа. Войналович оттянул отдачу приказаний не сочувствуя экспедиции а предполагали выступить в 12 с половиной. Вскоре прибыли два раненых офицера Ширванского полка, помещены в больницу. Они с командиром полка и несколькими солдатами со знаменем пробирались на Кавказ. В районе Александрово (Долгоруково) банда красногвардейцев и крестьяне арестовали их, избили, глумились всячески, издевались. Четырех убили, повыкалывали им глаза, а двух ранили, ведя на расстрел. Они еще с двумя удрали и скрылись во Владимировке, где крестьяне совершенно иные, но они терроризированы долгоруковцами и фонтанцами. Человека 4—5 еще скрывалось в разных местах. Из Владимировки фельдшер привел их сюда в больницу, так как фонтанцы и долгоруковцы требовали выдать их на убой.

Внутри все заныло от желания мести и злобы. Уже ри-

www.elan-kazak.ru

совались в воображении пожары этих деревень, поголовные расстрелы и столбы на месте кары с надписями — за что. Потом немного улеглось. Постараемся, конечно, разобраться, но расправа должна быть жестокой, беспощадной: «Два ока за око!» Пусть знают цену офицерской крови!

Всем отрядом решил завтра раненько выступить, чтобы придти днем на место и тогда же успеть соорудить карательную экспедицию.

Присоединились 4 офицера, догонявшие нас из Кишинева. Энергия — шли все время упорно. Позади нас остался страх. Эти четыре офицера по дороге вооружились, отняв у жителей оружие, поколачивали советы, конфисковали двое рожек и одну стереотрубу . . .

В 15 с половиной часов донесение об эшелоне австрийцев, прибывших на станцию Новый Буг. Там они захватили одного нашего солдата, приняв, очевидно, за большевика, но он успел удрать. Вслед стреляли. Высадились, прикрываясь цепью, человек 400 с четырьмя пулеметами, но вскоре уехали дальше на север. Спрашивали про нас — послали разъезды узнать подробнее. Приказал на всякий случай быть готовыми к внезапному выступлению.

Связь по радио долго не налаживалась с автоколонной. Наконец связались слава Богу. От них только нет еще донесения.

В 19 часов прибыли с нашим разъездом со станции два австрийских офицера только что прибывших из Николаева. Два наших остались у них заложниками. Осведомлялись, кто мы, кто такие, как по отношению к ним держимся. Дал разъяснения: предполагаем через Александровск на Москву, боремся с большевиками. Они хотели, чтобы кто-нибудь из нас ехал с ними в Николаев для переговоров. Сказал — зачем, я все объяснил. Они: 'Мы не можем сами решить, не знаем как наше начальство, может не захочет вас пропустить'.

Наглость извела, пришлось, однако, сдерживаться. Пытался различными переговорами уклониться. Наконец, ре-

шили переговорить с Николаевым по телефону. Вызвался Войналович и уехал, а я приказал выступать в 1 час ночи, хотя и говорил австриякам, что еще постою дня 2—3.

Со времени первого донесения душа не на месте. Не верю швабам, надо поскорее уходить: дорогу занимают, Херсон заняли, Кривой Рог в руках немцев. Все это очень не улыбается. И не ошибка ли моя дневка здесь. Да, и вообще идем очень медленно.

Дал радио авточасти, очертил обстановку и приказал скорее присоединяться, хотя бы и бросить автомобили, если нельзя с ними. В 23 часа с четвертью вернулся Войналович. С Николаевым не говорили. Где-то прерывают большевики телефон. Говорили только с эшелоном, ушедшим на север. Австрийцы трясутся. Кажется, им в тылу испортили путь. Вся группа — человек в 50 (из них и были парламентеры) собирается завтра возвращаться, но доедут ли до Николаева — не уверены. Спрашивали направление нашего движения, на случай возможных встреч с их войсками, чтобы не было неожиданных столкновений. Сказал — на Александровск. Войналович отговаривает от ночного марша, уверяя — нет надобности; артиллеристы тоже стонали. Отменил, оставил прежнее 6-часовое, но очень неприятно менять приказание. С другой стороны ночной марш в такую грязь, в темень (без луны), при громадном обозе очень нелегок. Что же рискну, пожалуй не будет зла . . .

С вытягиванием колонны 23-го марта из-за грязи опять задержались и прошли восточную окраину Нового Буга только без десяти семь. Небольшой ветер, солнце пригревает. По дороге три больших деревни, не занесенные на карту, много новых хуторов. К полудню погода совсем разгулялась. Солнце сильно грело, небо синее. Дорога на глазах подсохла. От Долгой могилы было почти совсем сухо.

Голова колонны прибыла во Владимировку в 5 часов. Колонна — первый эскадрон, прибывший много раньше, получив на месте подробные указания от жителей о том, что творится в Долгоруковке и что — какие-то вооруженные идут

www.elan-kazak.ru

оттуда на Владимировку — двинулась сразу туда с горным взводом под общей командой Войналовича. Окружив деревню, поставив на позицию горный взвод и отрезав пулеметом переправу, дали две-три очереди из пулеметов по деревне, где все мгновенно попряталось. Тогда один конный взвод влетел в деревню, нарвался на большевистский комитет, изрубил его, потом потребовал выдачи убийц и главных виновников в истязаниях четырех ширванцев (по точным уже сведениям: двух офицеров, одного, приставшего к ним в дороге, солдата, ширванца солдата и писаря). Наш налет был так неожидан и быстр, что ни один виновник не скрылся. Были все выданы и тут же расстреляны. Проводниками и опознавателями служили два спасшихся и спрятанные владимировцами ширванских офицера. После казни пожгли дома виновных, перепороли жестоко всех мужчин моложе 45-ти лет, при чем их пороли старики. В этой деревне до того озверелый народ, что когда вели ширванцев, то даже красногвардейцы не хотели их расстреливать, а этого требовали крестьяне и женщины... и даже дети... характерно, что некоторые женщины хотели спасти своих родственников от порки ценой своего собственного тела — оригинальные нравы. Затем жителям было приказано свести даром весь личный скот, свиней, птицу, фураж и хлеб на весь отряд, забраны все лучшие лошади. Все это свозили к нам до ночи... 'Око за око'...

Сплошной вой стоял в деревне. Уже экзекуция была кончена, когда донесли, что восемь красногвардейцев с повозкой едут в деревню с востока. Те очевидно не знали, что здесь творится. Они были немедленно атакованы нашими кавалеристами, которые бросились с шашками на стрелявших в них даже в упор красногвардейцев. Шесть человек легли, одного привезли раненого, а один, предводитель, казак, удрал на чудной, кровной лошади. За ним гнался Колзаков, тоже на отличной лошади, но догнать не смог. Всего было истреблено 24 человека.

Около 8-ми часов прибыл отряд Неведовского. С 22-го на

23-е он ночевал на хуторе партизан, что верстах в шести севернее Малеевки. Хуторяне встретили их хлебом-солью, называли своими спасителями, накормили всех прекрасно, лошадям дали фуража до отвала и ни за что не хотели взять ни копейки. 23-го с утра двинулись, сразу оцепили деревню Маллевку конницей, помешали попытке удрать, поставив орудия и пулеметы на позицию. Послали им ультиматум в двух часовой срок сдать все оружие, пригрозив открыть огонь химическими снарядами, удавить газами всю деревню (кстати, ни одного химического снаряда у нас нет). В срок все было выполнено. Оружие было отобрано, взяты казенные лошади. Найдены были списки записавшихся в красную гвардию, кажется, человек 30. Эти доблестные красногвардейцы, после записи, получив деньги и прослужив с недельку, дружно все убежали домой. Этих горе-красногвардейцев всех перепороли шомполами по принципу унтер-офицерской вдовы. Вой столбом стоял — все клялись больше никогда не записываться. Кормился отряд как хотел, от жителей даром, — в карательных целях за приверженность к большевизму.

Об автомобилях ни слуха — искровая не получает никакого ответа. Злюсь и волнуюсь. Выставлено охранение, выслана разведка, подчеркнута бдительность — все наготове. Мы находимся уже полностью в полосе военных действий, среди более или менее крупных банд...

Главная масса Владимировки нас приветствовала. Мы обещали им помочь начавшейся у них создаваться самообороне, которой усиленно грозили долгоруковцы, с коими совместно настроено было немало жителей северо-восточной окраины Владимировки. Вместо уже распавшегося, еще раньше нашего прихода, большевистского комитета, вступило во власть прежнее волостное, земское правление. Жителям приказано сдать все оружие, которое потом будет роздано самообороне. Завтра в 8 часов приказано выслать карательную экспедицию в Фонтан в составе эскадрона с пулеметом и 2-х легких пушек с конными номерами, без зарядных ящиков.

www.elan-kazak.ru

24-го марта во Владимировке. Сегодня выспался на диване прекрасно. Проснулся только около 9-ти часов, спал, как убитый. Экспедиция из-за непереданных своевременно приказаний не выступила. Пришлось вторично делать распоряжения. Пойдет в половине второго 2-й эскадрон с двумя легкими по конному орудиями под общей командой ротмистра Двойченко. Утром об автомобилях опять от искровой — ничего. Что это, вышли, что ли? Но почему не донесли об уходе?

В 14 часов состоялась панихида по 4-м убитым офицерам и солдатам на их могиле. Было много жителей. Заметили, между прочим, одного старика, который почти всю панихиду плакал.

Послал на телеграф. Переговорили с Новым Бугом — нет ли там наших автомобилей. В три часа оказалось: часть прибыла. Переговорил с Ковалевским по аппарату. Выяснилась грустная картина. Дошли только пулеметный броневик и легковая — Деляго, а остальные брошены из-за грязи на дороге в поле, верстах в 30-ти западнее Нового Буга. Сколько испортилось машин — еще неизвестно. Цистерна брошена, причем бензин вылит. Все освободившиеся люди, со снятым имуществом и оружием, едут на подводах. Во всяком случае вопрос уже непоправим — приказал немедленно ехать на присоединение. Это было в 15 часов с половиной. Через полчаса обещали выступить. В 19 часов вернулась экспедиция Двойченко. Нашли только одного главного участника убийств — расстреляли, остальные бежали. Сожгли их дома, забрали фураж, живность и т. п. Оттуда заехали в Долгоруковку. Отряд был встречен хлобом-солью. На всех домах белые флаги, полная и абсолютная покорность всюду. Вообще, когда приходим, кланяются, честь отдают, хотя никто этого не требует, высокоблагородиями и сиятельствами величают. Как люди в страхе гадки: нуль достоинства, нуль порядочности. Действительно — сволочный, одного презрения достойный народ, наглый, безжалостный, полный издевательств против беззащитных, при безнаказанности не знающий препон дикой разнузданности и злобы, а перед сильными такой трусливый, угодливый и низкопоклонный . . .

В общем страшная вещь гражданская война. Какое озверение вносит в нравы, какою смертельною злобой и местью пропитывает сердца. Жутки наши жестокие расправы, жутка та радость, то упоение убийством, которе не чуждо многим из добровольцев. Сердце мое мучится, но разум требует жестокости. Надо понять этих людей, из них многие потеряли близких, родных, растерзанных чернью, семьи и жизнь которых разбиты, имущество уничтожено или разграблено и среди которых нет ни одного, не подвергавшегося издевательствам или оскорблениям. Надо всем царит злоба и месть и не пришло время мира и прощения . . . Что требовать от Туркула, потерявшего последовательно трех братьев, убитых и замученных матросами, или от Кудряшева, у которого недавно красногвардейцы вырезали сразу всю семью!? . . А сколько их таких? . .

По полученным от жителей сведениям на нашем пути кое-где бродят шайки. Есть одна, кажется, и в Новопавловке. Главная масса их, вытесняемая австро-германцами от Апостолова, как будто, идет вниз вдоль Днепра; это странно — почему не на Александровск? Во всяком случае для нас это не на руку . . .

Получилось с заставы у Матрено-Васильевки донесение, со слов одного из приехавших крестьян, что где-то на станции, название которой не могли найти на карте, по-видимому линии Херсон—Апостолово, верстах в 25 от нас, высадились матросы и красногвардейцы. Донесение такое сумбурное, что приказал привести этого крестьянина, чтобы его тут допросить, а в общем, все это, конечно, пустяки.

23 часа, а ни автомобилей, ни команды на подводах еще нет. Когда-то они прибудут — ведь не хочется их бросить в этой обстановке, а тут завтра нужно в 8 часов выступать».

www.elan-kazak.ru

Около 7 часов 25 марта во Владимировку прибыли офицеры от автомобилей с донесением (ночевали в 10 верстах западнее нас в деревне), что не хватило бензина. Просили, чтобы выслали. Они же сообщили о бое с красногвардейцами в Воссиятском. Вот как описывает этот бой участник его, командир броневика № 3, капитан С. Р. Нилов.

Бой под селением Воссиятским

18 марта наступила оттепель, снег растаял и черноземные дороги стали трудно проходимы не только для автомобилей, но и для артиллерийских запряжек. Отряду в местечке Еланец пришлось устроить вынужденную дневку, чтобы подождать автоколонну. Полковник Дроздовский предполагал из Еланца выслать автоколонну вперед на два перехода, но 20 марта выйдя из Еланца, автомобили смогли сделать едва 10 километров за день и окончательно завязли и снова отстали от отряда. Ночью, на лямках дотащили машины до ближайшего имения, где автоколонна простояла 21 и 22 марта, ожидая, когда подсохнут дороги. Только 23 марта рано утром удалось наладить радиосвязь с отрядом. Полковник Дроздовский приказал бросить все, что не может идти и немедленно двигаться на Новый Буг и Владимировку на присоединение к отряду. Автоколонна выступила утром 23 марта. Погода была прекрасная. Еще день-два и дороги подсохли бы, но пока же машины шли с трудом. Первое селение, которое пришлось проходить было Воссиятское. Здесь по длинной гати нужно было переправиться через болотистую долину ручья. Гать была в плачевном состоянии. Пришлось потратить несколько часов, чтобы переправить грузовики, цистерну и радиостанцию. О переходе броневиков по гати нечего было и думать. Местные жители сказали, что к востоку от села можно переправиться через ручей по каменистому броду.

В это время подошел со свои отрядом полковник Жебрак, спешивший на присоединение к полковнику Дроздовскому. Полковник Жебрак предложил задержать свой отряд и помочь машинам, но командир броневой батареи капитан Ковалевский поблагодарил, сказав, что он справится своими силами. Полковник Жебрак с отрядом двинулся дальше.

Броневики медленно продвигались к броду. В это время команда переправившихся грузовиков, пользуясь прекрасной погодой, блаженно грелась на солнце. Появилась откуда-то гармонь. Картина была идилическая... но которую вдруг, нарушил сильный ружейный огонь из деревни по машинам и их команде. С дистанции 300—400 шагов большевики били по целям, которые были как на ладони. Все бросились к машинам: шофера старались увести их подальше от гати, другие же расхватывали винтовки. С запада появилась группа конных большевиков, которая пробовала атаковать машины, но, развернувшаяся против них, наша цепочка человек в 10, заставила их повернуть обратно. Очевидно отряд красных вошел в Вессиятское с севера после ухода полковника Жебрака и выждал подходящий момент. Наконец подошли переправившиеся броневики. Командир броневой батареи доблестный капитан Ковалевский, не решался открыть огонь из бронеавтомобилей по деревне — могут пострадать невинные женщины и дети. Но пока же страдали мы, и я открыл из своего броневика пулеметный огонь по окраине села. Следующий за мной пушечный бронеавтомобить выпустил несколько шрапнелей из своей 20 мм пушки Виккерса. Стрельба из деревни быстро прекратилась. Большевики стреляли плохо и наши потери оказались сравнительно легкими: убит радист поручик Осадчий, тяжело ранен прапорщик Гребенщиков и еще двое офицеров, пробиты радиаторы и моторы у двух грузовиков и радиостанции.

Темнело. Оставшиеся машины медленно двигались на юго-восток. Дорога была отвратительная. Первой завязла автоцистерна, затем пушечные автомобили, как более тяжелые. Высланная вперед легковая машина в соседней деревне догнала отряд полковника Жебрака, который погрузил на подводы часть своих людей и поспешил на выручку. Несмотря на все усилия, удалось вытащить только броневик

www.elan-kazak.ru

№ 3 (пулеметный, после Новочеркасска получивший имя «Верный»), благодаря невероятным усилиям его шофера — бомбардира Генриха Хобар, который плакал, но не хотел бросить свою машину. В свое время бомбардир Хобар ездил в Англию получать эту машину и проездил на ней всю Великую войну. Оставшиеся машины были испорчены, из цистерны налили бочку бензина, а остальной вылили.

В дневнике полковника Дроздовского сказано:

«В этом бою убит поручик Осадчий, еще один телеграфный офицер ранен и два офицера из автоколонны ранены с раздроблением кости на ногах. Один ранен легко. Положение раненых тяжелое и везти двух опасно, а оставить — не менее опасно. Просимый бензин послал. Раненых приказал везти сюда. Их везли на легковом, приспособленном для этого. Вместе с ними в той же деревне, Христофоровке, ночевал и Жебрак и хотел присоединиться. Как ни тяжело опоздать еще на день, все же, опасаясь бросить автоколонну, которая, конечно, скоро прибыть не могла из-за раненых, а главное, желая подобрать Жебрака — решил простоять еще день. К Жебраку поехал начальник штаба для переговоров, чтобы уладить соединение на приемлемых для нас условиях.

Часов около 11-ти 25-го марта вернулся Войналович. Раненых на легковом автомобиле отвезли в Новый Буг, расчитывая, что там будут австрийцы, так как везти дальше их было нельзя. Автомобилисты приедут туда часов в 12—13. Жебрак прийдет завтра в Давыдов Брод, так как сегодня ему нужен отдых после перехода около 70 верст. Жаль, что мало бензина. Беспокоюсь за раненых, как бы не было чего по дороге или в Новом Буте, если туда замешкают прийти австрийцы . . .

Днем были учения у орудий, пулеметная стрельба. Наблюдательный пункт на колокольне, непрерывное наблюдение, телефонная связь, орудия на позиции. Чудная солнечная погода. Часов в 13 прибыли броневик и автомобилисты на подводах. Назначил Лесли для разбора происшедшего, а

в 18 часов разбивку оставшихся за флангом автомобилистов. Часов в 17 приехал Жебрак представляться. Немного поговорили о разных делах, составе, имуществе. Он выступит завтра на час раньше и должен прибыть во Владимировку пожалуй в хвост колонны. Будет арьергардом.

Разбивка затянулась до 19 часов. Уже темнело, когда распределил офицеров. Начал сильно беспокоиться за раненых, когда узнал, что вернулся автомобиль.

Довезя их до Нового Бута и не найдя там австрийцев, по телефону верст за 30—40 севернее попросили их оказать помощь, Через полтора часа они прислали паровоз с санитарным вагоном, доктором, забрали всех трех раненых, прихватили и двух раненых ширванцев, увезя всех для сдачи в госпиталь. Были страшно любезны — безусловно по-рыцарски. На душе отлегло, а то грызла тоска, боялся, что вдруг случилось бы что, ни помочь, ни отомстить нет времени, дело дороже, а теперь, слава Богу, отлегло — спокоен за участь исполнивших долг.

Бой у Воссиятского — растерянность части, перешедшей гать. Не нашлось человека управлять и успокоить, а поэтому и бросили в панике 2-й броневик, да и цистерну нечего было бросать. По докладу, командира автоколонны, броневики, между прочим шли по половине до одной версты в час из-за грязи, а между тем уже три сухих дня!

Мы отлично живем у купца. Кормят до отвала: чудное масло, дивные коржики, мед. Помещение хорошее — живи, не умирай . . .

Фураж для отряда почти весь за счет покоренных деревень, мясо же полностью за их счет.

Часов в 21—22 донесение с заставы (со слов бежавших помещиков и хуторян), что в Долгоруковой собралось до тысячи красногвардейцев — явный вздор в связи с наблюдением с колокольни, движением разъезда до Михайловки, пригона оттуда крестьянами к вечеру гурта награбленного скота голов в сто. Откуда вдруг возьмется в Долгоруковке 1000 красногвардейцев!? А в местной самообороне, которой

www.elan-kazak.ru

кто-то из доносивших об этом, по дороге, сдуру рассказал, паника. На случай появления шаек, конечно, предупреждены. Самооборону постарался успокоить. Более верные сведения — что от Николо-Козельска какие-то банды двинулись к немецким дозорам, чтобы преградить нам дорогу. Вообще банды везде, грабят хуторян. Странно, говорят что немцы заняли с боя Апостолово, а Кривой Рог и Николо-Козельск оставляют.

Прибыл утром Беспалов из Б. Каховки. В Бориславе и в Б. Каховке имеются банды по несколько сот, а в последней их штаб, кажется, отряд некой Маруськи. Мост имеется и охраняется. Один, из посланных туда офицеров, остался следить. Условились с Беспаловым о встрече. Наружность Беспалова — одно упоение: типичный красногвардеец. Пока что разведчики работают очень хорошо.

Пароходов, больших барок и т. п. нет — большевики угнали их на север. Есть опасность, как бы не заняли Бериславнемцы от Херсона. Вообще же главная трудность — не развели бы или не разрушили бы мост. Думаю, как организовать неожиданный захват переправы. Вот альфа и омега, а сопротивление — вздор.

26-го марта, растерянность местной охраны перед нашим уходом и угрозами хулиганов, угрожающих им приходом большевиков. Мнение о необходимости наиболее обеспеченным бежать. Успокаиваем, одобряем, но уж очень трусливы. Жалкий народ, не понимающий своей силы».

Полковник Дроздовский, учитывая общее положение, состав своего отряда при отдаче приказаний, зная, что найдутся лица могущие проболтаться, часто отдавал умышленно фальшивые распоряжения накануне марша. Цель была ввести в заблуждение и местное население, и агентов австро-германцев. Даже его ближайшие помошники (Войналович и Неведовский) не знали точно направление марша до самого выхода в поход или даже во время уже и самого марша. Так например, во Владимировке все в отряде были извещены о переправе через Днепр у Александровска, где были сосредоточены большие силы большевиков. Когда выступили из Владимировки, полковник Дроздовский, идущий обычно во главе отряда, неожиданно для всех, отдал приказание отряду круто повернуть на юг. Когда Войналович и другие бывшие с ним заметили полковнику Дроздовскому о том, что он наверно ошибся, последовал короткий ответ: «Я знаю, что делаю». Намерение переправляться у Бериславa через Днепр было его тайной.

Выступили из Владимировки 26 марта при солнечной погоде.

«Небо чистое, синее. Юго-восточный ветерок. Мираж весь путь, идешь точно среди озер — всюду вода на горизонте. Шли частью рысью, легко, без растяжек. Легкая дорога, а главное, сказывалась привычка. Большой привал в Ново-Павловке до половины третьего. В ней много пьяных — сказалась продажа из казенного завода водки в Давыдовом Броде. Прибыли в Давыдов Брод головой колонны в начале 18-го часа. Продажа спирта и водки сразу запрещена и по прибытии наряжен караул из непьющих. Не знаю, выйдет ли что, так как в каждом доме полно водки. Начальствующих на всякий случай набодрил. Отряд Жебрака, шедший впереди в часе расстояния, встретил нас своей 'чахоточной музыкой'. Проходили со своим распущенным Андреевским знаменем под егерский марш. Опять встретились, вернее разминулись, с австрийцами, которые небольшим отрядом, силою в одну роту с 4-мя пулеметами, двигались вдоль железной дороги от Херсона на северо-восток, занимая путь. Прошли незадолго до появления нашего конного отряда.

Мысль о переправе грызет. Какое тяжелое дело. Все эти большевики, их окопы и пулеметы на той стороне и, если бы были у них и пушки — все это не стоит ничего. Дали бы красивый бой и легко перешли бы, но у них есть машинка Румкорфа, и простой поворот ручки одного нерастерявшегося человека может поставить нас в очень тяжелое положение и свести почти на нет всю громадную организационную работу, все труды, убить все надежды. Конечно, перейдем

www.elan-kazak.ru

во всяком случае, но какою ценою — быть может всей артиллерии и прочей материальной части. Легко понять мое состояние духа и всю работу мозга в поисках успеха. В приказе на завтра дал фальшивое направление через деревню Дудино с указанием переправы у м. Меловое — все равно офицеры не сумеют сдержать язык за зубами — авось их разговоры принесут пользу . . .

27-го марта выступили в 8 часов. Ясный солнечный, ветренный день. По дороге ни одной деревни, зато часто отдельные хутора, особенно ближе к Бериславу. Около 5-ти часов вечера подошли к месту, предположенному для ночлега. Наметил разброску отряда по отдельным хуторам в глубину верст на шесть. Это при предположенном ночном выступлении! Никто из штаба меня не встретил. Рысью выехал на поиски и не без труда нашел, а один из квартирьеров сообщил, что, по полученным сведениям, Берислав уже занят австрийцами, которых там до 600 человек при четырех пулеметах, но без артиллерии. Ожидают еще подкреплений и артиллерии, что мост в их руках, что Каховка и левый берег Конки занят большевиками, которые копают окопы. Они имеют артиллерию и стреляют по Бериславу. Решил не останавливаться на ночлег, а немедленно двигаться, так как обстановка такова, что либо сейчас пройти, пока наша помощь нужна австрийцам и нападение для большевиков опасно, либо обречь на гибель все дело, если, получив подкрепление и артиллерию, австрийцы сами завладеют, заградят дорогу. Переправы же для грузов в другом месте вблизи нигде нет. Конная артиллерия и конница уже стояли на квартирах. Приказал готовиться. Переговорил с Войналовичем и решили, что он с Жебраком поедут к австрийцам. Там им скажут, что идем домой бороться с большевиками, а, когда будем овладевать переправой через Конку, попросим их остаться в стороне, потом сдадим переправу им. Сказал, чтобы объяснили австрийцам, кто мы и что переправиться должны. Войналович уехал. В 18 часов 30 минут ушла конная колонна и броневик, а четверть часа позже двинулась и вся

прочая колонна. За это время она перестроилась: впереди стрелковые роты и пулеметная с патронными повозками, по одной на роту, за ними телефон и санитары, потом другая пулеметная рота и вся артиллерия. Вся же колонна обозов шла сзади под прикрытием службы связи и отряда Жебрака, выделившего в конный отряд взвод человек в 30, наиболее знакомых с переправным делом. Через полчаса или три четверти часа после начала движения начали слышаться редкие орудийные выстрелы, а в темноте ярко сверкали необычайно высокие разрывы шрапнелей. В половине 20-го часа вернулся Войналович и с ним один германский унтер-офицер. Оказывается часа два назад пешком из Херсона прибыл еще батальон немцев 21-го немецкого полка. Сильно устали. Роты слабые, но дисциплина — хорошая. Немецкий майор очень интересовался, кто мы. Условились с ним, что мы займем участок правее их цепей, поставим артиллерию, а с рассветом начнем наступление. Мы настаивали иметь только свои части, но ночью трудно им было продвигаться и они оставили одну свою роту.

Странное впечатление оставляло положение и переговоры — три стороны, три врага. Каждая сторона враждебна остальным двум, но случайным ходом событий и обстоятельств вынуждена бороться совместно. Все время строил свое развертывание с учетом противодействовать измене. Они также что-то очень пытаются иметь расположение удобное для обороны против нас. Ввиду всего этого всех оставил ночевать на подводах вблизи окраины города Берислава, поротно, в две линии, 200 на 200 шагов, все наготове, все предупреждены против измены. Артиллерия ночью заняла позиций. Около 10 часов начали становиться на ночлег. Обоз верстах в двух от города вагенбургом. Мы в домике на кладбище, вповалку на полу, даже без соломы, со штабом полка. Войналович с двумя офицерами вблизи моста в каменном доме. Там же артиллерийский наблюдательный пункт. Холодно, костры. Лошади почти ничего не ели и не пили. Люди тоже голодные. Артиллерия — горная, мортирная и легкий

www.elan-kazak.ru

взвод на возвышенном берегу против моста, а один легкий взвод за серединой города — специально для артиллерии большевиков, отсюда, очевидно, лучше видно. Конница в домах на окраине города.

Вперед должны идти 1-я и 2-я роты, пулеметный взвод Максима, оба эскадрона и взвод Жебрака — все под командой Войналовича, все время рвавшегося вперед. Остальные оставались обеспечивать нас от немцев. Лег в час, сделав все распоряжения. Вечером изредка ружейная стрельба.

В начале пятого утра 28-го марта роты полковника Войналовича в пешем строю, конница в поводу, начали переходить мост. С утра обменялись с немцами офицерами для связи. Рассветает. Два одиночных выстрела. Артиллеристы наготове. Войналович просит броневик. Двинули на мост. Мост сам-то вынес бы, но доски гнилые и грозят провалиться в любую минутбу. Решил вернуть. Хорошо, что броневик выехал только на начало моста. Придется перевозить на пароме. Поручил это руководство Жебраку. В это самое время, в 6 часов 30 минут, получил от Войналовича недостаточно ясное донесение, что ему нужно выслать вперед броневую машину и горную артиллерию для поддержки штурма и что противоположный берег реки Конки «занят». Кем? Судя по содержанию записки получалось, что большевиками. Приказал было открыть огонь артиллерии по противоположному берегу, решил не высылать пока горную, ибо что ей делать в низине между Днепром и Конкой, когда из расспросов посланного выяснилось, что берег занят нами и горная артиллерия нужна для преследования. Через десять минут получено донесение о занятии нами Каховки. Оказалось, большевики ушли еще ночью. Перед нами остались несколько прозевавших. Сейчас же было двинуто на тот берег все: легкая батарея, мортирный взвод, 3-й и остальные взводы пулеметной роты, команды связи и обоз с их прикрытием. Обозы двигались довольно медленно к мосту. Прощальный разговор с майором Науманом, зашедшим в мой штаб у наблюдательного пункта. Просил передать благодарность в Новый Буг за

наших раненых и о приеме будущих. Броневик опоздал. За мостом шагов 300 занесло мостовую песком на добрую четверть, если не больше. Идти он не мог и попросил австрийцев помочь. Пришел их капитан и человек 30—40 сапер, принесли доски и, подкладывая постепенно под колеса, перетянули броневик через песок по доскам. Шел эти сто саженей он не меньше часа и, попав, наконец, на камни, весело и бодро побежал. Уставшие, недокормленные лошади тоже с трудом протаскивали обоз через песчаный занос.

В Каховке почти вся масса населения встретила нас с восторгом и благословением, как избавителей. Крепко насолили им большевики: взяли с них 500 000 рублей контрибуции, отобрали лошадей, платье, белье, съестное и т. п. Навезли нам подводы хлеба в подарок, приготовили обед начальникам, но мы уклонились, некогда было. Все, что желали, было к услугам и добывалось точно из-под земли. Всячески выражались радушие и радость.

Проходила город пехота стройными рядами с песнями. Много пристало сразу добровольцев, преимущественно учащихся старших классов (гимназистов, семинаристов), были и юнкера, офицеры, чиновники, всего человек 40.

Только часам к 14-ти головные части дошли к Любимовке. Первоначально хотел остановиться в Каховке, имея ввиду простоять дня два, но там решили стать немцы. Отцепился от них.

Эпизод с конным отрядом. Большевики захватили пять человек из разъезда. Двое пробились, а трое попали в плен. Прорвавшийся доложил, что пленные разоружены и их намерены расстрелять. Заступничество одного красногвардейца, хотя и бесполезное, выиграло время. Послал эскадрон и наших освободили. 15 большевиков изрубили в конной атаке, а остальные рассеялись. Это был 1-й Партизанский Приднепровский отряд. Взяли его красный флаг с надписью: «Смерть буржуям». Хорошое красное сукно пошло на чакчиры одному из офицеров. При занятии противоположного берега прикончили одного заспавшегося красногвардейца, а

www.elan-kazak.ru

в городе добили 15 вооруженных, замешкавшихся или проспавших, да еще по мелочам кое-кого в Любимовке. Всего большевикам этот день обошелся человек в 35.

В Каховке нашли много легких снарядов, но вывезти их не на чем — нет подвод. Их позабирали большевики, а на многих уехали раньше беженцы. Собирать же долго, а поэтому поставили у снарядов караулы, чтобы их не захватили немцы. По прибытию в Любимовку узнал, что у агентов Продовольственной Управы большевистского правительства находится не менее 830 тысяч рублей деньгами и свыше 400 тысяч на чековых книжках. Деньги нам крайне необходимы. Решил задержаться. Назначил комиссию в составе Семенова, Неведовского, Жебрака, Войналовича, интенданта и Гаевского, чтобы выяснить откуда эти деньги и наметить их дальнейшее применение.

Масса фуража у Продовольственной Управы. Получаем все даром, а поэтому приказал кормить — сколько съедят.

Каховка — местечко, почти город. Есть недурные лавки, мощенные улицы, электрическое освещение. Лучше города Бериславa. По приезде, часов в 16, узнаю о запрете вывоза снарядов, довольно нахального немецкого фендрика, сказавшего: 'Отсюда ничего не будет вывезено'. Решил идти немедленно к маору Науману. Довольно долго ждал переводчика. Когда выехал уже темнело, а фонари неисправны. У моста оставил автомобиль, а сам пешком отправился до первого занятого немцами дома. Там оказался командир роты. Он дал мне провожатого солдата связи, но тот не знал майора. После долгих опросов патрулей и блужданий добрались на противоположный конец города Бериславa. Нашли майора Наумана и я ему сказал: 'Когда вошли в Каховку, конница захватила снаряды, поставила караул, послала за подводми, нагрузила на них, но явился немецкий караул и запретил их вывезти. Я не претендую на все, но снаряды захватили мы'. Майор сразу согласился: 'Пожалуйста, берите все'. — 'Все не нужны, а только те, что на подводах'. Договорились — 500 штук. Попросил записку, чтобы не мешал караул. Он сейчас же написал.

Мое возвращение сопровождалось следующим эпизодом. Исчез наш шофер с карабином; шинель на месте. Австрийцы советуют, которые охраняли мост, ночевать в городе. Видели близко большевистские патрули. Решил, конечно, ехать. Кричали, давали сигналы. Наконец, шофер прибыл и оказалось: заждался и пошел сам нас искать. Темно, швыряло, влазили на косогоры. Австрийские часовые останавливали очень часто.

Когда были на другой стороне — перед нами красивая картина. Каховка вся в электрических огнях. Нашего караула в Каховке уже не застали. Его сняли и подводы разгрузили. Охранял снаряды только немецкий караул. До Любимовки та же картина ночной езды. Въезд в деревню в темноте не нашли, не туда попали. Ездили долго по улицам. Все спит и спросить некого. Вдоволь наколесив, наконец, нашли штаб. Было уже половина первого ночи. Поужинал и лег спать.

Любимовка — большая деревня. Имеются две школы и много хороших изб. Наши в Каховке достали пять пудов бензина, смазочные масла, керосин и коломазь.

Ночью и с утра был значительный ветер, особенно усилившийся днем, и весь переход от переправы до Любимовки проделан в тучах песчанной пыли; была почти песчанная буря. Пыль в глазах, в ушах, за воротником, в карманах — отвратительно. И все же день великого торжества, день удач: перейден Днепр, переход которого, еще накануне, был таким спорным. Дальше — немало трудов и опасности, но многое зависит от нас самих, а здесь — многое от обстоятельств. Великий шаг сделан.

29-го марта простояли в Любимовке. В 13 часов смотрел каховских добровольцев. Еще не все явились. Между ними есть мальчики лет по 15, преимущественно в артиллерии, но в пехоте же — все основательная публика. Но горе — почти нет запасных шинелей. В Каховке их захватили немного,

www.elan-kazak.ru

всего 15 штук, у большевиков. Есть немного у Жебрака. Здесь целый день бегали, но даже похожего материала для шинелей не нашли, но зато нашли довольно много рубашечного, защитного материала. Хочется поскорее одеть новых в солдатское. Ощущается недостаток белья.

В 14 часов ездил в Каховку на автомобиле с Неведовским и Дроном. Побрился, купили булочек в недурной кондитерской, пообедали, довольно паршиво, в клубе, но зато выпили безалкогольного пива и сносного красного вина Трубецкого. Интендант все время рыскает по Каховке. Он добыл много смазочного масла для оружия, керосина, пакли, тавот для автомобилей. Теперь сможем держать в порядке оружие все время. В 16 часов при штабе комиссия насчет денег. Выяснена полная невозможность дальнейших закупок и вывоза из Малороссии хлеба на север из-за соглашения между германцами и Радой. Деньги решили взять себе. Вернем, если будет нужно. Нам это жизнь: заплатим жалование за апрель да и на еду еще хватит месяца на три. Уполномоченным шибко не хотелось расставаться с деньгами, но они нам очень необходимы.

В городе жители рассказывали о двух красногвардейцах Приднепровского партизанского отряда, разгромленного вчера нашей конницей. Они, очевидно, отбились от отряда еще раньше, не зная об участи своих и о занятии нами Каховки, явились искать свой штаб и, не находя его на прежнем месте, распрашивали о нем жителей. Проходящие офицеры увидели эту картину, арестовали их в полном вооружении, повели, но по дороге покончили с ними. Так до отряда они и не добрались. Здорово насолили большевики кругом. Все время приезжают хуторяне и крестьяне из окрестностей, даже верст из-за сорока с севера и юга, ища защиты. Но что делать? Наши лошади измучены, а нужны целые экспедиции. Ехать дальше 20-ти верст мы не в состоянии, да это и не наша задача. Задерживать свой путь частными, хотя бы и очень человеколюбивыми задачами, нельзя. Интересно отметить, по рассказам жителей, тот панический страх, кото-

рый мы внушаем большевикам. Они жалуются, что мы их бьем, как зайцев. Они довольно смело сопротивлялись немцам, но в ночь на 28-е марта, когда узнали о нашем прибытии, у них была большая паника и они решили немедленно бежать. Говорили: немцы еще пощадят, а от нас пощады нет. Вчера приходили жители — отцы добровольцев. Многие старались отговорить, иные же не препятствовали. Один сам привел своих двух сыновей, говоря: 'Я служил, пусть и они послужат патриотическому делу'.

Богатый край, всего сколько угодно, нет только сахара. Хлеб все время белый или полубелый. Чуть не весь отряд перешел на рыбный стол. Вчера чудных рыб прислали нам замостцы. Решил при отряде учредить форменный суд — подал мысль Жебрак и дал законное основание. Необходима покрепче узда для наших буйных. Помяло двух мортирщиков телегой. Одному сломало руку. Дано пособие, эвакуирован в Берислав.

30-го марта в 11 часов был назначен в Любимовке парад, но конница заболталась между улицами и парад построился только в 11 часов 40 минут. В параде участвовали: 2-я рота, два эскадрона и взвод конно-горной. Знамя 2-го полка Балтийской дивизии — Андреевский флаг— красиво развевалось на ветру. Раздал два георгиевских креста и шесть медалей за дела против большевиков. После маленький церемониал. В три часа дня опять собралась комиссия о деньгах: написала протокол, выдала на ликвидацию Управе 220 тысяч рублей наличными и 400 тысяч рублей по текущему счету. Себе мы взяли 600 тысяч рублей. Протокол подписали, обменялись расписками и разошлись. Было несколько самочинных арестов. Большинство арестованных отпущено. Приказал предупредить в приказе, что в будущем буду за самочинные аресты отдавать под суд. При отводе к нам один арестованный пытался бежать и был пристрелен. Самоуправство, но все данные, что это был великий мерзавец. Однако, все евреи за него горой. Все они теперь невинны! . . а свидетельские показания неевреев и двух из пострадавших

www.elan-kazak.ru

были о нем прямо убийственными. В конце концов ему поделом, но офицеров от таких самоуправств придется отучить.

К немцам в Берислав пришли пополнения. Примерно батальон, артиллерия и много пулеметов. Как будто стали и к нам не столь благосклонны. Пора уходить . . .

Уходим завтра в 7 часов. Передал, чтобы рассказывали, что идем на Каиры. Днем велись строевые занятия и была пулеметная стрельба.

31-го марта в 7 часов 30 минут выступили из Любимовки. Во 2-й роте, бывшей в охранении и караулах, соседи разобрали подводы. Пришлось собирать новые. С утра пасмурно и холодный ветер с востока, но вскоре небо очистилось, а порой и солнце пригревало сквозь ветер. Уже тронулись, прошли верст восемь, нагоняют на подводах шесть чехов из пленных и просят их принять в отряд даже без жалования. Они уходят от австро-германцев. Дважды в пути приезжали хуторяне из разных мест просить помощи против банд и оружия, но у нас у самих его уже мало. Богатый район. Кругом преимущественно хутора, а деревни редки. В хуторах каменные дома, прекрасные службы, черепица, чистота — культура. У одного хутора вынесли, между прочим, продавать бублики — таких два года не ел, в пору Филиппову. Местами выносили хлеб, сало, отказывались от денег. Всюду угнетение бандами разбойников невероятное.

Узнал — вчера вахмистр 1-го эскадрона познакомился в Каховке с сестрой поступившего к нам офицера, вдовой офицера. Вечером спьяна женился, а утром даже забыл об этом. Невероятно, но факт.

В пути выяснилось, что колония Вознесенская, где предполагался ночлег, больше не существует, а ближайшая деревня — Торгаевка. Пришлось сделать лишних 9 верст. За день прошли свыше 50 верст, но в общем легко, так как дорога грунтовая, твердая, гладкая, без подъемов. Был ветер и двигались легко, только лошадям было тяжеловато, так как хутора разбросаны, шли без привалов, напоить их было негде, в Любимовке из-за холодной ночи много лошадей не

пило. Верст восемь пехота шла пешком для тренировки, а вся колонна пять раз рысью по 10 минут.

В деревню Торгаевку прибыли в 18 часов 30 минут. Конный отряд раньше. Верстах в девяти от Торгаевки при дороге валялся труп. После оказалось, что в передовом конном отряде один офицер встретил клеврета Алехина, который раньше его разыскивал и приговорил к смерти. С большевиком быстро покончили, а его товарища, не столь виновного, крепко выдрали. Вот судьба — сам наскочил, разыскал свою смерть.

В Торгаевке узнаем, от бежавших из Нижней Серогозы, о бесчинствах там местного отряда красной армии, состоящего из 25 человек. Они взяли 11 тысяч общественных денег, терроризировали население (состоящее более чем из четырех тысяч человек). Очень просили помощи. Послал 20 человек желающих из конницы и пехоты на подводах. Туда же на легковом автомобиле поехал я, с Неводовским, интендантом и проводником-жалобником. Когда выехали уже темнело. Время неудачное, нужно было ночью, но и то уже оказалось излишним, так как о приходе нашем они были предупреждены и поэтому бежали. Гнаться было незачем. Была уже ночь. Просьба местной интеллигенции, преимущественно из лиц эвакуированной Рижской гимназии, помочь самообороне. Выпустил объявление о сдаче оружия, о падении большевистского комитета и о вступлении в силу земства. Заварив кашу, пришлось помогать. Оборона уже организовалась: записалось много гимназистов. Обещал выдать завтра 10 русских винтовок. Был в этот день гимназический праздник. Набились в буфет, где шла организация и запись в оборону. Оригинальный колорит — дамские вечерние платья, мужские форменные, учебные и штатские пиджаки и косоворотки демократов и наши походные формы при оружие. Во 2-м часу ночи все закончили. Выдали в распоряжение директора гимназии оружие и патроны (из сданных), дали советы и уехали. Случайно узнал, что под шумок офицеры самочинно выдрали большевистского председателя комитета шомполами; приказали ему не кричать. Удивительно ловка эта молодежь; впрочем, он того стоит.

Сняли телефонные и телеграфные аппараты и электро-

www.elan-kazak.ru

магниты, чтобы прекратить связь с Мелитополем. Предварительно наш пионер разговаривал от имени председателя комитета с заместителем начальника мелитопольской банды. Оказывается, что у начальника банды, некоего Гольдштейна, в деревне Веселое, где их около трех сотен, своего рода штаб. В общем получили известную ориентировку, но ничего очень существенного, боялись расспросами себя выдать.

Отмечаю, когда мы довольно долго задержались в Серогозах — нам прислали еще взвод на подмогу — налажено.

1-го апреля около 9-ти часов приехали из Серогоз за винтовками. Дали им 10 трехлинейных с патронами. Эти раздачи очень тяжелы — у нас самих всего около 150 запасных. Когда колонна ушла, поехал на легковом в Серогозы, проведать, как там самооборона. Оттуда наискосок хорошая дорога на тракт. Всего каких-нибудь верст пять крюка. Сдача оружия продолжалась все время, но вяло, однако с нашими винтовками вооружения почти уже было достаточно. Собрался волостной сход, который должен был дать людей для охраны и наладить порядок. Инертность, трусость и рабство массы поражает... Но есть надежда, что как-нибудь все наладится среди учителей и гимназистов — есть хотя неопытные, но энергичные люди; помогут местные офицеры и солдаты — все обойдется.

На перекрестке дороги испортили обе перекрещивающиеся телеграфные линии, чтобы помешать большевикам взаимные осведомления. Сегодня опять с одного более близкого хутора (1 верста) прибыли крестьяне с молоком, яйцами, салом, хлебом встречать и приветствовать своих 'спасителей'. Уплату отказались взять наотрез, извинялись, что мало вынесли, предлагали подождать пока принесут еще. Трудно представить себе те мучения и издевательства, которые они перенесли — это был систематический, беспощадный грабеж имущества, продуктов, денег и полное разорение. Сравнительно недалеко от Калги, на одном из хуторов наткнулись на сбор скота для отправки его в Мелитополь — очередная реквизиция. Обоих посланцев мелитопольцев (один еврей, конечно) — отправили для выяснения их виновности, а скот вернули по принадлежности. Счастье было видеть ту вели-

кую радость измученных, обездоленных людей; один начал молиться в уголку. И так весь путь отряда: встречается и провожается благословением и восторгом одних, проклятиями и ужасом других, тупым безразличием массы. Хотя, впрочем, не везде: где сильно поработали грабители, там удовлетворение бывало массовым.

Калга, куда прибыл отряд на ночлег, состоятельная, хорошая деревня, домов в 150. Видна зажиточность и, на редкость, не пострадала от бандитов. Пропагандисты-гастролеры не встречали сочувствия. Местный комитет оставался неизменным с первого переворота и что на редкость: председатель — бывший староста, секретарь — также бывший сельский писарь. Почти идиллия. Народ в общем так напуган всякими появлениями вооруженных, что и здесь часть поскрывалась, особенно женщины, пока им не разъяснили, что мы не враги. В Калгу опять прибыли из хуторов с мольбою о помощи — послали экспедиции, но только на одном фольварке, что у почтовой станции Калга, удалось арестовать несколько для разбора их вины, а трех, выскочивших с оружием, тут же на месте ликвидировать. Из остальных мест вся эта рвань поразбежалась и пока что никого не удалось захватить.

Вот вопрос: куда завтра идти? Опрос надежных людей выяснил, что из Мелитополя все разъезжаются, преимущественно на юг, что между станцией Федоровкой и следующей на север идут на Мелитополь «украинцы» (?) или большевики, мечущиеся, не зная куда. Кажется, собираются дать отпор. Из Веселого тоже бегут. Нас меньше всего ждут южнее Мелитополя, вот туда и надо идти. Опять же мы отрезаем их отход, испортив дорогу. До Мелитополя в один день все равно трудно, даже пройдя 53 версты, придти к вечеру. Нас ждут по тракту. Решил идти через колонию Ейгенфельд на Акимовку (тоже осиное гнездо), ликвидировать там большевиков (крюк очень маленький), а 3-го апреля раненько на Мелитополь, чтобы туда попасть первым (там много бензина). Есть ли там большевики — трудно сказать — слухи они распускают, что собираются драться, о своих силах 'пужают', а как бегут — не догонишь; полная растерянность. Всех встречных и поперечных зазывают к себе, грозят, что мы

www.elan-kazak.ru

всех вообще едущих и идущих расстреливаем. Есть болваны верящие, сами потом сознавались. Такие времена, такое бесправие и торжество силы. На Веселую же гораздо больший крюк, к Мелитополю могли бы опоздать.

(Примечание. Полковник Дроздовский, наметивший путь своего отряда на Мелитополь, обходным движением зашел с юга и перерезал железную дорогу у ст. Акимовка, отрезав, таким образом, мелитопольскую группу большевиков от крымской группы.)

День тяжелого удара — возвращение Кудрящева, посланного для связи с генералом Корниловым (его приключения, арест в Лепетихе, угроза крестьян расстрелять за большевизм) и вести с Дона: Корнилов в районе Кавказская—Петровск (на Каспии), измена молодых казаков, поражения, расстрелы офицеров. Может быть и преувеличено, но суть — едва ли. Эти показания дали два офицера, один из отряда, защищавшего Ноновочеркасск. Движение японцев; подход поляков к Воронежу. Бологовский поехал дальше. Маяком ему будут служить Симферополь и Ростов. Принципиальное решение — сохранить отряд до лучших времен. Что же делать непосредственно — обдумаем, а пока же в районе Мелитополя немного задержаться. Надежда на помощь союзников, на помощь японцев больше, но какою ценой. Катастрофа Корнилова и Алексеева — это национальное несчастье. Мое переживание — пройдя уже более половины пути, потерять точку стремления! И все же бороться до конца . . .

2-го апреля выступили в 8 часов. Тот же сильный восточный ветер, та же ясная погода. Привал в Екатериновке, имение, крепко пограбленное большевиками. Верстах в семи восточнее свернули с тракта на Ейгенфельд. На полдороге нас встретили на перекрестке колонисты из Александрфельда, горячо приветствовали, жалели, что не вынесли поесть. Один предлагал деньги (25 рублей) ординарцу. У входа в колонию Ейгенфельд — триумфальная встреча: музыка, масса народа, зелень, бросают цветы. Пастор с женой и свояченницей встречают наш штаб, приглашают к себе. Неловко отказать этому радушию. Останавливаем колонну. Вся втягивается в улицу. Выносят молоко, хлеб, сало, яйца, раздают целые окорока, украшают цветами. Штаб у пастора: угощение за

сервированным столом, белая скатерть, вино — оставшаяся бутылка. В 12 часов там ждали большевиков из Мелитополя за 120 тысячами контрибуции с волости. Ровно в 12 вошла с запада наша колонна — избавители. Просили оружие, организовать оборону. Сказал заехать, если соберем в Акимовке. В колонии своих большевиков очень мало — притесняла приезжая красная гвардия.

Колонна задержалась на час. Только что собирались выступать — донесение (на автомобиле от Войналовича) о появлении большевистских эшелонов на ст. Акимовка. Приказал одной роте с легкой батареей идти немедленно переменным аллюром на поддержку, если таковая потребовалась, а остальным тоже не задерживаться, идя частью рысью. Сам в автомобиле. Приехал в местечко Акимовку. На вокзале все уже кончено. Шло два эшелона из Мелитополя на Акимовку. На запрос ответили, чтобы подождали, пока еще путь не исправлен. Потом приготовились и вызвали. (Примечание. По занятии ст. Акимовка один офицер, знавший телефонное дело, на запрос из Мелитополя о пропуске на ст. Акимовка, назвавшись товарищем Петром, стал задерживать выход большевистских эшелонов. Когда все приготовления для встречи были закончены — их вызвали и он дал путевую.)

Должны были взорвать путь позади второго эшелона, а первый направить в тупик. Второй не удалось заполучить — раньше времени взорвали путь. Первый же приняли в тупик и встретили пулеметным огнем кавалеристов и с броневика, который стрелял почти в упор. Всюду вдоль поезда масса трупов, на буферах, частью убитые, частью добитые. Несколько раненых. Между прочем, машинист и три женщины. Когда прибыл, еще выуживали попрятавшихся по укромным уголкам. Пленных отправили на разбор в штаб к Семенову. Всего на вокзале было убито человек 40. Как жили большевики: пульмановские вагоны, преимущественно 1-й и 2-й классы, салон, масса сахара, масло чудное, сливки, сдобные булочки и т. п. Огромная добыча: 12 пулеметов, масса оружия и патронов, ручных гранат, часть лошадей (много убитых и раненых), новые шинели, сапоги, сбруя, подковы, сукно матросское шинельное, рогожка защитная, калоши, бельевой материал. Обилие чая, шоколада, конфект.

www.elan-kazak.ru

Всего в эшелоне было человек около 150 — следовательно, считая пленных — не спасся почти никто. Вскоре запросился по телефону эшелон большевиков с юга. Хотели его принять, но на разъезде южнее Дмитровки его предупредил, повидимому, кто-то из бежавших. Он не вышел с разъезда и вернулся. У нас без потерь, только одному оцарапало палец, у другого прострелен бинокль, но выбыло из строя пять лошадей. Второй эшелон отошел после взрыва и скрылся из вида. К вечеру были передопрошены все пленные и ликвидированы. Всего этот день стоил бандитам 130 жизней, среди которых были и 'матросики', и 3 офицера, до конца не признавшиеся в своем звании.

Отряд сосредоточился в Акимовке часам к 17-ти. Акимовка — селение большое. Устроились очень недурно, кровати. Выбор направления на Акимовку оказался очень удачным.

3-го апреля только стало светать, как стук в окно — донесение о снятии заставы. Поднял всех, телефон в полк — не отвечает — послал, благо близко. Узнал: вся артиллерия, кроме взвода у вокзала, уже стояла на позиции на север, а конно-горная вела пристрелку по будке, к которой подходил поезд. Поезд остановился и вышли цепи, которые после двух шрапнелей бежали. Большевики из 2-х легких с поезда, без разбора вели обстрел Акимовки, разбрасывая, причем масса не разрывалась и были зажигательные. В Акимовке убита одна еврейка. Части, поднятые по тревоге, были распределены: пулеметная рота заняла северо-восточную окраину деревни, 1-я рота стала уступом за левым флангом, 3-я сначала оставалась во внешнем охранении, а потом была стянута в район штаба полка.

2-я рота с частями Жебрака под его командой (без взвода, приданного конному отряду). На станции артиллерия вела наблюдение на север. Обозы с прикрытием на северо-западной окраине Акимовки у дороги на Ейгенфельд. Конный отряд в 8-м часу двинулся в обход в направлении на Дармштадт, а отряд должен был выступить в 9 часов, как было решено раньше, но задержался, так как мы не имели сведений о вывозе оружия со станции (вывозили конфекты шоколад, калоши и дамскую обувь, а существенное, самое важ-

ное — задержали . . .) Колонна выступила в начале 11-го. Броневик шел с конницей по дороге левее и рядом с полотном. К началу движения конницы, банды, высадившиеся из двух эшелонов, растянули длинную, редкую, охватывающую цепь по линии колоний Дармштадт, Гутерталь и почти до русла Тащенак. Продвижение конницы совершалось с перестрелкой. Двигаясь в направлении на Дармштадт, эскадроны, прогнав несколькими шрапнелями конно-горной большевистские цепи на участке между Дармштадтом и дорогой на Гутенталь, Иоганнесру, прорвали цепь, разделили ее и, заходя в тыл, грозя окружением разрозненных групп, принялись их уничтожать. В то же время конно-горная стреляла по поезду, причем одна граната попала почти в платформу. Большевики частью успели сесть в эшелоны и уехать, частью разбежались в дикой панике, спасаясь по разным направлениям, бросая оружие и кидая сапоги, шинели, портянки. Уничтожение их продолжалось. В плен не брали, раненых не оставалось. Было изрублено и застрелено, по рассказу конницы, до 80 человек. Броневик помогал своим огнем, стреляя по цепи. Когда дело было кончено, броневик вернулся к колонне главных сил, а конница пошла через Иоганнесру на вокзал Мелитополя, с целью обойти с запада и севера. В этой операции конница потеряла 5—6 убитых и раненых лошадей и был легко ранен в ногу серб офицер, Патек.

Перед выступлением из Акимовки главной колонны, часть взятого у большевиков имущества, что не могли поднять, была продана на месте (чай, калоши), а часть роздана на руки.

Подход главной колонны к Мелитополю — сплошное триумфальное шествие. Уже в деревне Песчаное (пригород) встретили толпы крестьян с хлебом-солью и приветствиями. Ближе к вокзалу — еще хлеб-соль, а в городе улицы, ведущие на вокзал, запружены народом. Делегация железнодорожников с белым флагом и речью — приветствие избавителям, еще хлеб-соль. Входили спасителями и избавителями. На вокзале депутация инвалидов с приветствиями. Большевики бежали спешно на Антоновку, остались подрывная команда анархистов и еще кое-какие мерзавцы, которых час-

www.elan-kazak.ru

тью перебила, частью арестовала вооружившаяся железнодорожная милиция.

На квартиры стали в предместье Мелитополя в Кизьяре, в районе вокзала. Меня с Неводовским и адъютантами пригласил к себе инженер К. Квартира была пуста, все было вынесено в ожидании боя, так как эти банды похвалялись, что дадут нам бой. Квартира — мерзость запустения. Настроение всей массы железнодорожников до нашего прихода было ужасное: измучены, терроризованы, озлоблены. Много помогали в розысках и ловле анархистов и большевиков. В Мелитополе нашли громадный запас новых обозных повозок. Решили заменить все потрепанные повозки. Фуража много, но бензина мало. Намечается довольно большая прибыль добровольцев. Прибыли в Мелитополь около 16 часов.

4-го апреля в Мелитополе. Утром прискорбный инцидент: один капитан пионерного взвода застрелен жителем из револьвера. Он ехал совершенно пьяный верхом по путям, стрелял, был задержан часовым, угрожал стрелять, а когда у него была отнята винтовка, взялся за шашку, но был смертельно ранен выстрелом из револьвера бывшим поблизости жителем. Житель задержан. После производства дознания был выпущен, но револьвер отобран — почему не сдал по объявлению.

Рано утром в Акимовку были посланы локомотивы и рабочие вагоны для исправления пути и вывоза из Акимовки захваченного поезда и прочего подвижного состава. Невывезенное сразу имущество было оставлено на вокзале Акимовка и сдано Жебраком под охрану местных властей. Вчера вечером поздно все это прибыло на подводах в Мелитополь. В нашем распоряжении оказалась одна блиндированная платформа, которая прикрывала, с поставленными на нее пулеметами нашим взводом, эвакуацию Акимовки.

Около 14 часов был у городского головы и разговаривал с ним об организации милиции. Впечатление, что очень мало на месте энергичных, смелых людей. Все запуганы до безобразия. Городской голова сказал, между прочим, что в городе большая тревога, так как боятся нашего ухода. Дал некоторые советы об организации милиции.

Днем начали поступать донесения по телефону из Акимовки. Сообщали, что к ней подходят эшелоны матросов. Самые дикие слухи росли, внося в измученное население тревогу. Самый интересный слух — из Крыма движется 600 000 армия красногвардейцев ... Прибывшие поезда тоже доносили, что не очень спокойно, но когда наша блиндированная платформа оставила Акимовку, и мы еще не знали где она, с разъезда Тащенак пришло донесение по фонопочте от железнодорожников, что к разъезду подходит большевистский эшелон. Ясно было, что эти все слухи паническое и вздорные, но самую возможность факта, приближения большевиков, отрицать было, конечно, нельзя. После данного им урока мы настолько в это не верили, что никаких особых мер охраны не принимали, но с этими сведениями, как они не были преувеличены, совсем не считаться нельзя. Эшелон мог подойти и нужно приготовиться. Было решено: вызвать офицеров из города, сосредоточить в фруктовом саду у балки Песчаная, выдвинуть роту, взвод конницы и взвод легкой артиллерии и вести разведку на фронте от реки Молочная через хутор Тащенак, колония Иоганнесру, столбовая дорога. Северное направление наблюдалось только заставами, так как большевики, покинув Антоновку, ушли на Токмак. На разъезде Терпение решено иметь паровоз с 12—15 вооруженными железнодорожниками, а на разъезде Тащенак — блиндированную платформу с пулеметами, связанную со штабом телефоном. На случай, если бы большевистский эшелон решил подойти близко, например, в бронепоезде, подготовлен был локомотив и вагон с рельсами для устройства крушения и последующего уничтожения эшелона. С посылкой за офицерами вышло не гладко. Собирая офицеров, либо ординарец сдуру наговорил, либо кто-то из добровольных помощников жилелей, кричал по улицам, чтобы отряд собирался, что наступают большевики и т. п., и началась настоящая паника. Милиция сразу же побросала винтовки и разбежалась. Едва успокоили население. В 16 часов, отряд под командой подполковника Почекаева, выступил вперед по фруктовому саду. К этому времени обстановка выяснилась. Оказывается наша блиндированная платформа доходила до станции Сокологорное, занятой бандами. По-

www.elan-kazak.ru

том поезд большевиков следовал за ними. Велась перестрелка пулеметами. Враги стреляли из орудий, но попадали почти каждый раз все в свой же поезд, давая чудовищный недолет. Наши умирали со смеху, видя эту стрельбу. Верстах в двух с половиной южнее станции Акимовка они сняли районные рельсы и увезли их под огнем большевстских разъездов. Когда оставляли Акимовку, разъезды большевиков уже подходили к станции. Вот это все достоверные сведения. Ясно, что дальше этого разобранного пути поезд не мог пройти, а занять они могли только Акимовку.

Предполагаю на завтра послать конный разъезд в Иоганнесру, чтобы захватить большевиков, если будут приближаться, устроить крушение севернее переезда у Тащенак, дальше от города и глубже обойти место крушения с тыла. Днем, часов в 17—18, запрос о приеме поезда с делегацией немцев. Очевидно их части имеют ввиду сойти к Мелитополю. Приказал ответить о приеме к 10 часам 5-го апреля. Квартира наша обставилась: внесена мебель, картины, рояль . . . Уютно, комфортабельно. Утром взял горячую ванну — блаженство после стольких дней похода. Вечером собрались служащие, коллеги инженера К. Прекрасно пел его помощник. Давно уже не приходилось слышать ничего подобного. Повеяло старым, довольным временем. Понемногу город очищается от большевиков и бандитов. В Акимовку из Мелитополя приехал на автомобиле офицер, сказался бежавшим. Там, однако, был опознан солдатами Крымского конного полка. Один солдат, увидев его, сразу в морду. Оказался вовсе не офицер, а убийца командира, похитивший его же шашку после убийства. Расстреляли. Железнодорожная охрана (все низшие служащие) арестовала типа, призывающего бить буржуев, анархиста. Случай разобран. Расстрелян.

Мелитополь дал многое. Есть военнопромышленный комитет. Получили ботинки, сапоги и белье. Из захваченного материала шьем обмундирование на весь отряд — все портные Мелитополя загружены работой и посторонних заказов не берут.

5-го апреля ездил утром смотреть заставу в саду у балки Песчаная. Пришлось переставить артиллерию, чтобы обстреливала подходящий поезд прямо в лоб.

В день прибытия в районе было выпущено объявление о свержении власти большевиков и уничтожении всех их декретов. Вся гражданская власть была передана в руки городской думы в волостных земств. Городской думе предложено было сорганизовать самооборону сильной милицией, на станции организована железнодорожная самооборона. Оружие от населения отбиралось и передавалось самооборонам. Часть оружия выдавалась в волости.

Между 13—14 часами прибыл блиндированный немецкий поезд, а за ним их первый эшелон. Остались на станции. Разговоры с ними вели Войналович и Жебрак. Я уехал в город, уклонившись таким путем от этой невеселой встречи. Немцы на этот раз, очевидно, вполне доверяли нашей лояльности, ибо, как шуба, влезли на станцию. Но нам нет пока другой политики. На офицерах эта встреча отразилась тяжело, многие нервничали. Во избежание столкновений приказал снять охрану и внешнее охранение против большевиков, передав вокзал железнодорожной охране. Охранение в Акимовке взяли на себя, естественно, немцы своим продвижением немедленно туда. Выступление конного отряда было отменено еще утром при сведениях о прибытии немцев. Завтра решил вообще оставить город и перейти в деревню Константиновку, где и ждать окончания портняжных заказов.

Хоронили убитого офицера конно-пионера. Бесславно погиб, но похороны получил почетные: металлический гроб, трехцветный флаг на гробе, масса жителей, цветы, зелень, много участия и сочувствия отряду в поминовении усопшего.

Вечером железнодорожное общество и мы собрались вместе. Тот же уют, прекрасное пение, отличный ужин, но уже не то настроение, отравленное приходом немцев. Прощальный характер собрания (наш уход). Особенно реагировал К., резко говорил с немцами, не ведя вначале необходимой политики, слишком опирался на нас, на наши прежние распоряжения. Приходилось его уговаривать вести политику, идти на уступки, ибо это могло в конце концов причинить вред даже нам. Что делать, терпи пока время не пришло. Выдержка — это все.

6-го апреля в 9 часов отправился обоз в Константиновку. Выступление боевых частей назначил на 14 часов. Так как

www.elan-kazak.ru

немцы все время наблюдали за нами и у них, очевидно, не мало агентов, решил двигать всю колонну, но по частям, разными улицами, чтобы затруднить подсчет сил. Странно, что немцы, всегда так прекрасно осведомленные, преувеличивают много наши силы, считая их не менее 4—5 тысяч (из их разговоров).

Утром отправился к немецкому генералу (начальник 15-й ландверной дивизии) поговорить о положении перед уходом. Главная же цель была сгладить обострение их с железнодорожной администрацией, если бы такое обнаружилось. Сказал о вооружении населения: о самообороне городской и железнодорожной. Он спрашивал о нашем направлении, откуда и прочие обычные вопросы. Ответы — также обычные. Немцы корректны и любезны, никаких трений. Переводчик немецкий офицер генерального штаба. С ним потом интересный разговор (предупредил, что частное его мнение), сказав: скорее уходить, что настроение украинской власти против нас, враждебное. Он очень симпатизирует нашим целям устраивать порядок своими силами, но они, немцы, могут получить приказание о разоружении. Считают нас в 5 тысяч. Понимает, что им никто не будет благодарен за усмирение. Что в Великороссию они не пойдут, разве пригласят, но может и тогда не пойдут. Весь тон и отношение к нам полны личного уважения, но в полной уверенности, что мы не преследуем широких патриотических целей, или что выполнение их невозможно.

Я со штабом шел по главной улице, во главе 1-й роты со знаменем и музыкой. Немало народа (и простого) встречало колонну. Поклоны, приветы, одна женщина крестила. За эти дни определенно ясно симпатии народной массы к нам. Население ждало избавителей, откуда бы они не пришли, а пришло избавление от русских регулярных войск. Все симпатии, вся радость спасения отдана нам своим. Если бы пришли немцы или украинцы первыми избавителями — то к ним были бы направлены общие симпатии, а теперь пришли иноземцы и появление их почти во всех группах населения произвело тягостное впечатление, оскорбление еще сильного патриотизма. Идти впереди немцев, своим появлением спасать, вторичным появлением немцев будить патриотизм —

вот наш триумф, наша задача. Перед моим отъездом прибыла делегация немецких граждан — русских подданных — Мелитополя. Благодарили за спасение. Два штатских и барышня с букетом. Передали благословение отряду и пожелание успеха.

В Мелитополе с помощью населения изловлено и ликвидировано 42 большевика. Странное отношение у нас с немцами, точно признанные союзники. Содействие и строгая корректность, а в столкновении с украинцами — всегда на нашей стороне, безусловное уважение. Один, между тем, высказался: враги те офицеры, что не признали нашего мира. Очевидно немцы не понимают нашего вынужденного союзничества против большевиков, не угадывают наших скрытых целей или считают невозможным их выполнение. Мы платим строгой корректностью. Один немец говорил: 'Мы всячески содействуем русским офицерам, сочувствуем им, а они от нас сторонятся, чуждаются'.

С украинцами напротив — отношения отвратительные: приставание снять погоны, боятся только драться — разнузданная банда, старающаяся задеть. Не признают дележа, принципа военной добычи, признаваемого немцами. Начальство отдает строгие приказы не задевать — не слушают. Некоторые были побиты — тогда успокоились. Хамы, рабы. Когда мы ушли из Мелитополя, вокзальный флаг, даже не строго национальный, сорвали, изорвали, истоптали ногами . . .

Немцы — враги, но мы их уважаем, хотя и ненавидим . . . Украинцы — к ним одно презрение, как к ренегатам и разнузданным бандитам.

Немцы к украинцам — нескрываемое презрение, третирование, понукание. Называют бандой, сбродом. При попытке украинцев захватить наш автомобиль на вокзале, присутствовавший немецкий комендант кричал на украинского офицера: 'Чтобы у меня это больше не повторялось!' Разница отношения к нам, скрытым врагам, и к украинцам — союзникам, невероятная. Один из офицеров проходящего украинского эшелона говорил немцу: надо бы их, т. е. нас, обезоружить, и получил в ответ: они также борются с большевиками, нам не враждебны, преследуют одни с нами цели, и у

www.elan-kazak.ru

него язык не повернулся бы сказать такое, считает непорядочным . . . Украинец отскочил.

Украинцы платят такой же ненавистью. Они действительно банда: неуважение к своим начальникам, неповиновение, разнузданность. Одним словом — те же хамы. Украинские офицеры, больше половины, враждебны украинской идее в настоящем виде, и по составу не больше трети — украинцы (некуда было деваться). При тяжелых обстоятельствах бросят их ряды . . .

Кругом вопли о помощи. Добровольцев в общем немного. Поступило в пехоту человек 70. Для Мелитополя стыдно, намечалось сначала много больше, но пришли немцы, и украинцы — успокоились, шкура будет цела, или полезли в милицию — 10 рублей в день . . . Интенсивно ведется шитье.

8-го апреля в Константиновке. Можно было достать в военно-промышленном комитете 300 тысяч рублей — интендантские суммы от ликвидации имущества. Заведующий сам предлагал, намекая прозрачнейше, но слышавшие это офицеры не сообщили. Интендант промолчал. Сегодня все это узнал и поехал к С., у которого были деньги. Поздно, уже украинцы наложили руку, даже задним числом ничего нельзя. Сам С. жалел, что попадутся украинцам, да что делать. Узнал об этом у русского общества, приславшего делегацию часов в 18, программа — всероссийская. Спрашивали, что могут для нас сделать. Сказал — на местах готовить умы, для меня же — связать с общественными деятелями крупных центров, ибо для меня важны три кита: деньги, добровольцы и огнестрельные припасы.

Обедал в ресторане. Разговор с украинским комендантом. Помогу, если будут где-либо грабить население. Он просил, если ему нужно будет расстреливать, дать людей, кто мог бы не дрогнуть при расстреле. Я ему ответил, что роль исполнителей приговоров на себя не беру, а расстреливаем только нами приговоренных.

— Имею большие полномочия приказывать всем германским и украинским войскам в районе.

— Приказывать не можете.

— Могу.

— Можно только тому, кто исполнит, а я — нет.

— Вы обязаны!

— Не исполню!

— Вы на территории Украины.

— Нет. Где войска и сила, там ваша территория. Мы же идем по большевистской и освобождаем.

— Никто не просит.

— Нет, просят. Мы лояльны, не воюем, но должны с войны вернуться через ваши земли.

Еще много прекословил, не совсем трезв. В конце концов просил помощи окружным селам и деревням. Я согласился охотно, если помощь в направлении нашего пути. Наконец разошлись, оба очевидно недовольные друг другом. Вечером в оперетке. Масса офицеров. Вообще за время Мелитополя поведение корректное. Играли, как полагается в провинции, но некоторые были недурны. Ужин в ресторане, пьяный украинский комендант (по рассказам ему в конце разбили голову стаканом). Немного жаль покидать Мелитополь. Другая жизнь, отдых нервам. Хотя мне нет отдыха. Всегда окружен врагами, всегда страх потерпеть неудачу. Каждое осложнение волнует и беспокоит. Тяжело . . .

Погода все дни прекрасная, но ветер, изводящий восточный ветер. Утром телеграмма из Бердянска с просьбой о помощи. Там инвалиды выкинули большевиков. Подписана — Абальянц. Может быть и провокация. Заехал в город и взял френч (за фасон и приклад — 100 рублей). Прощальные визиты и в поход. Езда на автомобиле ужасна: все время пришлось менять шины, а новых нет, чиним, заклеивая тряпками, как пластырем, привязав веревками и опять плохо. Так мучился до села Покровка, где удалось настигнуть хвост колонны, уходящей с привала. Сел на предложенную мне лошадь и поехал дальше. Автомобиль еще долго маячил, обвивал шину веревками и едва добрался до ночлега. Я хорошо поспел в конный отряд.

Между колониями Владимировка и Богдановка (болгарская) встретил делегацию от инвалидов из Бердянска. Делегация, подтверждая телеграмму о свержении советской власти, просила Христом Богом поскорей послать артиллерию, так как у них нет пушек, а матросы безнаказанно громят

www.elan-kazak.ru

город с гавани, укрепив две шестидюймовые пушки на лайбах. Кто же пошлет одну артиллерию?

Повел их в штаб в Богдановку, вместе с Войналовичем выяснить обстановку.

— Кто руководит обороной?

Назван ряд штатских.

— Я военный специалист. Могу с доверием относиться только к специалистам. Разве нет офицеров?

— Есть, много.

— Кто же командует?

— Полковник Черков.

— С усами и бородой, среднего роста?

— Нет ни усов, ни бороды.

— Что на погонах?

— Без погон.

Сбить не удалось, выяснилось, что это тот Черков, который нам известен. Очевидно нет провокации. Завтра рано прибыть все равно не можем, только к ночи, а это с артиллерийской точки зрения бесполезно. Решили идти 10-го апреля в Ногайск, а на рассвете 11-го апреля, часов в пять выступить и рано утром прибыть. Послал Черкову записку держаться, успокоить испуганное население и терпеливо ждать. Артиллерии все равно прислать отдельно не мог, тем более — одна-две пушки на автомобиле. Делегация уехала.

Богдановка — богатейшая болгарская деревня. У нашего хозяина каменный дом с городской приличной обстановкой, смесь с крестьянской простой: зеркала, буфет модерн, масса стульев . . . Многие жители живут очень богато. В Богдановке штаб, конница и лазарет. Остальные части отряда во Владимировке, с которой телефонная связь. Хозяин ничего не взял. Наотрез отказался.

Утром 10-го апреля прибыла опять делегаця из Бердянска, но теперь уже офицеры. Те же самые разговоры и просьбы. Лететь же мы не можем.

Сегодня, 10-го апреля, двигался с конным отрядом. Недалеко от Ногайска встретил нас автомобиль с Черковым. Он мою записку получил. У них настроение не сдаваться, но все же тревога инеуверенность в массе 'защитников'. Еще утром, рассмотрев карту, увидел, что идти днем нельзя, так

как вся дорога наблюдается с моря, а потому решил выступить ночью, часов в 10 вечера, чтобы рано утром прибыть. К рассвету иметь уже артиллерию всю на позиции, подведя к городу конницу и одну роту, а весь отряд оставить в колонии Ивановка, чтобы не втягивать его в город, иметь свободу действий против покушений со стороны Новоспасского или Петровского, откуда, по сведениям, большевики могли ожидать помощь. Для защиты же набережной и собственно города у инвалидов своих сил и так достаточно. Черков убедительно просил, как видимый признак помощи, послать хотя броневик с мотоциклетками. Это же послужит и опорой для инвалидов. Теперь, когда возможность ожидать провокацию исчезла, я согласился. Прибыв в Ногайск, арестовали советы, восстановили думу, захватили 20 тысяч советских денег, городские — вернули думе. Выловили еще несколько мерзавцев. Здесь получили сведения, что суда из Бердянска по-видимому ушли с рейда. Оставив отряд в Обиточном (2 версты восточнее Ногайска) и условившись о ночном марше, сам отправился с Неводовским и батарейным командиром для ознакомления с положением на месте и выбора артиллерийской позиции. С нами пошли броневик и два мотоцикла, все в распоряжение Черкова.

Дорога прекрасная, ровная. Справа то показывалось, то скрывалось море, скрашивавшее унылый вид степи. Азовское море в легкой мгле.

Позиции выбрали в районе маяка и кладбища. Осмотрел позиции инвалидов на набережной, достаточно неостроумно устроенные. Посетил их 'штаб', в котором царил хаос, вмешательство миллиона людей, претендующих на право все знать и распоряжаться, не только военных, но и штатских, представителей политических партий (рабочих организаций).

Картинный объезд позиций с Абальянцем.

Броневик был встречен овациями и его появление внесло в население уверенность и успокоение — видимый залог пришедшей помощи. Наш автомобиль приветствовали, но не слишком. Мало публики на улицах (разбежались по окрестностям). Разрушения есть значительные, но редкие. В общем город не очень пострадал. Матросов и след простыл — суда ушли, говорят, в Мариуполь. Около шести пригласил к

www.elan-kazak.ru

себе обедать бельгийский косул, состоятельный человек. Накормил отлично, удивил радушием. Засиделись поздно и только часов в 9 вечера поехали навстречу колонне. Встретили ее уже по выходе с ночлега, на походе. Весь отряд приказал сосредоточить в колонии Ивановка (по-местному — Куцая), на позицию выставить только взвод легкой и взвод мортир с прикрытием их из двух кольтов, что при легкой батарее, а одну (третью) роту поставить для порядка в городе, придав ей броневик и мотоциклетки, с тем, что роты менять, назначить комендантом Жебрака, вручив ему в городе военную власть, подчинить ему роту и броневик, устроить комендатуру и вербовочное бюро. Проехав впереди колонны в Ивановку, подождал Войналовича, передал ему все сделанные распоряжения и уехал опять в 'военный штаб' в Бердянске, согласовать все распоряжения. Был 3-й час 11-го апреля.

Почти всенощное бдение: приехав из Куцой обратно в 'штаб' в Бердянске, сидел там почти до 6-ти часов. Условился об очищении от сора мужской гимназии, где должна была разместиться дежурная рота, Жебрак, комендатура, бюро, комиссия по сбору имущества. Условился о высылке провожатого роте. Около шести выехал на автомобиле в Куцую, где по приезде и лег, наконец, спать.

Одновременно с посылкой к нам, посылалась депутация и к австрийцам, те было обещали, но не пришли своевременно. Вчера же к вечеру узнали, что запрашивается эшелон к приему. Для нас зарез . . . Просил Абальянца ответить, что пришел наш отряд и помощи австрийцев не нужно. Так им и телеграфировали. Проснулся — сообщают: уже австрийцы в городе. Грустно, в 11 с половиной поехал выяснять положение.

Взаимные соотношения: исполнительный комитет и видные деятели инвалидов с нами в дружбе и помогают во всем; город же ведет политику, желая спасти арестованных комиссаров, а инвалиды настаивают на их казни. Мы чувствуем себя не вполне хозяевами. С приходом австрийцев город опирается на них и ввиду того, что большевиков скинули инвалиды сами. Он заигрывает с ними, говоря любезности и обещая поддержку, настраивая австрийцев и украинцев про-

тив нас. С получением снарядов, патронов и разного имущества обстоит довольно благополучно. Совместно обходим украинцев, но важно получить толику из захваченных 12 или 22 миллионов рублей (суммы так и не определили точно). Все время бегал и разговаривал по этому вопросу и об организации инвалидной самообороны. С самообороной обстоит так: все руководители инвалидов понимали, что в тревожное время вооружили они беспорядочно разный сброд и надо их разоружить, оставив оружие только в надежных руках. В этом достигнута у нас общая гармония, но прибытие австрийцев меняет дело— могут потребовать полного разоружения. Ищем переговоров с австрийским командиром. Принципиальное согласие получено. Требуют определить списки и дать внешние знаки. Вопрос о разоружении — уже дело инвалидов.

С прибытием австрийцев я вообще уклонился от какого бы то ни было распорядительства. Артиллерию приказал убрать, как только поставят свою австрийцы. Роту выведу из города завтра утром. Сегодня задержался приемом добровольцев. Вообще, завтра с утра ничего боевого в городе не останется — все в Куцую, а послезавтра уйдем дальше.

Днем, инвалиды, опасаясь освобождения арестованных под влиянием политических партий, или передачи их гражданскому суду, попросили передать их нам. Освободили двух, которые, с риском для себя, воспротивились избиению офицеров, задуманному в период господства матросов. В думе было специальное заседание вечером. Шел вопль, набросились на представителей инвалидов, а те отгрызались и ругали управу и думу за ее двусмысленную политику. Разошлись друг другом не довольные, признав, что укорами и спорами дело не поправишь и разрушенных домов не восстановишь . . .

Перед возвращением к себе в Куцую поймал меня австрийский гауптман. В разговоре он передал, что по распоряжению Рады все деятели большевизма должны арестовываться и отправляться в Одессу на специальный суд, мы же сами не можем их казнить. Как офицер, он вполне понимает, что их нужно убивать, но как исполнитель воли начальства, обязан мне это заявить и настоятельно просить: еще не каз-

www.elan-kazak.ru

ненных комиссаров передать ему. Дружески проговорили и, так как все, кого нужно было казнить, были уже на том свете, конечно, обязательнейше согласился исполнить все ...

С деньгами неважно: в некоторой небольшой части инвалидов, примыкающих к рабочим кругам, вернее примкнувших к ним фронтовиков, ведется против нас агитация, стараются натравить на нас, распуская сплетни. По той же причине инвалиды остались без председателя Панасюка, их головы и сердца, пользующегося огромным влиянием. Исполнительный комитет решил на завтра в 9 часов собрать собрание, пригласил и меня. Вопрос о деньгах мог решиться только после заседания вновь избранного исполнительного комитета, как и вопрос о наших снабжениях. Кто-то работает против. В 'военном штабе' кавардак. Черков на побегушках, а всем хочет заправлять Абальянц, но это не вполне удается. Кокетничает своими царапинами, перевязанной губой. Эту ссадину можно даже коллодиумом не заливать. Через два-три слова упоминает о ранении. Для нас забавно ...

Собственно организации никакой, но пишущие машинки есть ...

Чудные лунные ночи, чудные дни, море, деревья в цвету, так хочется отдыха и покоя, солнца и весны, а впереди заботы, бои и кровь, кровь без конца ...

С утра 12-го апреля на собрании инвалидов (в том числе и все офицеры и солдаты из Бердянска). Театр набит битком, трудно протолкнуться, но меня устроили сидеть на скамье, выказывают большое внимание. Собрание, как собрание, тот же крик, шум, беспорядок, та же потеря времени. На собрании Двойченко делал сообщение о задачах отряда, но слишком много говорил о немцах и австрийцах и много звучало враждебности. Если передадут — нехорошо. Были вопросы из публики, стараясь настроить против нас, но прения были сразу прекращены председателем, все успокоились, а мы ушли потом под аплодисменты. После выборов нового исполнительного комитета, началось закрытое заседание — я ушел.

Совместного заседания — представителей инвалидов, моих (Жебрак и я), австрийцев и украинцев — не состоялось. По уходе с заседания узнал, что пришли немцы и украинец

задрал нос. В конце концов мне все равно — пусть инвалиды сами отстаивают свою самооборону.

К вечеру получили все, что хотели, только сахара всего 100 пудов, вместо 600, снаряды (1000 горных), патроны, шинели, амуниция, сапоги и т. п. Помогал Абальянц. С автомобилями не уступают. С деньгами — плохо, обещано выяснить завтра — по-видимому исполнительный комитет уклоняется. Украинский комиссар протестует против взятия лошадей. Напустился на Абальянца, чтобы я их вернул, а если инвалиды не сумеют, то он примет меры. А комбинацию из трех пальцев хочешь? Абальянц пришел ко мне. Спрашивает, что делать? Я сказал: 'Запросите начальника конного запаса письменно, за номером. Тот ответит тоже письменно мне и потребует возвращение лошадей. Я отвечу тоже за номером письменно, а там ищи ветра в поле'. Он решил так и сделать. Подробность — украинский комиссар сказал: 'Если Дроздовский пришел по зову, то пусть требует с города возмещение расходов, а лошадей брать нельзя!? ..'

Офицерство записывается позорно плохо и вяло. Всего поступило 70—75 человек, считая и учащихся и вольных. И это для Бердянска ...

Звал по аппарату из Мелитополя днем К. Он хотел передать что-то важное от атамана Натиева. Не понимаю, но нужно увидеться, к тому же еще одна попытка о деньгах ... Завтра колонна выступит в 11 часов, а я в Бердянск, оттуда прямо в Новоспасское.

13-го апреля колонна выступила в 11 часов, а я же на автомобиле поехал в Бердянск для добычи денег и для свидания с К. С деньгами ничего не вышло. Абальянц обещает какие-то заседания, а вернее водит за нос. Ясно, что, использовав обстоятельства, приход австрийцев и свою безопасность, решили забыть о помощи ... Деньги улыбнулись. К. приехал только часа в три. С Натиевым ничего интересного, простое недоразумение — приняли за другого Дроздовского, тоже полковника Генерального Штаба, с которым он искал свидания, как с другом. К. привез, правда, интересное телеграфное донесение немцев (15-й ландверной дивизии) о нашем отряде из Мелитополя. Между прочим они оценивают наши силы в 5 тысяч, из коих 2 тысячи офицеров.

www.elan-kazak.ru

Погода установилась чудная, наконец-то нет сумасшедшего ветра. Приехал в Новоспасское прямо из Бердянска. Какая богатая деревня! Каменные дома, большие и чистые. много домиков чисто городского типа. Приняли очень любезно. Присоединилось несколько добровольцев, из них два кадета.

Из Новоспасского выступили 14-го апреля в 8 часов утра . . . На походе нагнал Бологовский, прибывший морем в Бердянск. Ничего радостного, но лучше, чем предполагалось раньше. Корнилов почти наверно убит, понеся поражение (ни патронов, ни снарядов), но борьба идет, где-то существуют Алексеев и Деникин, Эрдели, но где? Весть о сосредоточении к Армавиру крупных казачьих надежных сил князя Баратова (сведения со слов большевистской делегации, туда ездившей). В общем неопределенность и неясность кругом, есть что-то родное, какая-то точка, к ней надо стремиться, но блуждающая, где, куда идти? Вообще же только слухи, почти ничего реального. Отрезаны от мира, весь в своих руках, на своем ответе. А денег мало, они иссякают . . . Грозный знак.

Из Одессы прибыл офицер Жебрака. Большая группа офицеров, собиравшаяся к нему с пулеметами, осталась, сбитая телеграммой 'Киевской Мысли' о гибели отряда в 'двухдневном кровавом бою' с крестьянами и красной гвардией у Вессиятского (?). Они спрятали пулеметы, а сами остались. Один лишь этот посланный примчался догонять . . .

Ночлег в Мангуше. Богатая, большая, благоустроенная, греко-татарская деревня, уцелевшая от грабежей и контрибуций — не шла течением большевизма. В Мариуполе уже австрийцы — предупредили. Приехал штаб-ротмистр — говорит — есть лошади, конный запас, отбитый от большевиков, обещает помочь его взять. Решили произвести это ночью, чтобы сделать скрыто от швабов. В 22 часа выступит 2-й эскадрон Двойченко, а вперед на машине несколько человек поедет на разведку. Приказал проделать только все тихо, без столкновений . . .

15-го апреля ночью в деревню Косоротовку (3 версты восточнее Мариуполя) придрала депутация фронтовиков из Мариуполя с бумагами, как от 'военной коллегии фронтовиков',

так и от австрийского коменданта, что на территории Украины всяким отрядам воспрещены реквизиции какого-либо фуража или продовольствия не за наличный расчет или забирать лошадей или подводы. Указал, что, путешествуя 800 верст, первый раз получаю такую штуку. Чего им взбрело на ум писать это. Кто им сказал, что я что-либо беру даром? Выяснилось, что Мангуш оказалась здоровенным кляузником. Получив требование на фураж (зерно и сено) и на подводы, она, не разобрав, как и что, сразу по телефону жалобу в Мариуполь. Высказал делегации свое недоумение и удивление их поступку. Оттоваривались, что не знали, что за отряд. Врут, правильно адресовали! . .

Отряд направился, пройдя Мариуполь, через речку и стал в деревнях Косоротовке и Троицкое, на земле Войска Донского. Я в Мариуполь в 'Военную коллегию фронтовиков'. Физиономия этой 'коллегии' оказалась поганая, много бывших большевиков . . . Предъявили миллион кляуз, фактически вздорных и их не касающихся. Настаивали на возвращении особенно лошадей. Решил это разобрать, может и придется часть вернуть. Их коллегия, очевидно, большая дрянь. Много евреев, прежде надо ознакомиться — стоит ли с ними считаться. Они уже позабежали к австрийцам, пожаловались на нас, думая, дураки, что австрийцы из-за них станут с нами ссориться. Разошлись, якобы, дружно, а в душе враждебные вполне. Австрийцы — враги, но с ними приятнее иметь дело, нежели с этими, поистине, ламброзовскими типами.

Результатом жалоб за лошадей явилась претензия австрийцев на этих лошадей. Переговорили, помирились, отдав меньшую, конечно худшую, часть швабам, а 'фронтовики' остались с носом. Я извелся: говори либо со мной, либо жалуйся. Не только ничего не вернул из взятого, но даже больше и не разговаривал с ними, как было обещал.

Сначала по телефону, а потом около 23 часов делегат от казаков из станицы Новониколаевской — просят помощи от банд на Кривой Косе, из Антоновки и из ст. Вознесенской. Послал им 80 трехлинеек и 300 патронов. Выступить решил только утром 17-го апреля, так как крайней надобности нет,

www.elan-kazak.ru

а нам изнурение, да и нужно дождаться добровольцев из Мариуполя. Пока продержатся.

Население Мариуполя и окрестных деревень большевстского типа. Масса против нас — сказываются фабрики. Интеллигенция, конечно, за, но ее мало . . .»

Отряд 16 апреля простоял в деревнях Косоротовке и Троицкое. Там похоронили офицера 1-й роты князя Шаховского, зверски убитого в деревне Петровское. Полковник Дроздовский побывал в Мариуполе на заседании Союза офицеров, на котором объяснил цели и задачи отряда. Была произведена запись добровольцев. Наметилось поступление до 100 человек.

Разведчики наняли одного мерзавца из советчиков. Ему большевики не платили денег, перешел к нам. Пообещали двойную плату и наградные, но, в зависимости от работы, и пулю. Следить будут прочно.

Привлекаем для разведки женщин. Одна пошла из наших сестер, другая, имеющая Георгиевский крест 2-й степени, старшая унтер-офицерка. Когда последняя переоделась в женское, так мало была похожа на женщину: привыкла говорить басом и ругается как ломовик.

Утром еще приезжал казак из Новониколаевской с донесением. У них пока благополучно. Уничтожили маленькую группу бандитов, захватили винтовки, но без патронов, полторы сотни легких снарядов и еще кое-какую мелочь. Дал им еще 50 французских винтовок старого образца и много патронов к ним. Завтра прийдем к ним . . .

Бензина добыли пудов 50. Что кругом делается — одни слухи, ничего достоверного. Полная неизвестность. Погода чудная, слабый ветер, тепло. Лето . . .

Из Косоротовки и Троицкого выступили 17-го апреля в 8 часов. Дорога над морем. Холмы. Хутора с садами. Полная смена пейзажа — исчезла почти совсем степь и дорога стала много веселей . . .

Встреча в станице, первой станице Войска Донского: восторженное отношение казаков, скрытое недоброжелательство и страх пришлого — иногороднего. Казаки понадевали погоны, лампасы. Шпалерами пешая и конная сотни. Отдание чести, воинский вид. Вражда между половинами населения

— пришлого больше. Казаки очень сплочены, много выше по качествам, особенно боевым. Станица вообще одна из лучших, не было ограблений и мешали другим. Долгая политика с нашим приходом вылилась наружу. Энергично стали арестовывать виновных в большевизме, комитетчиков.

Колонна отдает честь. Ура, рапорт офицера . . . сильный запах цветов, жжет солнце . . .

Восстановлено казачье самоуправление: атаман, выборные судьи. Сформировали сами полки. Продолжают организовываться. Вести о положении и хорошие, и дурные — почти верно, что Фетисов у Новочеркасска ведет бой, но кажется, без артиллерии, что отряд корниловцев в бою у Тихорецкой сбили, идут дальше, теперь сведения, что бой у Батайска, в Великокняжеской — походный атаман Попов. Плохие сведения: немцы идут на Таганрог. Телеграмма, к вечеру, большевиков отчаянная, что уходят в Азовское море, оставляя город, так как от Ростова отрезаны, немцы в 3-х верстах севернее Таганрога, они в ловушке . . . Для меня важный вопрос, кем отрезаны от Ростова — немцами или корниловцами?!

Решили спешно идти на Федоровку. Скорее вперед, не дать большевикам опомниться. Скорее на соединение, хотя сильно хотелось постоять — казаки исключительно радушны. Только что сообщили: в добровольцы записалось и 44 женщины. Я побежден . . . Много добровольцев из простых казаков — сразу видно воины. А ведь по роду занятия — те же крестьяне, как и солдаты. Станица богатая. Прекрасные чистые дома, преимущественно каменные. Обстановка в домах с запросами культуры . . . Сады все в цвету.

Особое чувство — первая станица. Мы у грани поставленной цели. Иные люди, иная жизнь . . . Много переживаний что-то ждет впереди . . .

Большевики, по-видимому, всюду бегут, всюду у них наступила паника. В станице и соседних поселках идет обезоруживание неказачьего населения. Тюрьма пополняется из всех закоулков. Казаки волокут за жабры вчерашних властелинов — колесо истории вертится. Много главарей расстреляно . . .

Ночью и утром 18-го апреля донесли из слободы Плато-

www.elan-kazak.ru

вой, что большевики идут колонной в 600 человек от Мелентьева по правому берегу Миуса и колонной в 400 (приблизительно) вдоль моря. Якобы есть артиллерия и броневики. Очевидно отрезанные банды. Платовцы беспокоются. Хотя паром через Миус испорчен, но Платовцы боятся правобережной миусской колонны.

Решили, чтобы не пропустить и изловить, послать две колонны: правую вдоль правого берега Миуса в составе — рота со своими пулеметами, взвод легкой артиллерии, взвод конницы и вспомогательная сотня казаков, которым в Платовой взять еще одну-две сотни вспомогательных. Все прочие силы — на Федоровку. Так едва ли проскочат отрядом, ну, а, если рассеются, все равно всех не выловишь.

Выступили в 8 часов. Солнце жжет, ветра почти нет... Иду с конницей. По дороге на мостике через проток провалился задом броневик. Этой поломкой моста задержал всю колонну, обязанную переходить болотину вброд, а сам просидел часа три, пока, наконец, постепенным созданием фундамента из бревен и с помощью домкрата, не подняли броневик.

Колонна стала на ночлег в Федоровке. Федоровка одна из паскуднейших деревень Таганрогского округа, гнездо красной гвардии и ее штаба. Отобрали там всех лучших лошадей из награбленных, не имеющих хозяев, а также оружие. За день перехватили много разбегавшихся красногвардейцев, захватили часть важных, среди последних — прапорщика, начальника контрразведки, предателя, выдавшего на расстрел полковника и часть казаков из станицы Новониколаевской и т. п. Трех повесили и оставили висеть до ухода. Указали, что есть и будет возмездие. Попа красногвардейца выдрали. Только ради священнического сана не расстреляли. Ходил с красной гвардией с оружием в руках, брал награбленное, закрыл и ограбил церковь. Страх нагнали...

Левее, оказывается, шла еще и казачья колонна по Егорлыку, обезоруживая население и казня виновных. Идет очищение, идет возмездие.

Связь с правой колонной установили автомобилем — там все благополучно. Федоровка деревня тоже довольно благоустроенная, много хороших домов...

Около 10 часов посланец Натиева с письмом. Положение на Украине: делегация хлеборобов (человек 300—400) против социализации, арест немцами министров, разгон Рады, предложение править хлеборобам, самостийникам-федералистам и правым с. р., отношение к Раде войск и народа, отношение между войсками Натиева и немцами, инцидент с обезоруживанием эшелона, захват немцами телеграфных линий, контроль даже над Натиевым, настроение против самостийности и желание присоединиться к нам, просьба подождать его приход.

Ответил о желательности присоединения, но что ждать не можем. Идем сами на соединение в Ростов и в Новочеркасск. Подождем его там. Состав дивизии Натиева: около 800 офицеров и 2000 солдат, броневики, легкая и тяжелая артиллерия, очень много снарядов. Предложил ему план — идти под украинским флагом по железным дорогам в Таганрог—Ростов, где потом и открыть свои карты... Условился послать связь, когда достигну своего соединения.

Выступили из Федоровки в 8 часов. По дороге захватили несколько гусей: один комиссар, один большевистский интендант и т. п. Ночлег в Николаевке. Тоже большая деревня с хорошими домами, но нет ни фуража, ни хлеба, ни яиц. Вообще полный недостаток продуктов. Спекулируют не только своим, но скупают и из окрестных деревень и все продают в три раза дороже в город. Население сильно смахивает на большевиков. Питаются же за счет города.

Случай в броневике. Взрыв ручной гранаты, но шофер бывший в нем не пострадал. Прямо — чудо! Вырвало нижнюю заднюю дверцу, закинуло неизвестно куда, сорвало и выкинуло пулемет, расщепило пол. Работоспособность не пострадала. Погорели и полопались патроны на двух лентах...

Здесь узнали, что немцы сидят в Таганроге и, кажется, собираются идти на Ростов. Приходится спешить. Авось обгоним, завтра же в станицу Синявскую. По слухам в Ростове большевиков уже нет. Правда, желательно бы остановиться, лошади подбиваются. Слишком долго и много идем, да и Пасху хорошо бы встретить, не говели еще, но, пожалуй придется еще идти, как вечному жиду.

www.ellanlazak.ru

Вечером послал в Таганрог разредчиков арестовать коекого без шума. Есть указания, между прочим, о предательстве вдовы одного расстрелянного казачьего офицера. Поехал туда и Лесли разговаривать с немцами и отправился интендант разузнать о седлах и о другом.

20-го апреля в 8 часов колонна выступила в станицу Синявскую, а я с Лесли поехал в Таганрог, чтобы вывезти имущество и поговорить с офицерами. Лесли долго вел переговоры и добился очень многого. Мы получили 150 седел, 2 аэроплана, автомобиль, бензин и все это из-под немецких часовых. Броневика же и снарядов не дали — боевого не дают под разными предлогами, чуют. Незаметно от немцев, из Союза фронтовиков, все же получили часть винтовок и пулеметов. Говорил с офицерами в частном собрании — те же мотивы и ответы: неясна задача, да и не так делается, как хотелось бы тому или иному, да мало сил, да лучше и безопаснее на местах... Дирижеры — кадровые: никто, как свой. Инертность просто поразительная. Всего поступило в отряд человек 50.

Хотелось выехать из Таганрога засветло, но задержался, а ночью, без фонарей, дорога плоха и пришлось ночевать в гостинице. Распоряжений не успел отдать. Одно утешение, что Войналович сам разберется в обстановке и решит стоять ли или двигаться.

Стояли весенние, теплые дни. Вся природа ожила, купалась в радостном свете, а зелено-дымная степь звенела, как бы дышала, звала в свои объятья».

Запись в дневнике полковника Дроздовского закончилась днем 20 апреля и дальше повествование идет на основании заметок и воспоминаний участников похода на Дон.

Бой под Ростовом

Отряд не задержался в Синявской и 21 апреля двинулся вперед к Ростову, выслав команду мотоциклистов-разведчиков с задачей выяснить силы красных и их расположение. Когда вернулись мотоциклисты, юнкер Анатолий Прицкер доложил о тех сведениях, которые были получены из расспросов и картина стала более или менее ясна. В это время в Ростове находились, кроме красногвардейцев, латышские

стрелки и матросы Гвардейского экипажа, а также артиллерия. Всего насчитывалось до 12 000 бойцов при 6-ти батареях.

21 апреля 1918 года отряд полковника Дроздовского подошел к Ростову. Начальник штаба отряда, полковник Войналович, с разъездом 1-го эскадрона прорвался к вокзалу, спешился и вышел на платформу, где и был убит. Разъезду удалось пробиться к отряду, который уже подходил к предместью города — Темернику.

Полковник Дроздовский приказал командиру гаубичного взвода, подполковнику Медведеву, открыть огонь по вокзалу. Первая граната попала в здание вокзала, а следующие — в большевистские эшелоны. Среди большевиков поднялась страшная паника и их эшелоны стали поспешно уходить за Дон в Батайск. Остальные их части, бывшие в городе, быстро покидали Ростов, уходя на Нахичевань. Наша пехота стремительно продвигалась вперед и вскоре, почти без сопротивления, заняла вокзал.

Теплая весенняя ночь. Тихо, не колышутся листья на деревьях. Воистину, прекрасная, Святая, Пасхальная ночь. На вокзале 2-я офицерская рота. В церкви, недалеко от вокзала, происходило пасхальное богослужение. Ничто, на первый взгляд, не напоминало, что идет война. Кругом тихо. Высланный на разведку бронеавтомобиль № 3 прошел ночью весь Ростов до северной окраины Нахичевани. Броневик не был обстрелян. Часть пехоты осталась на вокзале, а одна полурота от 2-й офицерской, под командой капитана Туркула, продолжала, высылая дозоры, продвигаться по ночным улицам Ростова. Издалека слышались редкие ружейные выстрелы. Вот и собор. На улицах встречались горожане, шедшие к Заутрене. Когда подошли к собору, крестный ход, как раз совершил обход и возвращался, входя в собор, полный молящихся. Разведчики продолжали свой путь дальше, а капитан Туркул и несколько офицеров вошли в собор. Все залито радостным светом. Хоругви еще покачивались возле алтаря. Лились звуки «Христос Воскресе...» А когда с амвона архиерей в светлых ризах возгласил: «Христос Воскресе!» — послышался невнятный, но дружный ответ: «Воистину Воскресе!»

Капитан Туркул и вошедшие с ним офицеры стали осто-

www.elan-kazak.ru

рожно пробираться в толпе к Владыке, чтобы с ним похристосоваться. Молящиеся изумленными глазами, порой с ужасом и недоверием смотрели на вошедших вооруженных военных. Наконец ближайшие к ним решились и стали тихо и торопливо спрашивать их, кто они и откуда, а, когда узнали, что из отряда полковника Дроздовского, их глаза сразу потеплели и они, радостные и с возгласами «Христос Воскресе!», стали христосоваться с вошедшими. После недолгого пребывания в соборе, офицеры вышли из него. Разведчики в это время обошли все прилежащие улицы. Кругом полная тишина. Выставив заставы, полурота вернулась на вокзал, встречая на улицах горожан, возвращавшихся домой после Заутрени (многие с горящими свечами). В это время на вокзале, в зале 1-го класса, уже теплились церковные свечи и вернувшимся стало всем, как-то особенно нежно, тепло на душе. В зале было уже немало ростовчан, пришедших поздравить своих избавителей. Среди пришедших и все время подходивших были и пожилые люди, и седые дамы, а были и девушки в белых платьях, только что вернувшиеся от Заутрени, дети, молодежь. Все несли с собой в узелках куличи, пасхи. На столах, на некоторых куличах горели тоненькие церковные свечечки. Все были радостные, счастливые. Разговаривали негромко, христосовались. Тут же на вокзале многие из молодежи записывались добровольцами и с места вступали в ряды роты, которая росла с каждой минутой. Когда же в два часа ночи на вокзал прибыл полковник Дроздовский, радости не было предела. Его обступили, все спешили с ним похристосоваться. Порой просто мало верилось многим, что это явь, а не сон. И вот, как во сне, необычном и нежном, к нему подходит маленькая девочка в праздничном беленьком платьице и своими худенькими ручонками протягивает Дроздовскому небольшой узелок, кажется с куличем, и начинает детским, нежным, порой замирающим в наступившей внезапно тишине голоском декламировать стишки. Невольно взоры всех на Дроздовского. Видели как дрогнуло пенсне у Дроздовского, он стал еще бледней, он был растроган. Дроздовский поднял на руки девочку, целуя ее нежные детские ручки и похристосовался с ней. Еще долго и много приходило ростовчан на вокзал и только к рас-

свету он опустел. А рано утром 22 апреля пехота приступила к очистке привокзальной части города от большевиков. Около семи часов утра со стороны Новочеркасска появился бронепоезд красных, который неожиданно открыл по городу артиллерийский огонь и стали вскоре за ним подходить один за другим эшелоны с пехотой большевиков. Броневик «Верный» в это время уже прошел от вокзала по Садовой улице до Таганрогского проспекта. Большевики из эшелонов высаживали свою пехоту, а их броневик на углу Таганрогского проспекта пытался атаковать «Верного», но не выдержал огня последнего, и поспешно отошел назад по Таганрогскому проспекту и скрылся за своей пехотой, цепи которой стали подходить и по Таганрогскому проспекту, и по Садовой улице со стороны Нахичевани. Сдерживая их огнем, «Верный» стал медленно отходить по Садовой улице к вокзалу. Из окон верхних этажей жители бросали в открытый сверху броневик куличи и яйца. Был первый день св. Пасхи. Бой разгорался. (См. схему № 1.)

Подошедший к вокзалу «Верный» там нашей пехоты уже не нашел. Вытесненная превосходящими силами большевиков с западной окраины Ростова, она развернулась в лощине у садоводства Рама, перед полотном железной дороги. Позиция была очень невыгодная. Большевики вели сильный обстрел. В Темернике тылом к большевикам стоял наш обоз и передки легкой батареи. Так как наша пехота отошла к садоводству Рама, а продвигающиеся за нашим броневиком большевики могли их легко захватить, капитан Нилов (командир «Верного») предупредил начальника обоза о грозящей ему опасности и посоветовал поскорее уходить из Темерника. Обоз и передки сразу же ушли. После этого броневик «Верный» спустился к садоводству Рама. Командир стрелкового полка генерал Семенов в это время разговлялся в доме хозяина садоводства и мало, вернее, совсем не интересовался тем, что происходит вне дома. Полковник Дроздовский с кавалерией пошел по буграм на север, чтобы обойти правый фланг красных. Большевики усиленно обстреливали нашу пехоту, цепи которой несли большие потери. Позже, заметив обходную лаву нашей конницы, артиллерия большевиков стала ее обстреливать. Броневик «Верный» по

www.clan-kazak.ru

собственной инициативе, так как общего управления боем не было, прикрыл правый фланг нашей пехоты. Здесь по лощине, от вокзала, большевики все время переходили в атаки, но каждый раз их останавливал пудеметный огонь «Верного». Немцы присылали к полковнику Дроздовскому своих гонцов и предлагали помощь, но он поблагодарил, думая сам справиться с большевиками, но после полудня, поняв, что вести дальнейшее наступление нет возможности, а обращаться за помощью к немцам, которую они вновь предлагали, не хотел, решил отойти от Ростова. Последовал приказ прекратить бой и отходить к Таганрогу. Прикрываясь огнем артиллерии и броневика, наша пехота оторвалась от большевиков и поднялась из лощины на бугры. Пройдя несколько верст цепями, она свернулась в колонну. Конно-горная и броневик остались в арьергарде, прикрывая отход. Между тем немцы все же послали свои части к Ростову и через некоторое время сюда подошел германский уланский полк, который выслал разъезды в сторону Ростова. Когда с ним поравнялись наши части, полк стоял в эскадронных колоннах, ветерок трепал значки на пиках. Вдруг раздались короткие немецкие команды, слегка заволновались буланые в сером кони, перелязгнуло, сверкнуло оружие и германский полк отдал воинскую честь русским добровольцам. Пройдя селение Чалтырь, где уже был авангард немцев — отряд перешел в армянское село Крым, где и расположился по квартирам.

В бою под Ростовом отряд понес весьма большие потери. Первой и самой тяжелой потерей была смерть, сраженного вражьей пулей на вокзале 21 апреля, начальника штаба отряда полковника Войналовича, беззаветно храброго, всем и всюду служившего примером. Узнав об его смерти, полковник Дроздовский сказал: «Я понес великую утрату. Убит ближайший мой помощник, мой начальник штаба, может быть единственный человек, который мог меня заменить».

Всего во время боя выбыло из строя 82 человека. Начальником штаба отряда был назначен подполковник Генерального штаба Лесли. Вместо отрешенного от должности командира стрелкового полка генерала Семенова, был назначен на его место полковник Жебрак-Русакевич.

Полковнику Дроздовскому, после отхода от Ростова в

район Чалтыря, представлялось положение почти безвыходным по многим причинам. С одной стороны ввиду невозможности, при создавшемся положении, продолжать бой с большевиками для овладения Ростовом, — ввиду подхода к нему немцев, а также и ввиду отсутствия каких-либо сведений о местонахождении частей Добровольческой армии и положении в Области Войска Донского. В то же самое время дальнейшее пребывание отряда в селе Крым, где он расположился, не имело смысла.

В ожидании развития дальнейших событий прошел весь день 23 апреля. Отряд из села Крым никуда не двинулся. Вечером, неожиданно, в штаб отряда явился казак есаул, по одной версии будто бы посланный походным атаманом Поповым, а по другой, случайно, будучи в разведке, натолкнувшийся на отряд полковника Дроздовского. Есаул подробно сообщил обо всем: о положении дел, о смерти генерала Корнилова, о существовании Добровольческой армии, которая после отступления от Екатеринодара, в это время подходила к границам Донской области, о восстании казаков на Дону, о концентрации их сил в восточных степях и о наступлении казаков в направлении Новочеркасска и Александровка—Грушевка. По его словам, 23 апреля Новочеркасск был занят казаками, благодаря тому, что большевики накануне бросили большую часть своих сил на Ростов. Он доложил, что на север от Новочеркасска находятся также большие силы красных и что под их давлением казачьи части отходят к городу, где жители с ужасом ждут нового захвата Новочеркасска большевиками.

Узнав обо всем этом, полковник Дроздовский принял решение немедленно идти на помощь Новочеркасску. С рассветом весь отряд в движении на Новочеркасск. Посланный на разведку наш аэроплан, который удалось получить в Таганроге, упал и разбился, а летчик, капитан Андриянов, был тяжело ранен. Около 18 часов отряд, заняв казачий хутор Каменнобродский, выдвинул авангард в станицу Грушевскую. В хуторе Каменнобродском полковник Дроздовский вызвал капитана Нилова, приказал взять легковой автомобиль, приданный броневику «Верный», и на нем, вместе с

www.elan-kazak.ru

подполковником Лесли и подполковником Абрамовым, отправиться для связи в Новочеркасск.

(Примечание. Подполковник Лесли, как было сказано выше, после смерти полковника Войналовича, принявший должность начальника штаба отряда, был одним из ближайших помощников полковника Дроздовского. Впоследствии, во время стоянки в Новочеркасске полковник Дроздовский послал его в Киев. Там подполковник Лесли открыл бюро по вербовке добровольцев, был арестован позже австрийцами и посажен в тюрьму, но бежал и прибыл снова на Дон в августе 1918 года. Полковник Абрамов в походе был интендантом отряда. Он донской казак. Окончил Донской кадетский корпус и Николаевское инженерное училище, выйдя в саперный батальон. Это не был классического типа интендант. Он не обременял ни себя, ни других канцелярией, все, что доставалось, раздавалось на руки. На походе он все время был или с передовым разъездом или же в легковом автомобиле, впереди броневика. После взятия Новочеркасска он в скором времени перешел в Донскую армию.)

Станица Грушевская, через которую проехали посланные для связи, да и сам Новочеркасск, точно вымерли. Ничто не напоминало, что был третий день св. Пасхи. Лишь изредка попадались отдельные вооруженные люди с белой повязкой на рукаве. В Новочеркасске атаманский дворец мрачно смотрел своими разбитыми окнами. Войдя в него, посланные, в пустой и холодной комнате, увидели сидящего на единственном стуле за столом человека в штатском пальто — походного атамана Войска Донского — генерала Попова. Генерал Попов был страшно удивлен их появлением и сначала не мог понять, откуда появились вдруг офицеры в форме, но когда полковник Лесли объяснил кто они и откуда, удивлению и радости его не было границ. Генерал Попов просил немедленно передать полковнику Дроздовскому просьбу поспешить в Новочеркасск и объяснить, что положение казаков в Новочеркасске весьма непрочное, так как, заняв город, самый сильный полк, Новочеркасский, разошелся по домам навестить своих родных, кривянцы очищали привокзальную часть города от большевиков, два полка пришлось выдвинуть в сторону Ростова, остался один неустойчи-

вый Богаевский полк, который должен был прикрывать опасное Александро-Грушевское направление, но он при небольшом нажиме со стороны Персияновки, отойдя на восток, оголил подступы к городу с севера. Наскоро сформированные из молодежи три сотни заняли Хотунок и уже там ведут перестрелку с разведчиками красных. Вообще же все полки сами по себе ни что иное, как просто ополчения отдельных станиц. Было уже поздно вечером и по приказанию походного атамана, для прибывших для связи от полковника Дроздовского, были отведены номера в Центральной гостинице. В кафе, случайные посетители, удивленно смотрели на вошедших офицеров в полной форме и с трехцветными углами на рукавах, спрашивая их: «Вы — корниловцы?» Когда же получили объяснение, кто они и откуда, и верили, и не верили. Столь были удивлены.

(Примечание. Трехцветный угол на рукаве был отличительным знаком принадлежности к отряду полковника Дроздовского. После этот угол стал отличительным знаком Добровольческой армии.)

25 апреля, на рассвете, подполковник Лесли и капитан Нилов выехали в отряд, оставив для связи при походном атамане генерале Попове, подполковника Абрамова. Большевики с утра стали сильно нажимать на защитников Хотунка.

Около 8 часов утра полковник Дроздовский выслал 2-й эскадрон ротмистра Двойченко и конно-горную батарею капитана Колзакова вверх по долине ручья Грушевки для действий против правого фланга большевиков, а броневик «Верный» — в Новочеркасск, для поддержки казаков с фронта. Весь же отряд, который в это время уже подходил к станице Грушевской, также спешно направлялся в Новочеркасск.

В Новочеркасске с утра царило очень тревожное настроение. Около атаманского дворца собралась большая толпа, преимущественно женщин, с тревогой ожидающая известий о ходе боя. Когда, прибывший на броневике «Верный», капитан Нилов спросил у атамана, какие будут распоряжения — получил в ответ только:

— Поезжайте к Троицкой церкви, там вам полковник Денисов все укажет, и только поскорей.

У Троицкой церкви стояла казачья батарея и прямой на-

www.elan-kazak.ru

водкой била по Хотунку. Казаки, бывшие раньше в Хотунке, уже отошли на правый берег реки Тузлов к самой окраине города, а пули большевиков уже летели к Троицкой церкви. Северо-западнее Хотунка видны очень частые разрывы снарядов нашей конно-горной батареи.

Капитан Нилов выскочил из броневика с возгласом: «Где полковник Денисов?» В это время к броневику быстро подходит невысокий человек в черном пальто с белой повязкой на рукаве и, видя удивление капитана Нилова, рекомендуется:

— Начальник Южной группы — полковник Денисов.

Полковник Денисов, указав на зажженный снарядами Хотунок, возбужденно сказал:

— Большевики, во что бы то ни стало, стараются пробиться через Новочеркасск на юг к Ростову, так как на севере станица Каменская уже занята немцами, а справа из станицы Раздорской должна подойти конница Семилетова. Нужен толчок, чтобы поднять дух казаков, и большевики тогда побегут!

Внизу, за речкой Тузлов, Хотунок виден, как на ладони. Обстановка ясна — прорваться через мост и бить противника в лоб.

— Прикажете атаковать? — спрашивает капитан Нилов.

— С Богом! Пройдя Хотунок — берите правее церкви.

По крутому Петроградскому спуску броневик стремительно несется вниз и полным ходом проносится через мост. Возле реки казаки кричат ура и машут фуражками. Только в середине Хотунка удалось затормозить броневик. Поперек улицы и за бараками лежали резервные цепи большевиков. Они не стреляли, изумленные неожиданным появлением броневика. Почти в упор «Верный» открывает огонь из 4-х пулеметов в тыл и во фланг красным. Через несколько минут все обращается в паническое бегство. Казачьи цепи из города начинают наступать на Хотунок. Далеко справа приходит в движение и Кривянский полк. Броневик быстро выбивает большевиков из кладбища и несется по дороге правее церкви. В лощине, в версте от Хотунка к северу, скопилось сотни две красных, и на них натыкается «Верный». Несколько пулеметных очередей и большевики сдаются. В это самое время из-за бугра появляются отдельные всадники и

начинают рубить бегущих по полю большевиков. Это оказались, неожиданно появившиеся, передовые части конницы полковника Семилетова.

Главная масса красных отходила по большой дороге на станцию Персияновка. Если бы капитан Нилов со своим броневиком, пройдя Хотунок, двинулся левее церкви, а не по дороге правее ее, то большевики были бы отброшены на конницу Семилетова и мало кому удалось бы уйти, но полковник Денисов ожидал подход конницы только к вечеру, а поэтому и отдал приказ капитану Нилову идти правее церкви. Чтобы исправить, хотя бы частично, ошибку, броневик, учтя обстановку, круто поворачивает на запад по меже, с большим трудом выходит на главную дорогу, правее железной дороги ведущей на Персияновку. Увидя броневик, большевики бросаются к железной дороге, подставляя свой фланг под пулеметный огонь «Верного» и одновременно попадая под огонь конно-горной. Некоторые по инерции продолжают все-таки бежать по дороге, пытаясь уйти от броневика, но их усилия были напрасными.

Возле земледельческого училища броневик «Верный» был встречен сильным артиллерийским огнем. Била, ясно видимая, 4-х орудийная батарея большевиков со станции Персияновка, где большевики поспешно грузились в эшелоны, чтобы удрать на север. По буграм, вправо, в обход Персияновки, уже двигались густые лавы конницы Семилетова.

На четвертый день св. Пасхи, 25 апреля, Новочеркасск был спасен и полностью освобожден. Красные бежали без оглядки, преследуемые конницей Семилетова.

Вступление отряда в город Новочеркасск было триумфальным шествием. Население города восторженно встречало добровольцев, засыпая их цветами и приветствуя радостным «Христос Воскресе!», а в 17 часов у Краснокутской рощи войсковой хор трубачей играл встречу. Походный атаман, генерал Попов, объезжая части отряда, поздравлял их с окончанием похода и сердечно благодарил за оказанную помощь.

На другой день, 26 апреля, на площади в Новочеркасске, где не смогли вместиться все желающие видеть и приветствовать отряд полковника Дроздовского, под торжественный

www.elan-kazak.ru

перезвон колоколов Войскового собора, состоялся пышный парад прибывших. Во главе принимавших парад стоял генерал Краснов, через несколько дней после этого парада принявший в свои руки бразды правления, как Войсковой атаман.

Заветная цель полковника Дроздовского и его отряда достигнута. Поход выполнен и закончен победным боем под Новочеркасском. В тот же день полковник Дроздовский издал следующий приказ.

Приказ

1-й Отдельной Русской Бригаде Добровольцев

26-го апреля 1918-го года. Город Новочеркасск.

25-го апреля части вверенного мне отряда вступили в город Новочеркасск, вступили в город, который с первых дней возникновения отряда был нашей заветной целью, целью всех наших надежд и стремлений, — обетованной землей.

Больше тысячи верст пройдено вами походом, доблестные добровольцы; немало лишений и невзгод перенесено, немало опасностей встретили вы лицом к лицу, но верные своему слову и долгу, верные дисциплине безропотно, без празднословия, шли вы упорно вперед по намеченному пути, и полный успех увенчал ваши труды и вашу волю; и теперь я призываю вас всех обернуться назад, вспомнить все, что творилось в Яссах и в Кишиневе, вспомнить все колебания и сомнения первых дней пути, предсказания различных несчастий, все нашептывания и запугивания окружающих нас малодушных.

Пусть же послужит это нам примером, что только смелость и твердая воля творят большие дела, и что только непреклонное решение дает успех и победу. Будем же и впредь в грядущей борьбе ставить себе смело высокие цели, стремиться к достижению их с железным упорством, предпочитая славную гибель позорному отказу от борьбы. Другую же дорогу предоставим всем малодушным и берегущим свою шкуру.

Еще много и много испытаний, лишений и борьбы предстоит нам впереди, но в сознании уже исполненного большого дела с великой радостью в сердце, приветствую я вас, доблестные добровольцы, с окончанием вашего исторического похода.

Полковник Дроздовский.

Как и в другие города, позже освобождаемые Добровольческой армией от красных, так теперь в Новочеркасск принесли добровольцы с собою радость весны, освобождения, согретую теплым солнышком. Как буря пронеслись лихие казачьи сотни, атакуя красных под Новочеркасском, после нежданной помощи отряда полковника Дроздовского, оказанной в самый критический момент боя и спасшей город. Стройными рядами проходили роты по улицам освобожденного города, серые от пыли, с лицами бойцов залитыми потом, измотанные последним двенадцатичасовым переходом.

Стройными рядами шли, забыв усталость, гордые в сознании исполненного долга и достигнутой намеченной цели добровольцы, а на улицах города творилось светлое неистовство. Это было воистину опьянение, радость освобождения. Все как бы вновь ожили, сбросили с себя призрак смерти, почувствовали себя вновь свободными, озаренными и пригретыми весенним солнцем, которое теперь уже не затмят черные тучи кровавого произвола. Женщины, старики, девушки, подростки часто расстраивали ряды проходивших по улицам рот, обнимая добровольцев. Всюду цветы, теплый радостный гул толпы: Христос Воскресе! Христос Воскресе! А из рядов проходящих дружный и полный радости ответ: Воистину Воскресе!

Довольно долго проходили части отряда по улицам города и вечером разместились по квартирам. Для полка полковника Жебрака были отведены квартиры в здании Новочеркасского девичьего института. В институте, в верхних дортуарах в это время жило до пятидесяти подростков и девочек, сирот институток. Соседство получилось совершенно нечаянное и необыкновенное. Полковник Жебрак вызвал к себе командиров и, пощипывая усы, окинув всех радостными и светлыми глазами, сказал: «Господа, мы все бывалые солдаты, но стоянка в девичьем институте, на мой век по крайней мере, выпадает впервые. Впрочем, каждый из вас без

www.elan-kazak.ru

сомнения отлично знает обязанности офицера и джентльмена, которому оказано гостеприимство сиротами хозяйками. Дальше мне говорить не о чем!»

О самом пребывании в Новочеркасске в своих воспоминаниях, так пишет А. В. Туркул:

«Мы разместились на ночлег в институте, а на другой день мы обедали в институтской столовой. Сильные, молодые, освеженные после похода, крепко печатая шаг, тронулись мы, — восемьсот штыков — за командиром в институтскую столовую, чувствуя себя, если не институтками, то кадетами.

— Стой, на молитву, — послышался голос командира.

Всей грудью мы пропели молитву. Правда, точно вернулась к нам кадетская юность. Мы обедали в три смены. Щи и кашу разносили по столам институтки. Были трогательны эти наклоняющиеся девичьи головы в мелко заплетенных косах, свежие лица сирот в белоснежных пелеринах».

В офицерской роте (2-я рота полка, командиром ее в это время был А. В. Туркул) было до двадцати георгиевских кавалеров. Все же, вообще закаленные в огне большой войны, многие по несколько раз раненые. На положении рядовых были даже бывшие командиры батальонов, но полковник Жебрак ввел для всех, без исключения, железную дисциплину на подобие той, которая в свое время была в военных училищах или в учебных командах. В своих требованиях он был непреклонен. Он заставил переучивать уставы и все были должны знать их до самых тонкостей. В полку были установлены расписания занятий. Он требовал опрятности, точности и чистоты во всем. Он все замечал и ничто не могло ускользнуть от его внимания: пуговица не на месте, не по форме одет, в плохом состоянии винтовка ... Он умел себя так поставить, что никто не выражал неудовольствия и даже старшие офицеры, из уважения к нему, не решались спрашивать у него разрешения закурить, зная, что он сам и своевременно об этом напомнит. Все хорошо поняли полковника Жебрака и ко всем его мероприятиям относились с должным вниманием, а Офицерский полк в отряде, и не только в отряде, но и во всей Добровольческой армии, стал об-

разцовым полком, может быть и небывалым вообще ни в одной армии мира.

А на дворе был май. Все так легко, светло: дуновение ветра в акациях, длинные тени на провинциальном бульваре, мягком от пыли, стук калиток, молодой смех, доносившаяся издалека в вечернем сумраке военная музыка, вечерние зори с церемонией, торжественное «Коль славен ...»

Прошла неделя после освобождения Новочеркасска и на пост Донского атамана был выбран генерал Петр Николаевич Краснов. Торжество избрания закончилось большим парадом у Кадетской рощи. Отряд полковника Дроздовского был построен на правом фланге войск. Было как-то особенно празднично и радостно на параде. Все напоминало и говорило — это еще Пасхальная неделя.

Командующий парадом, назначенный на должность Командующего Донской армией, генерал Денисов подскакал к строю дроздовцев. По лицу донского генерала было видно, что он не знает, здороваться ли с дроздовцами или нет: а вдруг господа офицеры не ответят. Он знал, что по уставу офицеры из строя не обязаны отвечать на приветствие. В строю же были, главным образом, офицеры.

— Здравствуйте, господа, — нерешительно приветствовал он.

— Здравия желаем, ваше превосходительство, — с подчеркнутой юнкерской лихостью, как один, ответили ему дроздовцы.

Генерал ободрился, повеселел. Он лихо поскакал на встречу к атаману генералу Краснову, который уже показался в конце площади верхом на рослом донском коне. Генерал Краснов направил своего коня к фронту отряда, держа руку под козырек. Оркестр грянул встречу. Генерал Денисов, подскакавший к нему, наклонясь с седла, довольно громко сказал:

— Они здороваются, ваше превосходительство.

Тогда генерал Краснов, все держа руку под козырек, приветливо обратился к развернутому строю:

— Здравия желаю, господа офицеры.

Раздался громовой ответ.

После объезда всех построенных частей, был церемони-

www.elan-kazak.ru

альный марш. Когда проходил отряд Дроздовского, нет слов достаточных, чтобы описать, что творилось на площади: махали платками, бросали цветы . . . Это были дни небывалого подъема. А кругом — радостные, счастливые лица.

В Новочеркасске ежедневно поступало так много добровольцев, что дней через десять Офицерский полк развернулся из одного батальона в три. На вечернюю поверку, на зорю с церемонией, стекался буквально весь город. Отряд с оркестром выстраивался на институтском плаце. Фельдфебеля начинали перекличку, читались приказы, потом оркестр играл «Коль славен . . .» и пелась молитва. В прекрасный тихий летний вечер казалось: весь затихший город стоит с дроздовцами на молитве. Когда же отряд трогался с места, все тихо шли за ним под звуки старинного егерского марша, ставшего теперь полковым маршем отряда. Вышедшие из Румынии два эскадрона развернулись в Конный полк в составе 4-х эскадронов, конно-пулеметной и саперной команд.

В то время когда части отряда, отдыхая после похода, приводили себя в порядок и пополнялись добровольцами, в Сальском округе восставшие казаки вели бои с красными. Чтобы оказать им помощь, Полковник Дроздовский выделяет отряд под командой полковника Кушелева в составе 2-х эскадронов (командиром первого был ротмистр Аникеев, а вторым командовал ротмистр Двойченко), конно-пулеметной команды и взвода конно-горной батареи. Отряд выступает из Новочеркасска 6-го мая, и 8-го, переправившись через реку Донец, вступает в станицу Константиновскую, встреченный духовенством, колокольным звоном и всем местным населением. Простояв в станице три дня, 11 мая отряд переправляется через реку Дон и двигается в район села Большая Орловка. Село Большая Орловка было занято отрядом красных под командой Софронова и Ковалева и осаждалось многочисленными, но плохо организованными и слабо вооруженными, отрядами восставших казаков и калмыков. Район сел Большая и Малая Орловки был укреплен красными и имел естественную преграду, так как с трех сторон его обвивала река Сал.

Операция под Орловкой затянулась и отряд полковника Кулешева только 16 июня присоединился к своему полку на станции Торговая».

Генерал А. В. Туркул в своих воспоминаниях описал так же случай из жизни в Новочеркасске.

В то время в Новочеркасске части отряда полковника Дроздовского несли караульную службу. Раз, как-то под вечер, в то время будучи командиром роты, Антон Васильевич Туркул вел свою роту на смену караулов. Рота шла великолепно и обращала на себя внимание. Необходимо отметить, что офицерские роты всегда были образцовыми и естественно, что идти не в ногу было просто неприлично.

На панели стоял старый генерал в поношенной шинели, увидя которого капитан Туркул скомандовал:

— Смирно, господа офицеры.

И вдруг капитан Туркул увидел, что старик генерал, прислонясь к забору, заплакал. Он быстро подошел к нему, чтобы узнать, что с ним. Генерал поблагодарил за заботу и сказал, что он бывший начальник Павловского военного училища и что, проходящая мимо него рота, своим видом и выправкой сильно взволновала его.

— Ваша рота идет так, как ходила только рота Его Величества, — взволнованно сказал генерал.

«Нас было уже около трех тысяч, — пишет в своих воспоминаниях А. В. Туркул, — но на нас готовила пищу только одна кухня. Поэтому ровно в полдень, обыкновенно, большинство, если не почти все, расходилось по частным домам, приглашенные на обед. Мы стали всем родные в Новочеркасске. Тогда никто из нас не думал о том, что ждет нас впереди: точно вот так и будет длиться бесконечно эта мирная жизнь, милые встречи в провинциальных семьях, прогулки под акациями, вдали звучать 'Коль славен . . .' в те светящиеся, тихие, летние вечера.

Недели через две в нашем полку начались свадьбы. Что ни день — то свадьбы. За три недели стоянки в Новочеркасске у нас было сыграно больше пятидесяти свадеб и мы породнились, можно сказать, со всем городом.

Какой простой, человеческой, могла быть наша мирная

www.elan-kazak.ru

жизнь на русской земле, если бы не потоптали всю землю нашу большевики.

К концу стоянки Донское командование просило полковника Дроздовского остаться в составе Донской армии, предлагая быть Донской гвардией. Полковник Дроздовский поблагодарил за предложение и приказал отряду готовиться к походу на соединение с Добровольческой армией.

Это было в конце мая. Нашим юным хозяйкам, новочеркасским институткам, мы дали прощальный бал.

Я не забуду полонеза, когда полковник Жебрак, приволакивая ногу, шел в первой паре с немного чопорной начальницей института. Не забуду белые бальные платья институток, такие скромные и прелестные, и длинные белые перчатки, впервые на девичьих руках.

Бал был торжественным, но немного грустным.

Я вижу в полонезе сухопарого, рыжеусого Дмитраша с зелеными, смеющимися глазами. Он был влюблен тогда безнадежно во всех институток вместе. Я вижу простые и хорошие русские лица всех других на балу, слышу смех, веселые голоса... Немногие из них, очень немногие, остались среди живых.

В полночь на балу случилось замешательство: начальница отсылала в спальни младших воспитанниц. Оркестр умолк. Как бы померкли даже и огни люстр. Послышались подавленные детские рыдания, а лица институток стали белее их накидок.

Никогда мы не видели полковника Жебрака таким виноватым и растерянным. Шутка ли сказать: он просил начальницу нарушить институтские правила и разрешить малышам остаться, но начальница была непреклонной. Мать двух офицеров, из которых один был убит, а другой — герой, награжденный георгиевским оружием, пропал в бою без вести, — начальница была также неумолима в институтском распорядке, как Жебрак в полковом.

Просил начальницу и я. Отказ. Я стоял перед седой старой дамой в шелковом платье с бриллиантовым вензелем на плече, как перед командиром полка — во фронт. Она доказывала мне, что правила нарушать нельзя.

— Так точно, слушаюсь, — только отвечал я.

Удивительнее всего, что это и подействовало. Начальница слегка улыбнулась и внезапно разрешила всем воспитанницам остаться еще на несколько танцев, а обо мне отозвалась с благосклонностью — 'какой воспитанный капитан', — вероятно за то, что я стоял перед нею во фронт, каблуки вместе.

Светлее стали огни, обрадовался оркестр, наши заплаканные хозяйки положили ручки на плечи кавалеров и замелькали, понеслись снова в танце, обдавая прохладой и шумом. Хромой Жебрак, влюбленный Дмитраш, вся наша молодежь, страшно бережно, немного ступая по-журавлиному, водила в танце малышей, едва перебирающих легкими туфельками, еще заплаканных, но уже счастливых. Все мы с затаенной печалью слушали детский смех на этом нашем последнем балу.

А на рассвете, на дворе института поставили аналой и в четыре часа утра по опустевшим залам, где еще носился запах духов, мы, отбивая шаг, вышли на плац. Мы стали покоем у аналоя в походном снаряжении.

В ту ночь в институте не спал никто.

Ясная заря над тихой площадью, где был чуть влажен песок, щебетали птички. Во всем утренний покой, а полковой батюшка читает напутственную молитву в поход.

Институтский плац был полон молодых женщин и девушек с их матерями. Это были молодые жены и невесты. Пришли прощаться и никто из них не скрывал слез. У аналоя белой стайкой жались институтские сиротки. Они рыдали безутешно.

Я помню бледное лицо юного офицера моей роты — Шубина. Помню, как он склонился к юной девушке. Все эти дни Шубин носил куда-то букеты свежих роз. Однажды мне пришлось его посадить даже под арест. Он прощался со своей невестой. Ему, как и ей, едва было девятнадцать лет. Его убили под Армавиром.

Молитва кончилась, последние прощальные объятия. Прозвучали короткие команды, плавно запели трубы, полились звуки старинного егерского марша и отряд двинулся в поход.

Мы шли, твердо с ожесточением отбивая ногу. Скреже-

www.elan-kazak.ru

тало оружие и звякали котелки. Мимо нас, как бы качаясь, уходили: толпа провожавших, широкий песчанный Новочеркасский проспект, низкие дома, длинные утренние тени, тянувшиеся поперек улицы.

Уходили в тот день навсегда — наш последний мирный дом, Земля Обетованная, наша юность, утренняя заря . . .

Потом нас погрузили в вагоны, затем на пароход».

В безветренное майское утро отряд вышел в поход на присоединение к Добровольческой армии, находящейся в то время в районе станицы Мечетинской. Отряд полковника Кушелева в это время был еще в Сальском округе и Конный полк вышел в составе 3-го эскадрона, Донской сотни, туземного и польского взводов, конно-пулеметной и саперной команд. (См. схему № 3.)

www.elan-kazak.ru

Генерал **АЛЕКСЕЕВ.**

Генерал ДЕНИКИН.

www.elan-k

ГЛАВА III

ВТОРОЙ, КУБАНСКИЙ, ПОХОД

По прибытию в Новочеркасск, получив точные сведения о местонахождении частей Добровольческой армии, подтверждение о смерти генерала Лавра Георгиевича Корнилова и о передаче командования Добровольческой армией генералу Антону Ивановичу Деникину, полковник Дроздовский послал телеграмму генералу Деникину о своем прибытии в Новочеркасск, закончив словами: «в Ваше полное подчинение».

По получении ответа, полковник Дроздовский поехал в штаб Добровольческой армии, в станицу Мечетинскую, для встречи с генералом Деникиным, где и состоялось совещание, на котором был выработан план дальнейших действий. В первую очередь было решено дать заслуженный и необходимый отдых частям: отряд полковника Дроздовского оставался в Новочеркасске, а остальные части Добровольческой армии — в районе станицы Мечетинской. Время отдыха было решено употребить на пополнение и обучение частей. О времени окончательного соединения и дальнейших совместных действий предоставлялось решить генералу Деникину.

Время стоянки в Новочеркасске все ушло в хлопотах по изысканию денег, по привлечению в ряды отряда еще большего числа добровольцев, их обмундированию и обучению. Посылались надежные люди в разные города России для организации бюро по записи добровольцев. В числе командированных был и подполковник Генерального штаба Лесли. В Новочеркасске и в Ростове были основаны склады для нужд Добровольческой армии и в Ростове стала выходить газета «Вестник Добровольческой Армии», — первый печатный орган Белого Движения, основанный трудами полковника Дроздовского. Полковник Дроздовский рассылал очень

www.elan-kazak.ru

много воззваний и читал часто лекции о целях и задачах Добровольческой армии.

Находясь в Новочеркасске отряд Дроздовского очень скоро возрос по численности и уже насчитывал в своих рядах около 3000 добровольцев (отлично снабженных, обмундированных, обученных и дисциплинированных), Казачьи власти оказывали широкой рукой помощь во всем отряду, в знак благодарности за помощь, которую получили в самый критический момент боя за Новочеркасск. Донской атаман, генерал Краснов, его окружение и правительство Дона неоднократно, но тщетно, уговаривали полковника Дроздовского обособиться от генерала Деникина, предлагали войти в состав Донской армии, как гвардия, или образовать самостоятельную армию. Полковник Дроздовский оставался тверд в своем решении, и когда пришла от генерала Деникина телеграмма с приказанием присоединения, все рассчеты казаков, а также и возможные колебания, отпали. Последовал приказ о выступлении отряда на присоединение к Добровольческой армии.

Рано утром отряд покинул Новочеркасск и выступил 26 мая в станицу Аксайскую. Погрузились в железнодорожные эшелоны, частично же двинулись походным порядком. Ввиду того, что станция Батайск была в то время уже занята немцами, части отряда полковника Дроздовского в станице Аксайской были погружены на баржи и по Дону плыли до станицы Манычской, где и разгрузились. 27 мая все части, за исключением броневика «Верный» и 4-й Донской сотни, выступили в станицу Мечетинскую походной колонной, имея впереди оркестр и Андреевское знамя.

27 мая 1918 года в станице Мечетинской, где был расположен штаб Добровольческой армии, было великое торжество. В этот день штаб и части Добровольческой армии встречали отряд полковника Дроздовского, который теперь входил в состав Добровольческой армии как 3-я дивизия под командой полковника Дроздовского.

Для встречи отряда был назначен парад, на котором присутствовали основатель и верховный руководитель Добровольческой армии генерал от инфантерии Михаил Васильевич Алексеев и командующий Добровольческой Армией — генерал-лейтенант Антон Иванович Деникин, штаб и части армии.

К 11 часам утра полки Добровольческой армии, расквартированные в станице Мечетинской, начали стягиваться к

Большому полю, по дороге ведущей в станицу Кагальницкую, откуда ожидался приход частей полковника Дроздовского. Один за другим выстраивались полки, батальоны и батареи в две линии — развернутым фронтом. Впереди войск, на правом фланге, стал штаб командующего Добровольческой армией, с развевающимся трехцветным флагом-знаменем — эмблемой великой России, за которую теперь боролись эти люди.

Верхом на конях, медленным шагом, подъехали к войскам генералы Алексеев и Деникин. Приблизившись к фронту выстроенных полков, генералы перевели коней на рысь. Войска взяли «на караул», а генералы, проходя легким галопом вдоль фронта, здоровались с каждой ротой, эскадроном, сотней и батареей в отдельности. По окончании объезда частей, верховные вожди вернулись к группе офицеров штаба и вместе со всеми стали ожидать прихода новых частей, подчинявшихся им с этого дня.

Прошло минут пятнадцать, и вот на горизонте появились очертания головных частей отряда полковника Дроздовского. Стали выходить на поле зрения флюгера кавалерии и виднеться штыки пехоты. Издалека доносились звуки егерского марша.

Когда расстояние между приближающимися частями отряда полковника Дроздовского и штабом Добровольческой армии стало заметно сокращаться, в полках зашевелились, послышались команды «в ружье» и «по коням», и войска стали приводить себя в порядок, строиться и выравнивать свои ряды по правофланговой части.

Медленно приближались части пришедшего отряда. По мере их приближения наступала тишина в рядах встречающих. Все безмолвно ожидали подхода свежих подкреплений, овеянных к тому же боевой славой.

Тишину внезапно прорезали слова команды: «Смирно-о-, слушай на караул!» Генералы Алексеев и Деникин, в сопровождении штабных офицеров, шагом, так же бесшумно, как шли пришедшие части отряда полковника Дроздовского (оркестр умолк), тронулись навстречу подходившему отряду.

Полковник Дроздовский ехал на коне впереди своих частей. Заметив группу приближавшихся к нему всадников, он поднял свою лошадь в галоп и лихо поскакал навстречу генералам. Поравнявшись с Командующим Добровольческой армией, он приложил руку к козырьку и начал рапортовать. В это время первая рота головного батальона уже выходила

www.ellan-kazak.ru

на линию начальников, остановившихся в 150 шагах от дороги.

— Смирно-о-о, равнение налево, господа офицеры! — прозвучал зычный голос командира полка, полковника Жебрака.

Генералы Алексеев и Деникин подъехали ближе к стройно и твердо отмерявшему шаги головному батальону и поздоровались.

— Здравия желаем, Ваше Высокопревосходительство! — как один гаркнул в ответ батальон.

Впереди горделиво развивался Андреевский флаг. Его нес рослый капитан, нес с благоговением, как священную хоругвь, чувствуя, что тысячи глаз устремлены сейчас на него и несомый им голубой Андреевский крест, символ Российского Императорского флота, его истории и национальной славы. За развевающимся знаменем (знамя 2-го полка Морской пехоты, которым командовал полковник Жебрак во время первой мировой войны) шел батальон, состоящий почти сплошь из офицеров. Отчетливый шаг и стройные ряды батальона воскрешали в памяти старую славную Императорскую армию.

Части полковника Дроздовского постепенно втягивались в поле парада и выстраивались в линию фронта на отведенном месте. От штаба Добровольческой армии отделился священник в сопровождении дьякона, псаломщика и небольшого солдатского хора, вышел на середину и приготовился к молебну. Все войска были двинуты ближе и образовали каррэ, чтобы принять участие в общей молитве.

Раздалась команда: «На молитву шапки долой!»

Привычным движением сняли воины фуражки и папахи и замерли, слушая слова молитвы, благодаря Бога за его безграничную милость, что Он спас столько людей и помог им соединиться для продолжения борьбы с врагами России, старающимися уничтожить родную старину, устои и обычаи.

По окончании молебна, была подана команда сомкнуться войскам, так как командующий Добровольческой армией генерал Деникин выразил желание сказать присоединившемуся отряду несколько слов. В своей речи генерал Деникин указал на заслуги отряда полковника Дроздовского перед родиной, рассказал при каких тяжелых условиях пришлось малочисленному отряду пробиваться с румынской границы на Дон, встречаясь нередко с крупными большевистскими чатями, часто вступая с ними в бой, форсируя реки и блестя-

ще выполняя оперативные задания своего талантливого командира. Генерал Деникин пожелал бойцам дальнейшего успеха при выполнении своего долга перед истерзанной родиной.

После командующего Добровольческой армией говорил ее Верховный Руководитель генерал Алексеев и закончил свое обращение к частям отряда следующими словами: «Примите от меня, старого солдата, мой низкий поклон». Сняв свою папаху, генерал Алексеев низко поклонился с коня.

После приветственных речей генералы Алексеев и Деникин произвели смотр частей прибывшего отряда полковника Дроздовского и войска прошли церемониальным маршем.

С отрядом прибыл оркестр музыки, которого до тех пор в Добровольческой армии не было. Трубачи первыми прошли мимо своих новых начальников, продолжая играть стали несколько правее их, чтобы под звуки, начатого еще находу, марша пропустить все войска парада.

Этот парад произвел на всех присутствовавших огромнейшее впечатление. Стройные ряды войск, развевающиеся значки частей, вдруг мелькнувший Андреевский стяг Российского флота, хор трубачей, приветствия командующих — все это глубоко запало в души бывших там.

Всех чинов Добровольческой армии поразил своей выправкой, однообразным новеньким обмундированием, обилием снаряжения и вооружения, артиллерией, а главное — своей численностью пришедший отряд полковника Дроздовского. В те поры присоединение к Добровольцам хотя бы отряда, численностью одного взвода, уже было целым событием, а тут в один день, сейчас, влилось в ряды Добровольческой армии около трех тысяч бойцов.

Разве это могло не послужить поводом к ликованию?! . .

С песнями, полные радости, уходили полки, эскадроны и батереи к местам своих стоянок. Всюду только и слышно было на всех перекрестках станицы: «Дроздовцы пришли!», «Дроздовцы с нами!» Так шептали, радуясь, тысячи уст, а многие думали: «Помоги нам Господь завершить наше правое дело!»

Части отряда полковника Дроздовского не задержались в станице Мечетинской и, после окончания парада, проследовали на отведенные квартиры в станицу Егорлыцкую.

Броневик «Верный» и 4-я Донская сотня прибыли в Мечетинскую на другой день и поэтому в параде участия при-

www.elan-kazak.ru

нять не могли и представились генералам Алексееву и Деникину на сутки позже.

Раньше чем продолжить повествование и описание событий после присоединения отряда полковника Дроздовского к Добровольческой армии, необходимо кое-что рассказать о броневике «Верный», о действиях которого не раз будет речь впереди и который доблестно и верно послужил в рядах Добровольческой армии во время борьбы на юге России.

«Верный» — это тот единственный броневик из трех, выступивших с полковником Дроздовским в поход из Ясс. Два другие, приведенные в негодность, были оставлены после боя под селением Воссиятским. «Верный», до прихода отряда в Новочеркасск именовался как броневик № 3. За свою верную службу в отряде, приказом полковника Дроздовского он получил имя «Верный».

«Верный» весил 300 пудов и мог двигаться со скоростью до 45 верст в час. Чтобы завести его, надо было из него выйти и крутить ручку, так как батарейного стартера у него небыло. Команда его была следующая: командир — капитан Сергей Радионович Нилов, бывший командир батареи 61-й артиллерийской бригады; пулеметчики: штабс-капитан Антипов, поручик Бочковский, подпоручик Муромцев, прапорщик Шатагин и унтер-офицер Кобенин; шофер — унтер-офицер Генрих Хораб, по национальности — латыш, его помощник — прапорщик Гребенщиков. Хораб был шофером «Верного» с первых дней, когда броневик вошел в состав Российской армии, и ездил в Англию за ним.

В командование броневиком капитан Нилов вступил после следующего эпизода, имевшего место на русско-румынской границе у местечка Унгени. Автомобильная колонна отряда выступила из Ясс последним эшелоном. Остальные части в то время уже ушли в Кишинев, погрузившись в вагоны, по железной дороге. Капитан Нилов ехал вместе с полковником Дроздовским в легковом автомобиле. В Унгени румынская рота решила задержать колонну и отобрать машины. На их требование предъявления пропуска и сдачи машин, полковник Дроздовский, обращаясь к капитану Нилову, сказал: «Покажите им пропуск».

Капитан Нилов перескочил в ближайший броневик № 3 и приказал открыть огонь из пулеметов над головами румын. Румыны в панике разбежались и дорога была свободна. С этого момента капитан Нилов, по приказанию полковника Дроздовского, остался командиром броневика № 3. После

боя под Воссиятским, 19 марта, у гати через болотистый ручей, моторы многих машин автоколонны были повреждены. В конце концов остались способными двигаться только броневик № 3 и легковая машина. Броневик № 3 принимал самое деятельное участие в боях у Каховки, Акимовки, Мелитополя, под Ростовом и Новочеркасском. В освобожденном Новочеркасске, за верную службу, до сих пор безымянный броневик № 3, согласно приказа полковника Дроздовского, стал носить имя «Верный». Дальнейшая история «Верного» такова.

После присоединения к Добровольческой армии «Верный» в скором времени вошел в состав 1-го броневого отряда под командой капитана Нилова (в будущем полковника). В этот отряд вошел и броневик «Доброволец». В Новочеркасске был брошен испорченный бронеавтомобиль системы фиат (2-х пулеметный). Его удалось исправить и он получил название «Доброволец», а командиром был назначен капитан Кавтарадзе. Затем 1-й броневой отряд был переименован в 3-й и в октябре 1919 года получил название 3-й бронеавтомобильный генерала Дроздовского отряд. В составе 3-го бронеавтомобильного отряда было 8—10 машин. Многие машины дошли до Новороссийска и при эвакуации были утоплены в море и в Крыму 3-й отряд уже не существовал. Броневик «Верный» погиб славно в бою под Суджей осенью 1919 года.

Как было сказано выше, «Верный» не прибыл вместе с отрядом полковника Дроздовского в Мечетинскую, а — на сутки позже. По дороге в Мечетинскую он добрался с трудом, так как короткий, но сильный, ливень совершенно испортил дорогу.

Добравшись до штаба Добровольческой армии в станице Мечетинской, капитан Нилов получил приказание выдвинуться с броневиком на центральную улицу станицы, так как генерал Алексеев захотел посмотреть «Верный».

Из небольшой казачьей избы, в сопровождении генералов Деникина и Романовского, вышел генерал Алексеев. Он приветливо поздоровался с капитаном Ниловым, подошел к броневику и постучал пальцем по броне.

— Ну, Антон Иванович, — обратился генерал Алексеев к генералу Деникину, — теперь вы можете гордиться, и у вас технические войска завелись.

— Какая у вас команда? — спросил генерал Алексеев капитана Нилова.

www.ellan-kazak.ru

— Офицерская, Ваше Превосходительство, только шофер — солдат, — ответил капитан Нилов.

— Да, латыш. Я слышал о нем от полковника Дроздовского. А вы откуда, капитан?

— Из Смоленска, Ваше Превосходительство.

— О, мы, значит, земляки. Давно ли вы из дому?

— Полтора года.

— Я тоже оттуда уехал. Прежнего там теперь ничего не осталось . . . Поезжайте с Богом. Надеюсь, что ваш броневик покроет себя славой и вы доведете его до Смоленска, как довели до Дона.

Генерал Алексеев, в сопровождении с ним вышедших, вернулся в избу, а броневик «Верный» запыхтел и, разбрасывая грязь, пополз в станицу Егорлыцкую.

В станице Мечетинской, в собрании, в честь прибывшего полковника Дроздовского был устроен обед, на котором было много речей и в них звучала искренняя радость по случаю соединения. Лучшие слова сказал генерал Алексеев и закончил: «Мы были одни, но далеко в Румынии, в Яссах, билось сердце полковника Дроздовского, бились сердца пришедших с ним к нам на помощь. Вы влили в нас новые силы».

Да, действительно, новые и живительные силы были влиты в Добровольческую армию с приходом отряда полковника Дроздовского. Своей численностью отряд полковника Дроздовского почти не уступал Добровольческой армии, а по своему снабжению и снаряжению превосходил ее. Это был отряд, в составе которого было около 3000 прекрасно вооруженных, снаряженных и обмундированных бойцов при значительной артиллерии, с двумя броневиками, аэропланами, из которых один полностью готовый к вылетам, автомобилями, радиотелеграфом, оркестром музыки и большими запасами: артиллерийских снарядов — 8 тысяч, ружейных и пулеметных патронов — 200 тысяч, запасных винтовок свыше 1000. Отряд имел оборудованную санитарную часть и обоз в отличном состоянии.

Но что самое главное — это был дух отряда, в нем жила вера в успех борьбы с захватчиками власти в России и освобождение ее от них.

Отряд полковника Дроздовского расположился в станице Егорлыцкой. Перед приходом отряда и соединения его с Добровольческой армией в район Мечетинской пробились, через занятые красными районы Кубанской области, 2 кубанских казачьих полка, чистенностью до 1500 шашек, со

своими Императорскими штандартами. Добровольческая армия численно сильно возрасла и, с приходом отряда полковника Дроздовского, присоединения казачьих частей стала уже внушительной силой, но состоя из отдельных полков и отрядов была неудобной для руководства, что и потребовало переформирования ее. Добровольческая армия была реорганизована и теперь в ее состав входили:

1-я пехотная дивизия.

Начальник дивизии — генерал Марков.

В состав ее вошли: 1-й Офицерский полк (после смерти генерала Маркова получивший шефство и ставший называться Генерала Маркова полк); Кубанский стрелковый полк; 1-й Офицерский конный полк; 1-я Инженерная рота; 1-я Офицерская артиллерийская батарея и Отдельная конная сотня.

2-я пехотная дивизия.

Начальник дивизии — генерал Боровский.

Состав ее: Корниловский ударный и Партизанский полки, Кубанский конный полк; 2-я Инженерная рота и 2-я Офицерская артиллерийская батарея.

3-я пехотная дивизия.

Начальник дивизии — полковник Дроздовский.

В составе ее все части прибывшие из Румынии: 2-й Офицерский стрелковый полк; 2-й Офицерский конный полк; 3-я Инженерная рота, легкая артиллерийская батарея и взвод гаубиц (всего 10 легких и 2 тяжелых орудия).

1-я конная дивизия.

Начальник дивизии — генерал Эрдели.

Дивизия состояла из четырех конных кубанских казачьих полков и приданной ей конно-горной батареи капитана Колзакова, пришедшей из Ясс.

Конная бригада.

Командир бригады — генерал Покровский.

В бригаде было два кубанских казачьих полка при двух орудиях.

Два отдельных кубанских пластунских батальона.

Броневой дивизион.

Командир — капитан Нилов.

Дивизион состоял из трех броневиков: старый знакомый по походу — броневик «Верный», «Доброволец», прибывший

www.elan-kazak.ru

в составе отряда полковника Дроздовского из Новочеркасска, и броневик «Корниловец».

Санитарная часть и Штаб армии.

Командующий Добровольческой армией — генерал Деникин; начальник Штаба — генерал Романовский.

Общая численность Добровольческой армии была около 10 000 штыков и сабель.

Что же происходило в это время на юге России?

Германская армия вместе с австрийскими частями победным маршем прошла по Украине, освободила ее от большевиков, продвинулась в Донскую область и частично оккупировала ее (вплоть до Ростова), заняла Крым. Заняв часть Донской области, немцы не вмешивались в ее управление, не препятствовали формированию Донской казачьей армии, не мешали и не препятствовали свободной связи с Добровольческой армией, не покушались, таким образом, на самостоятельность Донской области.

Положение на Украине и в Крыму было иное. Тут немцы были полными хозяевами. Правительство Украины было в зависимости от них и, хотя и было Украине разрешено иметь свою армию, но она была под полным контролем немцев.

Жизнь в оккупированных немцами областях юга России быстро входила в более или менее нормальную колею, но национально и патриотически настроенных русских людей эта жизнь не могла удовлетворить и, посему, невольно взоры их были обращены в сторону Добровольческой армии. Немцам, конечно, это было известно, но они мало беспокоились, так как считали, что Добровольческая армия для них не представляет ни угрозы, ни препятствий — в отношении их стремлений. В то же самое время они, все-таки, кое-какие контрмеры принимали: арестовывались противники «Вильной Украйны», арестовывались агенты и явные сторонники Добровольческой армии и, чтобы разложить русских патриотов, играя на антибольшевистских и монархических убеждениях, они приступили к формированию Южной и Астраханской монархических армий. Всеми этими мероприятиями они отвлекли от Добровольческой армии тысячи людей, могших стать в ее ряды.

Чтобы привлечь в свои ряды добровольцев, командование Добровольческой армии в это самое время по всему югу России разослало своих верных гонцов, которые во многих городах вели запись в ряды армии и отправляли записавшихся к генералу Деникину. К сожалению, только небольшой процент офицеров добровольно отправился в Добровольческую армию. Громадное большинство их оставалось на оккупированной немцами территории юга России и там устраивало свою жизнь как могло и находило для себя лучшим. Одни мирились с создавшимся положением и уверяли всех, что немцы лучше большевиков и при них можно жить; другие мирились со «Свободной Украйной», говоря и веря, что когда она создает свою армию, таковая послужит делу освобождения всей России от большевиков, и в будущем Украина вновь сольется с Россией. Были и такие, которые не гнушались оказывать услуги немцам и, в роли официантов, старались позабыть даже свой материнский язык. Большинство же, оставаясь на местах, самоутешало себя и обычно говорило, что, дескать, они мученики и страстотерпцы за родину, что, когда настанет день и уйдут немцы или не станет «Вильной Укрйны», а придет Добровольческая армия, только тогда наступит пора им вылезти из их нор и объявить: «Мы — российские офицеры», — предъявить свои права и претензии, сообразно их чинам.

На Дону восстание казаков хотя и разрасталось, но шло довольно медленно и неуверенно. Большевики же сосредоточили против Дона большие силы. В тылу была неустойчивость и на плечи Донского атамана, генерала Краснова, легла весьма трудная задача: ведя борьбу привести в порядок тыл и сформировать крепкие казачьи части. Поэтому и обратился генерал Краснов к генералу Деникину за помощью, прося о наступлении Добровольческой армии в сторону Царицына, где Добровольческая армия могла найти столь нужные ей боевые запасы и влить в свои ряды добровольцев из среды недовольного большевиками населения. Взятием же Царицына прерывалась бы связь красных на территории Северного Кавказа с их центром и кроме того Добровольческая армия приблизилась бы к чехословацкому корпусу, ведшему борьбу с большевиками и базировавшемуся на Самару. Предприятие на первый взгляд весьма заманчивое и сулящее успех, но командование Добровольческой армии должно было учесть и другое. В рядах ее было немало кубанцев, а кроме того, пассивность красных на Северном Кавказе, ясно, была только временным явлением и, если они, что должно быть неизбежно, перейдут в наступление с тыла на Дон, то тогда незначительные донские части не смогут их сдержать и Дон будет разгромлен, а Добровольческая армия, занятая

www.alan-kazak.ru

под Царицыном, не сможет оказать помощь. Посему и было принято решение о выступлении во 2-й кубанский поход. Командование Добровольческой армии получало сведения о готовности кубанского и терского казачества к борьбе против большевиков, донцы же пока что имели достаточно сил, чтобы противостоять красным. Разгромив же красных на Северном Кавказе и создав там спокойный тыл и прочную базу снабжения, можно было бы предпринять дальнейшие действия по очищению России от большевиков.

Какие же силы имели большевики на южном рубеже Дона и на Северном Кавказе?

В районе Азов—Батайск—Кущевка находилась армия Сорокина, численностью в 30 000 или 40 000 бойцов (точного числа и сами большевики не определяют в своих источниках) и располагала двумя бронепоездами при артиллерии имеющей около 80 орудий.

В районе станций Тихорецкая и Торговая большевики насчитывали до 30 000 бойцов, но орудий было мало.

В районе рек Маныча и Сала, с центром в станице Великокняжеской было в то время до 12 000 красных при 17 орудиях. Против них донцы имели заслон силою в 3000 человек.

Во всех городах и крупных пунктах Кубани и Ставропольской губернии были расположены многочисленные большевистские гарнизоны. В рядах большевистских частей было немало матросов Черноморского флота. Комиссары вели пропаганду и уверяли всех в слабости казаков и деникинцев, говоря, что нужен только толчок и они прочистят себе путь на север, а поэтому один только выход — наступление. К этому наступлению они и готовились, и, конечно, об этом знало командование Добровольческой армии, приняв решение о переходе в наступление для освобождения Северного Кавказа от красных.

Боевые действия против красных начались, фактически, уже в конце мая, когда полковник Жебрак вызвал в штаб полка капитана Туркула.

— Господин полковник, по вашему приказанию прибыл, — отрапортовал капитан Туркул, явившись в штаб полка.

— Здравствуйте капитан, — озабоченно сказал полковник Жебрак. — Вот что: хутор Грязнушкин занят большевиками. Главное командование приказало мне восстановить положение. Я решил для этого, вместо казачьей бригады, туда послать вашу вторую роту. Вы знаете, почему?

— Никак нет.

— Вторая рота — лучшая в полку.

— Рад стараться.

— Имейте в виду, что офицерская рота может отступать и наступать, но никогда не забывайте, что и то, и другое она может делать только по приказанию.

— Слушаю. Разрешите идти?

— Да. Я буду у вас к началу атаки. До моего приезда не атакуйте . . . И вот еще, Антон Васильевич . . . В японскую войну наш батальон, сибирские стрелки, атаковал как-то китайское кладбище. Мы ворвались туда на штыках, но среди могил нашли около ста японских тел и ни одного раненого. Японцы понимали, что нас им не осилить и, чтобы не сдаваться, все до одного покончили с собой. Это были самураи. Такой должна быть и офицерская рота.

— Разрешите идти?

Полковник Жебрак встал, подошел к капитану Туркулу приволакивая ногу, и молча подал руку на прощанье.

Капитан Туркул вышел на тихую станичную улицу. Предстоял первый бой с красными в рядах Добровольческой армии и капитан Туркул почувствовал ту особую сухую ясность, которая всегда бывает у каждого перед боем.

Триста штыков 2-й роты бесшумно и быстро подошли к хутору Грязнушкину, лежащему в низине. Это было весьма выгодно для наступающих и их подход остался незамеченным. Но вот там зашевелились и затрещали первые ружейные выстрелы. Рота рассыпалась в цепь и после команды «Цепь, вперед!», с коротким «ура!» бросилась в атаку. Застучали пулеметы и с хутора поднялась беспорядочная стрельба, но еще мгновение и добровольцы уже в хуторе. Хутор Грязнушкин был захвачен. Один взвод и броневик «Верный» пошли преследовать в панике бегущих красных, а рота заняла холмы впереди хутора. В плен попало свыше трех сот ободранных грязных «товарищей», бледных от страха, в растегнутых шинелях, потных после неожиданного боя.

Во время этой атаки был убит поручик Куров, который так беззаботно танцевал на прощальном балу в Новочеркасске, где, так приятно улыбаясь, пел. Он лежал на боку, прижавшись к земле. Это была первая потеря во 2-й роте.

К хутору подошли кубанцы и капитан Туркул, после смены, собрал роту. Люди еще не пришли полностью в себя после атаки, порывисто дышали, смеясь громко делились впечатлениями. Было за полдень и солнце стало припекать. Вот

www.ellanlazak.ru

доложили, что едет командир полка и раздалась команда: «Смирно, равнение направо, господа офицеры» и капитан Туркул поспешил навстречу, на ходу рапортуя полковнику Жебраку об успешной атаке. Жебрак уже шел с хмурым лицом перед рядами.

— Но почему вы не исполнили моего приказания?

— Господин полковник!

— Я приказал вам ждать моего приезда, без меня не начинать боя...

Полковник повысил голос. Он, что называется, распекал перед строем капитана Туркула. Капитан Туркул ответил:

— Господин полковник, начальником здесь был *я*, обстановка же была такова, что я не мог ждать вашего приезда.

Полковник Жебрак пощипал ус. Лицо его вдруг просветлело и он приветливо и просто сказал:

— Конечно, вы правы, капитан. Простите меня. Я погорячился...

Рота с хутора вернулась в станицу Егорлыцкую на старые квартиры, через несколько дней Добровольческая армия выступила во Второй Кубанский поход.

Не сидел сложа руки и Конный полк отряда полковника Дроздовского, переименованный приказом по Добровольческой армии 31 мая 1918 года во 2-й конный полк.

1 июня 3-й эскадрон этого полка и 4-я донская сотня его из станицы Егорлыцкой, в которой был расположен полк, лихо ходили в атаку на красных, подходивших к станице. Вскоре и разъезд Прощальный был свидетелем лихости 2-го конного полка.

Центральное положение к моменту начала 2-го Кубанского похода занимала 3-я пехотная дивизия полковника Дроздовского. Против Добровольческой армии сосредоточилось громадное, по тем временам, количество большевиков. До 40 000 бойцов стояло в красной армии Сорокина, расположенной фронтом от города Азова, через Кущевку, до Сосыки; в районе Торговая—станица Тихорецкая находились части большевиков под командой бывшего подполковника Генерального штаба Калнина, численностью до 30 000 человек и в тылу было до 30 000 тысяч красных, стоявших гарнизонами в городах и станицах.

Цель 2-го Кубанского похода была: разбить и уничтожить силы большевиков, сосредоченные против Добровольческой армии, занять и очистить от красных всю область Кубанского Войска, Ставропольскую губернию, Северный Кавказ, выйти на побережье Черного моря, занять его до самой границы с Грузией и этим самым создать себе прочную базу для дальнейшей борьбы с красными, совместно с частями Донской армии.

Для исполнения этого было решено в первую очередь разбить и уничтожить силы большевиков под командой бывшего подполковника Калнина, расположенные в районе Торговая—Тихорецкая и затем, заняв на севере Кущевку и на юге Кавказскую, оставить там заслоны, а всеми главными силами Добровольческой армии двинуться для освобождения главного города области Кубанского Войска — Екатеринодара.

10 июня было отдано последнее приказание и еще до рассвета все части Добровольческой армии двинулись в поход. 1-й пехотной дивизии было приказано вести наступление на станицу Шаблиевка, чтобы, заняв ее, прервать железнодорожное сообщение Торговой со станицей Всевеликого Войска Донского — Великокняжеской. В центре должна была наступать 3-я пехотная дивизия полковника Дроздовского — от разъезда Трубецкого, чтобы атаковать Торговую с фронта, а 2-я пехотная дивизия должна была оказывать ей поддержку, наступая в северо-западном направлении. Конная дивизия генерала Эрдели повела наступление, имея задачу перерезать железнодорожное сообщение юго-западнее Торговой и наступать на Торговую с юга.

Еще до восхода солнца 10 июня части 3-й дивизии полковника Дроздовского вышли в район Торговой. В голове шли 4-я донская сотня и броневик «Верный». Когда разъезды 4-й сотни стали приближаться к хутору Кузнецову, расположенному на левом берегу реки Егорлык, раздались одиночные выстрелы из хутора. Видя приближающуюся конницу с броневиком, красные сопротивления не оказали и поспешно, уничтожив мост, отошли на другую сторону реки в хутор Шавлиева. К Егорлыку вскоре подходят цепи 2-го пехотного Офицерского полка и залегают. В хуторе мелькают голландки матросов, расположивших во многих местах (в домах) пулеметы и ведущих сильный обстрел противоположного берега: не дают стрелкам 2-го полка поднять головы. Тогда подполковник Протасович вкатил одно орудие в сарай и, проломав одну из стен его, начал обстреливать прямой наводкой пулеметы красных. Большевики в ответ сосредоточили по орудию огонь из пулеметов, переранили его прислугу.

Стрелки 2-го полка продолжают лежать на берегу и не-

www.elan-kazak.ru

сут потери от пулеметного обстрела красных. Вдруг все взоры обращаются на идущего во весь рост, в сопровождении полковника Дроздовского, генерала Деникина. Пули красных подымают пыль возле их ног, но генерал Деникин, не обращая внимания на обстрел, подходит к стрелкам и говорит:

— А ну, посмотрим, каковы молодые в бою. Нечего зря лежать, пора брать Торговую.

Капитан Туркул, не ожидая приказания, бросается с крутого берега в воду и за ним, как один, спешит вся рота. Но не все хорошо справляются с глубиной реки ... Особенно досталось низкорослым баклажкам, но и они в конечном счете справились. Короткий беспорядочный пулеметный огонь красных. Стремительная атака промокших с головы до ног стрелков роты капитана Туркула, и хутор Шавлиев взят. Преследуя бегущих большевиков, стрелки 2-го полка подходят к полотну железной дороги.

В это время полковник Дроздовский увидел далеко в дали вправо пыль от приближающейся какой-то колонны войск. Тогда полковник Дроздовский, подозвав командира броневика «Верный» — капитана Нилова, и указывая на пыль поднятую приближавшейся справа колонной, приказывает:

— Поезжайте и узнайте — чьи войска. Там должны быть корниловцы, а возможно, что это и части второй дивизии.

«Верный» мчится в сторону показавшейся колонны. За бугром видна наступающая в боевом порядке пехотная цепь, которая, увидя броневик, залегает.

Капитан Нилов вылезает на крышу броневика «Верный» и начинает махать белым платком. Тогда из цепи поднимается несколько стрелков и подходят к броневику. Оказались корниловцы. Вскоре к броневику, в пыли, подошла и вся колонна.

— А мы уже хотели открыть по броневику огонь, — смеется командир Корниловского ударного полка — полковник Кутепов.

— Передайте полковнику Дроздовскому, что я разворачиваю свой полк правее его, — добавил полковник Кутепов.

«Верный» вернулся к своей дивизии.

После взяти хутора Шавлиева, полковник Дроздовский разворачивает 2-й Офицерский стрелковый полк против села Воронцовское, расположенного у станции Торговая. Цепи медленно продвигаются вперед перебежками и вновь залегают.

Правее корниловцы, развернувшись, во весь рост повели наступление на большевиков, которые залегли возле железнодорожной насыпи, неся большие потери.

Полковник Дроздовский медлит. 2-я рота 2-го Офицерского полка капитана Туркула и броневик «Верный», по собственному почину стремительно бросаются вперед и занимают станцию Торговая, где попадают под огонь гаубичной батареи. «Верный», не задерживаясь и перейдя через полотно железной дороги, открывает огонь в тыл большевиков, залегших за железнодорожным полотном против корниловцев. Большевики, попав под сильный огонь пулеметов броневика, неся громадные потери, поспешно отходят на село Ново-Егорлыцкое, преследуемые несколько верст броневиком «Верный».

Потом «Верный» повернул обратно, чтобы присоединиться к своей дивизии и остановился возле домиков, в тени у забора. Солнце уже палило невыносимо. Команда сняла рубахи и полуголая расположилась у забора. Где-то раздобыли хлеб, молоко, каймак ...

Неожиданно к ним на автомобиле подъехал генерал Деникин. Увидя его, капитан Нилов командует «Смирно» и подходит с рапортом.

— Ишь как вы разоделись, — улыбаясь говорит генерал Деникин, указывая на полуголую команду броневика.

— Ваше превосходительство, молока не хотите?

— Угощаете?

— Так точно.

Генерал Деникин выходит из автомобиля и тут же у забора пьет молоко из одной чашки с шофером броневика.

— Ну что, с корниловцами так и не удалось подраться? — улыбаясь спрашивает генерал Деникин капитана Нилова.

— Да я только ездил на разведку ...

— Знаю я эти разведки, пострелять захотелось, — смеется генерал.

Деревня Торговая была взята конной атакой 4-й Донской сотни 2-го конного Офицерского полка и бой на этом участке закончился полной победой.

На станции Торговая 1-я батарея обложила платформу мешками с зерном, поставила орудие и пулеметы на платформу и самодельный «Первый бронепоезд» Добровольческой армии через час был готов. Командиром его был назначен полковник Протасович, но на другой день его сменил

www.elan-kazak.ru

капитан Ковалевский. Капитан Ковалевский позже, при взятии Белой Глины, был убит на этом «бронепоезде».

Севернее Торговой, на ст. Шаблиевка, наступали части 1-й дивизии и 12 июня она была взята, но дорогой ценой — был смертельно ранен и скончался начальник дивизии генерал Марков. (См. схему № 4.)

Генерал Деникин 13 июня 1918 года отдал приказ по Добровольческой армии,

§ 1.

Русская армия понесла тяжелую утрату. 12-го июня, при взятии станции Шаблиевка, пал смертельно раненый генерал С. Л. Марков.

Рыцарь, герой, патриот с горячим сердцем и мятежной душой, он не жил, а горел любовью к Родине и бранным подвигам.

Железные стрелки чтут подвиги его под Творильней, Журавиным, Борыньей, Перемышлем, Луцком, Чарторийском ... Добровольческая армия никогда не забудет любимого генерала, водившего в бой ее части в Ледяном походе, под Екатеринодаром, у Медведовской ...

В непрерывных боях, в двух кампаниях, вражеская пуля щадила его. Слепой судьбе угодно было, чтобы великий русский патриот пал от братоубийственной русской руки.

Вечная память со славой павшему!

§ 2.

Для увековечения памяти первого Командира 1-го Офицерского полка, части этой впредь именоваться — 1-й Офицерский генерала Маркова полк».

Гроб с телом генерала Маркова был отправлен для погребения в город Новочеркасск, где 15 июня состоялись торжественные похороны на военном кладбище, после отпевания в Войсковом соборе.

При выходе процессии из собора, наряд офицеров от 7-й Офицерской роты Марковского полка взял подушки с орденами покойного и венки. Впереди несли венок от генерала Деникина и его начальника штаба генерала Романовского с надписью на ленте: «И жизнь и смерть за счастье Родины».

Гроб из собора вынесли высшие чины и на лафете он проследовал на кладбище в сопровождении матери, жены и детей покойного, генерала Алексеева, Донского атамана генерала Красова, высших чинов Добровольческой и Донской армий, наряда от 1-го Офицерского полка и громадной толпы жителей города.

Чин погребения был закончен под залпы наряда от полка Маркова и гроб спущен в могилу.

Генерал Алексеев произнес надгробное слово, которое закончил обращением ко всем присутствующим:

— Поклонимся же мы земно матушке убиенного, вскормившей и вспоившей верного сына родины, — и, упав на колени, отвесил ей земной поклон.

Вслед за ним пали на колени и всеп рисутствующие.

— Поклонимся мы и его жене, разделявшей с ним жизнь и благословившей его на служение родине.

И снова земной поклон.

— Поклонимся мы и его детям, потерявшим любимого отца.

Застучала земля по гробу и покрыла его.

На кресте не было надписи — висел лишь терновый венок.

После взятия Торговой и Шаблиевки наступление продолжалось. Большевики отходили в двух направлениях: в сторону Песчанокопской и в сторону станицы Великокняжеской.

Чтобы обеспечить свой тыл при наступлении на юг и оказать помощь донцам, оперирующим в Сальском округе, в сторону Песчанокопской оставляется заслон, а Добровольческая армия наносит удар на станицу Великокняжескую, обходом с тыла через Казенный мост на Маныче и наступлением вдоль железной дороги. Отступающие вдоль железной дороги большевики оказывали упорное сопротивление 2-му Офицерскому стрелковому полку, пока им не стало известно, что Великокняжеская взята с тыла, лихой атакой в конном строю 3-м эскадроном и 4-й сотней 2-го Офицерского полка, 13 июня. На станции Великокняжеской лихие конники захватили 3 поездных состава и много снаряжения и другой добычи. Во время атаки пал смертельно раненый доблестный командир сотни гвардии подъесаул Фролов и были большие потери в рядах атакующих.

К вечеру 15 июня в районе Великокняжеской собрались части 1-й и 3-й дивизий. Для дальнейших действий в районе Маныча оставались донцы, а Добровольческим частям приказано было сосредоточиться в районе станции Торговая.

Отдохнув в станице Великокняжеской 2-й Офицерский

www.elan-kazak.ru

конный полк 17 июня перешел в село Воронцовку, куда прибыл, бывший в Сальском округе, отряд полковника Кулешева, в составе которого были два эскадрона полка с двумя конно-пулеметными взводами.

Отряд полковника Кулешева совершил тяжелый поход в несколько переходов через малонаселенные калмыцкие степи, совершенно не имея представления об окружающей обстановке.

Несмотря на понесенные потери, конный полк не уменьшился численно, но пополнился настолько добровольцами, что получил возможность развернуть туземный и польский взводы в 5-й и 6-й эскадроны и полк насчитывал в своих рядах 650 всадников.

Разбитые под Торговой красные, численностью около 15 000 человек под командой Веревкина, отступили в район станица Песчанокопская—Белая Глина, преграждая этим дорогу Добровольческой армии на Тихорецкую — железнодорожный узел. В районе Сосыка—Каял находилась в это время сорокатысячная армия красных под командой Сорокина, собиравшегося перейти в наступление в северном направлении, чтобы отрезать Добровольческую армию от Новочеркасска.

В районе севернее Великокняжеской, в верховьях Маныча, группировалась значительная группа красных под командой Думенко, с целью овладения станицей Великокняжеской.

Получив точные сведения, что в ближайшее время Сорокин предпримет наступление, генерал Деникин решил немедленно наступать самому и в первую очередь ликвидировать красных в районе Песчанокопская—Белая Глина. 2-я пехотная дивизия генерала Боровского повела наступление с задачей, после занятия села Богородицкое, наступать на Белую Глину, но — без Корниловского ударного полка, имея при дивизии броневик «Корниловец». Средней колонной наступающих войск была 3-я дивизия полковника Дроздовского с самодельным бронепоездом под командой капитана Ковалевского и получила задачу наступать на хутор Развильный и Песчанокопскую и, заняв указанные пункты, продолжать наступление, чтобы занять Белую Глину. Левая колонна под общим командованием генерала Эрдели и состоящая из Конной дивизии, в составе которой была конно-горная батарея капитана Колзакова, и 1-й пехотной дивизии под командой полковника Кутепова, принявшего дивизию

после смерти генерала Маркова, с бронеавтомобилем «Верный», но без находящегося в Новочеркасске Марковского полка, получила задачу наступать, чтобы разбить красных в районе Сандата—Ивановка, отбросить их на восток и сосредоточиться в Ново-Павловке для содействия наступающим на Белую Глину частям. Полки генерала Покровского, пластунские батальоны и Корниловский ударный полк сосредоточивались в районе Егорлыцкой для отражения, на случай наступления, армии Сорокина.

18 июня 2-й Конный полк, совместно с пехотными частями повел наступление на деревню Ново-Николаевку. Встреченный огнем красной пехоты и красных бронепоездов, полк разворачивается в боевой порядок и после короткого боя, атаковав противника, врывается в деревню, где захватывает пленных и, на плечах бегущих в панике большевиков, занимает хутор Развильный, где и заночевал, выслав разведку на станицу Песчанокопскую. Продолжая наступление 3-я дивизия 21 июня занимает с боем Песчанокопскую, захватив пленных. Из пленных красногвардейцев полковник Дроздовский сформировал Солдатский батальон трехротного состава. На командные должности были взяты офицеры из 2-го Офицерского стрелкового полка. Первым командиром батальона был полковник Витковский, а после взятия Белой Глины и смерти полковника Жебрака, полковник Витковский сдал батальон полковнику Кельнеру, получив должность командира 2-го Офицерского стрелкового полка.

Дальнейшая судьба этого первого формирования строевой единицы в Добровольческой армии из пленных красных — следующая.

Уже в бою за овладение Тихорецкой, при первом боевом крещении, Солдатский батальон блестяще выдержал экзамен и показал себя отличным в бою. В станице Ново-Донецкой была сформирована 4-я рота и батальон был переименован в Солдатский полк. В скором времени были сформированы 5-я и 6-я роты. В бою под Выселками, после ранения полковника Кельнера, Солдатский пехотный полк принял под свою команду полковник Дорошевич-Никшич, а после его ранения, под станицей Усть-Лабинской в августе 1918 года, командиром полка стал подполковник Шеберт.

Из Ставрополя в Усть-Лабинскую прибыл батальон, сформированный из офицеров и солдат 83-го Самурского полка 21-й пехотной дивизии Российской Императорской Армии

www.elib-pskov.ru

под командой полковника Сипягина, — численностью в 180 штыков. Этот батальон был соединен с Солдатским пехотным полком и приказом от 14 августа полк получил наименование Самурский пехотный полк и имел в своем составе 10 рот. Командиром полка был назначен полковник Сипягин.

Полк все время участвовал в боях, нес потери и пополнялся исключительно пленными красногвардейцами. В бою под станицей Ново-Павловской командир полка, полковник Сипягин, был убит и в командование полком вступил подполковник Шеберт. 29 октября в бою под городом Ставрополем подполковник Шеберт был ранен и в командование полком вступил полковник Звягин. В дальейшем командирами полка были: в Донецком бассейне — полковник Ильин, во время боев в Харьковском районе — полковник Зеленин.

Во время боев в Северной Таврии, в составе русской армии под командованием генерала Врангеля, Самурский, Алексеевский, Партизанский и Смоленский полки составляли 6-ю пехотную дивизию. После эвакуации Русской армии из Крыма, Самурский полк вернулся в состав Дроздовской дивизии.

Я принужден был отвлечь внимание читателя от повествования о боях в районе Песчанокопской и Белой Глины, так как было необходимо сообщить хотя бы краткую историю Самурского полка о действиях которого, тесно связанных с действиями дроздовских частей, будет часто упоминаться на страницах сборника, к тому же в этом полку почти весь командный состав был из Дроздовского стрелкового полка.

В ночь на 22 июня 3-я дивизия выступила под командой полковника Дроздовского в направлении на Белую Глину. 2-й Офицерский конный полк выступил под командой, выздоровевшего и вступившего в командование полком, ротмистра Гаевского.

22 июня части 3-й дивизии подошли к Белой Глине, где и наткнулись на целую 39-ю советскую дивизию, в спешном порядке переброшенную в район Белой Глины для усиления большевистских частей, уже бывших в Белой Глине.

2-й Офицерский коный полк наступал левее 2-го Офицерского стрелкового полка, ведя тяжелые бои с переходившими в контратаки красными.

В ночь на 23 июня полковник Жебрак сам лично повел в атаку 2-й и 3-й батальоны своего 2-го Офицерского стрелкового полка.

Наступающие цепи батальонов и штаб полка во втором часу ночи попали под сильнейший обстрел пулеметной батареи большевиков и 1-й батальон полка, бывший в ту ночь в резерве, слышал этот ночной бой.

Ночь кипела от огня.

В ту же ночь стало известно, что командир полка, полковник Жебрак и все офицеры его штаба убиты, а батальоны понесли большие потери.

На рассвете из резерва в атаку двинулся 1-й батальон 2-го Офицерского стрелкового полка. Едва светало и по полю еще стелился утренний туман. Перед цепями батальона в тумане виднелись густые цепи большевиков.

Поручик Дмитраш, командир пулеметного взвода 2-й роты 2-го Офицерского стрелкового полка сразу заметил в утренней мгле цепи большевиков, их перебежки в утреннем тумане и их приготовления к атаке цепей батальона. Тогда поручик Дмитраш, не ожидая приказания, вышел с пулеметом Максима вперед цепи роты, сам сел за пулемет и открыл огонь.

Ветер трепал его рыжеватые волосы. Он был без фуражки, а его глаза как-то особенно светились. Поручик Дмитраш с его отчаянным дерзким хладнокровием был удивительным по меткости стрелком-пулеметчиком. Он буквально моментально срезал все цепи красных перед его батальоном, но на место срезанных стали появляться новые. Большевики оказывали упорное сопротивление. Батальон медленно продвигался вперед, а из района Белой Глины ясно были слышны звуки боя, который вели другие наступающие части Добровольческой армии.

2-й Офицерский конный полк, несмотря на упорное сопротивление красных, переходящих даже в контратаки, под огнем пулеметов форсировал болотистую речку, прикрывающую село Белую Глину с севера, и ворвался в село. 2-й эскадрон этого полка находился по левую сторону железной дороги и вместе с конвойной сотней Главнокомандующего ходил в атаку. Дроздовцы шли вперед. 39-я советская дивизия дрогнула, узнав что в село уже ворвались добровольческие части и Белая Глина ими взята. В плен попали тысячи большевиков, захвачено большое количество добычи. Трофеями только одного 2-го Офицерского полка были 15 пулеметов, масса винтовок и около 3 тысяч пленных. Вся группа войск большевиков в районе Белой Глины перестала существо-

www.elan-kazak.ru

вать и сам их главком Егоров едва ускользнул от «объятий генерала Деникина».

Над серой толпой пленных, над всеми наступающими во многих местах еще дрожал утренний пар. Подымалось солнце. Заря была багряная, яркая.

Победа Добровольческой армии была полная, но для 3-й дивизии она досталась большой ценой. Потери во 2-м Офицерском полку были огромные. В ночном бою 2-й и 3-й батальоны полка потеряли около 400 человек. Убит командир полка, полковник Жебрак, убиты все офицеры его штаба.

Многие, тяжело раненые и перевезенные потом в Торговую, умерли от ран. Редкие из них были ранены только одной пулей. Почти у каждого было по несколько ужасных пулевых ран. Это были те офицеры и стрелки, которые ночью с полковником Жебраком наткнулись на красных и попали под огонь пулеметной батареи большевиков.

В то самое время, когда велось наступление частями 3-й дивизии, наступали части генерала Эрдели. Приданный 1-й дивизии 3-й Кубанский конный полк лихой атакой захватил в селе Ивановке пленных и пулеметы, а броневик «Верный» поддержал эту атаку. На следующий день, преследуя красных в направлении на Красную Поляну, броневик «Верный», за которым следовало человек десять казаков на хороших конях, выдвинулся далеко вперед. Неожиданно он заметил, что удирает орудие красных и с ним зарядный ящик. Большевики заметили броневик. Орудие снялось с передка и открыло огонь по «Верному» Казаки развернулись, а броневик остановился. Орудие взялось на передок и стало уходить, а броневик и казаки начали его преследовать.

Такие маневры их продолжались несколько раз. Верст через десять упряжки большевиков окончательно выбились из сил и стали. Большевики, бросив и орудие, и ящик в упряжке, бросились в кукурузу, где и скрылись.

В 11 часов утра 22 июня части генерала Эрдели заняли Ново-Павловку и там расположились. Днем генерал Эрдели, вызвав к себе капитана Нилова, командира броневика «Верный», спросил:

— Вы очень нуждаетесь в отдыхе?

— Если необходимо вести броневик, я готов, — ответил капитан Нилов.

— Прокатитесь тогда на Ново-Покровскую, если встретите красных, то разгоните их.

Проехав по дороге верст 15, «Верный», никого не встретив, уже возвращался обратно. Тогда с броневика заметили, что по дороге, ведущей в Белую Глину, разъезд черкесов затеял перестрелку с конной группой большевиков. Черкесы подскочили к броневику и стали просить помочь им. Хотя это и не входило в задание броневика и не вызывалось срочной необходимостью, «Верный» свернул на дорогу ведущую в Белую Глину, и огнем из пулеметов прогнал конницу большевиков за их пехоту. Когда по «Верному» открыла огонь артиллерия красных, он отошел назад и продолжал путь в Ново-Павловку. Уже стемнело, когда броневик вернулся в село. Здесь капитану Нилову сообщили, что он переходит в подчинение начальника 1-й пехотной дивизии, а также, что конница выступает в направлении на Ново-Покровскую, получив задание отрезать большевиков от Тихорецкой.

На рассвете 23 июня части 1-й дивизии, пройдя путь до Белой Глины из Ново-Павловки ночным маршем, подошли к ней. 1-й Кубанский стрелковый полк, батарея и броневик «Верный» сосредоточились в лощине в трех верстах южнее Белой Глины. Цепь кубанских стрелков вышла на бугор и залегла в высокой пшенице. Большевики, заметив их, сразу же зашевелились и открыли из окопов южнее села огонь. Вскоре стала обстреливать наши цепи и артиллерия красных. К броневику, стоящему укрыто в лощине, прискакал ординарец и передал приказание полковника Кутепова о продвижении броневика к нему. На бугре, куда прибыл «Верный», полковник Кутепов, указывая на цепи кубанских стрелков поднимавшихся на холм, по которым вели сильный огонь красные, сказал:

— С Богом, поезжайте, но только не увлекайтесь... Дальше полуверсты не удаляйтесь от цепи.

«Верный» пролетел лощину, обогнул стрелков правее и остановился около окопов большевиков. Сразу же застучали все четыре пулемета «Верного». От неожиданности появления броневика и столь сильного обстрела их с фланга и тыла красные растерялись, и не прошло и пяти минут, как все бросились бежать из окопов. Цепи кубанцев поднялись, на ходу стреляя по отступающим. Путь отступления красным в Белую Глину был отрезан и они бежали в сторону Ново-Покровской, где должна была быть наша конница генерала Эрдели. Преследовать бегущих «Верному» не было смысла, — все равно они и так попадут в руки конницы генерала Эр-

www.ellan-kazak.ru

дели. Впереди же, в одной версте, виднелась освещенная восходящим солнцем Белая Глина. Она невольно манила к себе, как казалось на первый взгляд, в этот утренний час своим мирным видом и тишиной. Там большевики еще не имели представления, что случилось с их защитниками в окопах, бежавшими теперь в панике в сторону Ново-Покровской.

«Не увлекайтесь и не удаляйтесь», — вспомнились капитану Нилову слова начальника дивизии полковника Кутепова, но отказаться от столь привлекательной картины перед собой он не мог и, не долго думая,наклонился внутрь броневика и дотронувшись до плеча шофера, коротко произнес: «Вперед».

Броневик дрогнул, набрал полную скорость и влетел в Белую Глину. Широкая, заросшая травой, улица Белой Глины переходила в площадь. На площади, от церкви к земской больнице, перебегали красноармейцы. Они удивленно смотрели на появившийся внезапно броневик, ничего не понимали, но не стреляли. Не открывал огня и «Верный». За площадью начинались дома городского типа. Из окон там и сям стали выглядывать испуганные лица. Броневик остановился. Вокруг тишина... Внезапно на широкой улице, уходящей в сторону, откуда должны были наступать части дивизии полковника Дроздовского, появился автомобиль. Он мчался с большой скоростью прямо на броневик «Верный».

— Легковой автомобиль! — крикнул поручик Бочковский и стал наводить на него свой пулемет.

— Подождите... Не открывайте огонь, — остановил его капитан Нилов. — Еще не известно, чей автомобиль, с той стороны должны подойти наши...

Еще пару секунд и легковая машина поравнялась с броневиком. В ней сидели четверо человек в кожанных куртках. Теперь было уже ясно — большевики.

— Огонь! — закричал капитан Нилов.

Большевики обернулись и, полные недоумения, посмотрели на броневик. Еще мгновение и их автомобиль изчез бы за поворотом. Заработал пулемет и пули подняли пыль вокруг автомобиля. Сидящие в нем пригнулись...

«Уйдут, уйдут», — подумали в броневике, но вдруг автомобиль потерял управление, налетел на телеграфный столб и сломав его как спичку врезался в забор, проломал его, влетел в сад...

— Ну, наверно все убиты! — радостно вскрикнул, открывая свое окно, шофер броневика, Генрих Хораб.

Капитан Нилов, схватив карабин, спрыгнул с броневика и бросился в сад... В саду, упершись в дерево, стоял автомобиль с разбитым радиатором. На сидении лежало свернутое красное знамя. В автомобиле никого не было, но по близости, в кустах смородины, кто-то тихо стонал. Капитан Нилов раздвинул кусты. На траве лежал человек в кожаной куртке. У него была перебита нога. Рядом лужа крови...

— Кто ты? — спросил капитан Нилов.

— О, не убивайте меня, — взмолился раненый. — Я ни при чем! Я только шофер...

— Кого ты вез?

— Товарища Жлобу...

«Товарища Жлобу, ну и черт с ним!» — промелькнуло в мыслях капитана Нилова, и он вышел из сада. Эта фамилия ему тогда ни о чем не говорила. Капитан Нилов не мог предполагать о той роли, какую будет играть в будущем «товарищ» Жлоба. Если бы он знал, то наверно перевернул бы весь сад и нашел бы его.

У крыльца дома билась в истерике девушка, испуганная стрельбой. Капитан Нилов пытался ее успокоить, но она продолжала громко рыдать и смотрела на него испуганными глазами.

В это время от станции железной дороги понеслись тачанки с пулеметами и походными кухнями, в панике побежали красноармейцы. Все это устремилось через Белую Глину в сторону Ново-Покровской. «Верный» помчался за ними. На узкой улице броневик врезался в гущу людей, повозок и сразу же застучали его четыре пулемета. Все смешалось. Валились убитые и раненые, а обезумевшие живые бросались во дворы, прыгали через заборы и прятались в садах. Через несколько минут улица была очищена. Кругом валялись брошенные повозки, пулеметы и винтовки и стонали раненые. На одной тачанке продолжал сидеть рослый парень, видимо ничего не соображая от испуга.

— Иди сюда! — крикнул ему капитан Нилов. — Да тащи свой кольт.

Парень покорно принес пулемет и робко спросил, что ему еще будет приказано.

По временам из-за домов выскакивали красноармейцы, но сейчас же прятались при виде броневика. Пулеметчики выпускали короткие очереди и замолкали. Броневик двинул-

www.ellan-kazak.ru

ся вдоль улицы к железнодорожному полотну. За насыпью железной дороги лежала цепь стрелков, которая, увидев броневик, открыла по «Верному» редкий огонь. «Верный» ответил и направился к станции. Из-за построек выскочили конные и сейчас же скрылись, но капитан Нилов успел заметить синие погоны. Значит — свои... Партизаны... Он вышел из броневика и направился на станцию. Навстречу ему шли три офицера.

— А мы приняли вас за большевиков, — сказал один из них смеясь. — Видим, со стороны красных броневик катит...

— А флаг?

— Да разве его разберешь... Впрочем, вы тоже по нас пальнули!

«Верный» с трудом перебрался через мостик и выскочил на площадь в юго-западном углу Белой Глины. На площади стояла и пыхтела такая же железная коробка, как «Верный», только немного пониже. Из бойниц выглядывали пулеметы. «Верный» наткнулся на большевистский броневик.

— Зарядить бронебойными! Вперед! — скомандовал капитан Нилов.

У капитана Нилова вспыхнула мысль: сблизиться с красным броневиком вплотную и, пользуясь преимуществом в высоте, прыгнуть в него, а если это не удастся, то просто бросить в коробку красных ручную гранату. К удивлению команды «Верного» команда большевистского броневика не приняла боя. Видя приближение «Верного», большевики выпустили по нем пулеметную очередь и затем, выскочив из машины, перепрыгнув через плетень, скрылись в кукурузе. На брошенном броневике красовалась красная звезда и под ней гордая надпись — «Черный ворон». Броневик был в полной исправности: мотор еще работал, а в пулеметах были продернуты ленты. Пулеметчик Кобелин забрал «добычу» — сахар и ботинки, поручик Бочковский — запасные пулеметные части, а шофер Генрих — ключи и цепи, — каждый по своей специальности... Капитан Нилов зачеркнул мелом надпись «Черный ворон», замазал мелом красную звезду и тем же мелом написал: «Партизан». Пока команда «Верного» возилась у захваченного броневика, кругом было тихо, но вдруг, неожиданно, из переулка вылетел башенный бронеавтомобиль и полным ходом устремился на «Верного». Команда последнего бросилась к своему броневику. Тревога оказалась напрасной, так как это был броневик «Корниловец», в тот день приданный 2-й пехотной дивизии. Из него

вышел в засаленной и порванной гимнастерке, капитан Гунько. Вольноопределяющийся Кобелин подошел к капитану Гунько, держа в руках трофейный ботинки, и преподнес их ему. Оставив «Корниловца» на площади у захваченного броневика, «Верный» покатил обратно к земской больнице, где и нашел полковника Кутепова.

— Я вам приказал не увлекаться, — набросился полковник Кутепов на капитана Нилова, — а вас только и видели! Полтора часа пропадали! Я беспокоился за вас, — добавил он уже мягче и, показывая на валявшиеся трупы красных, спросил: — Это работа «Верного?»

— Так точно. Куда прикажете сдать?

— А, и пулемет есть! Отдайте стрелкам. А за лихую работу спасибо всей команде.

Солнце поднималось все выше. На северо-восточной окраине Белой Глины трещали пулеметы, частая ружейная стрельба и рвались шрапнели. Там наступала 3-я дивизия полковника Дроздовского. Большевики, не имеющие представления, что Белая Глина уже занята, оказывали упорное сопротивление.

— Поезжайте на северо-восточную окраину села и поддержите 2-й Офицерский полк, — приказал капитану Нилову полковник Кутепов, — но только опять не увлекайтесь особенно...

«Верный» запыхтел и быстро покатил. У мельницы он встретил 3-й эскадрон 2-го конного полка под командой штаб-ротмистра Цыкалова.

— Как дела? — спросил штаб-ротмистр Цыкалов капитана Нилова.

— Прекрасно. Первая и вторая дивизии давно уже вошли в село...

— Ну, а наши понесли большие потери. Хорошо бы атаковать красных с тыла... Надо нашим помочь...

— Так за чем же дело стало? Валяйте за «Верным».

«Верный» помчался по улице. Сзади, наклонив пики с черно-белыми флюгерами, галопом скакал эскадрон, но вскоре лошади вымотались и всадники стали один за другим отставать и только штаб-ротмистр Цыкалов с двумя еще продолжал скакать за броневиком. Впереди через улицу перебегало много красноармейцев, стараясь укрыться в садах. Не останавливаясь, «Верный» обстрелял их из пулеметов и полным ходом свернул в улицу направо. Здесь он вдруг, неожиданно, врезался в густую массу большевиков, которые свер-

www.ellan-kazak.ru

нувшись в колонну, спокойно отходили к центру села. Растерявшийся шофер без команды остановил машину ... Остановились и пораженные появлением броневика большевики.

Несколько мгновений продолжалось это взаимное изумление, но вот разом затрещали все четыре пулемета «Верного». Что стало твориться на улице — трудно описать и представить себе. Услыша стрельбу, расстреливаемые в упор красноармейцы валились на землю, убитые вместе с живыми, не стараясь ни стрелять, ни бежать. Затем, в конец перепуганные, они стали надевать на штыки свои фуражки — в знак того, что сдаются. Види это, капитан Нилов приказал им сложить в одно место все винтовки и построиться. К этому моменту прискакал и штаб-ротмистр Цыкалов с всадниками и занялся пленными.

Оставив штаб-ротмистра Цыкалова с подъезжающими всадниками его эскадрона, броневик «Верный» покатил дальше, и на окраине села у мельницы снова встретил около батальона большевиков. Прижав их к забору, броневик заставил их сдаться и положить оружие. Подскакало несколько всадников 3-го эскадрона и занялось пленными. По улице вдоль ручья понеслись пулеметные тачанки, кухни и разные повозки. «Верный» обогнал их и передними повозками загромоздил дорогу. Обогнув квартал, «Верный» снова устремился к мельнице, где захватил пять пулеметов. Выйдя из броневика, капитан Нилов стал наблюдать за большевиками, которые бежали без оглядки, стараясь скрыться в садах и огородах. Один из красноармейцев в белой рубахе остановился шагах в ста от капитана Нилова, поднял брошенную винтовку и выстрелил в него. Капитан Нилов схватил карабин и приложился. Началась своего рода дуэль. Противники стояли друг против друга и стреляли. Команда броевика с любопытством следила за исходом этой неожиданной дуэли, не вмешиваясь в нее. Третьим выстрелом капитан Нилов сбил своего противника, и большевик, взмахнув руками, повалился и остался лежать белым пятном на зеленой траве.

Команда занялась пулеметами: связала их веревкой и зацепила сзади броневика. Броневик покатил дальше. Однако этот способ передвижения с трофейными пулеметами вскоре оказался весьма неудачным, так как колеса пулеметов стали ломаться. Пришлось их передать следовавшему за броневиком и как раз подоспевшему 3-му эскадрону 2-го Конного полка, собравшемуся в полном порядке. К мельнице

подходили отступающие цепи большевиков. Вдали виднелись цепи наступающего 2-го Офицерского полка. Увидя броневик, красноармейцы залегли в пшенице. Капитан Нилов вылез на крышу «Верного» и, размахивая карабином, обратился к большевикам с речью, пересыпая ее ругательствами и угрозами перебить их всех до одного, если они не сдадутся.

Трудно объяснить тогдашнюю психологию красных — почему никто из них даже не выстрелил в капитана Нилова. Очевидно их как-то особенно тронула его речь, так как один за другим они стали выходить из пшеницы на дорогу и складывать оружие. Лишь один, с наглым лицом и в красной рубашке, не захотел бросить винтовку. Тогда капитан Нилов соскочил с броневика и карабином ударил его по голове.

Подоспел и 3-й эскадрон. В это самое время по железной дороге подошел наш «бронепоезд» (самодельный) и открыл огонь гранатами и по красным и ... по «Верному». Видя, что подошедшая цепь 2-го Офицероского полка, продвинувшаяся незаметно в высокой пшенице, тоже стала обстреливать и красных и броневик, капитан Нилов выкинул белый флаг и помчался к ним навстречу. Стрельба прекратилась, а из цепи побежали офицеры к «Верному».

— А мы по вас бронебойными пустили, — смеялись они. — Смотрим, как будто наш «Верный», но почему же он в тылу у большевиков?!

В это время, верхом на коне, среди цепей показался полковник Дроздовский.

— А, «Верный», — подъехав и обращаясь к капитану Нилову, сказал полковник Дроздовский с грустной улыбкой. — Жаль, что вас не было с нами, — нагнувшись с коня, он пожал руку капитану Нилову.

— Вы знаете, что полковник Жебрак убит? — грустно спросил он капитана Нилова.

— Жебрак?! — невольно воскликнул капита Нилов. — Не может быть! ..

— Да ... Печальный бой для нашей дивизии. Полковник Жебрак и 80 офицеров убито, до трехсот раненых ... А как ваши дела?

— Сегодня вместе с 3-м эскадроном на окраине села захватили много пулеметов и свыше двух тысяч пленных ...

В этот момент к «Верному» подлетел мотоциклист.

— Вас требует к себе Главнокомандующий, — сказал он.

www.elan-kazak.ru

«Верный» покатил к будке у переезда. Там стоял автомобиль с георгиевским флажком и возле него несколько казаков со значком Главнокомандующего.

Генерал Деникин поздоровался с командой «Верного» и, улыбаясь, сказал капитану Нилову.

— Как вам не стыдно заставлять вашего Главнокомандующего прятаться в канаве?!

Видя на лице капитана Нилова недоумение, он, смеясь, объяснил, что видя броневик, выскочивший из тыла большевиков, из Белой Глины, и направляющийся к будке, все приняли его за большевистский и принуждены были укрыться в канаве.

— Спасибо вам за лихую работу, — поблагодарил команду «Верного» генерал Деникин. — А теперь — еще задача: часть краных прорвалась правее железной дороги. Они отходят к станице Незамаевской. Я послал Польский эскадрон и свой конвой их преследовать — все, что у меня было под рукой. Поезжайте и поддержите их . . .

Медленно пополз по вспаханному полю «Верный». Выбравшись потом на полевую дорогу, он покатил быстрее. Вскоре встретился конвой Главнокомандующего, возвращающийся уже обратно. По его словам, большевики были уже далеко. Однако, когда броневик прошел еще верст пять, показалась густая цепь большевиков, отходящих на Незамаевскую. Позади их двигалась редкая лава Польского эскадрона. «Верный» понесся в атаку и сбил и смешал правый фланг большевиков. Однако, красные учли, что броневик может свободно ходить только по дорогам и, повернув в поле, они стали уходить по пахоти. «Верный» свернул за ними, но вскоре увяз в черноземе и остановился. Большевики открыли жестокий огонь, а Польский эскадрон, выскочивший на линию броневика, сразу же потерял около двадцати человек, то есть почти половину своего состава. В свою очередь «Верный» открыл огонь из трех пулеметов и заставил большевиков спешно отходить. Подобрав нескольких тяжело раненых, погрузили их в машину. Выбравшись, наконец, на дорогу, «Верный» повернул назад в Белую Глину, провожаемый гранатами красной артиллерии. Польский эскадрон тоже последовал за броневиком. Большевики отошли в станицу Незамаевскую.

Утром того же дня, в поле, где только что отгремел бой, на целине заросшей жесткой травой, искали тело убитого полковника Жебрака. Его нашли среди тел офицеров его

верного штаба. Полковника Жебрака едва можно было узнать. Его лицо, почерневшее, в запекшейся крови, было разможжено прикладом. Он лежал голый. Грудь и ноги были обуглены. Очевидно он был тяжело ранен и захвачен в плен во время атаки. Большевики, захватив его еще живым, били прикладами, пытали, жгли на огне. Его запытали, сожгли еще живым. Так же запытали они и многих других наших раненых.

В тот глухой предгрозовой день 24 июня, когда 2-й Офицерский стрелковый полк принял маленький и спокойный, с ясными глазами, полковник Витковский, добровольцы, у деревянной церкви на площади, хоронили своего командира и его офицеров.

Грозные похороны — давящий день. Всем хоронившим как будто не хватало дыхания, а над степью курился туман, блистало жаркое марево, а далеко-далеко слышался гром.

В белых, наскоро сбитых, гробах двигался перед строем полка его мертвый командир в сопровождении геройски павших с ним офицеров. Телеги с гробами скрипели, а над мокрыми лошадьми вился прозрачный пар. Оркестр глухо и тягостно бряцал, временами, будто, стонали звуки «Коль славен». Полк стоял на караул, а в степи ворочался глухой гром. Необычайно сурово звучали звуки старинного егерского марша, когда полк тронулся с похорон.

Нельзя забыть этих похорон, нельзя забыть зверски замученных и запытанных полковника Жебрака и всех с ним замученных офицеров, у которых были отрезаны уши, носы, языки и другие части тела. Теперь понятно, что все это вызвало у дроздовцев негодование, жажду мести . . . В то время, когда слышался печальный перезвон колоколов, на другом конце площади, вблизи паровой мельницы, у каменной стены гремели залпы . . . Прежде, чем вмешался штаб Главнокомандующего, полковник Дроздовский, решив отмстить за смерть своих зверски умученных офицеров, успел, захваченный чувством негодования, расстрелять несколько партий взятых в плен красноармейцев, бывших на том участке боя, где погибли умученные. Остальные пленные, накормленные, были влиты в Солдатский батальон и в другие части Добровольческой армии.

Ночью ударила гроза, сухая, без дождя, с вихрями пыли. Грозовая ночь, точно была знаменем судьбы белых воинов, вышедших в бой против всей тьмы, с ее темными грозами.

Смерть полковника Жебрака была большой утратой для

www.ellan-kazak.ru

полковника Дроздовского. Под Ростовом пал смертью храбрых, на вокзале, полковник Войналович, а теперь, в бою под Белой Глиной, он потерял своего ближайшего помощника. Лучшие и необходимейшие ему люди один за другим, безвозвратно, уходили от него.

Полковник Михаил Антонович Жебрак-Русанович родился в 1875 году. Он окончил Виленское юнкерское училище и вышел в 6-й Либавский пехотный полк. Участвовал в русско-японской войне, во время которой был ранен, и вернулся с нее кавалером Ордена св Георгия 4-й степени. После войны полковник Жебрак окончил Военно-юридическую академию и служил в Императорской армии, как военный юрист. Во время первой мировой войны попросился в строй и был командиром 2-го Морского полка. После октябрьского переворота он организовал в городе Измаиле офицерский отряд, выступил с ним в поход и в марте 1918 года присоединился к отряду полковника Дроздовского. После боя под Ростовом принял должность командира Офицерского полка в отряде полковника Дроздовского. Блестяще началась его военная карьера и закончилась геройской смертью на поле брани за честь и свободу России.

Район Белой Глины, вдоль железной дороги, с его большими и богатыми селами, был в то время наиболее распропагандированным и считался одним из очагов большевизма. Испуганные крестьяне Белой Глины нашили на головные уборы белые повязки и говорили: «Мы — белые».

Читая «Очерки русской смуты» генерала Деникина, находим следующие слова, которые отчасти дают ответ на многое и в частности на то, почему бывали расстрелы пленных. Он говорит:

«Нужно было время, нужна была большая внутренняя работа и психологический сдвиг, чтобы побороть звериное начало, овладевшее всеми — и красными, и белыми, и мирными русскими людьми. В Первом походе мы вовсе не брали пленных, во Втором походе брали тысячами. Позже мы станем брать их десятками тысяч. Это явление будет разультатом не только изменения масштаба, но и эволюцией духа».

Полковник Дроздовский первый из начальников, который стал ставить в ряды добровольцев, взятых в плен, красноармейцев. Он первый сформировал даже чисто солдатский батальон, — после взятия Песчанокопской. Этот батальон уже через пять суток блестяще оправдал себя. Среди его состава не было старых солдат из дивизии Дроздовского, а одни заводские парни, чернорабочие, крестьяне и красноармейцы. Но надо было просто удивляться той перемене в их сознании и настроении после того, как на их плечах появились эмблемы Российской армии. Они все радовались плену и уверяли своих командиров — офицеров из Дроздовского офицерского полка, — что советчина со всей комиссарской сворой им осточертела и они, только попав в новую среду, в среду добровольцев, поняли где есть правда.

25 июня, наконец, Добровольческая армия вступила в область Кубанского казачьего войска. Угрожая тылу батайской группы большевиков (армии Сорокина) она в то же самое время и сама находилась под угрозой охвата справа и с тыла.

Эта угроза, как и ожидалось, оказалась реальной, так как большевики перешли на севере в свою очередь в наступление, чтобы отрезать Добровольческую армию от Новочеркасска, с целью занять станицу Кагальницкую, где был только малочисленный заслон от Добровольческой армии. В это время в Новочеркасске находился 1-й генерала Маркова пехотный и 1-й Конный полк, которые и были двинуты для парирования наступления большевиков в районе станицы Кагальницкой. Произошел двухдневный упорный бой, большевики были разбиты у станицы Кагальницкой. Также донцы и полки генерала Покровского сдержали наступление красных. Марковцы понесли большие потери: выбыло из строя около 400 человек убитыми и ранеными. Сильнее всех пострадали 7-я, 8-я и 9-я роты (в 8-й роте осталось в строю только около 30 человек). Большевики отступили, и 1-й Офицерский генерала Маркова полк двинулся на присоединение к своей дивизии, бывшей в районе Белой Глины.

Части Добровольческой армии, после занятия Белой Глины, продвинулись на юг и Кубанским стрелковым полком с конницей генерала Эрдели были заняты станица Новопокровская и станция Ея. После этого на этом участке фронта было до 30 июня более или менее спокойно.

В ночь на 30 июня части генерала Эрдели с Кубанским стрелковым полком выступили, имея задачу занять станицу Колниболовскую, которая ими и была на другой день утром занята, причем самое упорное сопротивление было оказано наступающему левее станицы Кубанскому стрелковому полку. Подошедший рано утром 1-й Офицерский полк вошел в станицу почти без сопротивления, после лихой атаки конницы генерала Эрдели.

www.ellam-kazak.ru

1-го июня все сосредоточенные на этом участке фронта части Добровольческой армии перешли в наступление, цель которого была — занятие станицы Тихорецкой и железнодорожного узла — станции Тихорецкой. На правом фланге действовали части 1-й дивизии (1-й Офицерский генерала Маркова полк и Кубанский стрелковый полк), а в центре должна была наступать вдоль железной дороги 3-я дивизия полковника Дроздовского, имея левее себя части 2-й дивизии

До взятия станции Тихорецкой в Добровольческой армии настоящих бронепоездов не было. Чтобы пополнить этот недостаток, так как борьба с красными велась, в главном, базируясь на железные дороги, начиная со взятия станции Торговой, сооружались артиллеристами и пулеметчиками самодельные бронепоезда, а командами на них были те же артиллеристы и пулеметчики, среди которых было немало мальчуганов-баклажек (дроздовцы своих юных добровольцев почему-то прозвали баклажками). После взятия станции Торговой был сооружен такой самодельный бронепоезд артилеристами и пулеметчиками — дроздовцами. Они взяли простую железнодорожную платформу, борта ее обложили мешками с зерном, песком и землей и за такое прикрытие поместили трехдюймовое орудие, а между мешками, в примитивные бойницы, поставили пулеметы. Толкал такую «броневую» площадку паровоз без брони. Такой необычный «бронепоезд» дерзко кидался в атаку даже на бронепозда противника и всегда заставлял их уходить, но после каждого такого боя приходилось хоронить лихих бойцов «бронепоезда» (по несколько человек, иногда). Слишком большой ценой платили они за свою удаль. Например, в бою под Песчанокопской на наш «бронепоезд» навалилось сразу несколько бронепоездов красных. Наш лихой «бронепоезд», под командой капитана Ковалевского отстреливался под их огнем из своего единственного легкого орудия. Вскоре все мешки на бортах платформы были разметаны и была пробоина на площадке, а потом, от прямого попадания, «бронепоезд» загорелся. Он стал уходить с поля битвы в виде огромного столба багрового дыма, все время продолжая стрелять из орудия. Когда «бронепоезд» подошел к нашим цепям, то все, бывшие там, видели стоящих среди крови и гари, почерневших от дыма, мальчиков пулеметчиков, уцелевших после боя, которые продолжали, как безумные, кричать «ура», а один из них — стрелять из орудия. Такого сорта «бронепоезда» дроздовцы прозвали «украинской хатой».

Ранним утром 1-го июля началось наступление 1-й, 2-й и 3-й дивизий с целью занять станцию Тихорецкую — железнодорожный узел. 3-я дивизия наступала вдоль железной дороги на станцию Порошино и на станицу Терновскую. Станция Порошино была взята частями 2-го Офицерского полка, а станица Терновская — Солдатским батальоном при участии броневика «Верного». Одновременно с Солдатским батальоном станицу Терновскую (с восточной стороны) атаковал Корниловский Ударный полк. После занятия этих пунктов части 3-й дивизии и Корниловский полк продолжили наступление на Тихорецкую. В этот день принял участие в наступлении самодельный бронепоезд, сооруженный артиллеристами дроздовцами..

Местность в этом районе плоская: степь и полное отсутствие холмов, совершенно голая, без больших насадок деревьев, которые лишь очень редко попадались по пути и то, главным образом, насаженные возле железнодорожных будок, возле которых было всегда много подсолнухов.

Наш «бронепоезд», чтобы не наскочить на испорченное полотно железной дороги, медленно продвигался вперед, толкаемый обычным паровозом. Как известно, вдоль железнодорожного полотна на одинаковых расстояниях стоят телеграфные столбы и верстовые столбики. Это дает возможность точно установить расстояние до определенного места, куда должен подойти бронепоезд, чем и воспользовались большевики. Они решили пожертвовать одним орудием, но уничтожить наш «бронепоезд». Они поставили, укрыто в насадке подсолнухов возле будки, орудие и выжидали подход «бронепоезда» к тому месту, до которого была точно высчитана дистанция. Тогда они открыли огонь гранатами. Первая же граната попала в ящики со снарядами позади орудия и вызвала взрыв снарядов, которым была перебита вся прислуга, кроме прапорщика Сосновского, которому удалось выскочить из платформы. Все это произошло на глазах наступающих цепей 2-го Офицерского полка, которые бегом бросились вперед, захватили орудие, но виновников гибели «бронепоезда» не нашли, они успели скрыться в подсолнухах.

В это время 1-й Кубанский стрелковый полк и позже 1-й генерала Маркова Офицерский полк вели наступление на станицу Тихорецкую. Вначале красные, поддерживаемые двумя бронеавтомобилями, оказывали упорное сопротивление, но с подходом Марковских батальонов, когда один из

www.all-kazak.ru

их бронеавтомобилей быт подбит орудием Марковской батареи, бежали в станицу Тихорецкую, но там не задержались, а бросились к станции Тихорецкой, где были окопы. Разведчики Марковской батареи захватили в станице Тихорецкой штаб красных, руководившией обороной, в числе 15 человек. Марковцы и кубанцы повели наступление на станцию Тихорецкую, на которую наступали 2-й Офицерский полк и Солдатский батальон. С юго-востока на эту же станцию наступал Корниловский Ударный полк. Атака Солдатского батальона и Корниловского полка была стремительной и станция была взята. Вчерашние красноармейцы в рядах Солдатского батальона бесстрашно и стремительно бросились в атаку и ворвались на станцию, вслед за Корниловцами, которые вошли на станцию с юго-восточной стороны. Бойцы Солдатского батальона перекололи всех, кто сопротивлялся и без приказа расстреляли взятых в плен комиссаров. Корниловцы затем распространились и заняли хутор Тихорецкий возле станции, но об этом части 1-й дивизии не знали. Кубанский стрелковый полк в это же самое время атаковал окопы противника впереди хутора и понес большие потери. 1-й эскадрон 2-го Конного полка, под командой штаб-ротмистра Аникиева бросился на выручку и в лихой атаке на окопы противника (в конном строю) потерял до 50 процентов своего состава. Бронеавик «Верный», бывший с ним, прорвался вперед и ворвался в хутор, но был встречен сильным огнем. Захватил пулемет, перебил его прислугу, не зная, что хутор уже в руках корниловцев. Пулемет оказался корниловским и было убито 2 корниловских офицера. Отступающие красные нарвались на марковцев и таким образом попали под перекрестный огонь и толпы бегущих были уничтожены перекрестным огнем. Немногие спаслись.

Вслед за Солдатским батальоном вошли части 2-го Офицерского полка. На станции Тихорецкой были захвачены три бронепоезда красных, много составов, нагруженных разным военным имуществом, орудия, зарядные ящики, двуколки с патронами, снаряды, патроны, даже один аэроплан. Захвачено много обмундирования, в чем очень нуждались части первой и 2-й дивизии. Повсюду валялись трупы убитых красноармейцев. В этом бою самые большие потери были в Кубанском стрелковом полку, в 1-м эскадроне 2-го Конного полка и у артиллеристов дроздовцев на так называемом «бронепоезде». (См. схему № 5.)

После взятия Тихорецкой Добровольческая армия перегруппировалась и повела наступление по трем направлениям: 1-я дивизия наступала на север, чтобы выйти в тыл армии Сорокина, 2-я получила задание наступать на станцию Кавказскую, а 3-я дивизия полковника Дроздовского повела наступление на юго-запад в направлении Екатеринодара.

Наступая в северном направлении 1-я дивизия, левее имела части дивизии генерала Эрдели, в состав которой входили конные Кубанские казачьи полки и, приданная им, конно-горная батарея капитана Колзакова. Правее была конница генерала Покровского, а противником — армия Сорокина, численностью свыше 30 000 человек. Эта группа войск заставила армию Сорокина изменить направление наступления с севера на запад. Совместно с частями 1-й дивизии за время от 3-го до 9-го июля были заняты частями Добровольческой армии станция Сосыка и станицы: Павловская, Крыловская, Екатериновская, Михайловская и Кисляковская, а 9-го июля части 1-й дивизии вошли в Кущевку, на станции которой большевики бросили несколько эшелонов с оружием, разным имуществом и, преследуемые конницей генерала Покровского, отступили на запад вдоль железной дороги. Севернее Кущевки разъезды 1-й дивизии встретились с разъездами Донской армии и появлялись германские аэропланы. Бригада генерала Покровского, развернувшаяся в дивизию, продвигалась к городу Ейску.

В это время, 2-я дивизия, занявь 5-го июля ст. Кавказская, продолжала продвигаться в сторону города Армавира, а, пришедший с Юга, партизанский отряд полковника Шкуро занял город Ставрополь.

После взятия Тихорецкой 2-й Офицерский конный полк побывал в станицах Ново-Донецкой и Березанской, где пополнил свои ряды добровольцами из местных казаков, неся сторожевое охранение. 1-я сотня полка с ротой пехоты, с пулеметной командой, при одном орудии была направлена, как заслон, в станицу Батуринскую.

10-го июля 3-я дивизия, имея в авангарде 2-й конный полк выступила на ст. Выселки, которая и была захвачена конной атакой 3-го и 6-го эскадронов полка и к вечеру закреплена подошедшей пехотой. Затем 12-го была занята станица Кореновская. 13-го июля 2-й конный полк принял новый командир — генерал Чекатовский, а 14-го июля, продвигаясь дальше, 2-й конный полк, занимает без боя станицу

www.ellan-kazak.ru

Платнировскую и подходит к переправам. Совместно с пехотой были заняты с боем станицы Пластунская и Динская.

На усиление частей, действующих в направлении Екатеринодара, стали прибывать части 1-й дивизии и 15-го июля 1-й Офицерский генерала Маркова полк сменяет части 3-й дивизии в Динской. 2-й конный полк отходит на ночлег в станицу Платнировскую, где к нему присоединяется, прибывшая из станицы Батуринской, его 4-я Донская сотня.

Утро 15-го июля принесло Добровольческой армии неожиданное известие: отступающая армия Сорокина, круто повернула на восток и, отбросив части Конной дивизии генерала Эрдели, пройдя форсированным маршем верст сорок, заняла станицу Кореновскую, вырезав там немногочисленный гарнизон из пластунов.

Создалась угроза тылам 1-й и 3-й дивизии и штабу Добровольческой Армии расположенном на станции Тихорецкая в 55-ти верстах от Кореновской на северо-восток. Резервных войск не было и пришлось спешно отозвать от Ставрополя 1-й Кубанский стрелковый полк, а частям 3-й и 1-й дивизий немедленно двинуться в район Кореновской. Марковцы, оставив, как заслон, отряд под командой полковника Дорошевича, погрузились в Динской в эшелоны и прибыли в Платнировскую поздно вечером 15-го июля. На рассвете, 16-го июля 1-й Офицерский полк генерала Маркова повел наступление по обе стороны железной дороги на Кореновскую, встретив упорное сопротивление красных. Доходило до штыкового удара. Около 10 часов, подошедшие части 3-й дивизии, атаковали красных, но были встречены контратакой большевиков. Бой длился целый день и к вечеру части 3-й дивизии не смогли продвинуться вперед, а Марковцы, атакованные большими силами красных, принуждены были отступить, потеряв свыше 300 человек. 16-го был тяжело ранен в ногу капитан Туркул и 2-й Офицерский полк также понес потери. Выступивший из Платнировской 2-й конный полк целый день также вел упорный бой у хутора Раздольный за овладение Кореновской в тяжелых условиях, но без результата и заночевал в поле. Утром 17-го июля завязался горячий бой под Кореновской. В районе 2-го конного полка красная пехота стремилась пробиться к переправам на Усть Лабе. Отрезав в конном строю группу красных, 2-й конный полк загнал ее в болото и заставил сдаться. Попало в плен до 800 большевиков.

Утром Марковцы и части 3-й дивизии (2-й Офицерский

стрелковый и Солдатский полки) возобновили наступление. На участке Марковцев, наступая, они нашли, оставшихся при отходе, убитых и раненых. Последние были почти все зверски добиты красными. Найденные лежали раздетыми, обезображенными: одни с отрубленными головами, другие сожженные лежали в пепле от кукурузы. Первопоходницу, прапорщика Юлию Пылаеву, нашли зверски добитой, полуобнаженной и брошенной в неглубокий колодезь. Только изредка попадались еще живыми раненые добровольцы, спрятавшиеся в кукурузе. Видя все это, овладевшие злобой и жаждой мести, марковцы не щадили красных и, продвигаясь вперед, пленных не брали. Несмотря на контратаки красных, марковцы и части 3-й дивизии медленно продвигались вперед. С севера на Кореновскую повел наступление и подошедший 1-й Кубанский стрелковый полк. Совместными атаками около 16 часов красные были смяты и части всех полков Добровольческой армии стали продвигаться вперед, временами бегом за отступающими красными, преследуя их по полю, на котором валялись убитые и раненые большевики. Станица Кореновская была взята после штыкового удара пехоты и в станицу вошли Марковцы с юга, части 3-й дивизии левее их, а с восточной стороны — Кубанский стрелковый полк. Красные отступили в северном и западном направлении. Против красных в 6-ти верстах севернее станицы Кореновской заняли позицию части 3-й дивизии, а правее на хуторах — Кубанский стрелковый полк.

На утро 18-го июля красные повели атаки на Дроздовцев, которые продолжались в течение всего дня и были каждый раз отбиты с большими потерями для наступающих. Севернее против частей Конной дивизии, наступающие красные части Сорокина в тот день имели успех и заняли станицу Березанскую и, этим самым, снова поставили под угрозу тылы Добровольческой армии. Марковцев спешно перебросили севернее и они заняли фронт против станицы Ново-Девицкой. При создавшемся положении оставаться в Кореновской было невозможно и последовал приказ отойти в район станицы Бейсугской. Отход затрудняли сотни раненых, которых везли на обывательских повозках. Патронов в частях оставалось весьма мало. Отход прикрывал 2-й Офицерский конный полк. Нужно было во что бы то не стало вывезти всех раненых, оставшийся запас снарядов и патронов. Полк героически выдерживал натиск многочисленного противника пока не были вывезены все раненые и последний снаряд.

www.elan-razal.ru

Глубокой ночью полк оставил поле сражения и, пройдя линию сторожевого охранения красных, утром прибыл в станицу Бейсугскую.

20-го июля 5-й эскадрон полка, находясь в сторожевом охранении со взводом пулеметов, отбил, приближавшихся к станице, эскадрон красной конницы, отогнав его на хутор Малеваных.

В то время, когда шли бои под Кореновской, оставшийся заслоном у Динской, отряд полковника Дорошевича, после трехдневных успешных боев с атакующими его красными, среди которых были даже китайцы, по словам пленных — сражавшихся «за родную Кубан», отошел к станице Пластуновской, где погрузился в эшелоны и 19-го июля двинулся на станцию Выселки на соединение со своим полком. Проезжая станицу Кореновскую, в эшелоне слышали звуки боя, который невдалеке вели Дроздовцы с красными.

Отойдя из района Кореновской части 3-й дивизии сосредоточились в районе станицы Бейсугской. В течение последующих дней части 1-й дивизии вели упорные бои с красными, армии Сорокина, под Выселками. Части 3-й дивизии, выйдя в тыл красных и обойдя их правый фланг, 25-го июля атаковали части армии Сорокина. Тогда же перешли в наступление части 1-й дивизии и Конной. 2-й Конный полк вместе с пехотными частями дивизии повел наступление на хутор Малеваных и после горячего боя хутор был взят. Захвачено свыше 1000 пленных. 25-го июля шли упорные бои целый день за обладание станицей Кореновской, которая и была к вечеру занята. Армия Сорокина была разгромлена и стали остатки ее поспешно отступать, преследуемые добровольцами. Красные спешно посылали подкрепления из Екатеринодара и вновь завязались, временами, довольно упорные бои, но наступление на Екатеринодар, продолжалось. 28-го июля 2-й Конный полк переходит в наступление и, развернувшись, энергичным ударом сбил красных и к вечеру занял станицу Усть-Лабинскую и Воронежскую, захватив одно орудие, пулеметы, пленных и эшелон с боевыми припасами. На следующий день полк занимает станицу Весюринскую, оттесняя постепенно красных к Екатеринодару. Заняв на следующий день без боя станицу Старо-Корсунскую, 2-й Конный полк 30-го июля занимает разъезд № 105 и ведет уже разведку укрепленной линии красных района города Екатеринодара, расположенной к северу и востоку от станицы Пашковской.

Император НИКОЛАЙ 2-ой.

www.ellan-kazak.ru

Должен напомнить, что после разгрома армии Сорокина и занятия Кореновской, отступающих красных в сторону Екатеринодара и Тимошевской энергично преследовали части Конной, 1-й и 3-й дивизий. Остатки армии Сорокина, главной своей массой отходили к югу, оказывая порой упорное сопротивление. Части 3-й дивизии наступали на Екатеринодар левее железной дороги, имея головным 2-й Конный полк. За овладение станицей Кореновской впервые в составе Добровольческой армии участвовал и настоящий бронепоезд «Единая Россия», из числа захваченных в бою на станции Тихорецкой. 1-я и Конная дивизии наступали вдоль железной дороги на Екатеринодар и правее ее. В боях под Выселками и Кореновской самые большие потери понес 1-й Офицерский пехотный генерала Маркова полк, из строя которого выбыло до 800 человек. Тогда же был ранен и командир Солдатского полка полковник Кельнер и полк принял полковник Дорошевич-Никшич.

Главной задачей 3-й дивизии было отрезать пути отступления красным в сторону города Армавира и содействовать частям, наступающим вдоль железной дороги на Екатеринодар. (См. схему № 6.)

Целый день, 1-го августа, шли упорные бои за обладание станицей Пашковской, которая 2-го августа дважды переходила из рук в руки и, наконец, атакой 2-го конного полка станица окончательно была взята и красные, понеся большие потери, были выбиты из станицы, оставив в руках полка 3 пулемета и пленных.

Потерпев поражение под станицей Пашковской и теснимые частями 1-й и Конной дивизий, красные в панике спешили оставить город Екатеринодар, пользуясь темнотой. Наступающие добровольческие части подошли к городу ночью 2-го августа. Большевики не пытались оказывать больше сопротивления. Высланный от 3-го эскадрона 2-го конного полка разъезд под командой ротмистра Шпилевского на рассвете 3-го августа вступил в город, одновременно, с разъездом Конной дивизии генерала Эрдели.

Наконец, был взят тот город, о котором мечтали еще во время 1-го Кубанского (Ледяного) Похода и около которого в скором будущем так пышно расцвела Добровольческая армия. Вслед за конными частями в город вступили 1-й Кубанский стрелковый и 1-й Офицерский пехотный генерала Маркова полки. 2-й Конный полк вместе с пехотой прошел по главным улицам города и того же числа вернулся в ста-

www.alan-kazak.ru

ницу Пашковскую, где и расположился на отдых. Население города восторженно встречало проходившие воинские части Добровольческой армии, освободившие столицу Войска Кубанского от ярма большевиков.

На следующий день в городе Екатеринодаре, украшенном национальными флагами, заполненном празднично одетыми людьми, состоялся парад войск, в котором принимал участие также и прибывший из станицы Пашковской 2-й Офицерский конный полк. Когда полк выстраивался у Собора, был встречен криками «УРА», забрасываемый цветами. После молебна генерал Деникин и Атаман Войска Кубанского благодарили войска за доблестную службу Родине и пожелали дальнейшего процветания и боевых успехов. Войска, восторженно приветствуемые населением, прошли церемониальным маршем. 2-й Офицерский полк вернулся в станицу Пашковскую.

На другой день два эскадрона полка были выделены в район станиц Васюренской и Старо-Корсунской для несения сторожевой службы на переправах. Ряды полка пополнились казаками добровольцами из станиц Пашковской и Марьинской и к 7-му августа в полку было 7 эскадронов. Отдохнув в станице Пашковской, полк 10 августа выступил в станицу Тифлисскую, куда прибыл для несения охраны переправ через реку Кубань 13-го августа.

17-го августа, утром, по собственной инициативе полк посылает для производства глубокой разведки и чтобы установить связь с восставшими казаками по другую сторону реки Кубань, два эскадрона (первый и второй). Переправившись через Кубань, посланный дивизион полка, после короткого боя занимает колонию Ново-Ивановку в 15-ти верстах от переправы и устанавливает связь с насильно мобилизованными казаками в красную армию. В колонию пробиваются две конные сотни и изъявляют желание поступить в полк. Прибывшие были развернуты в 8-й и 9-й эскадроны полка. 18-го августа в колонию Ново-Ивановку пришел и весь 2-й Офицерский конный полк. Таким образом, без всякого на то приказания, полк по собственной инициативе, занял обширный плацдарм, необходимый для наступления на Армавир и Майкоп. За это лихое дело полк получил благодарность, приказом по дивизии, от полковника Дроздовского. Не только 2-й полк увеличился в своем составе, но и все вообще части Добровольческой армии за счет притока добровольцев, главным образом, казаков из освобождаемых отделов

Кубанского казачьего войска. Формирование новых частей было сопряжено с большими трудностями: требовалось время, оснащение и вооружение, а их-то и не было у командования армией. Добивались они ценою крови в боях.

В то время, когда велось наступление в сторону Армавира, 1-я пехотная и две конные дивизии приступили к освобождению территории южнее реки Кубани. В этом районе находились большевистские силы численностью свыше 30 000 бойцов (по данным совет. историка В. Сухорукова — 27 000 штыков, 3 500 сабель и 15 орудий). Операции по очищению этой территории была успешно закончена. Добровольческая армия теперь имела и морские порты с освобождением Черноморской губернии. Уничтожить же полностью Таманскую группу большевиков не удалось и она отошла через горный хребет на территорию Кубанской области в район Майкопа и Армавира. Все побережье, от Таманского полуострова до границы с Грузией было теперь в руках белых. Генерал-губернатором Черноморской губернии был назначен, произведенный в генералы, Кутепов. Города Новороссийск и Туапсе были заняты частями Добровольческой армии.

Фронт теперь был приблизительно, к середине сентября по линии Майкоп—Армавир—Ставрополь. Северная часть Кубанской области была полностью также очищена от красных.

Таково было положение на фронте. Прежде чем продолжать описание дальнейших событий, несколько слов о том, чье имя тесно связано с Дроздовской дивизией. Как было уже сказано выше, в бою под Кореновской, 16-го июля, был ранен капитан Туркул. Его вместе с раненым командиром Первого батальона 2-го Офицерского полка эвакуировали в Новочеркасск. Прибыв в Новочеркасск, они решили прежде всего навестить своих майских хозяек — институток. Купив почти за все наличные деньги огромную корзину пирожных, на извозчике подкатили к зданию института. Оба на костылях, с трудом передвигаясь, вошли в подъезд, встреченные швейцаром, который, увидя вошедших офицеров, вежливо заявил:

— Извините, господа офицеры, но у нас приемные дни только по средам и воскресениям.

«Мы (пишет в своей книге генерал Туркул) забыли, что фронт от Новочеркасска откатился, что в институте идут са-

www.elan-kazak.ru

мые мирные занятия. Сказали швейцару (старому с седыми баками казаку с медалями), чтобы он передал записку начальнице института.

— Не приказано принимать никаких записок, — ответил швейцар, а в это время извозчик уже вносил в приемную корзину с пирожными.

На верхней площадке показалась дежурная институтка в сером платье. Она сбежала ниже, узнала нас, от изумления, раздувши платье воздушным шаром, присела на ступеньку, потом умчалась обратно.

Мы стояли в прихожей, оба на костылях, слегка удивленные такой встречей. Вдруг на институтской лестнице показалось стремительное шествие, не только кричащее, но и визжащее, во главе с инспектриссой. Все что-то кричали радостно, хлопали в ладоши, прыгали вокруг нас. Мы твердо стояли на костылях во всем этом гаме.

Начальница института встретила нас, как своих сыновей. Она едва скрывала слезы. Занятия были прерваны. Корзину торжественно внесли в столовую и детвора в мгновение ока прикончила пирожные».

В скором времени, по приказанию полковника Дроздовского, капитан Туркул должен был отправиться для лечения в Ростов в клинику профессора Напалкова.

3-я дивизия после взятия Екатеринодара некоторое время обеспечивала переправы через реку Кубань, продвигаясь вверх по ее течению. В бою под станицей Усть-Лабинской в первых числах августа был ранен командир Солдатского полка полковник Дорошевич и полком стал командовать подполковник Шеберт. 14-го августа, после прибытия в станицу Усть-Лабинскую, сформированного в Ставрополе из офицеров и солдат 83-го пехотного Самурского полка 21-й пехотной дивизии Российской Императорской армии, вошедшего в Солдатский полк, батальона, Солдатский полк переименован в Самурский пехотный полк, имея в своем составе 10 рот.

После занятия Екатеринодара в нем гарнизоном вначале были части Марковского полка. 4-го августа состоялся парад Марковскому полку, который принимал генерал Деникин, а на другой день был парад частям 1-й Конной дивизии и его принимал генерал Алексеев.

На четвертый день после занятия города, состоялось своего рода поломничество на место смерти генерала Корнилова,

к ферме на самом берегу реки Кубани, где стоял крест. Ферма стояла с заколоченным окном, куда влетел снаряд в комнату, в которой в то время находился генерал Корнилов, разрывом которого был он смертельно ранен. Позже в колонии Гночбау большевики нашли могилу генерала Корнилова, вынули из нее гроб и привезли в Екатеринодар и там, вынув тело генерала Корнилова, повесив его на балконе одного из домов, дико глумились над ним, затем сожгли, а пепел рассеяли по ветру. Возле креста в этот день паломничества была отслужена панихида по Вождю — воину Лавру, павшему смертью храбрых на поле брани, на которой присутствовали: генерал Алексеев, генерал Деникин, штабные офицеры, части Марковцев, много других военнослужащих и гражданских лиц из города Екатеринодара. После панихиды генерал Алексеев обратился к присутствующим со словом, сказав, кроме всего остального, следующее: «нет могилы Вождя, нет места его упокоения. Прах его большевиками сожжен и развеен по ветру . . ., но прах его приняла вся Русская земля, сделав его своим достоянием с тем, чтобы память о великом патриоте сохранилась и чтилась во веки в сердцах верных сынов Родины».

Уже в конце июля появились первые слухи о зверском злодеянии большевиков в Екатеринбурге:

17-го июля в городе Екатеринбурге, были ночью в подвале дома расстреляны Император Николай Александрович, вся Его Августейшая семья и, бывшие при них и не покинувшие их в несчастьи, приближенные.

Эти слухи получили подтверждение. Смерть и зверская расправа большевиков с последним Российским Императором, Императрицей и невинными детьми их произвели на всех ошеломляющее впечатление, а их зверский поступок показал полный облик большевистской власти. Это было олицетворением кровавой драмы всей России.

Гнетущая и тяжелая горечь давила на сердце каждого, когда стало известно о служении панихид по зверски убиенным: бывшем Императоре, Его семье и верным слугам Его.

После разгрома армии Сорокина в боях под Кореновской часть большевиков отступила в направлении на Армавир и туда же отошли и гарнизоны их, бывшие в станицах, расположенных по берегам реки Кубань, после освобождения города Екатеринодара. Этим самым значительно усилились силы красных в районе города Армавира. Вначале против боль-

www.allan-kazak.ru

шевиков в районе Армавира действовали части 2-й пехотной дивизии и Конной генерала Шкуро.

Заняв плацдарм на берегу Кубани в районе колонии Ново-Ивановки, 2-й Конный полк 22-го августа повел наступление, расширяя плацдарм в направлении на переправу около станицы Казанской. Сбив лихими атаками красных, дивизион полка под командой ротмистра Гаевского, заняв 23-го августа экономию Петрика, обеспечил возможность переправы и у станицы Казанской. Стали наводить мост, по которому могла бы переправиться и пехота 3-й дивизии. Красные весь следующий день, 24-го августа, устилали своими трупами, следы своих попыток сбить полк с переправы. Наводка моста приближалась уже к концу, как вдруг, неожиданно, мост развалился, сорванный быстрым течением реки. Видя это, полк отошел из экономии на ночлег в хутор Северин, прикрывая Тифлисскую переправу. Наша пехота, под прикрытием полка стала переправляться через Кубань около станицы Тифлисской, закончив ее утром 27-го августа. 2-й конный полк, действуя правее наступающей пехоты своей дивизии, атаковал своими 7-ю эскадронами красную пехоту в районе Армянских хуторов и, несмотря на упорное сопротивление, смял ее. Трофеями полка была масса винтовок, пулеметы, а оставшие на поле сражения 500 трупов красных свидетельствовали об лихой атаке полка. Два эскадрона полка (дивизион ротмистра Гаевского) был на правом фланге наступающей пехоты и также лихо атаковал полк красных, содействуя этим успеху наступления. Весь день продолжались стычки с многочисленными разъездами красных у хуторов Баскунчук и Козловским. 29-го августа атакой 2-го и 4-го эскадронов были рассеяны конные эскадроны красных, подходивших к названным хуторам. 30-го августа, потеснив нашу пехоту, красные крупными силами конницы и пехоты, яростно атакуют 2-й конный полк, прикрывающий фланг пехоты. Три раза отбивал полк конные контратаки красных и понес сильные потери. Почти полностью выбыли из строя 8-й и 9-й эскадроны полка, бесстрашно ходившие в атаку на пулеметы красных и пал смертью храбрых командир дивизиона ротмистр Михайловский. С наступлением темноты полк отошел в исходное положение на хутор Баскунчук. Остатки 8-го и 9-го эскадронов были влиты в ряды также поредевших других эскадронов полка. На рассвете 31-го августа 2-й конный полк в полном составе

двинулся на станицу Михайловскую, где и соединился с казачьей дивизией генерала Улагая и совместно с ней повел наступление на станицу.

В район Армавира были направлены также части 1-й конной дивизии под командой генерала Врангеля, сменившего на этом посту генерала Эрдели. Отступившие через горний перевал большевистские части Таманской группы старались пробиться из района Майкопа в Армавир. Против этой группы красных был генерал Покровский со своей дивизией.

Продвигавшаяся к Армавиру 3-я дивизия, уже находясь южнее Отрады Кубанской, имела необеспеченный свой правый фланг, так как подходившие части 1-й конной дивизии не успели еще продвинуться на тот же уровень к Армавиру. 3-й дивизии все время висела угроза обхода фланга частями Матвеева из района станицы Михайловской. Кроме того к этому времени в районе Ставрополя стала усиливаться группа красных и в сентябре (по советским данным) уже увеличилась до 40 000 бойцов при 60 орудиях. Об угрозе своих флангов полковник Дроздовский донес в Штаб Армии рапортом № 01270, прося прислать подкрепление или разрешить подождать с наступлением на Армавир, хотя бы до ликвидации группы Матвеева в районе станицы Михайловской. Не получив ответа на свой рапорт, полковник Дроздовский вновь телеграммами №№ 69/Б и 322/Д доносит о создавшемся положении. Ответа из Штаба Армии не последовало.

Соединившись с дивизией генерала Улагая, 2-й Конный полк получает задачу: охрану левого фланга дивизии. Полковник Шумов, командующий полком, с 3-м и 5-м эскадронами переходит на левый фланг дивизии. Вечером этот дивизион возвращается на ночлег в хутор Баскунчак. Ему было послано приказание присоединиться к полку. По присоединению стало известно о понесенных больших потерях в полку после атак в пешем и конном строю на красных у станицы Михайловской.

Пехотные части 3-й дивизии 1-го сентября повели наступление на ст. Гулькевичи, имея на правом своем фланге 3-й и 7-й эскадроны 2-го конного полка под командой ротмистра Гаевского. При этом наступлении остальные эскадроны полка были растянуты фронтом до 10-ти верст вдоль железной дороги, соединяющей Кавказскую с Армавиром. К ве-

www.ellan-kazak.ru

черу ст. Гулькевичи была взята с большими трофеями, из которых половина была захвачена дивизионом ротмистра Гаевского. На другой день, 2-го сентября, красные перейдя в наступление, вначале оттеснили наши части от железной дороги южнее ст. Гулькевичи, но с прибытием наших броневиков, положение восстанавливается. 2-й Конный полк, перейдя на левый фланг дивизии, на ночлег располагается в хуторах по берегу реки Кубань. Днем 3-го сентября, под личным руководством полковника Дроздовского батальон 2-го Офицерского стрелкового полка и 2-й Конный полк атакуют красных и пробиваются к югу. Пользуясь наступившей темнотой, красная конница, обойдя правый фланг, стремительно атакует наших артиллеристов, но контратака 5-го эскадрона смяла атаковавших красных. Полк на ночлег расположился в экономии, приведя с собой захваченных лошадей красной конницы. К вечеру 4-го сентября полк переходит на правую сторону железной дороги и ночует в хуторе Мариинском.

5-го сентября 2-й Конный полк, под командой полковника Шумова, усиленным аллюром двигается с задачей перерезать железную дорогу Армавир—Тифлис. После ряда конных атак, встретив на своем пути конницу краных, полк выполняет поставленную ему задачу.

Пехотные части 3-й дивизии с 1-м эскадроном 2-го конного полка ведут отремительное наступление и город Армавир был взят, но части понесли значительные потери при штурме позиций красных. Полковник Дроздовский немедленно донес о взятии Армавира и в то же самое время указал на свои опасения за тыл, так как в район Армавира стали подходить части Таманской группы красных и оказалась сильная угроза со стороны Ставропольской группы противника, нажимавших сильно на наши части, занимавшие город Ставрополь. В Армавире были трофеями броневики красных и составы на станции. Отходивших красных преследует 2-й Конный полк до поздней ночи и зарубленные красные ярко отмечают путь их отхода. Заночевал полк на хуторе Шахнозаров. 7-го сентября и до 12-го сентября полк ведет разведку на ст. Урупскую, потом на Смоходинские хутора и окрестные станицы. Было обнаружено накапливание огромных сил противника. К вечеру 12-го сентября 3-й эскадрон полка и Урупский казачий отряд наступают на станицу Бесскорбную, но будучи отбиты, были вынуждены отойти.

После донесения о взятии Армавира, от Штаба Армии последовало приказание о наступлении между реками Уруп и Кубанью, а 11-го сентября телеграммой было сообщено, что в район Кубанской высылается батальон 1-го Офицерского генерала Маркова полка. Утром командиру этого батальона была отправлена телеграмма вести наступление в сторону Кубанской, чтобы потом, совместно, с частями 3-й дивизии разбить с северо-запада наступающую колонну противника. Полковник Тимошевский, командир батальона 1-го Офицарского пехотного полка телеграммой в 12 часов 30 минут сообщил, что его части прошли ст. Гулькевичи, но что в его батальоне всего лишь 370 штыков. 12-го сентября большевики вели большими силами упорные атаки на части 3-й дивизии и им удалось перерезать железную дорогу в сторону Кавказской. Контратакой пехоты 3-й дивизии положение было временно восстановлено, но, подошедшие значительные резервы красных, атаковавшие дроздовские части, принудили их отступить и красные стали приближаться к реке Кубань, заняв станцию Кубанскую. В темноте новая большая колонна красных подошла к Армавиру и с юга. Создался сплошной фронт и было обнаружено сближение сил красных для предстоящей атаки на следующий день.

Полковник Дроздовский не мог расчитывать на помощь подходящих слабых сил 1-го Офицерского пехотного полка, в резерве же имел только три роты и, учитыван создавшееся положение, оставляет в северной части города небольшой заслон, а остальным частям дивизии приказывает отойти в станицу Прочноокопскую.

Утром 13-го сентября Урупский полк повел снова наступление на станицу Бесскорбную и в 6-ти верстах от нее завязался встречный бой с наступающими красными. В это время красные густыми колоннами двигались на Армавир. 2-й Конный полк спешно отходит к Армавиру, из которого в это время отходил, оставленный там полковником Дроздовским, заслон. Два эскадрона переходят реку Кубань в станицу Прочноокопскую, куда 14-го сентября сосредоточивается и весь 2-й Конный полк. Полк занимает окопы и несет сторожевое охранение.

К этому времени силы красных в Армавире достигали до 50 000 бойцов при 65 орудиях и бронепоезде. По пятам их

www.elan-kazak.ru

двигались части дивизии, преследуя красных Таманской группы, генерала Покровского, наступающего от станицы Белореченской на станицу Курганную.

14-го сентября прибыл офицер связи от полковника Тимановского с сообщением, что к нему прибыло пополнение, что он имеет в своем отряде 1400 бойцов (два батальона и три сотни), и что ему приказано Штабом Армии наступать. Полковник Дроздовский послал полковнику Тимановскому, который сообщил, что он поступает в его подчинение, самостоятельно не наступать, ждать его распоряжения и противника не атаковать 13-го сентября. Приказание полковника Дроздовского полковник Тимановский вовремя не получил и, выполняя приказание Штаба Армии, ввязавшись в бой с красными первоначально имел успех, но, встретив значительные силы противника, понес сильные потери. Вскоре его части стали отходить. Части 3-й дивизии, получив приказ от Штаба Армии, 14-го атаковали красных. Целый день длился упорный бой, части понесли тяжелые потери, но не добились успеха. Город Армавир остался в руках красных и около него завязались долгие и упорные бои, в которых части Добровольческой армии понесли весьма значительные потери.

Вскоре подошли в этот район бронепоезда «Единая Россия» и «Офицер». 16-го сентября на фронт около Армавира прибыл генерал Деникин и было совещание со строевыми начальниками. На этом совещании было решено в первую очередь ликвидировать группу большевиков в районе станицы Михайловской, откуда в любой момент прибывала помощь красным в Армавир. В экспедиции по ликвидации группы красных в Михайловской приняли участие: 3-я дивизия, 1-я Конная генерала Врангеля и две роты 1-го Офицерского генерала Маркова полка, но закончилась она 18-го сентября, после упорного боя — неудачей. Станица Михайловская была взята только 30-го сентября 1-й Конной дивизией.

25-го сентября в городе Екатеринодаре скончался Верховный руководитель и духовный вождь Добровольческой армии — генерал Алексеев. Чрезмерные заботы, постоянные волнения, частые ночи без сна, тяжелая болезнь, которые преследовали генерала Алексеева, его организм не выдержал. Его смерть для Добровольческой армии была весьма тяжелой потерей.

Последовал приказ Добровольческой армии:

«Сегодня (25-го сентября) окончил свою — полную подвига, самоотвержения и страдания жизнь — генерал Михаил Васильевич Алексеев.

Семейные радости, душевный покой, все стороны личной жизни он принес в жертву служения Отчизне.

Тяжелая лямка строевого офицера, тяжелый труд и боевая деятельность офицера Генерального штаба, огромная по нравственной ответственности работа фактического руководителя всеми вооруженными силами Русского государства в Отечественную войну — вот его крестный путь. Путь, озаренный кристаллической честностью и горячей любовью к Родине — и великой, и растоптанной.

Когда не стало армии и гибла Русь, он первый поднял глас, крикнул клич русскому офицерству и русским людям.

Он отдал последние силы свои созданной его руками Добровольческой Армии. Перенеся и травлю, и непонимание, и тяжелые невзгоды страшного похода, сломившего его физические силы, он с верою в сердце и с любовью к своему детищу — шел с ним по тернистому пути к заветной цели спасения Родины.

Бог не судил ему увидеть рассвет. Но он близок.

И решимость Добровольческой Армии продолжать его подвиг до конца — пусть будет дорогим венком на его свежую могилу собирателя Русской Земли.

Генерал Деникин».

Похороны генерала Алексеева состоялись в городе Екатеринодаре 27-го сентября 1918-го года. Проводить генерала Алексеева на его последнем земном пути собрались: семья покойного, генерал Деникин со Штабом армии, ее представители от отдельных частей, прибывшие с фронта, местные власти и население.

По пути следования гроба, на улицах — шпалеры войск, впереди венки, многочисленное духовенство. Гроб на лафете орудия 1-й генерала Маркова батареи. Для отдания воинских почестей — две роты 1-го Офицерского пехотного генерала Маркова полка, под залпы которых и был спущен гроб в склеп в нижней части Собора.

В конце февраля 1920-го года, при отступлении Добровольческой армии с Кубани, гроб с останками генерала Алексеева был ночью чинами конвоя Главнокомандующего вынесен из склепа, погружен на грузовик и отправлен на станцию Екатеринодар-Товарная.

В это время уже была слышна отдаленная артиллерий-

www.elan-kazak.ru

ская стрельба, видны были вспышки разрывов, а на окраинах города раздавались одиночные выстрелы.

Это и был, как бы последний салют основоположнику Белого Движения. Это были последние проводы его из России.

Со станции гроб, в сопровождении его сына, был отправлен в Новороссийск, где был погружен на транспорт и перевезен в Югославию.

В это время на фронте не прекращались весьма упорные бои под Армавиром и Ставрополем. 31-го сентября 2-й конный полк переходит в станицу Темнолесскую, в район которой перебрасываются и другие части 3-й дивизии. В районе станиц Борсуковской и Темнолесской было обнаружено большое скопление красных. Переночевав в станице Убеженской, полк 1-го октября проходит через сожженную и разграбленную большевиками станицу Николаевскую, в которой вместо цветущих садов и веселых домиков торчали только обгорелые пни, обгорелые стены домов, среди которых ютились, оставшиеся в живых дети и старики.

Вслед за полком в этот район перешли и другие части 3-й дивизии и вместе с Пластунской бригадой до 10-го октября вели бои с красными, отбивая их атаки. 10-го октября Невиномысская группа большевиков повела общее наступление большими силами и в ночь на 13-е октября атаковала станицу Темнолесскую, где чуть было не попала в плен гаубичная батарея 3-й дивизии. Батарею спас своей хладнокровностью, смелостью и доблестью командир батареи полковник Медведев. Он сам перепрягал убитых лошадей и лично сам, в качестве ездового вывез одно из орудий.

2-й Конный полк 3-го октября ночевал в станице Николаевской, а на следующий день два эскадрона были высланы в Ново-Марьинскую и один в верхнюю немецкую колонию и ведется усиленная разведка в районе станицы Невиномысской. Неся сторожевое охранение и разведку в крайне тяжелых условиях, ночуя под открытым небом, зачастую и без воды, на громадном протяжении по фронту до 70 верст, участвует в отражении неоднократных попыток красных обойти город Ставрополь.

Полк под напором больших сил красных 14-го октября отходит в район горы Недерман, а оттуда 16-го переходит в станицу Ново-Марьинскую. 6-й эскадрон в это время находился в немецкой колонии Дальняя, не будучи предупрежденным, оставаясь там, выдерживает бой с авангардом наступающих красных и только тогда стал поспешно отходить

на станицу Темнолесскую, думая там найти свои части. Пробиваясь по незнакомым горным тропам, эскадрон к вечеру подошел к станице, но был встречен огнем красных. Только темная осенняя ночь дала возможность пробиться эскадрону на станцию Надежда. Эскадрон 15-го ноября получил приказание вначале занять позицию около Холодной горы, а потом отойти в Ставрополь. Город уже эвакуировался и был обойден со стороны Татарки. Эскадрону были приданы два орудия и 40 плохо вооруженных всадников Инородческого полка с приказанием защищать город во что бы то ни стало. Эскадрон мужественно залпами, пулеметным и орудийным огнем отбил несколько атак густых цепей красных и надолго задержал их продвижение. После этого эскадрон отошел в станицу Михайловскую, в которой находился Полтавский Кубанский казачий полк. Ведя рекогносцировку около станции Надежда и Ставрополя, без дорог по горам, эскадрон блестяще выполнил, порученную ему задачу, выяснив, что большая колонна красных двинулась, чтобы перерезать железную дорогу Ставрополь—Кавказская. 17-го октября в конном строю Полтавский полк и эскадрон атакуют наступающих красных и задерживают их наступление до прихода Самурского пехотного полка, который их и сменяет. Эскадрон за это время понес большие потери. 18-го октября он присоединяется в станице Ново-Марьинской к своему полку.

Бои за овладение городом Армавиром продолжались и наши части несли большие потери. После неудачных попыток занять город 14-го сентября и 18-го, а также безрезультатной атаки позиций красных 1-го октября, добровольческие части повели наступление 13-го октября и на этот раз Марковцы наступали в лоб, поддержанные огнем бронепоезда «Офицер». Когда наступила у них временная неустойка, после занятия Туапсинской станции и их цепи врывались уже в улицы города, встречая упорное сопротивление красных, броневик «Верный» под огнем бронепоезда прорывается в тыл красных, наводит панику на собравшихся в контратаку красных, обстреливая их из всех своих четырех пулеметов. Когда же большевики отходили от города, он на ходу стреляя преследовал их, а потом помчался в тыл их бронепоезда, который стал удирать к реке Уруп, где он попадает под обстрел Марковской батареи. Красные отошли за реку Уруп. Город Армавир был взят Марковцами при содействии бронепоезда «Офицер», броневика «Верный», Кубанского стрелкового полка и конной бригады, состоящей из Марков-

www.ela-kazak.ru

ского конного полка и Лабинского казачьего, командир которого, войсковой страшина Растегаев, был в бою тяжело ранен. После боя под Армавиром красные главной массой отступили в сторону Ставрополя, а часть их вдоль дороги на Минеральные Воды. Под Ставрополем шел упорный бой, а после его оставления наши части отошли верст на 13—20. Части 3-й Дивизии с Корниловским Ударным полком занимали позиции на линии Ново-Маривка—Пелагиада—Дубовка. Части 1-й дивизии 14-го октября заняли хутор Вольный, а 15-го октября, продвигаясь на восток, после занятия станции и села Коноково, после упорного сопротивления при содействии броневика «Верный», заняли село Успенское. До 22-го октября идут упорные бои с красными, которых 22-го октября разгромила 1-я Конная дивизия генерала Врангеля, захватив только одних пленных свыше 3000 человек. Красные 23-го октября повели наступление со стороны Ставрополя на Армавир, заняв станицу Прочноокопскую, подошли почти к самому городу, но когда в тылу их появилась 1-я Конная дивизия, поспешили в исходное положение. Во всех боях с 1-й Конной дивизией, в ее составе принимала участие конно-горная батарея капитана Колзакова. (См. схему № 7.)

Части 2-й и 3-й дивизий под общим командованием генерала Боровского, перейдя в наступление, подходят к Ставрополю и 23-го октября, атаковав позиции красных, 2-й Офицерский стрелковый полк занимает монастырь св. Иоанна Предтечи и часть предместья города. Большевики переходили в контратаки, которые каждый раз отбивались с большими потерями. 25-го октября 2-й Конный полк около ст. Сенгиевской атаковал отступавших от Армавира красных, массу красноармейцев изрубил, захватил 13 пулеметов, повозки груженные бомбами и патронами, автомобили и обозы. До 29-го октября идут упорные бои с красными под Ставрополем. Утром 29-го красные большими силами атакуют 2-й Офицерский стрелковый полк, который, несмотря на поддержку Самурского полка, после упорного, кровопролитного боя принужден был отойти версты две-три назад, где оба полка окопались.

Погода резко меняется. Ударил сильный мороз. Кругом голая степь и полное отсутствие по близости деревьев. Все страшно терпели, полуголодные, от холода. Начальник дивизии, полковник Дроздовский, лежа в какой-то ямке, дрожал от холода. Позади цепей 2-го Офицерского стрелкового

полка, стал, прибывший в состав дивизии, броневик «Верный».

День 30-го октября прошел в перестрелке, но на рассвете 31-го октября в сильнейший туман (в двух шагах ничего нельзя было разобрать), большевики громадными силами атаковали позиции 2-й и 3-й дивизий, принудив растаявшие части дивизии к отходу. В густом тумане перемешались белые и красные. Кипел жестокий бой и обе стороны несли большие потери. В этом бою был убит командир Корниловского Ударного полка — полковник Индейкин, тяжело ранен командир Самурского полка — полковник Шеберт. Не пощадила братоубийственная пуля и полковника Дроздовского. Он был ранен в ногу. Забросанный ручными гранатами, сгорел со всей своей командой в цепях Корниловцев броневик «Витязь». Броневику «Верный» пришлось отбиваться ручными гранатами, от подошедших вплотную к нему в тумане, большевиков, которые штыками пытались открыть дверцы броневика. Несколько раз «Верный» во время боя вывозил наполненный до отказа броневик ранеными, отвозя их на станцию Пелагиада.

В этом бою большевики в матросской форме вели себя очень смело и дерзко: с винтовками за плечами и с ручными гранатами в руках, они подходили на 60 шагов к броневику с ругательствами и криками: «И вам будет такая же участь!», намекая на гибель «Витязя».

К часам 10-ти утра туман рассеялся и взошло солнце. По степи на Рыдзвяная отходили остатки 2-й дивизии, а на станицу Рождественскую жидкие цепи 2-го Офицерского стрелкового и Самурского полков. Броневик «Верный» задержался на буграх между станцией Пелагиада и Ставрополем, отбивал пулеметным огнем наступающие цепи красных. Справа от него вела залпами огонь по красным цепям, откуда-то появившаяся цепь пластунов.

Около 12-ти часов отошли пластуны и, расстреляв все свои запасы патронов, «Верный» в 14 часов отошел на станцию Рыдзвяная, где находился Штаб Главнокомандующего и бронепоезд. Подъезжел к самой Рыдзвяной, броневик «Верный» обогнал группу Корниловцев, приблизительно в человек 150, шедших со своим знаменем. Впереди ехал капитан Скоблин.

— Где же Корниловский полк? — спросил капитана Скоблина, капитан Нилов.

www.elan-kazak.ru

— Вот все, что от полка осталось, — послышался печальный ответ капитана Скоблина.

«Верный» продолжил свой путь и, прибыв на станцию Рыдзвянная был встречен генералом Деникиным и его начальником Штаба — генералом Романовским. Капитан Нилов доложил генералу Деникину обстановку.

— А где «Витязь»? — спросил генерал Деникин.

— Сгорел со всей своей командой, остался один «Верный», — ответил капитан Нилов.

— Вот уж воистину «Верный», — сказал генерал Деникин. — В огне не горит и в воде не тонет. А что Вам нужно?

— Нет пулеметных лент, все расстреляли, — ответил капитан Нилов.

Генерал Деникин вызвал командира бронепоезда и приказал ему передать «Верному» почти все пулеметные ленты. После этого «Верный» снова выехал к Пелагиаде.

В то время, когда кипели кровопролитные бои под Ставрополем, 2-й конный полк связался с 1-й Конной дивизией и вошел в подчинение генерала Врангеля, который со своей дивизией наступал в направлении Ставрополя. Полку было приказано двинуться на Ставрополь и занять разрытый курган, не считаясь даже с уничтожением полка, как это было сказано в приказе. Так как курган оказался уже занятым энергичным ударом стрелков, полк занял позиции со стороны городской рощи. После отхода наших частей, полк отражал атаки красных, стремящихся прорваться к станции Пелагиада.

1-го ноября с утра Самурский полк и броневик «Верный» атаковали красных, занявших Пелагиаду и захватили юго-западную часть селения, но дальше не смогли продвинуться, встретив упорное сопротивление красных, стрелявших буквально из каждого окна и из-за каждого плетня.

В тот же день повела наступление и 1-я Конная дивизия на Ставрополь. Частями дивизии был занят монастырь на окраине города, но продвинуться дальше не смогли, встретив упорное сопротивление красных. На рассвете был отправлен в распоряжение генерала Врангеля броневик «Верный».

1-го ноября 3-й эскадрон 2-го конного полка в пешем строю повел наступление на окопы противника, расположенные на окраине города вблизи дома умалишенных (психиатрической больницы), а остальные эскадроны полка в конном строю атаковали красных, засевших в окопах у городской рощи. После тяжелого боя полк выбил красных из окопов, захватив 3 пулемета и бомбомет. Всю наступившую ночь полк вел огневой бой с красными.

Генерал Врангель решил на другой день атаковать красных с юга, со стороны психатрической больницы и туда, кроме бывшего в том районе 2-го конного полка была отправлена бригада полковника Топоркова (Запорожский и Уманьский казачьи полки) и броневик «Верный». Спешенные полки и «Верный» атаковали на рассвете красных и по Романовской улице ворвались в город. Впереди двигался «Верный», а за ним спешенные полки. К 12-ти часам дня красные были выбиты из города. Было захвачено в плен до 12 000 красноармейцев и штаб степной советской армии.

Понесший большие потери 2-й конный полк был сведен в 6 эскадронов. 4-го ноября 2-й полк был на рассвете вызван на поддержку нашей пехоты в район Монастыря и совместно с пехотными частями отбил попытку красных приблизиться к городу.

5-го ноября 2-й конный полк атакует красных и выбивает их из станции Пелагиада. На другой день красные вновь пытались занять станцию, повеля наступление. Полк перешел в контратаку. Красные понесли сильные потери и отступили. Того же дня 1-й и 6-й эскадроны в пешем строю совместно с Кавказским офицерским полком повели наступление на село Михайловку, на отлично укрепленную позицию красных перед селом. Эскадроны, неся на руках пулеметы, сбили передовые части красных и подошли к селу, но не поддержанные Офицерским полком, вынуждены были отойти к станции. Утром 7-го ноября полк с подошедшей 1-й Конной дивизией, без артиллерийской подготовки берет укрепленную позицию красных, захватив пленных и пулеметы. На другой день, пройдя село Пелагиаду, в составе бригады генерала Чайковского полк атакует дивизию красной пехоты. В этой атаке тяжелые потери понес Черноморский полк, выдержавший всю тяжесть боя на себе. Вскоре подошла пехота и вечером на ночлег 2-й конный полк отошел в село Пелагиада. 9-го ноября 2-й конный полк конной атакой занимает ст. Гричаны, захватив пленных. Смененный нашей пехотой, полк уходит на ночлег в село Константиновку. 12-го ноября в составе конной бригады атакой взял село Донская балка, захватив пленных, а утром следующего дня занял село Вербовое, где и заночевал.

Ослабленные своими неудачами и поражением под Ставрополем, красные решили отмстить и ночью на 13-е ноября

www.elan-kazak.ru

напали на село Константиновку, где в это время стояли штаб Конного корпуса генерала Врангеля, лазареты и прочие тыловые учреждения, но были отброшены назад. В ночь на 15-е ноября 2-й конный полк выступил из Кугульты в село Благодатное, где, соединившись с Конным корпусом генерала Врангеля, участвовал в наступлении на село Петровское. Красные оказывали упорное сопротивление, маневрируя около кирпичного завода. Пущенный в атаку на красных в районе завода, 2-й конный полк, хотя и понес сильные потери, но врубился в ряды красных и занял завод. Особенно большие потери были в составе 3-го эскадрона, потерявшего и своего, убитым, беззаветно-храброго командира, ротмистра Сыкалова. Вахмистром эскадрона и ротмистром Кобаревым, павший смертью храбрых ротмистр Сыкалов, был положен в гроб и на санях отвезен в город Ставрополь, где и был похоронен. После похорон ротмистр Кобарев вернулся в полк и был назначен командиром полка, генералом Чекатовским, командиром 3-го эскадрона. Противник был разбит и село Петровское занято Конным корпусом. На следующий день 2-й Конный и Черноморский полки берут село Николино-Балку, где и заночевали. Утром 17-го ноября красные неожиданным ударом сбивают Черноморский полк и, благодаря этому, 2-й конный полк вынужден был отходить на село Петровское. Подходившие к селу красные, тремя конными атаками были опрокинуты и поспешно отошли назад.

В непрерывных боях 2-й конный полк понес большие потери и его состав уменьшился почти на половину прежнего. Генералом Врангелем полк был отправлен на пополнение и отдых в село Благодатное, где полк пополнил свои ряды добровольцами и усилился с приходом в его состав черкесской сотни, ставшей 7-м эскадроном полка. 20-го ноября, отдохнув, 2-й конный полк выступил в составе бригады генерала Майковского и 27-го ноября конной атакой выбивает красных из немецкой колонии Мантерсерер, а на другой день берет колонию Фридрихсфельд, захватив там пленных и 2 пулемета. После короткого боя полком было занято село Ков-Сала, откуда полк переходит в село Винодельное, где получает приказ выступить в Ставрополь. В Ставрополь прибывает 6-го декабря, где останавливается на отдых перед отправкой на помощь Донской армии в составе Добровольческого корпуса.

В бою под Ставрополем участвовали, за малым исключением, почти все полки Добровольческой Армии, понеся громадные потери. 3-я дивизия была отправлена на отдых и пополнение, так как в некоторых ротах в строю осталось 8—10 стрелков. В командование в скором времени вступил генерал Май-Маевский. Полковник Дроздовский был эвакуирован в Екатеринодар.

В начале декабря началась переброска частей дивизии в Донецкий бассейн,

Генерал Туркул (в то время еще капитан) находился, после ранения, в Ростове в клинике профессора Напалкова, большого друга полковника Дроздовского. О своем пребывании в клинике и встрече в Ростове с раненым полковником Дроздовским, уже произведенным в генералы, пишет в своей книге А. В. Туркул так:

«Профессор Напалков, грубоватый с виду хирург, большой друг Дроздовского, принялся за меня в клинике неумолимо. Меня раздели и уложили в кровать. Все мои вещи были заперты в шкаф, а ключ от шкафа пасмурный профессор унес с собой. Так, запертым в клинике, мне пришлось лежать три месяца и, если бы не профессорский арест, если бы не строгое лечение, ногу мне, вероятно, отхватили бы. Только к концу декабря 1918-го года я мог снова ходить, правда, одна нога в сапоге, другая в валенке. Я отчайно скучал в ростовской клинике. Профессор обещал меня выписать и я собирался уже в полк, когда узнал, что везут в Ростов Дроздовского.

Михаил Гордеевич был ранен 31-го октября 1918-го года, под Ставрополем, у Иоанно-Мартинского монастыря. Рана пустяшная, в ногу. Капитан Тер-Азарьев, снимавший с другими офицерами Дроздовского с коня, рассказывал, что рана не вызывала ни у кого тревоги: просто поцарапало пулей. Все так и думали, что Дроздовский вскоре вернется к командованию, но рана загноилась. В Екатеринодаре он перенес несколько операций, после которых ему стало хуже. Он очень страдал, сам просил перевезти его в Ростов, к профессору Напалкову.

В это время в Ростове было больше пятидесяти раненых дроздовцев. Я собрал всех, кто мог ходить, и мы поехали на вокзал. Дроздовского привезли в синем вагоне Кубанского Атамана. Я вошел в купе и не узнал Михаила Гордеевича. На койке полулежал скелет, так он исхудал и пожелтел. Его голова была коротко острижена и потому, что запали щеки и заострился нос, вокруг его рта и ввалившихся глаз

www.elan-kazak.ru

показалось теперь что-то горестное, орлиное. Я наклонился над ним. Он едва улыбнулся, приподнял исхудалую руку. Он узнал меня.

— Боли, — прошептал он. — Только не в двери... Заденут... У меня нестерпимые боли...

Тогда я приказал разобрать стенку вагона. Железнодорожные мастера работали почти без шума, с поразительной ловкостью.

На руках мы вынесли Дроздовского на платформу. Подали лазаретные носилки. Мы медленно понесли нашего командира по улицам. Раненые несли раненого. Весть, что несут Дроздовского мгновенно разнеслась по городу. За нами все гуще, все чернее, стала стекаться толпа. Все шли без шапок. На Садовой улице показалась в пешем строю Гвардейская Казачья бригада: лейб-казаки в красных и лейб-атаманцы в синих бескозырках. Мы приближались к ним. Враз выблеснули шашки, замерли чуть дрожа: казаки выстроились вдоль тротуара. Казачья гвардия отдавала честь нашему командиру. Тысячной толпой Ростов двигался за нами, торжественный и безмолвный. Иногда я наклонялся к желтоватому лицу Михаила Гордеевича. Он был в полузабытьи, но узнавал меня.

— Вы здесь?

— Так точно.

— Не бросайте меня...

— Слушаю.

Он снова впадал в забытье. Когда мы внесли его в клинику, он пришел в себя и прошептал:

— Прошу, чтобы около меня были мои офицеры.

Раненые Дроздовцы, для которых были поставлены у дверей два кресла, с того дня несли бессменное дежурство у его палаты.

Михаила Гордеевича оперировали при мне. Я помню белые халаты, блестящие профессорские очки, кровь на белом и, среди белого, лицо Дроздовского, орлиное, желтоватое. Я помню его бормотание:

— Что вы, что вы мучаете меня... Дайте мне умереть...

— Если не пойдет выше, он останется жив, — сказал мне после операции профессор Напалков.

Дроздовскому стало, как будто легче. Он пришел в себя. Тонкая улыбка едва скользила на измученном лице. Он мог слегка пожать мне руку своей горячей рукой.

— Поезжайте в полк, — сказал он едва слышно. — Поздравьте всех с Новым Годом. Как только нога заживет, я вернусь. Напалков мне сказал: ничего, с протезом можно и верхом. Поезжайте немедленно. Я вернусь...

У меня одна нога в сапоге, а другая в валенке. Так я и поехал в полк. Немедленно. Это было в самом конце декабря. Полк стоял в Каменноугольном районе, в Никитовке — Горловке. Я приехал голодный, иззябший. Еще на ростовском вокзале у меня вытащили последние деньги. Я ехал без копейки. Немедленно».

Переброшенные части 3-й дивизии в это время вели упорные бои с многопревышающим по численности противником. Начальник дивизии генерал Май-Маевский в то время имел в своем распоряжении только две с половиной тысячи штыков, имея против себя, кроме двух дивизий большевиков, отряды Махно и даже петлюровцев.

На остальных фронтах события после взятия Ставрополя протекали следующим образом. 19 дней владели городом, до освобождения его частями Конной дивизии генерала Врангеля, красные и, отступив из него в Петровское, бросили в городе свыше 4000 своих раненых и больных и до 2500 убитых и не похороненных, умерших. Сам же город представлял жуткую картину: квартиры стояли разграбленные, часто без окон и дверей. Население не имело продуктов питания, так как никто из соседних деревень туда ничего не подвозил. Теперь жители города были бесконечно рады освобождению и приходу добровольцев, которые им вернули свободу, спокойствие и восстановление нормальной человеческой жизни.

Донская армия вела упорные бои с наступающими с середины ноября советскими армиями. Вначале большевики имели было успех (9-я советская армия), но когда к донцам подошли подкрепления с воронежского и царицынского участков фронта, красные были отброшены назад и части донцов дошли до Елани и Камышина, а полки генерала Мамонтова подошли вплотную к городу Царицыну (ныне Волгоград). Казалось приближалась победа Донцов. Но получилось обратное. Изнемотая от больших потерь и лишений, поставив под ружье поголовно всех способных носить оружие, занимая растянутый фронт от Луганска до Царицына и от последнего до реки Маныч, Донская армия все время вела бои с выше чем вдвое сильнейшим во всех отношениях врагом и в конце концов наступили: упадок духа, моральная неустойка. Неожиданно, в декабре, сначала один полк пере-

www.ellan-kazak.ru

шел на сторону красных, а потом несколько станиц Верхнедонского округа заключают мир с большевиками. Полки из этих станиц расходятся по домам. Образовался прорыв фронта и в него проникают волны красных. Создается угроза окружения частям Хоперского округа. Большевики в то же самое время на участок фронта Луганск—Бахмут, из Харькова, на усиление своих частей, отправляют армейскую группу под командой Кожевникова. Большевики умело воспользовались наступившим переломом в настроении казаков и заставили Донскую армию на северном и северо-восточном участках фронта отступить за Дон. Создалось очень тяжелое положение, которое лучше всего охарактеризовал сам Донской Атаман (на заседании Круга 1-го февраля 1919 года), генерал Краснов, следующими словами:

«Прекрасно вооруженые, снабженные пулеметами и пушками, наши уходят без боя в глубь страны, оставляя хутора и станицы на поругание врагу. Теперь сдаются на милость красной сволочи целыми сотнями и с нею вместе идут избивать своих отцов и братьев. Теперь арестовывают офицеров и старших начальников, выдают их на расстрел красным и тем подрывают в них веру в казаков и лишают их необходимого мужества».

Генерал Деникин в своей книге «Очерки Русской Смуты» задает следующий вопрос и там же на него дает ответ:

«Чем же объяснялся такой резкий перелом в настроении казачества и такой глубокий, ничем не оправданный развал армии?

Общество, армия, Круг, искали прежде всего 'виновных'. Их назвал Круг, собравшийся в феврале, осудил и удалил. Виновными были сочтены — командующий Донской армией и начальник штаба ее, генералы Денисов и Поляков. Круг поставил им в вину, косвенно и Атаману, 'недостаточную осведомленность о фронте ... легковесную самоуверенность ... трения с Добровольческой армией ... убеждение в период успехов, что справятся собственными силами и делить победу с кем бы то ни было не хотелось ... оповещение фронта о скором прибытии, неприбывшей, союзной помощи ... 'Наконец', непосещения фронта командующим, невнимание к нуждам фронта, злоупотребление реквизициями, особенно в Южной армии и т. д.»

Генерал Деникин указывает причины иные:

1. Утомление казачества, 2. гибель веры в союзников, 3. возрастание сил противника, 4. Лютая зима при недостатке одежды и теплых вещей, 5. агитация большевиков (обещание советской власти сохранить казачий уклад и уверения в тщетности надежд на иностранную помощь), 6. агитация «общественных деятелей» против атамана и против командующего, 7. развал тыла.

В сущности обе стороны в своих обвинениях исследовали только нездоровую почву, на которой могло произрасти то явление чисто психологического характера, которое Краснов и Денисов определили согласно «заболеванием фронта большевизмом». Определение верное только в отношении *симптомов* той болезни, которая поражала временами не одно донское, но и другие казачества, русскую интеллигенцию и русский народ. Болезнь — *воли и духа*».

Таково было положение на фронте Донской армии в начале 1919-го года.

Чтобы усилить этот фронт и иметь плацдарм для будущих операций против большевиков в северном, Московском, направлении, а также вследствие настойчивых просьб Донского Атамана, генерала Краснова, о переброске добровольческих частей на Донской фронт (видевший только в этом единственное спасение Дона), генерал Деникин решил начать переброску добровольческих полков на Донской фронт. В первую очередь отправлялись части 3-й дивизии, часть броневиков и бронепоездов и авиационный отряд. Части отправляли в район Юзовки для обеспечения левого фланга Донской армии и прикрытия Каменноугольного района. Это можно было сделать, так как остальных частей Добровольческой армии было достаточно для окончания операции по очищению Северного Кавказа от большевиков. В январе 1919-го года 150 000 Северо-Кавказская 11-я советская армия отступала по всему фронту, от Кавказских гор до реки Маныч, а через месяц от нее остались лишь жалкие остатки, искавшие в бегстве спасение. 12-го января в командование частями на Северном Кавказе вступил генерал Врангель, которому генерал Деникин (в своих «Очерках Русской Смуты») и приписывает исключительную заслугу в одержанной, на этом участке фронта, над красными победе.

Зажженный генералом Алексеевым «светоч» разгорелся в яркий, пылающий, факел, который освещающий теперь уже не только степи и поля Кубани, Дона и Кавказские горы, стал грозить испепелить все зло на Руси и врагов ее. Добровольческая армия блестяще заканчивала на этом первом этапе борьбу с большевиками и собирала свои силы для

www.elan-kazak.ru

похода к сердцу России, на Москву, имея обеспеченный тыл. Заканчивая операции на Кавказе, 7-го января взяты Минеральные Воды, 23-го Добровольцы освободили Грозный, а 29-го января водрузили национальный флаг во Владикавказе.

В своих воспоминаниях генерал Деникин коснулся и обещанной своевременно помощи союзниками. Он пишет: «. . . . с ноября месяца (1918-го года) я непрестанно напоминал союзникам о необходимости скорейшего направления вооруженных сил, прежде всего на Дон, где эта помощь имела бы колоссальное значение для морального подъема, уставшего духом, казачества. Целым рядом телеграмм я просил оказать содействие союзными войсками на Донском фронте . . . Донские казаки в течение года героически сражались и сопротивлялись превосходным силам врага, но теперь усталые начинают терять веру в поддержку союзников . . . Если союзным командованием решено помочь нам в борьбе с большевиками, то эту помощь надо дать теперь же, чтобы поддержать дух казаков и сохранить Донскую область . . .»

Как известно, вся помощь вооруженными силами со стороны союзников выразилась только: со стороны Франции — в высадке небольших дессантов в Одессе, Севастополе и Батуме, а Англия же, словами своего генерала Мильна, высказала свое «крайнее сожаление, что указания, полученные им (генералом Мильном) от Великобританского правительства не дают ему права выслать генералу Деникину войска . . .»

Большевики, зная обо всем этом, воспользовались этим. Разбрасывая листовки, в которых утверждали, что никакой помощи от союзников не будет, и тем самым способствовали также наступившему перелому в настроении казаков, которые стали верить, что действительно обещанная помощь только на словах, а не на деле.

Интересен еще один эпизод из того времени, на котором необходимо остановиться. Во главе французской миссии находился Генерального штаба капитан Фуке. Не думаю, что его действия были самостоятельными без знания его правительства. 30-го января 1919-го года он явился с официальным визитом к генералу Краснову с предложением оказать вооруженную помощь присылкой французских войск в район Луганска, но он требовал, предварительно, от генерала Краснова подписания двух «соглашений», которые при сопроводительном письме генерал Краснов сообщил генералу Деникину.

Интересны некоторые пункты из этих «соглашений», например из первого:

1. События, происшедшие в районе Донецкого бассейна, позволили советским войскам его занять и совершенно дезорганизовать и разрушить промышленную жизнь. Эти события были вызваны недостатком средств защиты и охраны, так как Донские войска которые были бы необходимы, охваченные большевистской пропагандой, изменили, или не выполнили всего того, что при иных обстоятельствах они могли сделать.
2. Донское правительство признавая, что не будучи в состоянии обеспечить охрану и защиту заводов, рудников и других промышленных учреждений, считает обязательным справедливое удовлетворение как за погибшие человеческие жизни, так и — для полного возмещения убытков — восстановление их, вознаграждение за бездействующие предприятия и т, д.
3. Атаман Краснов и Донские власти, выше перечисленные, настоящим принимают на себя, как выборные и признанные представители настоящего Донского Правительства, а также как представители одной из будущих частей Великой России, — обязательство удовлетворить лиц и общества французских и союзных подданных Донецкого бассейна, как на территории и пределах Донского войска, так и соседних районов, куда могли распространиться волнения, вследствие материальных затруднений Дона. Право взыскания убытков с украинских и других властей предоставляется Войску Донскому . . .
5. Возмещение убытков также, как и 5% доходов (проторей) со дня прекращения работы вследствие событий, будут уплачены потерпевшим в 10 сроков, считая со дня решения комиссии. Способ уплаты и правила будут совершенно те же, как принятые для оплаты купонов русской 5% ренты 1906-го года».

Текст второго соглашения был следующий:

«1. Соглашение, подписанное 26-го декабря между генералом Деникиным, главнокомандующим армиями Юга России и генералом Красновым, Донским Атаманом и командующим Всевеликой Донской Армией, с сегодняшнего дня будет иметь полное применение.

www.elan-kazak.ru

2. Генерал Краснов, Донской Атаман, заявляет о признании полной власти генерала Деникина, а как высшего командования и власти по вопросам военным, политическим и общего порядка, обусловленными обстоятельствами — генерала ФРАНШЕ Д'ЭСПРЕ, командующего армиями союзников, все инструкции которого будут исполнены немедленно по передаче их французской миссией».

В своем сопроводительном письме генералу Деникину, генерал Краснов, кроме всего остального, писал следующее:

«... Вы знаете, Ваше Превосходительство, в каком критическом, почти безвыходном положении находится Донское войско. Но при всем этом я не считал возможным взять на себя ответственность подписать такие документы ... Я прошу Ваших, как главнокомандующего, указаний ... Можете Вы помочь Донскому войску и сейчас послать две или три дивизии в район Зверево, Морозовская, Царицын для выправления фронта».

Получив от Атамана Войска Донского, Краснова, письмо с приложением текстов соглашений, генерал Деникин послал ему в ответ следующую телеграмму:

«Письмо Ваше получил. Вполне разделяю Ваше негодование по поводу предложения капитана Фуке и одобряю Ваш отказ подписать соглашение. Со своей стороны заявляю следующее:

1. Какие бы ни бывали между нами несогласия и различие во взглядах, я никогда не позволял себе какого-либо действия, направленного во вред интересам Донского казачества и которое могло бы затруднить борьбу казаков против нашего общего врага. Еще до нашего соглашения об едином командовании, я настойчиво требовал от союзников помощи живой силой и всегда совершенно определенно указывал, что таковая должна быть дана прежде всего Дону, выдерживающему главный напор большевиков.
2. Поэтому, предложение капитана Фуке оказать Вам помощь только при условии подписания особого соглашения сделано не только без моего ведома, но я считаю верхом цинизма подобное ультимативное требование в ту тяжелую минуту, которую переживает доблестное Донское казачество. Я считаю также верхом бестактности предъявление капитаном Фуке подобного требования Вам без предварительного испрошения на то моего согласия.

3. При всех требованиях помощи союзными войсками я всегда совершенно определенно и настойчиво подчеркивал, что таковая ни под каким видом не должна носить характера оккупации, что никакое устранение или даже ограничение власти военной и гражданской не будет допущено. Между тем предложенное Вам соглашение предусматривает подчинение генералу Франше д'Эспре по вопросам военным, политическим и общего порядка. На подобное подчинение я сам никогда не пойду и не допущу, чтобы таковое было бы признано какою-либо из подчиненных общему командованию частей.
4. Равным образом никогда не допущу никакого вмешательства в наши внутренние дела и считаю, что вопросы общего порядка, равно как и политического, должны решаться только нами русскими по нашему усмотрению, как мы их понимаем, и никакие чужеземные власти не смеют даже претендовать на какое-либо руководстве в этом направлении.
5. На Ваш вопрос отвечаю: Донской Атаман не может подписывать подобных соглашений, Добровольческая армия всецело станет на защиту достоинства и чести Донских казаков, если бы то потребовалось, как следствие отказа дать подпись под таким позорным для русского имени документом.
6. Мною принимаются все меры переброски частей Кавказской Добровольческой армии на помощь Донским армиям и последним, в скором времени будет оказана всяческая поддержка, которая, не сомневаюсь, скоро поможет остановить продвижение красных и с Божьей помощью и верой в наше правое дело позволит обратить временный успех противника в полное его поражение».

Одновременно генерал Деникин «сообщил генералу Франше д,Эспре о действиях капитана Фуке, выразил свою уверенность, что эти, не соответствующие достоинству русского имени документы, не были присланы французским командованием, а явились результатом неправильного понимания капитаном Фуке всей ответственности сделанного им, по личной инициативе, выступления».

Капитан Фуке французским командованием был отозван, но ответа от французов генерал Деникин так и не получил. Это дает полное право предполагать, что не только капитан Фуке виновен во всей этой истории.

Как уже сообщалось выше, еще в начале декабря стали

www.elan-kazak.ru

перебрасываться на помощь Донской Армии части 3-й дивизии в Каменноугольный район. Конец 1918-го года и вообще зима в том году была очень жестокая. Метели, пурга и морозы сопровождали добровольцев в борьбе с во много превышающим их по численности врагом.

***

«В самую стужу, в сивый день с ледяным ветром (пишет в своей книге А. В. Туркул), 1-го января 1919-го года в полк пришла телеграмма, что генерал Дроздовский скончался. Он к нам не вернулся.

Во главе депутации, с офицерской ротой я снова выехал в Ростов. Весь город со своим гарнизоном участвовал в перенесении тела генерала Дроздовского в поезд. Михаила Гордеевича, которому еще не было сорока лет, похоронили в Екатеринодаре. Позже, когда мы отходили на Новороссийск, мы ворвались в Екатеринодар, уже занятый красными, и с боя взяли тело нашего вождя.

Разные слухи ходили о смерти генерала Дроздовского. Его рана была легкая, неопасная. Вначале не было никаких признаков заражения. Обнаружилось заражение после того, как в Екатеринодаре Дроздовского стал лечить один врач (Плотник), потом скрывшийся. Но верно и то, что в то время в Екатеринодаре, говорят, почти не было антисептических средств, даже иода. После смерти Дроздовского, Второй Офицерский полк, в котором я имел честь командовать второй ротой, получил шефство и стал именоваться Вторым Офицерским генерала Дроздовского полком».

По поводу смерти генерала Дроздовского, в своем приказе генерал Деникин перечислял все этапы его славной деятельности и закончил словами:

«Мир праху твоему, рыцарь без страха и упрека».

Михаил Гордеевич Дроздовский родился в городе Киеве 7-го октября 1881-го года. Отец его — Гордей Иванович Дроздовский, генерал и участник обороны Севастополя. Матери он своей почти не знал, так как лишился ее еще в раннем детстве и забота по его воспитанию всецело пала на его сестру Юлию, которая была старше его на 15 лет. Мальчиком он избегал детских игр со сверстниками, предпочитая общество денщиков отца. Последние очень привлекали его к себе своими незатейливыми рассказами о сражениях, о

полковой жизни и о деревне. Его особенности характера выявились еще в юных летах, а именно: нервность, скрытность, замкнутость и стремление к самостоятельности. В 1892 году Михаил Гордеевич Дроздовский поступил в Полоцкий кадетский корпус, из которого был переведен в Киевский кадетский корпус, закончив его в 1899 году. После корпуса он, по настоянию отца, поступает в Павловское военное училище, славящееся своей особенно строгой дисциплиной и считающееся образцовым по подготовке кадров офицерского корпуса Российской Императорской Армии. По окончании училища, Дроздовский выходит в Л.-Гв. Волынский пехотный полк со стоянкой в Варшаве. В начале 1904-го года он поступает в Академию Генерального Штаба, но, когда началась Русско-Японкая война, подает рапорт с просьбой откомандирования на фронт. В составе 34-го Сибирского Стрелкового полка Дроздовский был под Ляояном ранен в ногу. По окончании войны он возвращается в Академию, которую и заканчивает по 1-му разряду в 1908-м году. С войны он вернулся награжденный рядом боевых знаков отличия. Дальше его служба в Российской Императорской Армии: цензовое командование ротой в Л.-Гв. Волынском полку, служба в штабах округов — в Харбине и Варшаве. В начале Мировой Войны, в 1914-м году, в штабе Главнокомандующего Северо-Западным фронтом, после переведен в штаб 27-го Армейского корпуса, а в 1915-м году произведен в подполковники Генерального Штаба и назначен начальником штаба 64-й пехотной дивизии. В бою под Капулом, в сентябре 1916-го года тяжело ранен и в строй вернулся только в январе 1917-го года уже в чине полковника и с назначением начальником штаба 15-й пехотной дивизии. 6-го апреля 1917-го года он вступил в командование 60-м Замоцским полком, а вноябре того же года назначен начальником 14-й пехотной дивизии. 11-го декабря, он сложил с себя это звание и отправился в Яссы на формирование Добровольческого корпуса. За время Первой мировой войны, кроме других боевых наград, Дроздовский награжден Орденом св. Георгия 4-й степени и был представлен к награждению Орденом св. Георгия 3-й степени (представление штаба Румынского фронта за № 125411), но он его не получил, так как наступил октябрь 1917-го года. В Добровольческой армии Дроздовский был начальником 3-й дивизии. Под Ставрополем был ранен в ногу и, вследствие наступившего заражения крови, скончался в Ростове 1-го января

www.elan-kazak.ru

1919-го года. В ноябре, на основании статута Ордена св. Георгия, произведен в генерал-майоры.

Генерала Дроздовского не стало, но «мы стали дроздовцами навсегда (пишет в своей книге А. В. Туркул). Дроздовцев, как и всех наших боевых товарищей, создала наша боевая, наша солдатская вера в командиров и вождей Русского Освобождения. В Дроздовского мы верили не меньше, чем в Бога. Вера в него была таким же само собою разумеющимся чувством, как совесть, долг, или боевое братство. Раз Дроздовский сказал, так и надо, никак иначе быть не может. Приказ Дроздовского был для всех нас ни в чем не оспоримой, несомненной правдой. Командир был живым средоточием нашей веры в совершенную правду нашей борьбы за Россию. Правда нашего дела остается для нас всех и теперь такой же само собой понятной, само собой разумеющейся, как дыхание, как сама жизнь.

Шестьсот пятьдесят боев за три года Гражданской войны на юге России, больше пятнадцати тысяч Дроздовцев, павших за Русское освобождение, также, как бои и жертвы всех наших боевых товарищей, были осуществлением в подвиге и в крови нашей правды святой. Не будь в нас веры в правду нашего боевого дела, мы не могли бы теперь жить. Служба истинного солдата продолжается всегда и везде. Она бессрочна. Полнота веры в наше дело преображала каждого из нас. Она нас возвышала, очищала. Каждый как бы становился живым носителем общей правды. Все пополнения, приходившие к нам, захватывало таким вдохновением. Мы каждый день отдавали кровь и жизнь. Потому-то могли простить жестокую дисциплину, даже грубость командира, но никогда и никому не прощали шаткости в огне. Когда офицерская рота шла в атаку, командиру не надо было оборачиваться, смотреть, как идут. Никто не отстанет, не ляжет. Все идут вперед, и раз цепь вперед, командиры всегда впереди: там командир полка, там командир батальона, роты. Атаки стали нашей стихией. Всем хорошо известно, что такие стихийные атаки Дроздовцев, без выстрела, во весь рост, сметали противника в повальную панику.

Наши командиры несли страшный долг. Как Дроздовский, они были обрекающими на смерть и обреченными. Всегда, даже в мелочах жизни, они были живым примером, живым вдохновением, олицетворением долга, правды и чести. Потому-то и могли быть такие случаи: ко мне, когда я

уже командовал полком, после боя пришел один ротный командир, превосходный офицер, георгиевский кавалер.

— Господин полковник, — сказал он. — Отрешите меня от роты.

— Но почему?

— Господин полковник, я лег в атаке. Подойти к роте больше не могу. Стыдно.

И я должен был его отрешить.

Когда шла в бой офицерская рота, тогда я чувствовал, как пытливо смотрят на тебя около двухсот пар глаз, я понимал тогда немой вопрос:

— А каков-то ты будешь в огне?

В огне падают все слова, мишура, декорация. В огне остается истинный человек, в мужественной силе его веры и правды. В огне остается последняя и вечная истина, какая только есть на свете, Христова истина о человеческом духе, попирающая самую смерть.

Таким истинным человеком был Дроздовский. Его жизнь была живым примером, сосредоточением нашего общего вдохновения, а в бою Дроздовский всегда был там, где, как говорится, просто нечем дышать. Как часто его просили уйти из огня. Роты, лежащие в цепи, кричали ему:

— Господин полковник, просим вас уйти назад . . .

Помню и я, как под Торговой, Дроздовский в жестоком огне пошел во весь рост по цепи моей роты. По нему заготовали пулеметы красных. Люди почерневшие от земли, с лицами залитыми грязью и потом, подымали из цепи головы и молча провожали Дроздовского глазами. Потом стали кричать. Их крики в скрежете огня сливались в вой. Дроздовского просили уйти, но он шел, как будто не слышал. Понятно, что никто не думал о себе. Все думали о Дроздовском. Я подошел к нему и сказал, что рота просит его уйти из огня.

— Так, что же вы хотите?

Дроздовский обернул ко мне тонкое лицо. Он был бледен. По его впалой щеке струился пот. Стекла пенсне запотели. Он сбросил пенсне и потер их о френч. Он делал все медленно. Без пенсне его серые, запавшие глаза стали строгими и огромными.

— Что же вы хотите? — повторил он жестоко. — Чтобы я показал себя перед офицерской ротой трусом? Пускай все пулеметы бьют. Я отсюда не уйду.

До атаки еще оставалось время. Под огнем, я медленно

www.ellan-kazak.ru

пошел с ним вдоль цепи и, незаметно для него, мы дошли до железнодорожной насыпи, сели в пыльную траву. В эту минуту показался Жебрак. Атака на Торговую началась. Дроздовский встал снова. Его пенсне сверкнуло снопами лучей. И всегда я буду видеть Дроздовского именно так, во весь рост среди наших цепей, в жесткой, выжженой солнцем траве, над которой кипит, несется пулевая пыль.

Смерть Дроздовского? Нет, солдаты не умирают . . . Дроздовский жив в каждом его бойце.

После похорон нашего командира я вернулся в полк, стоящий в Каменноугольном районе. Я получил в командование первый офицерский батальон. После смерти Дроздовского у всех в полку было чувство подавленной горечи. Начинался жестокий девятнадцатый год. Шли упорные бои за каждый клочок земли. Эти бои навсегда останутся в памяти всех бывших там. Это было своего рода топтание на одном месте — танец в крови и только исключительным маневрированием могли наши части побеждать во много раз превосходящего по численности врага.

В глухой зимний день я работал один до позднего вечера в штабе батальона. Вдруг слышу знакомый голос:

— Ваше высокоблагородие, разрешите войти?

Я и глазам не поверил: входит, по уставу, ефрейтор Курицын, подтянут, рыжие волосы расчесаны, усы нафабрены, но, кажется, слегка пьян.

Ефрейтор Курицын, мой вестовой с большой войны, остался в Тирасполе с моей матерью. Теперь верный Ричарда, Иван Филимонович, приехал служить со мной «как допрежде, на Карпатах» и покидать меня больше не желал. Он привез мне вести о матушке и все домашние новости. Из переданных писем я узнал конец моего брата Николая. Нечто лермонтовское, романтическое, всегда было для меня в фигуре и жизни моего младшего брата.

Сибирский стрелок, бесстрашный офицер, георгиевский кавалер, он в 1917-м году лечился в Ялте, после ранения в грудь. Это было его третье ранение.

В Ялте, — я узнал из писем, — во время восстания против большевиков, Николай командовал восставшими татарами. Николай был ранен на улице у гостиницы «Россия». Женщина, которую мой брат любил, подобрала его там и укрыла его на своей даче. Рана Николая требовала лазаретного лечения. Она отвезла Николая в госпиталь, стала ходить за ним сиделкой. Тогда-то пришел в Ялту «Алмаз» с

матросами. В Ялте начались окаянные убийства офицеров. Матросская чернь ворвалась и в тот лазарет, где находился Николай. Толпа глумилась над ранеными, их пристреливали на койках.

Николай и четверо офицеров его палаты, все тяжело раненые, забаррикадировались, открыли из револьверов ответный огонь. Чернь изрешетовала палату. Все защитники ее были убиты. «Великая, бескровная» ворвалась. В дыму, в крови, озверевшие, бросились они на сестер, на сиделок, бывших в палате. Чернь надругалась и над той, которую любил мой брат.

За полученными письмами, сидя, я думал о моей матери и о невесте Николая. В дни глубокой горечи и раздумий, я понял, что все матери и невесты замучены в России и, что подняли мы борьбу не за одну свободную русскую жизнь, но за самого человека. В те горькие дни не раз утешал меня, вольно или невольно, мой ефрейтор Курицын, который принес с собой воздух покинутого дома, воспоминания о матери, о брате. До глубокой ночи часто толковали мы с ним о наших далеких, о наших человеческих временах.

Курицын, впрочем, вскоре, по старой привычке, начал, что называется, зашибать, иногда до того, что просто не стоял на ногах. За такие солдатские грехи мне приходилось отправлять почтенного Ивана Филимоновича под винтовку. Он стоит под винтовкой, а сам горько плачет. Конечно, я с Иваном Филимоновичем довольно скоро мирился.

У Курицына была непоколебимая вера в мою счастливую звезду. Если я шел в бой, то по его разумению, непременно будет победа. Позже, когда мы заняли Бахмут, остановились мы там на пивоваренном заводе. Я был в бою, а Курицын на заводе без помехи глушил пиво. К Бахмуту прорвались большевики. В городе заметались, вот-вот подымется паника. Курицын продолжал преспокойно осушать боченок, да и кони у него расседланы, и вещи не собраны. Бахмутцы кинулись к нему с расспросами.

— Будьте благонадежны, — покручивая рыжие усы, успокаивал их этот новый Бахус. — Уж я вам говорю, что ничего не случится, когда Сам в бой поехал.

Иван Филимонович, как и все солдаты, называл меня Сам. Действительно, большевиков мы благополучно расшибли и к часу ночи я вернулся на завод. Там все было освещено. В зале нас ждала толпа гостей, обильный праздничный

www.elan-kazak.ru

ужин. Я заметил в толпе штатских Курицына. Он был нагружен окончательно.

— Ты, братец, пьян, — сказал я проходя.

— Никак нет, господин полковник.

Он пошатнулся, но стал по уставу. От его рыжих волос, выпитое пиво, казалось, валило паром.

— Да ты посмотри на себя в зеркало . . .

Мне пришлось пообещать отправить утром Ивана Филимоновича под винтовку часа на три, но за него вступились все: хозяева, гости. Они-то и рассказали, как один Курицын, окруженный пивными бочками, своим невозмутимым спокойствием остановил Бахмутскую панику.

Ефрейтор Курицын, как обещался верно служить, так и служил до конца, а когда его свалил сыпняк, то ослабевшее сердце не выдержало, верный ефрейтор отдал Богу солдатскую душу.

Всю тяжкую зиму девятнадцатого года мы бились в Каменноугольном районе за каждый клочок земли. Это было какое-то топтание в крови. В солнечное время мы могли маневрировать. Мы точно таяли с каждым днем. И только нашим верным союзником было солнце. Метели и вьюга, пурга, всегда были нашими врагами.

Нет ничего глуше, ничего безнадежней русской метели, когда кажется, что исчезает все, весь мир, жизнь, и смыкается кругом воющая тьма.

О, как часто смыкалась вокруг нас русская тьма. Железный ветер скрежетал в голом поле. Колючий снег бил в лицо. Снег заносил сугробами наших мертвецов.

А бои все ширились, разрастались. Гражданская война жесточала».

ГЛАВА IV

В РЯДАХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ЮГА РОССИИ

К концу 1918-го года Добровольческая Армия заканчивала освобождение от большевиков Северного Кавказа. На фронте же Донской Армии, неожиданно, после больших успехов, наступил перелом в худшую сторону и Донская Армия переживала тяжелый моральный кризис. Немецкие войска оставляли Украину и западная граница Дона оказалась открытой, незащищенной. Атаман Краснов неоднократно обращался к генералу Деникину, прося оказать помощь его Армии присылкой на Донской фронт добровольческих частей.

В первую очередь была послана на Дон 3-я стрелковая дивизия под командой генерала Май-Маевского и в начале 1919-го года туда же были переброшены Марковский и Корниловский полки и, постепенно, другие части. Таким образом создавался общий фронт Донской и Добровольческой армий. Такое положение, понятно, требовало и общего, и единого командования.

26-го декабря 1918-го года на станции Торговая состоялась встреча представителей от Добровольческой и Донской Армий. От первой присутствовали — генералы Деникин, Драгомиров, Щербачев, Романовский и др., а от донской — Атаман Войска генерал Краснов, Денисов, Поляков и др. Встреча, после долго длившихся собеседований и прений, закончилась подписанием соглашения об едином командовании и на свет появились два акта:

1-й.

Приказ генерала Деникина за № 1 от 26-го декабря 1918 года гласящий:

«По соглашению с атаманами Всевеликого Войска Донского и Кубанского, сего числа я вступил в командование

www.elan-kazak.ru

всеми сухопутными и морскими силами, действующими на Юге России».

и 2-й.

Приказ Донского Атамана, генерала Краснова, который был им дан во «избежание кривотолков», гласящий.:

«Объявляя приказ генерала Деникина за № 1 Донским армиям, подтверждаю, что по соглашению с Главнокомандующим Вооруженными силами на Юге России, генералом Деникиным, конституция Войска Донского, Большим Войсковым Кругом 15-го сентября с. г. утвержденная, нарушена не будет. Достояние донских казаков, их земля и недра земельные, условия быта и службы Донских армий затронуты не будут. Единое командование есть своевременная и необходимая ныне мера для достижения полной и быстрой победы в борьбе с большевиками».

К сожалению, достигнутое соглашение и изданные приказы в полной мере не определили правовых взаимоотношений между главным командованием и Донской армией, что в будущем и сказалось. Объявление же в приказах и речах генералом Красновым, «для успокоения умов казаков», о необходимости в первую очередь «заняться строительством своей разоренной Родины» и о невыводе казачьих частей поэтому за пределы Донской области, вызвало подражание и у Кубанцев, которые стали приговаривать и выражать недоумение, почему, дескать, донцы могут не покидать свои пределы, а они, кубанцы, должны «бросать Кубань и удаляться» от «родных хат» на помощь донцам.

Генерал Деникин в своих «Очерках» пишет, что ему, «кроме непосредственного воздействия на Кубанцев, пришлось просить Донской Круг выслать на Кавказ своих делегатов — уговаривать кубанских казаков, во что бы то ни стало желавших побывать в своих станицах, ехать на помощь старшему своему брату. В связи с предстоящим открытием Донского Круга, часть екатеринодарской прессы ополчилась в чрезвычайно резком тоне против генерала Краснова. Генерал Деникин приказал тогда закрыть газету «Истина», а в официальном сообщении штаба от 28-го января 1919-го года это распоряжение мотивировал недопустимостью «подрывать доверие к Атаману, под руководством которого доблестная Донская армия прилагает величайшие усилия к спасению своей области».

Надо было окончательно рассеять недоразумения, поддержать Донцов морально и заверить их в помощи, поэтому и решил генерал Деникин отправиться на заседание Круга, сообщив об этом Донскому Атаману. Донской Атаман, генерал Краснов, чувствуя неблагоприятное для себя настроение съезжавшихся членов Круга, 20-го января запрашивал генерала Деникина, не считает ли он «своевременным, чтобы в февральскую сессию он просил Круг освободить его от должности Атамана». Генерал Деникин на его письмо ответил, что он не намерен вмешиваться в его отношения с Кругом.

Дальше у генерала Деникина в его «Очерках» находим, что «генерал Краснов считал, что я в союзе с генералом Богаевским и Харламовым готовлю его «свержение» и не верил в искренность моего «невмешательства». Письма этих лиц ко мне, относящиеся к концу января, должны значительно ослабить возводимое обвинение . . .»

«Страшная усталость, — писал мне Богаевский 26-го января 1919-го года, — падение духа, измена — все соединилось против нас . . . Надежды на союзников нет . . . Верьте тому, что пишет Вам Атаман. Я не завидую его положению: он готов пасть духом под ударами судьбы . . . Блестящие успехи Добровольческой армии дают всем надежду на быструю помощь. Ваш приезд всех радует . . .»

То же самое писал и Харламов 26-го января: «с чувством большой радости я услыхал о Вашем желании посетить Дон и быть на Войсковом Круге . . . Проникавшие на фронт сведения о трениях по вопросу об едином командовании вселили в казаков тревогу, что Вы из-за этих трений не даете помощи и что наше командование не сделало всего, чтобы эти трения устранить . . . Сейчас Ваш приезд психологически необходим . . .»

К концу января Донской фронт на севере представлял из себя прерывчатую линию, каждый день менявшуюся, шедшую от Луганска через Миллерово в направлении на Царицын (во время Сталина называвшийся Сталинград, а после его смерти и развенчания переименованный в Волгоград). Уже на многих участках фронта донцы оказывали достойное сопротивление красным. Возле Миллерово части генерала Фицхелаурова медленно отходили на юг вдоль железной дороги. Обозначился, вследствие измены донских частей и переходящих на сторону красных станиц, прорыв фронта на расстоянии до 150 верст. Создалась угроза тылу частей ге-

www.dlan-kazak.ru

нерала Мамонтова, находящимся под самым Царицыным. В помощь Донской армии стали перебрасываться из района Ставрополя части Добровольческой армии под командой генерала Май-Маевского. В первую очередь отправлялась 3-я дивизия в составе 2-го Офицерского стрелкового полка, Самурского пехотного и 2-го Конного полков при легкой и гаубичных батареях. Туда же отправлялся и 3-й бронеавтомобильный отряд капитана Нилова в составе «Верного», «Добровольца» и «Кубанца». 6-й эскадрон и 7-я черкесская сотня 2-го Офицерского конного полка двинулись из Ставрополя 14-го декабря и разгрузились на станции Волноваха 19-го декабря. Штаб дивизии расположился в эшелонах на станции Кринична. Части 2-го Офицерского стрелкового полка были расположены на север в сторону города Бахмута, а в районе Юзовки были расположены: в самом местечке Юзовке командир Самурского полка со своим штабом, 1-я легкая батарея капитана Туцевича и 3-й бронеавтомобильный отряд капитана Нилова. Самурский полк получил задачу наблюдать и оборонять район к западу от линии железной дороги Авдеевка—Ртищенково—Волноваха.

Разгрузившись на ст. Волноваха, эскадроны 2-го Конного полка 23-го перешли в немецкую колонию Грунаум и до 29-го декабря вели разведку, скопившихся в этом районе банд Махно. 29-го декабря полк с пехотой участвовал в наступлении на ст. Пологи. 6-й эскадрон полка с ротой пехоты двинулся южнее железной дороги для нанесения удара со стороны Токмака. 4-я Донская сотня с отрядом немецких колонистов 30-го декабря после короткого удара занимает село Гайчур севернее железной дороги, а остальные наступающие части, после упорного сопротивления, занимают станцию Царево-Константиновку. 1-го января нашей пехотой и 1-м Литовским эскадроном была занята деревня Гусарка. 3-го января, без 6-го эскадрона, весь 2-й Конный полк переходит в село Гайчур и 5-го января ведет наступление на село Федоровку, занятую значительными силами красных. Под командой полковника Шумова, 3-й эскадрон повел наступление спешенным, а остальные эскадроны атаковали красных в конном строю. Несмотря на упорное сопротивление, противник был выбит из села и поспешно отступил, частично на Пологи, а частично на Гуляй-Поле. Полк потерял, выбывшими из строя 3-х офицеров и свыше 10-ти всадников. 6-го января полк перешел на Чернышевские хутора и в ночь на 7-е января был атакован значительными силами красных,

но своей контратакой, нанеся противнику тяжелые потери, обратил красных в паническое бегство в сторону Полог. На рассвете 7-го января 6-й эскадрон ротмистра Малиновского двинулся на Пологи с юга. Ударом пехоты и 2-го конного полка станция и поселок Пологи были взяты, а разбитый противник бежал на Гуляй-Поле. Трофеями были восемь орудий, десятки пулеметов, паровозы и железнодорожные составы на станции, а также были взяты пленные.

8-го января батальон пехоты и 6-й эскадрон повели наступление на Гуляй-Поле вдоль железной дороги и, подходя к хутору Минцева, были встречены артиллерийским огнем красных бронепоездов. Оставив свою наступающую пехоту, эскадрон разворачивается и в конном строю атакует красных. Изрубив свыше 100 красноармейцев, эскадрон врывается на станцию, несмотря на усиленный огонь бронепоездов красных. Бывшие же там эшелоны и вслед за ними бронепозда оставляют станцию и улетучиваются на север. Заняв станцию, эскадрон разположился возле нее и около полудня, когда заметил приближающуюся из Гуляй-Поля колонну красной пехоты, атаковал ее. Изрубив свыше 160 человек, захватил остальных в плен с несколькими пулеметами. Подошедший батальон 2-го Офицерского стрелкового полка занял станцию, а эскадрон перешел в экономию Яйцева, где и заночевал. На другой день, поведя большими силами наступление, красные выбили нашу пехоту со станции, а также заставили отступить с экономии Яйцева 6-й эскадрон.

В это самое время разъезды полка подошли к самому Гуляй-Полю и разъезд от 3-го эскадрона под командой поручика Подушкина вскочил в село. Встретив сильное сопротивление и понеся потери, выскочил из села. Полк отошел к железнодорожной будке в 6-ти верстах от Полог. Следующий день наши части пытались вновь наступать на Гуляй-Поле. 7-й эскадрон и 4-я Донская сотня, атаковав красных, выбили было их из окопов, но, в дальнейшем, встретив упорное сопротивление, отошли назад, понеся также потери. В полку осталось в строю только 78 шашек и полк был отведен на пополнение в еврейскую колонию Меднеречь, а 11-го января перешел в село Воскресенку, в котором командира полка, полковника Шумова, заменил ротмистр Поспелов.

В декабре 1918-го года и в январе 1919-го года зима была очень суровая. Морозы часто доходили до 20° по Реамюру.

www.elem-itaak.ru

Теплых вещей не было. Солдаты и офицеры очень страдали от морозов.

Для борьбы с бандами Махно, орудовавшими в Бердянском, Мелитопольском и Александровском уездах Екатеринославской губернии, в десятых числах января 1919-го года был выдвинут отряд под командой полковника Витковского на ст. Пологи. Отряд состоял из батальона 2-го Офицерского полка полковника Черткова с приданным к нему взводом от 3-й батареи под командой капитана Самуэлова, 2-го Офицерского конного полка, в строю которого было около 80 шашек (полк не успел пополниться) и бронепоезда. Всего в этом отряде было коло 400 штыков и сабель.

Между Волновахой и Пологами добровольческих частей не было. Связь поддерживалась «оказией» в виде редких поездов, которые всегда приходилось отправлять с усиленной охраной, состоящей из пехоты с пулеметами, так как дорога была под угрозой махновцев. Ее также часто портили и местные крестьяне.

После ухода с Украины немцев и падения власти Гетмана, на местах вообще, можно сказать, отсутствовала власть. Большевистские части еще не подошли и многочисленные банды вроде банд «батьки Махно» бродили по Украине, грабя направо и налево население.

Штаб полковника Витковского расположился, вместе со 2-м конным полком, в селении Пологи, а в хутор, на полпути между Пологами и «столицей» Махно — Гуляй-Полем, был выдвинут 2-й батальон 2-го Офицерского полка со взводом артиллерии. Бронепоезд базировался на Пологи. В этом районе махновские банды насчитывали в своем составе несколько тысяч человек и имели даже бронепоезд. Почти ежедневно они пытались наступать на хутор, занятый 2-м батальоном 2-го Офицерского полка, но каждый раз их отбрасывали назад в Гуляй-Поле. 17-го января в Пологи из Юзовки прибыл броневик «Верный», а 19-го января махновцы большими силами повели наступление на хутор, занятый 2-м батальоном и стали сильно нажимать в этом районе. Для защиты Полог с северо-востока утром в этот день в село Федоровку был направлен 2-й конный полк с броневиком «Верный». 2-й конный полк остался в районе села Федоровки, а броневик «Верный» продолжил путь на северо-запад и, не имея при себе карты местности, неожиданно для себя, вкатил в большое село, занятое махновцами и оказавшееся их «столицей» — Гуляй-Полем. Махновцы не зна-

ли и не предполагали, что вкативший к ним броневик — противника. Команда броневика «Верный» стала мирно с ними беседовать и от них узнала последние новости: махновцы сообщили им, что «наши здорово зажали кадет». Из Гуляй-Поля броневик «Верный», не задерживаясь там долго, двинулся на юг к хутору, занятому 2-м батальоном, действительно окруженному, почти со всех сторон, махновцами. Выйдя махновцам в тыл, «Верный» почти в упор открыл огонь из всех своих пулеметов и таким образом теперь «здорово зажатыми» оказались уже не «кадеты», а махновцы, которые, неся громадные потери от пулеметного огня броневика и перешедшего в контратаку батальона подполковника Черткова, бросились в беспорядке бежать назад в Гуляй-Поле.

В конце января 2-й батальон 2-го Офицерского полка и взвод 3-й батареи сменили гвардейцы отряда генерала Тилло. Отряд генерала Тилло, при начальнике штаба, полковнике Зайцеве, состоял из 4-х сводных гвардейских батальонов большого состава, при 2-х легких 4-х орудийных и одной гаубичной батареях, то есть почти в 10 раз по численности был больше 2-го батальона подполковника Черткова. Гвардейские солдаты прекрасно были обмундированы. В ротах только по 3—4 офицера, остальные держатся в тылу. Дисциплина внешняя, показная. Спайки никакой и солдаты оказались ненадежными.

Не успел 2-й батальон 2-го Офицерского полка, уже находившийся в пути, доехать до станции Цареконстантиновка, как гвардейцы, атакованные махновцами, сдали не только хутор к северу от Полог, но и самые Пологи. 2-й батальон с места был возвращен обратно и выгрузившись из эшелона, немедленно контратаковав махновцев, вновь занял Пологи. После этого бой 2-й батальон 2-го Офицерского полка со взводом 3-й батареи опять погрузился в эшелон и отбыл на присоединение к своему полку. 2-й конный полк и броневик «Верный» остались в районе, занятом гвардейским отрядом генерала Тилло.

В январе месяце в Донецкий, Каменоугольный район стали прибывать части 1-й дивизии Добровольческой армии, под командой генерала Станкевича. Прибыли: Корниловский ударный полк, Марковский пехотный полк, 1-й Офицерский конный полк, Марковский артиллерийский дивизион и конно-горная батарея капитана Колзакова. Все эти части, вместе с частями, ранее прибывшей сюда, 3-й стрелковой диви-

www.allan-kazak.ru

зии, образовали отряд под командованием начальника 3-й дивизии, генерала Май-Маевского. Когда же, значительно позже, в этот район прибыли Кубанцы и пластуны и заняли позиции на левом фланге отряда, отряд был переименован в Добровольческую армию, а Командующим был назначен генерал Врангель, но вследствие болезни его на этом посту заменил начальник штаба — генерал Юзефович. На левом фланге Донской армии в это же время, в январе месяце, в районе ст. Дебальцево находился дивизион Лейб-Гв. Атаманского полка. 19-го января, сосредоточив большие силы, красные повели наступление на стык Добровольческой и Донской армий и имели успех. Донцами был оставлен район станции Дебальцево, а части 3-й дивизии отошли к станции Никитовка. Красные 20-го января занимают станцию Дебальцево и перед Никитовкой — станцию Доломит. Батальон Корниловцев с 1-й Марковской батареей и Атаманцами переходят в контрнаступление, поддержанные огнем бронепоезда «Ермак» и вновь занимают ст. Дебальцево. После этого Атаманцы и бронепоезд «Ермак» уходят на присоединение к Донской армии, а на их место вводится 1-й Офицерский генерала Алексеева конный полк с Конно-горной батареей капитана Колзакова. После этой перегруппировки стык между Добровольческими частями и Донской армией передвинулся к востоку, от станции Колпаково. В бой были введены прибывшие Марковцы и ст. Доломит вновь была занята. 21-го и 22-го января отряды полковника Булаткина (Марковцы и Корниловцы) с бронепоездом и 4-мя орудиями продолжили наступления и заняли ст. Роты и ст. Логвино, а уже ночью 22-го января и станцию Попасную, где был захвачен, неуспевший там разгрузиться, эшелон красных. Было взято в плен около 1000 красноармейцев, захвачены 32 пулемета и два орудия в полных упряжках. 23-го января отрядом занимается ст. Викторовка, где были захвачены: поезд командующего группой красных — «товарища» Кожевникова, два эшелона с продовольствием, снаряжением и обувью. В отряде состояла и принимала участие в бою и гаубичная батарея подполковника Медведева. 24-го января отряд полковника Булаткина пересек Северо-Донецкую железную дорогу у ст. Ныркова. В этом районе все время потом продолжались бои с переменным успехом. 27-го января красным удалось занять ст. Попасную, а 28-го января, добровольцами занята ст. Логвиново. Здесь части полковника Булаткина были сменены частями 2-го Офицерского стрелкового полка. В это, приблизительно,

время красные вели наступление со стороны Славянска и от ст. Яма, а в районе Бахмута красным усиленно помогали, действующие в тылу добровольцев, отряды шахтеров. Бои разыгрались в районах станций Соль и Ступки. Станция Ступки несколько раз переходила из рук в руки, но все же осталась в руках красных. Но зато добровольцами был занят город Бахмут. В этих боях принимали участие части Корниловского, Марковского и 2-го Офицерского стрелкового полков при поддержке бронепоезда «Генерал Корнилов». 28-го января Марковцы ушли в резерв и в Бахмуте остались Дроздовцы. (Примечание автора сборника: Дроздовцами в дальнейшем, сокращенно, будут именоваться чины 2-го Офицерского полка.)

Под ст. Ступками, отходившие, после неудачной атаки на город Бахмут, красные всей своей массой обрушились на вторую роту Дроздовского полка, которая была окружена и с большими потерями все-таки пробилась к своему полку. Об этом бое так пишет в своей книге генерал Туркул:

«Метели, вьюги и пурга всегда были нашими врагами. Нет ничего глуше, ничего безнадежней русской метели, когда кажется, что все исчезает ... В зимних боях мы измотались. Потери доходили до того, что роты с двухсот штыков докатывались до двадцати пяти. Бывало и так, что наши измотанные взводы, по семь или десять человек, отбивали впотемках тысячные толпы красных. Все ожесточели. Все знали, что в плен нас не берут, что нам нет пощады. В плену наших расстреливали поголовно. Если мы не успевали унести раненых, они себя пристреливали сами.

26-го января 1919-го года, в самой мгле метели, вторая рота моего батальона, поручика Милентия Димитраша, сбилась с дороги, оказалась в тылу красных, которые вначале приняли их за своих. С тяжелыми потерями пробились назад. Димитраша с нами не было.

— Где командир роты? — спросил я.

Лица иззябших людей, как и шинели, были покрыты инеем. Среди них были и раненые. От стужи кровь почернела, затянулась льдом. Они угрюмо молчали.

— Где командир роты?

Фельдфебель, штабс-капитан Лебедев, выступя вперед, хмуро сказал:

— Он не захотел уходить.

Тогда застуженными голосами стали рассказывать, как Димитраш был ранен, тяжело, кажется, в живот. Красные

www.elan-kazak.ru

наседали. Рота была окружена. Димитраша подняли. Первой пыталась нести его доброволица Букеева, дочь офицера, сражавшаяся в наших рядах. В пурге выли красные, они стреляли со всех сторон по сбившейся роте. Тогда Димитраш приказал его оставить, приказал опустить его у пулемета. Над ним столпились, не уходили.

— Исполнять мои приказания, — гортанно крикнул Димитраш и стукнул ладонью по мерзлой земле. — Я остаюсь. Я буду прикрывать отступление. Извольте отходить.

Рота заворчала, люди не подчинялись. Зеленоватые глаза Димитраша разгорелись:

— Исполнять мои приказания . . .

Тогда мало-помалу рота потянулась в снеговой туман. За ними залязгал пулемет Димитраша. Цепи, полуослепшие от снега, пробивались в пурге. Все дальше, все глуше такал и лязгал пулемет Димитраша.

Цепи роты пробились. Я помню, как принесли доброволицу Букееву, суровую, строгую девушку, нашу соратницу. В бою она отморозила себе обе ноги. Позже Букеева застрелилась в Крыму, в немецкой колонии Молочная.

Туда, где остался с пулеметом раненый Димитраш, была послана резервная рота. Пулемет уже молчал. Все молчало в темном поле. Курилась метель. Среди тел, покрытых инеем и заледеневшей кровью, мы едва отыскали Милентия. Он был исколот штыками, истерзан. Я узнал его только по обледеневшим рыжеватым усам и подбородку. Верхняя часть головы, до челюсти, была сорвана. Мы так и не нашли ее в темном поле, где курилась метель.

С поручиком Димитрашем смертью храбрых пали в том бою капитан Китари, старший офицер второй роты, чернявый, малорослый, с усами, запущенными книзу, мешковатый, даже небрежный с виду, — забота о всех и о всем, такой хлопотун, что мы прозвали его «Квочкой», — был настоящей российской пехотой.

Или поручик Вербицкий, командир третьего взвода, с ясными глазами, светловолосый, со свежим румянцем, офицер замечательного хладнокровия и самообладания. Это он в бою под Кореновской, когда на его взвод обрушилась конница Сорокина, с божественным спокойствием, отставил команду — «По кавалерии пальба взводом», чтобы дать два наряда не в очередь поручику Петрову, «Медведю», поторопившемуся с ружейным приемом. Вербицкий любил говорить, что солдатская служба продолжается всегда и везде, что она

бессрочна. Точно он уже провидел тогда нашу теперешнюю солдатскую судьбу.

Малишич, немного увалень, Бажанов, как и все тридцать один, как хромоногий Жебрак, как все другие семьдесят семь Белой Глины, и все семидежды семьдесят семь, павшие смертью храбрых на полях чести: их жизнь не отошла волной на тихом отливе, не иссякла. Они не умерли, они убиты. Это иное.

В самой полноте жизни, действия, во всей полноте человеческого дыхания, они были как бы сорваны не досказавши слова, не докончивши движения.

В смерти в бою — смерти нет.

Вербицкий, обещавший так много, или мой брат, как и тысячи и миллионы всех их, не доведших до конца живого движения, не досказавших живого слова, живой мысли, все они, честно павшие, доблестные, ради кого и о ком я только и рассказываю, все они живы в нас. Именно в этом тайна воинского братства, отдание крови, жизни за других. Они знали, что каждый из боевых братьев всегда станет им на смену, что всегда они будут живы, неиссякаемы в живых. И никто из нас, бессрочных солдат, никогда не должен забывать, что они, наши честно павшие, наши доблестные, повелевают всей нашей жизнью и теперь, и всегда.

Перекличка наших мертвецов с каждым днем становилась все длиннее. Уже в Каменноугольном районе, в пурге, поглощавшей все, не только наше далекое довоенное прошлое, но и недавняя столянка в Новочеркасске, казались нам видением иного мира, которому как будто никогда не вернуться. Но понимали мы, что деремся за Россию, что деремся за самую душу нашего народа, и драться надо. Уже тогда понимали мы, какими казнями, каким мучительством и душегубством обернется окаянная советчина для нашего обманутого народа. Мы точно уже предвидели тогда Соловки и архангельские лагеря для рабов, волжский голод и террор, разорение, колхозную каторгу, все бесчеловечные советские злодеяния над русскими. Пусть народ еще и шел против нас за большевистским отрепьем, но мы дрались за наш народ, за его душу и свободу. Верили, как и теперь, что русский народ, поняв все так же, как поняли мы, пойдет тогда с нами против советчины. Эта вера и была всегда тем «мерцанием солнечных лучей», о каком писал в походном дневнике генерал Дроздовский».

Генерал Деникин в своих «Очерках» писал:

www.ellan-kazak.ru

ных конных бригад, артиллерийских батарей, технических и запасных частей и гарнизонов в городах и станицах. Части Добровольческой армии, в виде отдельных отрядов, располагались следующим образом:

1. В районе Юзовки находился отряд, численностью до 4 тысяч штыков под командой генерала Май-Маевского, который прикрывал Ростовское направление и Каменноугольный район;
2. В Крыму — отряд генерала барона Боде, позже под командой генерала Боровского прикрывал от банд, типа «батьки Махно», наводнивших Северную Таврию и Екатеринославскую губернию, Перекоп и Крым, а также базы и стоянки Черноморского флота. Вначале этот отряд имел в своем составе только около 2 тысяч штыков при всего 10 орудиях. Потом он послужил кадром для формирования Крымского корпуса;
3. Туапсинский отряд, численностью до 3-х тысяч, под командой генерала Черепова, прикрывавший нашу главную базу — Новороссийск;
4. Остальные части составляли Кавказскую группу войск и были под командой генерала Врангеля. В этой группе войск преобладали казачьи части — кубанские, позже терские и из горцев, главным образом, конные полки и, в меньшем числе, пластунские батальоны. В пластунские батальоны попадали безлошадные казаки. В станицах и городах в гарнизонах также служили безлошадные казаки. Позже, при развертывании, Кавказская группа была переименована в Кавказскую Добровольческую армию, командующим которой стал генерал Врангель, вела наступление на Царицын и дальше в Саратовском направлении.

В районе, Полог, Волноваха и во всем Каменноугольном районе шли бои с переменным успехом. В районе Полог, вскоре после смены Дроздовцев, гвардейцы, 23-го января сдали махновцам не только Пологи, Воскресенку, Конские Раздоры, но и село Кирилловку. 2-й Конный полк отходит также и 29-го января задерживается в селе Гусарка, где и остается до 3-го февраля в отряде полковника Андерса, участвуя в упорных боях за овладение селом Гусарка — с переменным успехом. Броневик «Верный» находился в конце января в Большом Токмаке и получил приказание двигаться в Юзовку на присоединение к 3-й дивизии. Прибыв на ст. Верхний Токмак, броневик «Верный» был задержан генералом Тилло, который добился от Командира Крымско-

Азовского корпуса генерала Боровского передачи броневика «Верный» в состав Гвардейского отряда. Броневик «Верный» участвовал в наступлении гвардейцев на Кирилловку. Когда «Верный» уже прошел Кирилловку и выдвинулся версты две на север от села, гвардейцы не только дальше не пошли, но неожиданно стали отходить назад. Наступление сорвалось.

10-го февраля 2-й конный полк принял полковник Гатенбергер и полк через ст. Бельманка и село Черниговка отходит на ст. Стульнево, где должен был сосредоточиться весь отряд генерала Шиллинга, для дальнейшего отхода в Крым. 16-го февраля отряд генерала Шиллинга вечером отходит в колонию Гнабенфельд и 17-го двигается к Мелитополю. Уже наступила оттепель. Дороги страшно развезло и, отходя с гвардейцами, броневик «Верный» завяз в грязи. Помощи, чтобы вытащить из грязи броневик, гвардейцы не оказали и оставили его на произвол судьбы. Медленно тащили его на лямках чины команды, но при таком способе передвижения он отстал от отходящих гвардейцев на несколько десятков верст. В арьергарде гвардейцев отходили эскадроны 2-го Конного полка, уничтожая мосты. На ночлег остановился полк в селе Астраханке. Броневик «Верный» был спасен, случайно на него ночью наткнувшимся, 6-м эскадроном полка, под командой ротмистра Малиновского. Эскадрон помог команде «Верного» дотащить броневик до окраины города Мелитополя, занятого небольшим отрядом «батьки Махно». 6-й эскадрон и «Верный» выбивают махновцев из города и погрузившись на станции, поставив «Верный» на платформу, изображая из себя бронепоезд, пробиваются к станции Сальково, где находятся части Гвардейского отряда.

Остальные эскадроны 2-го конного полка 28-го февраля двигаются к переправе на реке Молочная южнее села Константиновка и к вечеру становятся на ночлег в селе Радионовке. В селе Радионовке был смотр гвардейскому отряду командующим Крымско-Азовским корпусом генералом Боровским. 2-го марта, будучи арьергардом гвардейского отряда, 2-й конный полк отходит в село Ново-Григорьевку и утром 4-го марта переходит на хутора Люца и Лика, западнее станции Фрицино, где и задерживается до 6-го марта, ведя разведку на села Петровское и Рождественское. Утром 6-го марта два эскадрона были посланы на станцию Юскуп, где они выбивают из станции отряд повстанцев. Посланные эскадроны на ст. Юскуп, располагаются на ночлег на хуторе

www.elan-kazak.ru

«В такое тревожное время собрался 1-го февраля Войсковой Круг.

Донской Атаман в длинной волнующей речи нарисовал историю десятимесячной борьбы Дона, его героических подвигов и падения. Очертил без утайки тяжелое, но не безвыходное положение фронта и призывал Донцов бросить колебания и робость, воспрянуть духом. Помощь близка. 'Мы живем в сказке великой . . . Царевна с нами, господа. Русская красавица. Это Добровольческая Армия. Покончив покорение Кавказа, освободивши Терское войско, помогши Кубанцам, она пришла к павшему духом Донскому богатырю и вспрыснула его живой водой . . . Великая борьба за Россию вступила в новый и последний период. Единое командование осуществлено. И вашими болями, вашими неудачами болеет вся Россия и спешит вам на помощь . . .'

На этом Круге доклад командующего Донской армией был встречен очень враждебно и все округа выразили генералу Денисову и его начальнику штаба Донской армии — генералу Полякову, недоверие, а округа Черкасский, Таганрогский и Ростовский даже предложили предоставить решение вопроса об их замене Главнокомандующему Вооруженными Силами на Юге России. Услыхав все это, Атаман — генерал Краснов, заявил: '. . . недоверие, выраженное генералам Денисову и Полякову, принимаю на себя, как верховный вождь Донской Армии . . . Да, я знаю, — горе побежденным! Мы побеждены болезнью, которая разъела нашу армию . . . Вы теперь отрубаете у меня сразу и правую и левую руку . . . Я прошу . . . выбрать мне заместителя».

После баллотировки отставка Атамана была принята и по Донской конституции временная власть Атамана перешла к председателю правительства Дона — генералу Богаевскому.

«Рано утром 3-го февраля 1919-го года мой поезд, — пишет в своих «Очерках» генерал Деникин, — подходил к Кущевке. На границе Донской области встретил меня бывший Атаман, генерал Краснов, предупредивший лидеров донской оппозиции, также желавших побеседовать со мной до выступления моего на Круге . . . В третий раз за время борьбы на Юге я встречался с человеком, с которым судьба так резко столкнула меня на широкой, казалось, русской дороге. Передо мной был уже не гордый своими и Донского казачества заслугами Атаман, а человек, жестоко придавленный судьбой за свои и чужие вины. Человек несомненно одаренный, но не владевший своим словом и чувствами, создавший себе повсюду противников и врагов и нерассчетливо расточавший свои силы на борьбу с ними. И никакой горечи против него в душе моей тогда не было. Я выразил Краснову сожаление об его уходе. Он ответил: 'Круг подчинится всякому вашему слову . . .'»

Прибыв на заседание Круга, генерал Деникин, бурно всеми приветствованный, выступил с речью:

«Господа члены Войскового Круга! Я так взволнован вашим приемом, так овеян вашей лаской, что вряд ли сумею сказать все то, что хотел сказать, и так сказать, как хотел . . . С чувством душевного волнения, после года отсутствия, я вновь приехал в Новочеркасск, в тот город, где с огромным трудом, окруженные слепой стеной злобы, предательства и непонимания, три великих патриота — Каледин, Корнилов и Алексеев начали строить заново русскую государственность.

Я приехал исполнить свой долг: поклониться праху мертвых и приветствовать живых, чьими трудами и подвигами держится Донская земля. Я приехал приветствовать Войсковой Круг, олицетворяющий разум, совесть и волю Всевеликого Войска Донского . . .»

Речь отвечала тому, чего хотел Круг и по свидетельству официального отчета «влила бодрость в удрученные сомнениями души членов Круга, дала им уверенность, что Дон не будет одинок в борьбе». Но того слова, которого хотел услышать генерал Краснов, я по совести сказать не мог.

— Вашей внутренней распре я не могу и не хочу быть судьей . . . — вот все, что я считал себя вправе сказать Атаману и Кругу накануне атаманских выборов, решивших судьбу генерала Краснова . . .»

Атаманом был выбран генерал Богаевский, а командующим Донской армии был назначен генерал Сидорин при начальнике штаба — генерале Кельчевском.

С Кавказского же фронта эшелон за эшелоном отправлялись части Добровольческой армии и казачьи, без всяких кондиций, а просто во имя спасения Дона и общего противобольшевистского фронта.

К началу 1919-го года Добровольческая армия имела в своем составе до 40 тысяч штыков и сабель при 193-х орудиях и 621 пулеметах, 8 бронеавтомобилей, 7 бронепоездов и 29 самолетов. Армия состояла из 3-х действующих пехотных дивизий, 2-х пехотных дивизий в периоде доформирования, 4-х пластунских бригад, 6-ти конных дивизий, 2-х отдель-

www.ellan-kazak.ru

Баклановском, а остальные части полка — на станции Рыково. 7-го марта дивизион из хутора Баклановского перешел в Геническ и 8-го был сменен 1-м эскадроном полка. 1-й эскадрон остается в Геническе, а 2-й конный полк сосредоточивается 9-го марта у станции Ново-Алексеевка и 10-го марта, прикрывая отход пехоты, под напором противника отходит за проволоку Сальковских позиций. Оставив 2-й эскадрон, конно-саперную команду и 4 пулемета в окопах на поддержку пехотных частей, полк занимает линию охранения по Северному берегу Чангарского полуострова.

В ночь на 13-е марта красные, воспользовавшись темнотой, подошли вплотную к проволоке и, не встретив сопротивления со стороны гвардейской пехоты, стремительно прорвав проволоку, занимают окопы и распространяются по всему нашему плацдарму. 2-й полк должен был также с боем отходить, потеряв убитыми — 3 офицеров, 6 ранеными и 18 всадников. Пехота едва успела занять 2-ю линию укрепленной позиции у ст. Джебулук. 2-й эскадрон и саперная команда сменяются 7-м и 3-м эскадронами. 16-го марта утром красные повели наступление и прорвали 2-ю линию обороны. Наши части стали отходить в Крым двумя колоннами. 3-й и 7-й эскадроны прикрывали отход по деревянному мосту, а остальные части полка — отход колонны полковника Слащева по Чангарскому мосту. Эта колонна задержалась у ст. Сиваш. Полк перешел к Крым по Чангарскому мосту и 16-го марта сосредоточился в Таганаше. 17-го марта перешел в немецкую колонию Тюб-Джанкой и 18-го марта через Богемку-Юшунь двинулся на Армянский Базар, куда и прибыл 20-го марта. 22-го марта красные переправились через Сиваш ранее Перекопа и против них был отправлен 2-й конный полк. Лихой атакой 2-й конный полк разбил 4-й советский пехотный полк, загнал его в Сиваш, захватив много пулеметов и оставшихся в живых красных. К вечеру полк отошел к Юшуни, так как наша пехота оставила и Перекоп и Армянский Базар. 23-го марта полк принял новый командир полка — полковник Барбович. Полковник Барбович, как известно, прибыл в Добровольческую Армию с отрядом, который в конце 1918-го года выступил из города Чугуева и, пройдя с боями, прибыл в район колонии Нью-Йорк, где присоединился к Добровольческой армии. Отряд был расформирован и позже полковник Барбович был назначен командиром 2-го конного полка. Днем 23-го марта полк с приданной ему батареей выступает в район Красного озера. Весь день полк вел

упорный бой с настующей пехотой и конницей противника и даже наступившая ночь не прекратила боя. В этом бою был ранен штыком в голову командир полка — полковник Барбович. Утром 24-го марта, согласно полученного приказания, полк отходит по направлению Симферополя, прикрывая отступление нашей пехоты. Не доходя до станции Сарабуз, меняет направление и двигается на Карасу-Базар. Ночует в экономии Дика, где простоял целый день 28-го марта и перешел 29 марта в село Катанку. 30-го марта полк стоял в селе Карабай, ведя разведку в сторону железной дороги, а 1-го апреля, после дневки 31 марта, стал отходить по шоссе на Феодосию, прикрывая отступающую пехоту. 2-го апреля 2-й Офицерский конный полк провел в болгарской колонии Есен-Эки, а утром вел бой с пехотой противника, наседавшей на нашу 4-ю пехотную дивизию. В этом бою захватил пленных и вечером отошел в немецкую колонию Пиринтель. 4-го апреля вновь ведет бой с наседавшими красными и на ночлег отходит в село Карагез. 5-го апреля полк в селе Настикой. Оттуда переходит 7-го апреля в село Ново-Николаевку. Из последней уходит 8-го апреля и располагается в Дальних Камышах, выставив сторожевое охранение в 4-х верстах от станции Владиславовка.

Только 8-го апреля к полку присоединился 1-й эскадрон, который отступил в Крым из Геническа по Арбатской Стрелке.

9-го апреля, наконец, полк смог отойти на отдых и расположился в селе Арма-Эли и до 14-го апреля в боях не участвовал, находясь в тылу за проволокой и окопами Акманайских позиций.

Оставим на время 2-й конный полк отдыхать и вернемся к нашим частям, оперирующим в Донецком бассейне.

Малочисленному отряду генерала Май-Маевского, все время приходилось, находясь в Донецком бассейне, вести бои и сдерживать во много раз превосходящие силы красных, и по численности и по вооружению, стремящихся захватить бассейн. В составе частей красных кроме обычных красноармейцев было немало матросов, китайцев, латышей и даже бывших пленных — немцев. Все части красных входили в состав 1-й советской армии при многочисленной артиллерии и большом числе бронепоездов.

Сплошного фронта здесь не было и велась в этом районе чисто маневренная война. Обе стороны действовали отдельными отрядами, а, благодаря тому, что в Донецком бассейне

www.gallipoli.ru

очень густая железнодорожная сеть, она использовалась в полной мере. (См. схему № 8.)

Как правило, большевистские части воевали только днем, а свои наступательные операции проводили тогда, когда их численно собиралось большое количество и почти всегда при поддержке бронепоездов. С нашей же стороны силы были небольшие и, по словам полковника Петрова, представляли из себя «миф один», но наше положение спасали — умелое руководство, способность частей маневрировать при всяких условиях, выдержка, стойкость и храбрость.

Действовали мы небольшими отрядами, а артиллерия очень часто даже поорудийно. На ночь батарейцы обычно снимались с позиций и уводили орудия в ближайший тыл. С рассветом, а иногда и немного раньше, орудие, взвод или батарея вновь появлялись на своем месте на позиции. Расход снарядов и патронов был ограничен. В то же самое время красные, имея громадные запасы снарядов и патронов, расходовали их в неограниченном количестве. Меткость их стрельбы была весьма слабая, что также спасало наше положение в Донецком бассейне.

Ввиду малочисленности наших войск были нередки случаи, когда для обороны отдельных пунктов оставались отряды всего лишь в 10—20 человек с пулеметом и, при наступлении на них красных, из резерва отправлялся отряд. Наши бронепоезда также принимали деятельное участие в обороне Каменноугольного района. Главная же тяжесть боев пала на, так называемые, цветные полки (Дроздовский, Корниловский, Марковский и Алексеевский), Самурский и Белозерский полки. В рядах цветных полков было много юных добровольцев: студентов, гимназистов, кадет и реалистов. В строю шли вместе в огонь офицеры, солдаты, бывшие красноармейцы, взятые ранее в плен, молодежь и даже дети добровольцы.

«Мальчики добровольцы, о которых я попытаюсь рассказать, — пишет в своей книге генерал Туркул, — может быть самое нежное, прекрасное и горестное, что есть в образе Белой Армии. К таким добровольцам я всегда присматривался с чувством жалости и немного стыда. Никого не было жаль так, как их, и за всех было стыдно, что такие мальчуганы обречены с нами кровопролитию и страданиям».

Кремлевская Россия бросила в огонь и детей. Это было как жертвоприношение. Подростки, дети русской интеллигенции, всюду поголовно отзывались на наш призыв. Я помню, как,

например, в Мариуполе, во время похода Яссы—Дон, к нам в строй пришли почти полностью все старшие классы местных гимназий и училищ. Они убегали к нам от матерей и отцов. Они уходили за нами, когда мы оставляли города. Кадеты пробирались к нам со всей России. Русская юность, без сомнения, отдала Белой армии всю свою любовь, и сама Добровольческая армия есть прекрасный образ юности русской, восставшей за Россию.

Мальчуганы умудрялись протискиваться к нам сквозь все фронты. Они добирались до кубанских степей из Москвы, Петрограда, Киева, Иркутска, Варшавы. Сколько раз приходилось опрашивать таких побродяжек, загорелых оборвышей в пыльных стоптанных башмаках, исхудавших, белозубых мальчишек. Они все желали поступить добровольцами, называли своих родных, город, гимназию или корпус, где учились.

— А сколько тебе лет?

— Восемнадцать, — выпаливал пришедший, хотя сам, что называется, от горшка три вершка. Только головой покачаешь. Мальчуган, видя, что ему не верят, утрет обезьяньей лапкой пот со щеки, перемнется с ноги на ногу:

— Семнадцать, господин полковник.

— Не ври, не ври . . .

Так доходило до четырнадцати. Все кадеты, как сговорились, объявляли, что им по семнадцати.

— Но почему же ты такой маленький? — спросишь иной раз такого орла.

— А у нас в семье рослых нет. Мы такие, малорослые.

Конечно, в строю приходилось быть суровым. Но с какой нестерпимой жалостью посмотришь иногда на солдатенка во все четырнадцать лет, который стоит за что-нибудь под винтовкой, «сушить штык», как у нас говорилось. Или как внезапно падало сердце, когда заметишь в огне, в самой жаре, побледневшее ребяческое лицо, с расширенными глазами. Кажется, ни одна потеря не била так по душе, как неведомый убитый мальчик, раскидавший руки в пыльной траве. Далеко откатилась малиновая дроздовская фуражка, легла, пропотевшим донышком, вверх.

Мальчуганы были, как наши младшие братья. Часто они и были младшими в наших семьях. Мы их звали «баклажками», то же, что фляга, необходимая принадлежность солдатской амуниции. Но в самой фляжке, мирно и весело по-

www.elan-kazak.ru

брякивающей у солдатского пояса, ничего боевого нет. «Баклажки» не обижались.

Вспоминаю еще, какие пополнения приходили к нам на походе. Помню, под Бахмутом, у станции Яма, с эшелоном первого батальона пришло до сотни добровольцев. Я уже командовал тогда батальоном и задержал его наступление только для того, чтобы принять их. Смотрю, а из вагонов посыпались, как горох, самые желторотые молокососы, прямо сказать, птенцы. Высыпались они из вагона, построились. Звонкие голоса школьников. Я подошел к ним. Стоят хорошо, но какие у всех детские лица. Я не знаю, как и приветствовать таких бравых бойцов.

— Стрелять вы умеете?

— Так точно, умеем, — звонко и весело ответило все пополнение.

Мне так не хотелось принимать их в батальон, сущие дети. Я послал их на обучение. Двое суток гоняли мальчуганов с ружейными приемами, но что дальше делать с ними, я не знал. Не хотелось разбивать их по ротам, не хотелось вести с собой детей в бой. Они узнали, вернее почуяли, что я не хочу их принимать. Они ходили за мной, что называется по пятам, они шумели, как галки, упрашивали меня. Все божились, что умеют и стрелять, и наступать.

Мы все были тогда очень молоды, но была невыносима эта жалость к детству, брошенному в боевой огонь, чтобы быть в огне сожженным, истерзанным. Не я, так кто-нибудь другой, должен был все же их взять с собой. Со стиснутым сердцем я приказал разбить их по ротам, а через час, под огнем пулеметов и красного бронепоезда, мы наступали на станцию Яма, и я слушал звонкие голоса моих удалых мальчуганов. Яму мы взяли. Только один из нас был убит. Это был мальчик из нового пополнения. Я забыл его имя.

Над полем горела вечерняя заря. Только что пролил дождь. Был необыкновенно безмятежен, чист, светящийся воздух. В долгой луже на полевой дороге отражалось желтое небо. Над травой дымила роса. Тот мальчик в скатанной солдатской шинели, на которой были капли дождя, лежал на дороге, в колее. Почему-то мне очень запомнился. Были полуоткрыты его застывшие глаза. Он смотрел на желтое небо. У мальчика на груди нашли помятый серебряный крестик и клеенчатую черную тетрадь, гимназическую «общую тетрадь», мокрую от крови. Это было нечто вроде дневника, вернее, переписанные по гимназическому и кадетскому обы-

чаю стихи, чаще всего Пушкина и Лермонтова. Странно запомнились две строчки:

Гонимы вешними лучами
С окрестных гор уже леса . . .,

а что было дальше, я теперь забыл. Я сложил крестом на груди совершенно детские руки, холодные и в каплях дождя.

Тогда, как и теперь, мы все почитали русский народ великим, великодушным, смелым, справедливым. Но какая же справедливость и какое великодушие в том, что вот русский мальчик убит русской же пулей и лежит на колее, в поле? И убит он за то, что хотел защитить свободу и душу русского народа, величие, справедливость, достоинство России. Сколько сотен тысяч взрослых, больших, должны были бы пойти в огонь за свое отечество, за свой народ, за самих себя, вместо того мальчугана. Тогда бы ребенок не ходил бы с нами в атаки. Но сотни тысяч взрослых, здоровых, больших людей, не отозвались, не тронулись, не пошли. Они пресмыкались по тылам, страшась только за свою еще упитанную в те времена человеческую шкуру. А русский мальчуган пошел в огонь за всех. Он чуял, что у нас правда и честь, что с нами русская святыня.

Вся будущая Россия пришла к нам, потому что именно они добровольцы, эти школьники, гимназисты, кадеты, реалисты, должны были стать творящей Россией, следующей за нами. Вся будущая Россия защищалась под нашими знаменами, она поняла, что советские насильники готовят ей смертельный удар.

Бедняки офицеры, романтические штабс-капитаны и поручики, и эти мальчики добровольцы, хотел бы я знать, каких таких «помещиков и фабрикантов» они защищали?

Они защищали Россию, свободного человека в России и человеческое русское будущее. Потому-то всё русское будущее, честная русская юность, вся была с нами. И ведь это совершенная правда. Мальчуганы всюду, мальчуганы везде.

Гимназист Иванов, ушедший в Дроздовский поход, или кадет Григорьев, — запишет ли кто-нибудь и когда-либо, хотя бы только десятки тысяч всех русских детским имен?

Я вспоминаю гимназиста Садовича, пошедшего с нами из самых Ясс. Был ему шестнадцатый год. Быстроногий, белозубый, чернявый, с родинкой на щеке, тощий, что называет-

www.elan-kazak.ru

ся — шибздик. Как-то странно подумать, что теперь он стал настоящим мужчиной с усиками.

Павлик, мой двоюродный брат, красивый, рослый мальчик, кадет Одесского корпуса, был тоже «баклажкой». Когда я ушел с Дроздовским, он был у своей матери, но знал, что я либо в Румынии, либо пробиваюсь с отрядом по русскому югу, на Ростов и Новочеркасск. И вот ночью, после переправы через Буг, к нашей заставе подошел юный оборванец. Он назвал себя моим двоюродным братом, но у него был такой товарищеский вид, что офицеры ему не поверили и привели ко мне. За то время, как я не видел его, он могуче, по-мальчишески, внезапно вырос. Он стал выше меня, а голос смешно ломался. Павлик ушел из дому за мной, в отряд. Он много блуждал и нагнал меня только на Буге. С моей ротой он пошел в поход. В Новочеркасске мне приказано было выделить взвод для формирования четвертой роты. Павлик пошел в четвертую роту. Он потемнел от загара, как все стал строгим и внимательным. На моих глазах он мужал. В бою под Белой Глиной Павлик был ранен в плечо, в ногу и тяжело в руку. Руку Павлику свело. Она не разгибалась, стала сохнуть. Светловолосый, веселый мальчуган оказался инвалидом в восемнадцать лет. Но он честно служил и с одной рукой. Едва отлежавшись в лазарете, он прибыл ко мне в полк. Не буду скрывать, что мне было жаль исхудавшего мальчика с высохшей рукой и я отправил его отдохнуть, как следует, в отпуск в Одессу. Там была в то время моя мать. Павлик весело рассказывал мне потом, как мать, которой пришлось жить в Одессе под большевиками, читала в советских сводках о белогвардейце Туркуле с его «белобандитскими бандами», которых, по-видимому, порядком страшились товарищи. Мать тогда и думать не могла, чтобы этот страшный белогвардеец Туркул был ее сыном, по-домашнему Тосей, молодым и в общем скромным штабс-капитаном. Тогда Павлик открыл матери тайну, что белый Туркул есть именно я. Мать долго не хотела верить. Такой грозной фигурой малевали, честили и прославляли меня испуганные советские сводки, что даже родная мать меня не признала.

Павлик, вернувшись из Одессы, был, без руки, негоден к солдатскому строю и я зачислил его в мой штаб. Тогда же, по секрету от Павлика, я представил его на производство в офицерский чин.

В одном бою, уже после нашего отступления, я со своим

штабом попал под жестокий обстрел. Мы стояли на холме. Красные крыли сильно. Кругом взлетали столбы земли и пыли. Я обернулся за чем-то и увидел, как у холма легли в жесткую траву солдаты связи, а с ними лег и мой Павлик, прижавшись лицом к земле. Он точно почувствовал мой, взгляд, поднял голову и сразу стал на ноги, вытянулся, а сам начал краснеть и слезы выступили на глазах.

Вечером, устроившись на ночлег, я отдыхал на походной койке в хате, вдруг слышу легкий стук в дверь и голос:

— Господин полковник, разрешите войти.

— Войдите.

Вошел Павлик. Стал у дверей. По-солдатски молчит.

— Тебе, Павлик, что?

Он как-то встряхнулся и уже вовсе не по-солдатски, а застенчиво, по-домашнему, сказал:

— Тося, даю тебе честное слово, я никогда больше не лягу в огне.

— Полно, Павлик, что ты . . .

Бедный мальчик! Я стал его, как умел, успокаивать, но только отпуск в хозяйственную часть, на кутью к моей матери, к тете Соне, как он называл ее, убедил, кажется, Павлика, что мы с ним такие же верные друзья и удалые солдаты, как и раньше.

Всем матерям, отдавшим своих сыновей огню, хотел бы я сказать, что их сыновья принесли в огонь святыню духа, что во всей чистоте юности легли они за Россию. Их жертву видит Бог.

Я хотел бы сказать матерям, что их сыновья, солдаты без малого в шестнадцать лет, с нежными детскими впадинами на затылках, с мальчишескими тощими плечами, с мальчишескими шеями, повязанными в поход домашними платками, стали святыми отроками России.

Россия молодая пошла с нами в огонь. Необычайна, светла и прекрасна была в огне юная Россия. Такой никогда и не было, как та, под боевыми знаменами, с детьми добровольцами, пронесшаяся в атаках и крови сияющим видением.

Та Россия, просиявшая в огне, еще будет. Для всего русского будущего та Россия, бедняков офицеров и воинов мальчуганов, станет русской святыней, Скинией Завета.

В течение целого февраля шли с переменным успехом тяжелые бои в районе Дебальцево—Юзовка. Красные все время пытались наступать, сосредоточивая крупные силы. Кроме частей 3-й дивизии в боях принимали участие Кор-

www.ellan-kazak.ru

ниловцы, Марковцы, Алексеевский 1-й Офицерский конный полк с приданной к нему конно-горной батареей капитана Колзакова, Донцы и бронепоезда: «Иван Калита» и «Офицер». В одном бою бронепоездом «Офицер», лихим налетом, был захвачен красный бронепоезд «Карл Маркс», имевший по две орудийных и пулеметных площадки. Появился в строю Добровольческой армии бронепоезд «Слава офицеру». Части Добровольческой армии в боях несли большие потери и ряды все время уменьшались. К довершению всего появилась эпидемия сыпного тифа, уносящая много жертв. От сыпного тифа умер начальник 1-й дивизии генерал Станкевич.

Дроздовские части базировались и вели бои в районе Никитовка, Харцизск и Юзовка. 24-го февраля части Дроздовского стрелкового полка вели бои в районе станции Железной. На другой день красные стали нажимать крупными силами, но с подошедшими Корниловцами, наши части перешли в контрнаступление и 25-го февраля были заняты Нелеповка, Щербиновка, станция Кривой Торец и Плещевка. Ночь Дроздовцы провели в Кривом Торце. На другой день коротким ударом наши части вновь заняли Константиновку, захватив там бронепоезд красных, носящий имя «Роза Люксембург» с бронированным паровозом от бронепоезда «Карл Либкнехт», изготовленного рабочими Краматорского завода, вооруженный 4-мя орудиями и 15-ю пулеметами.

В этот же день, в дневнике капитана Н. Ф. Соловьева, офицера 1-й Дроздовской легкой батареи описано торжество по случаю первой годовщины Похода Ясы—Дон:

«26-го февраля, в Юзовской церкви, в присутствии всех собравшихся походников, состоялось торжественное Богослужение и панихида по нашему шефу генералу Михаилу Гордеевичу Дроздовскому. После Богослужения в церковной ограде был скромный парад походников-Дроздовцев, принятый генералом Май-Маевским. В кафе-ресторане для солдат был приготовлен сытый обед с обильным возлиянием. В 3 часа дня в обширном зале гостиницы «Гранд Отель» для офицеров и гостей был устроен банкет, на котором присутствовал генерал Май-Маевский. Торжества затянулись далеко за полночь». Кадром 1-й батареи была группа офицеров 26-й артиллерийской бригады, прибывшая в Скинтею, когда там уже была сформирована Конно-горная батарея капитана Колзакова. В своем дневнике капитан Соловьев вспоминает о том, как протекало формирование отряда в Румынии и о том, что в поход ушли не только офицеры, но и солдаты, которые героически сражались в рядах Дроздовцев и, оставшиеся в живых, ушли в изгнание.

На фронте не прекращались бои. Все операции с нашей стороны, как правило, велись небольшими отрядами. Если занимался какой-либо важный пункт, то там оставался лишь небольшой гарнизон, так как выделить значительные силы не представлялось возможным. Так было и после занятия Константиновки. Под натиском красных 1-го марта была оставлена Константиновка. Там оставался всего лишь небольшой отряд в 18 человек при одном пулемете. В районе Юзовки был захвачен броневик «Товарищ Троцкий». 2-го марта была оставлена Плещевка и красные стали сильно нажимать на Леонидовку, стремясь отрезать Кривой Торец от Железной. 3-го марта Дроздовцы силою около 130 человек, из которых было 40 конных при одном орудии, повели наступление и, заняв колонию Родионовку, двинулись на Екатериновку, не заняв предварительно Смоляниново, что дало возможность красным обойти левый фланг наступающих. Красных было около 600 человек пехоты при 6 пулеметах. Пришлось небольшому отряду Дроздовцев отойти. 4-го марта, наступая от Никитовки, Дроздовцы вновь заняли Константиновку, а вечером, перейдя в наступление, красные со стороны Очеретино подошли к Ново-Бахмутовке и стали обстреливать артиллерийским огнем станцию Скотоватую. Таким образом оказались под угрозой нападения с тыла Дроздовцы, бывшие в Кривом Торце. В 6-ти верстах в тылу Железной, на разъезд Петруньки, к сторожу явились местные большевики и требовали, чтобы он разобрал железнодорожный путь, а накануне, в том же районе, было произведено три взрыва, не вызвавшие значительных повреждений полотна дороги. В своем дневнике за этот день капитан Орлов так записал о положении на их участке: «... будь большевики порасторопнее и посмелее, они могли бы нас захлопать здесь уже не раз ..., но зная, что в военном отношении они не представляют из себя особо грозной силы, все время остаешься спокойным, несмотря на то, что положение наше сейчас не из важных, если не удастся завтра же ликвидировать прорыв на Скотоватую». 5-го марта наши части, нажав из Авдеевки, заняли Очеретино и отрезали наступающую группу большевиков на Скотоватую. Теперь в окружение попали уже большевики. Здесь была исключительно маневренная война и велась с нашей стороны отдельными от-

www.all-tasall.ru

рядами, при чем, если в отряде около 100 пехотинцев и человек 50 конных при 1—2 орудиях, то это уже считалось внушительной силой. Потери все время увеличивались, так как кроме потерь от огня противника, убывали из строя заболевшие тифом. Со стороны же красных всегда действовали большие группы, нередко свыше тысячи и больше человек. Вечером 6-го марта пришлось оставить Константиновку и красные подошли к Кривому Торцу и стали обстреливать его ружейным огнем, но огнем наших орудий их отогнали. Днем над нашими позициями пролетел, в первый раз в этом районе, аэроплан красных, сбросивший три бомбы и обстреливший позиции пулеметным огнем. 8-го марта погода испортилась и после почти весенних дней выпал снег вершка в два. Для обуви — зарез. Опять все ноги были мокрые. Нашими частями опять занята Константиновка. В этом районе все время происходит своего рода топтание на месте. Здесь же действуют и части Белозерского полка, на долю которого достался участок фронта весьма солидный — расстояние между 4-мя станциями, а в полку всего лишь 4 роты, а в двух ротах даже только по 11 человек. Поэтому не мудрено, если приходится все время топтаться на одном месте.

Очень часто попадались советские газеты, из которых узнали, что на Западном и Сибирском фронтах положение у большевиков неустойчивое, а о добровольцах они пишут, что, дескать, придут в себя они в последнюю минуту перед расстрелом. Но тон их газет стал более умеренный и не столько нахальный, и меньше ругательств по адресу Добровольческой армии.

9-го марта был воскресный день и по своему обычаю большевики повели наступление и заняли вновь Константиновку, незадолго перед этим отбитую от красных, Плещевку и Кривой Торец, находящиеся впереди Железной, а обойдя справа и слева, в тылу заняли Ново-Бахмутскую и станцию Скотоватую, перерезав железную дорогу. В свою очередь наши части ночью 10-го марта повели наступление из Авдеевки и заняли Ново-Бахмутовку в тылу большевиков, занимавших станцию Скотоватую. После короткого боя красные оставили Скотоватую. Этим маневром был ликвидирован прорыв красных и наши части вышли из почти безвыходного положения. Это был четвертый воскресный большевистский поход на Железную с двумя обхватами и на сей раз обошелся Дроздовцам довольно дорого. Хотя потери и

исчислялись всего несколькими убитыми и десятками двумя раненых, но для тех сил, которыми мы располагали, были весьма чувствительными. Если бы наше командование в Донецком бассейне располагало большим количеством войск, оно могло бы здесь одержать крупную победу и каждый раз, когда большевики, собрав ударную группу не менее чем в 1000 человек вели наступление, можно было бы их всех, окружив и обхватывая, ликвидировать. Пока же что, приходилось только, отбрасывая их в исходное положение, восстанавливать свое положение. К вечеру рота Дроздовского стрелкового полка вновь заняла Кривой Торец. Одновременно был исправлен железнодорожный путь и на фронте на время водрузилась опять тишина. Погода вновь переменилась и целый день пришлось мокнуть под довольно сильным дождем. Во время прорыва большевиков жители Железной выражали радость по поводу нашего тяжелого положения, говоря, что «теперь кадеты в бутылке», а поэтому не удивительно, что многие дроздовцы говорили, что надо бы круче поступать с «мирным» населением, чем это практиковалось нашими частями на самом деле в этом районе.

11-го марта части Белозерского полка ушли на пополнение и формирование, так как в полку осталось в строю только 76 человек. Дроздовцы очень жалели, что ушел и бронепоезд «Белозерец», который, хотя и был весьма примитивно оборудован, но на этом участке фронта приносил очень чувствительную пользу, являясь большой поддержкой тем незначительным силам, которые держали довольно большой участок фронта. Конечно о наступлении пока что не приходилось даже думать, важно было, хотя бы удержаться в этом районе и не допустить красных в Каменоугольный район. В последнее время обнаружился сильный нажим красных в районе Иловайской, и для усиления артиллерии туда отправилась 4-я Дроздовская батарея. Красные нажали и заняли Дебальцево и Чистяково. Лабинский полк с одним орудием отправился в тыл для ликвидации восстания. Там этот наш отряд наткнулся на организованную крупную банду, руководимую опытными начальниками, имеющую много пулеметов, свою артиллерию и даже прожектор. Все время в Каменноугольном районе велись весьма напряженные бои с тысячными отрядами красных, против которых наше командование могло выставить весьма небольшие по численности отдельные группы своих войск. Спасало положение — умелое маневрирование, стойкость и храбрость наших частей, кото-

www.allen-back.ru

рые все время были в движении, что сильно изматывало их. Все операции, с обоих сторон, как правило, велись в этом районе, базируясь на весьма густую железнодорожную сеть, и при участии, очень часто, бронепоездов. 1-й Офицерский конный полк с конно-горной батареей, совершая небольшие рейды по тылам красных, был все время в движении. Бывали просто невероятные эпизоды, как например: однажды ночью полк с батареей прошел через селение, расположенное в глубокой балке и частично занятое пехотой противника. На подъеме застряло несколько подвод со снарядами и вытягивать их из грязи разведчикам батареи, в кромешной темноте, помогали красные пехотинцы, принявшие наш полк и батарею за своих. Помню и такой случай. Была оттепель. Маленькие ручейки превратились в речки с бурлящей мутной водой. К тому же часто до полудня бывали столь густые туманы, что в 10—20 шагах почти ничего нельзя было разобрать. Вот в такое утро Конный полк с конно-горной батареей, будучи в тылу красных, подошел к бурлящему ручью. С трудом переправились через него, причем мутная вода заливала подводы, а наши горняшки вообще не были видны из воды. Вскоре подошли к мирному и, на первый взгляд, не занятому хутору. Длинная, широкая улица, по сторонам которой хорошие дома. Головной эскадрон и за ним батарея втягиваются в хутор. Возле домов стоят старшего возраста жители и приглашают зайти погреться. Раздается команда «Стой — слезай, можно оправиться». Туман настолько густой, что противоположная сторона улицы едва видна. Некоторые оставляют коней и идут к домам. Вдруг из-под крыш, с чердаков, загремели выстрелы. Без всяких команд, сразу же, все вновь очутились верхом и эскадрон и батарея вынеслись из хутора, а оставшиеся позади эскадроны окружили его со всех сторон, спешились и с криками «ура» атаковали. Ворвавшись в хутор, стали обыскивать каждый дом, сарай. Всех пойманных с оружием, с патронами и молодых на чердаках арестовывали. С ними поступок был короткий: всех их расстреляли. В этом хуторе уцелели лишь старики, женщины и дети. Забрали кур, гусей, скот и лошадей. За свое вероломство хутор был соответственно наказан. Благодаря сильному туману и неметкой стрельбе красных, потери были не столь значительные, как могло бы быть, но, конечно, были раненые люди и лошади. Самые ощутительные потери были в батарее: убит вахмистр батареи — капитан Мей (походник) и ранен полковник Малявин. Красные просчитались

в рассчете, предполагая, что весь наш отряд состоял только из эскадрона конницы и батареи. Убитого капитана Мея и раненых на другой день отправили в тыл. К сожалению название хутора уже не помню.

Поведя наступление, красные 12-го марта заняли Кривой Торец и подошли к Нелеповке, где их задержали Дроздовцы, и в свою очередь перейдя в наступление, к вечеру восстановили положение. Кривой Торец был вновь в руках Дроздовцев. Наступление поддерживал бронепоезд «Дмитрий Донской», команда которого исключительно офицеры-моряки. Красным сильно досталось от пулеметного огня бронепоезда в одной балке у деревни Леонидовки. Неожиданно в час ночи на 13-е марта было приказано оставить Кривой Торец и Железную и отойти к Скотоватой, как потом выяснилось, в силу прорыва красных на стыке Донских и Добровольческих частей. В Скотоватую отступившие части пришли уже днем. По дороге тянулись за отступающими жители из колонии Нью-Йорк. Красные очень осторожно продвигались за отходившими частями, хотя, конечно, от местных жителей отлично знали о нашем отходе. Частями Дроздовского стрелкового полка были заняты позиции перед Скотоватой. 14-го марта стало известно, что нашими частями вновь без боя заняты Авдеевка, Никитовка и Горловка. Появились сведения, что в тыл пробрался со своей конницей генерал Шкуро и что имеется связь с адмиралом Колчаком, возглавляющим Сибирскую армию.

Утром 15-го марта к Скотоватой подошли большие силы красных при 7-ми орудиях и стали нажимать на Дроздовцев. С нашей стороны действовало только одно орудие. Красные, после того как артиллеристы израсходовали весь свой запас снарядов (а было их всего 44), заставили нашу пехоту отойти и оставить Скотоватую. Орудие также снялось с позиции и отошло к Ясиноватой, так как, не имея снарядов, своим пребыванием на позиции пользы принести не могло, а в Ясиноватой была надежда достать снаряды. Подошедший к Скотоватой наш бронепоезд помог нашей пехоте вновь занять Скотоватую, в которой большевики задержались всего лишь полчаса. Пополнившись снарядами, вернулось и наше орудие и утром 16-го марта стало на позицию у Скотоватой. Вместе с отошедшими красными, из хуторов расположенных около станции Скотоватой, ушли 15-го марта и жители, главным образом молодежь, и там остались лишь старики, женщины и дети. Несмотря на это, у нас

www.alm-kazak.ru

ватую. Поднялась сильная ружейная и пулеметная стрельба. Стреляли и из домов. Орудие 3-й Дроздовской батареи только через полчаса смогло, отходя полем, выйти из-под обстрела. Ночь застала наши части в районе Землянки. На станции, от стрельбы 6-дюймовки бронепоезда «Князь Пожарский», повылетали не только стекла, но и рамы из окон. 24-го марта прибыло еще одно орудие 3-й батареи и дроздовцы, атаковав красных, около 11 часов заняли Скотоватую и бугор впереди нее. Генерал Шкуро со своей конницей занял Очеретино. На участке Дроздовцев он не задержался. На Благовещение, 25-го марта, с утра была только перестрелка, но в 4 часа дня наши части перешли в наступление и к вечеру подошли к Железной. В течение ночи и станция, и селение были нейтральными. Утром, 26-го марта, Железная была занята и наши части стали было продвигаться дальше, но красные, подтянув значительные силы, упорно сопротивлялись, а потом перешли в наступление, обходя нашу пехоту, причем на левом фланге появилась их конница. Наши цепи стали отходить. Обход был настолько глубокий, что не только мы оставили Железную и Скотоватую, но едва удержались у Землянок. На другой день, 27-го марта, Дроздовцы, поведя наступление, вновь занимают Скотоватую, которую 28-го марта, под нажимом громадных сил красных оставляют. 29-го марта опять повторение наступления на Скотоватую. Взяв Ново-Бахмутовку, наша пехота несколько раз подходила к Скотоватой и только уже поздно вечером, заняв ее, продвинулась вперед и заняла, пресловутый, «желтый» бугор впереди нее. Все удивлялись, как удалось нашим частям вновь занять и теперь Скотоватую, так как у красных на этом участке было много пехоты, 3 бронепоезда и 2 батареи. Имея много снарядов, они расходовали их без всякого стеснения, но, в конечном счете, благодаря удачному маневру Дроздовцев, принуждены были поспешно отступить, и 30-го марта на этом участке, у Дроздовцев, было особенно как-то тихо. Красные только изредка посылали очередной подарок в виде артиллерийского снаряда, но из района Авдеевки доносились звуки большого артиллерийского обстрела. За две с лишним недели упорных и непрерывных боев на участке фронта в районе Скотоватая—Железная, занятого частями Дроздовского полка, побывали бронепоезда «Белозерец», который здесь и погиб, «Димитрий Донской», «Князь Пожарский», «Генерал Корнилов», «Генерал Алексеев», «Иван Калита» и «Единая Россия», а также и одна

площадка бронепоезда «Офицер». Бронепоезда все время менялись, наши же стрелки и орудия оставались бессменно на позициях, защищая участок протяжением до 20 верст, и к концу марта здесь осталось в строю лишь немногим свыше 50 стрелков при одном орудии 3-й Дроздовской батареи. Мобилизованные местные жители оказались ненадежными бойцами и постоянно дезертировали, уходя назад в свои деревни, которые занимались красными. В ночь на 31-е марта дезертировало 23 мобилизованных. Об этих мобилизованных в районе Донецкого бассейна есть описание в книге А. В. Туркула. Он так пишет о мобилизованных:

«Под Горловкой мой батальон занял село Байрак. Село большое, грязное, пьяное, издавна обработанное красными посульщиками. В селе была объявлена, кажется, одна из первых белых мобилизаций. На мобилизацию пришли далеко не все шахтерские парни. За неявку пришлось грозить арестами... После отступления мы вернулись туда снова. Тогда было поймано двое уклонившихся. Им всыпали по двадцати пяти шомполов, и Государев Байрак потек на мобилизацию толпой. Шахтерские рабочие, народ рослый и угрюмый, — точно в них въелась угольная пыль, — парни сильные, не очень-то по доброй воле и не с очень добрыми чувствами пошли, разумеется, в наши ряды, к кадетам, золотопогонникам. Незадолго до Пасхи мы стояли на станции Криничной. Оттуда я послал в Ростов командира второй роты Офицерского полка, капитана Евгения Борисовича Петерса, закупить в городе колбас, яиц и куличей, чтобы устроить батальону хорошие розговены. Петерс уехал, а его роту, в которой было до семидесяти мобилизованных шахтеров, временно принял капитан Лебедев. Уже случалось, что шахтеры по ночам удирали от нас по одному, по двое, к красным. В ночь отъезда Петерса я пошел по охранениям проверить полевые караулы. В темноте, в мокрой траве, наткнулся на офицера второй роты. Офицер был заколот штыком. Он ушел в полевой караул с шестью солдатами из Государева Байрака. Все шестеро бежали, приколовши своего офицера. Я немедленно снял со сторожевых охранений вторую роту, отправил ее в резерв. Полевые караулы заняли другие. Ни одному шахтеру больше не было веры.

Петерс, довольный поездкой, с грудой колбас и куличей, вернулся из Ростова. Батальон жил тогда в эшелонах, товарных теплушках. Петерс еще не дошел до моей теплушки, как ему рассказали об убийстве офицера и бегстве солдат.

www.ellanbazak.ru

очень мягко обращались с теми домами, члены которых сражались в рядах большевиков. Больше того, когда красным приходилось туго или этим, новоявленным, красноармейцам надоедало воевать, по их собственным словам, они «бросают винтовку, возвращаются домой в деревни, занятые нашими частями, снимают сапоги, ложатся на печь и никто их не трогает». Таким образом, благодаря этому, очень много лиц остается ненаказанными за свою деятельность. В районе Авдеевки наш бронепоезд «Иван Калита» в этот день очень удачно и много стрелял по красным из своих шестидюймовых, наводя на них панику. В течение двух дней 17-го и 18-го марта шел бой под Скотоватой. Красные не жалели снарядов, ведя обстрел станции Скотоватой из бронепоезда, находившегося у разъезда Петруньки. С нашей стороны в бою принимал участие бронепоезд «Генерал Алексеев».

3-й бронеавтомобильный отряд, в составе броневиков «Кубанец», «Доброволец» и пушечного — «Артиллериста», до весны все время находился в районе Юзовки, поддерживал наши пехотные части — Белозерцев, Самурцев и других, а также наводя порядок среди рабочих Юзовского рельсопрокатного завода и шахтеров, настроение которых было пробольшевистское.

Ввиду того, что запасы снарядов в Добровольческой армии были весьма ограниченные, последовал приказ экономить их и расходовать из рассчета не больше семи ежедневно на одно орудие. В этом районе очень легко было подслушивать все распоряжения красных по телефону, так как они не портили телефонных линий. 17-го марта наши телефонисты подслушали распоряжение красных о наступлении на Новоселовку, которе действительно и началось в 6 часов утра 18-го марта. Деревню Новоселовку защищала небольшого состава рота Самурцев, которую, после короткого боя, красные выбили из села. Подошло подкрепление в этот район пехотой с бронепоездом «Князь Пожарский», вооруженным 4-мя легкими и одной шестидюймовой пушками. Красных наступало тысячи, густыми цепями, и спасти положение не удалось. Только на одном левом фланге было свыше 4-х тысяч наступающих большевиков. Кроме того обнаружились большие силы противника и со стороны Железной. Двигаясь полукругом верст в 20, красные вели наступление на Ново-Бахмутовку, которую и заняли к 2-м часам дня. Наши части отходили очень медленно, так как было приказано, во что бы то ни стало удержаться у Скотоватой, но это

было превыше всех возможностей при том числе наших сил, и Скотоватую заняли красные. Ночью на 19-е марта дроздовцам удалось было занять ст. Скотоватую после контратаки, но утром красные, при поддержке бронепоезда, выбили их оттуда. Возле Авдеевки также целый день шел упорный бой. 20-го марта была эвакуирована Ясиноватая и штаб дивизии перешел в Макеевку. Генерал Шкуро со своей конницей в это время занял Никитовку и Горловку. В боях у Скотоватой наши части потеряли свыше 100 человек и самодельный бронепоезд «Белозерец». Получилось это потому, что «Белозерец» был на одной колее впереди бронепоезда «Князь Пожарский», у которого во время стрельбы сорвалась передняя предохранительная платформа и, покатившись под уклон, налетела и опрокинула «Белозерца». Опрокинутый бронепоезд пришлось бросить, так как в это время красные уже занимали станцию Скотоватую, но с «Белозерца» успели еще снять пулеметы, панораму и замок с орудия, которое привели в негодность.

21-го марта к 12-ти часам дроздовцами была вновь занята ст. Скотоватая, но бугры впереди нее оставались свободными, и красные, заняв доминирующий бугор, начали сильно обстреливать, вначале станцию артиллерийским огнем, прогнав оттуда все наши эшелоны и пехоту, а после стали сильно обстреливать и орудие дроздовцев. Наш бронепоезд, попав под сильный огонь 4-орудийной красной батареи, быстро ушел назад. Большой переполох был, когда была замечена большая колонна конницы, спускающаяся с бугров в Скотоватую, так как вначале никто не знал кто это — свои или красные, — генерал Шкуро со своим отрядом или большевики, отходящие от Горловки. Красные с утра пустили несколько снарядов по этой колонне, но потом успокоились. Видимо и на них этот отряд произвел солидное впечатление, а вошел в селение с оркестром музыки. Наконец выяснилось, что это конница генерала Шкуро при батарее горных и взводе легких орудий. 23-го марта стало известно, что Дебальцево и Юзовка опять в руках красных и что в район Юзовки пойдет генерал Шкуро в обход красных, чтобы восстановить положение. Красные в течение всего дня, 23-го марта, вели наступление крупными силами. У Петруньки появилось два красных бронепоезда, которые стали усиленно обстреливать Скотоватую, а около 5-ти часов красная кавалерия, обойдя наш правый фланг, вышла справа лощиной, несколько сзади, и стала уже спускаться и входить в Ското-

www.all-kazak.ru

— Вы знаете? — сказал я, когда он пришел ко мне с рапортом.

— Да. Разрешите мне привести роту в порядок.

— Не только прошу, но и требую.

Петерс круто повернулся на каблуках и вышел. Вскоре послышалась команда:

— Строиться.

Я видел, как люди его роты выстроились вдоль красных стен вагонов. Все чувствовали необычайность ночного смотра. Петерс стоял перед ротой суровый, понурившись. С людьми он не поздоровался. Он медленно прошел вдоль строя. Скрипели на песке его шаги. Он спокойно скомандовал:

— Господа офицеры, старые солдаты и добровольцы, десять шагов вперед, шагом марш.

Глухо отдавши ногу, они выступили из рядов.

— Господа, вы можете идти к себе в теплушки.

У вагонов остался поредевший ряд из одних пленных красноармейцев и шахтеров. Люди замерли. Петерс стоял перед ними, поглаживая рукой выбритый подбородок. Он спокойно смотрел на людей, что-то обдумывал. Уже была полная ночь. В тишине было слышно тревожное дыхание в строю.

— Рота, зарядить винтовки... Курок.

Защелкали затворы. Что такое задумал Петерс, почему шестьдесят его шахтеров закладывают боевые обоймы?

— На плечо. Направо, шагом марш.

И они пошли. Они исчезли в прозрачной ночи, как привидения, беззвучно. Это было в ночь Страстного Четверга. Мы терялись в догадках, куда повел Петерс своих шахтеров. Вскоре мне доложили, что он вышел с солдатами на фронт. Казалось он идет к красным. Но вот он повернул вдоль фронта и пошел с ротой по изрытому, мягкому полю. Он был от красных в нескольких стах шагов. У красных в ту ночь все молчало. С наганом, понуро, Петерс шел впереди роты. Версты две маршировали они вдоль самого фронта, потом Петерс приказал повернуть обратно. В ту прозрачную ночь могло казаться, что вдоль фронта проходит толпа солдат-привидений за призраком-офицером, у которых едва отблескивают винтовки и амуниция.

В полном молчании, вперед и назад, маршировал Петерс всю ночь со своей ротой вдоль фронта. Он ходил с людьми до того, что они стали сипло дышать, спотыкаться, дрожать

от усталости, а он все повертывал их вперед и назад. Он шагал, как завороженный. На рассвете он привел всех шестьдесят обратно. Его окаменевшее крепкое лицо было покрыто росою. Люди его роты, посеревшие от усталости, теснились за ним. Через день или два, после необычайного ночного смотра, он мне доложил:

— Господин капитан, вторая рота в порядке.

— Но что вы там с ними наколдовали, Евгений Борисович?

— Я не колдовал. Я только вывел их в поле на фронте и стал водить. Я решил, либо они убьют меня и все сбегут к красным, либо они станут ходить за мной. Я их водил, водил, наконец остановил, повернулся к ним и сказал:

— Что же, когда вы убиваете офицеров, я один вас всех перестреляю, — и выстрелил в воздух, а потом сказал, — там красная сволочь, которую когда-нибудь все равно перевешают. Здесь — Россия. Ступайте туда. Тогда вы сволочь, а не солдаты, или оставайтесь здесь. Тогда вы верные русские солдаты, — сказал и пошел.

На замкнутом лице Петерса мелькнула счастливая улыбка.

— А они, все шестьдесят, поперли за мной, как дети. Теперь они будут верными. Они ничего, что шахтерские ребята, они солдаты хорошие.

Евгений Борисович не ошибся. Шахтеры Государева Байрака честно и доблестно стояли с нами в огне за Россию. Лучшими дроздовскими солдатами почитались наши шахтеры. Они ценились у нас на вес золота, а у Петерса, с тех времен и до конца, ординарцы и вся связь всегда были шахтерские».

Все время, находясь в Каменноугольном районе, части Дроздовского стрелкового полка, как правило, действовали следующим образом: обычно батальон или отдельная рота располагались в железнодорожных вагонах, вперед высылая дозоры и наблюдателей. Особенно этого образа действий придерживался генерал Туркул, командуя в то время батальоном. Он держал свой батальон в кулаке и этим кулаком наносил, где было нужно, сокрушительные удары противнику. Конно-горная батарея действовала с Офицерским конным полком. Отдельные взводы и даже орудия Дроздовской артиллерийской бригады часто придавались другим частям не только 3-й дивизии. Конный Дроздовский полк, находясь на левом фланге Добровольческой армии, с

www.ellan-kazak.ru

гвардейскими частями, весной отошел в Крым, где и участвовал в боях на Акмонайских позициях.

С наступлением весенних дней частые дожди превращали дороги и пахоть в липкую, вязкую грязь, очень мешающую при маневренной войне. На всех полях в районе боев, после многочисленных сражений, валялись в большом количестве осколки от гранат, шрапнельные стаканы и ружейные гильзы. Все кругом было густо покрыто воронками от разрывов снарядов. По полям носились, после выстрелов или разрывов, как угорелые зайцы, бегали и выли раненые собаки. В воздухе, с начала перелета, пролетали утки, гуси, дрофы, лебеди.

К 1-му апреля красные подтянули на участок фронта, занимаемого 3-й дивизией, много артиллерии, среди которой было немало орудий крупного калибра, и с начала апреля вели постоянно весьма сильный артиллерийский обстрел, после которого обычно пытались, сосредоточив крупные силы пехоты, наступать, но без особого успеха. Особенно подобные их действия были в районе Скотоватой—Ясиноватой. Возле станции Каменской донцы вновь имели успех, захватив 20 орудий, 52 пулемета и взяв в плен до 1000 человек. Генерал Шкуро со своим отрядом взял город Мариуполь, где в числе военной добычи оказались — 27 орудий и бронепоезда красных.

4-го апреля, в теплый и ясный весенний день, когда в воздухе раздавались трели скворцов и летали жаворонки, загремели орудия красных и они, большими силами, повели наступление на участке Дроздовцев. Красная конница вскоре стала справа обходить наши части, которые принуждены были отойти, но на другой день Дроздовцы сами перешли в наступление. Удачным попаданием гранаты 48-линейной гаубицы в площадку бронепоезда красных на ней произошел взрыв снарядов и она начала гореть. Красные отцепили ее, и поврежденная площадка, на которой продолжались взрывы снарядов, покатилась под уклон к Авдеевке, вызвав там у красных громадную панику. К вечеру и станция и село Авдеевка были заняты Дроздовцами.

6-го апреля многим удалось побывать в церкви на Заутрене. О том, как артиллеристы провели св. Пасху в 1919 году написал поручик Пронин в своей книге «Седьмая Гаубичная».

«Своеобразная война шла весной девятнадцатого года в Донецком бассейне. Силы Добровольческой армии были

весьма незначительны. С севера надвигались красные части. Все вооруженные столкновения происходили по железнодорожным линиям. Обычно красные наступали при поддержке бронепоездов. Пехотные цепи растягивались на несколько верст по обеим сторонам от полотна железной дороги. Белые уступали значительно числом и вооружением, но превосходили противника опытом, умением и маневрированием. При слабости сил добровольческое командование держало войска на узловых станциях в эшелонах, оставляя небольшие заслоны на линии фронта и ограничиваясь активной обороной. Как только намечалось наступление красных, к угрожаемому участку подвозилась пехота и артиллерия. Завязывался бой, часто наступательный, и, после того как противник был смят, опять оставлялись только заслоны, а войска, принимавшие участие в бою, оттягивались на несколько десятков верст в тыл на узловую станцию. При обозначавшейся тревоге на другом направлении те же части перебрасывались туда.

Это была война на колесах. Это не было сидение в окопах, а сидение в теплушках, с постоянными, почти ежедневными, боевыми гастролями на различных направлениях. Особенно приходилось командованию жонглировать артиллерией, ввиду ее малочисленности и скудности боеприпасов. С другой стороны, при наличии у красных большого количества бронепоездов и густой железнодорожной сети в Донецком бассейне, присутствие артиллерии на участке наступления красных было необходмостью.

Солдаты 3-й легко-гаубичной батареи (позже переименованной в Дроздовскую) жили в теплушках уже несколько месяцев. Компания собралась довольно разношерстная. Юнкер Сергиевского артиллерийского училища, два кадета, два студента — один из Петербурга, другой из Харькова, два пленных красноармейца — из мобилизованных большевиками пермяков, взятые в плен в январских боях, два ставропольских хуторянина из иногородних и два кубанских казака (позже отчисленных в свои казачьи части). Всех объединяла ненависть к коммунизму, а жизнь полная опасности спаяла их всех в компактную массу номеров и ездовых 4-го орудия, проникнутых гордостью своей боевой части, в которую их привела судьба. Такое настроение было почти общим в дроздовских частях.

Теплушка сделалась домом. Посреди чугунная печка, с боков нары, где помещались люди. На печке чай, над ней

www.ellan-kazak.ru

же сушили портянки, промокшую одежду и обувь. На позицию состав подавали обыкновенно еще затемно с таким рассчетом, чтобы разгрузку можно было произвести еще до рассвета и не попасть под артиллерийский обстрел во время выгрузки лошадей и скатывания орудий с платформ. Самая разгрузка обычно происходила в поле без рампы. Ставились рельсы, на них накладывались дощатые щиты, по ним выводили коней. Те же рельсы приставлялись к платформам и номера скатывали на лямках орудия и зарядные ящики. Дошли до такой виртуозности, что разгрузка и погрузка происходили очень быстро. Грузились в эшелон после боя вечером, когда наступала темнота. Как убитые валились на нары и просыпались уже на узловой станции, где получали фураж для коней, снаряды и обед. Перевезенные ночью на другое направление, опять перед рассветом разгружались. Так изо дня в день. Кругом открытая степь. Вдалеке копры и конусы каменноугольных шахт. Посадки акаций около полотна железной дороги.

Казалось, что никогда не будет конца этим однообразным дням. Да и бои были какие-то монотонные. Всё также с севера густым частоколом черных линий шли большевистские цепи. Из складки местности, закрытой посадкой, показывался дымок притаившегося бронепоезда и начинался артиллерийский обстрел. Всё так же подавались на батарею по телефону с наблюдательного пункта команды более и более короткого прицела. Спереди заваривалась трескотня винтовок и пулеметов, где-то на фланге слышалось «ура», а команды цифр прицела начинали возрастать. Следовала команда: «Передки на батарею». Шли вперед и били уже часто прямой наводкой по отступающему противнику.

Монотонность жизни печально нарушали потери в людях или конях. Порой кто-нибудь из наших лежал на платформе с орудиями, накрытый с головой шинелью, на которой темными пятнами выступала кровь. Иногда пели на мотив известного романса:

«Мне все равно, грузить иль разгружаться
К погрузкам я привык уже давно . . .»

Действительность — будни войны с грязью и вшами, были бесконечно далеки от той романтики и жертвенного энтузиазма, которые привели сюда большинство добровольцев — гимназистов, студентов, кадет из различных концов России. Когда бывала дневка, начиналась с энергией стирка белья где-нибудь около ручья на пне — надо было воевать с паразитами. Было и постоянное недоедание.

В один из таких, ничем не отличавшихся от других, дней батарея стояла на позиции под холмами на направлении к станции Горловка, откуда красные неудачно пытались наступать. Перед погрузкой оставалось некоторое время, так как товарный состав еще не подошел. Кто-то вспомнил, что сегодня Страстная Суббота.

«Совсем язычниками стали, воюя против этих безбожников», — заметил вольноопределяющийся телефонист.

Погрузились и, как всегда, поехали на станцию Криничную. Сразу после раздачи фуража и пищи пошли нагружать снаряды в ящик и передки. Снарядов неожиданно получили полный комплект.

— Видно, что-то готовится, — сказал замковый номер.

— Неужели же в Пасхальную ночь? — отозвался другой.

Часов в одиннадцать ночи мы были разбужены дневальным. Построились между эшелонами. Там уже были в сборе все офицеры батареи. Стоял стол, накрытый скатертью. В темноте мерцали зажженные свечи. Седенький, старый священник служил Заутреню. Быстро окончилась служба.

— Христос Воскресе!

Каждый подходил к кресту. Христосуется со священником, потом с командиром батареи и получает угощение: стакан водки и яйцо.

— А теперь, с Богом, ребята, в эшелон — на 4-е орудие, — говорит командир батареи.

Толчок прицепляемого к составу паровоза.

— Куда это они нас попрут в Пасхальную ночь? — задает реторический вопрос один из людей.

— На запад повезли, наверно под Авдеевку.

Уже рассвет. Но всё заволакивает серый, молочный туман.

— Держись хлопцы! — зловеще предупреждает доброволец Болотов во время разгрузки. — Тут с нами не дроздовская пехота, а сводно-стрелки!

Начинаем продвигаться. На коротком прицеле открываем огонь по станции Авдеевка. Не проходит и получаса, как конный разведчик, прискакавший на батарею, сообщает, что станция взята, а главное, что есть куличи, пасхи, яйца и окорока — все это бросили «товарищи», застигнутые врасплох на станции. Другой разведчик привозит в мешке часть этих сокровищ.

www.ellanlazak.ru

— Ну вот и маем чим разговеться, — говорит ездовой, кубанский казак с запорожской фамилией — Жила: а то бачите, яйцо, що командир дав, у мене у нутру, як мыш бигае!

— Хорошо «товарищи» живут, себя не стесняют — смотри сколько наготовили! — замечает разведчик. — Снабжение у них лучше.

— Какое там, черт, снабжение — это все от «благодарного населения».

— Не будем погружаться в вопросы, откуда это, — решает Болотов, — теперь это военные трофеи. Лучше сядем, да закусим, пока красные не оправились и не пошли свои пасхи и окорока назад отбивать.

И он был прав. Через час, подтянув резервы, красные перешли в контрнаступление. С наблюдательного пункта прицелы подавались все короче. Потом последовала команда: «Передки на батарею». Приказано было немедленно сниматься и идти к зарослям железнодорожной посадки. Прискакал с наблюдательного пункта капитан Камлач. По его виду бывало трудно оценить положение, так как в бою он всегда был спокоен, но на этот раз он почему-то нас торопил и ругался. Сниматься с позиции пришлось уже под редким ружейным огнем, но когда мы добрались до посадки, то обстрел значительно усилился. Дойдя до конца посадки и выйдя на открытое пространство, мы поняли серьезность обстановки. Частый ружейный огонь с близкой дистанции заставил батарею переменить рысь на карьер. До сих пор мне непонятно, почему они нас всех тогда не перестреляли. Для нас стало ясно, что мы чуть не попались в западню с нашими разговенами. Мы в последний момент выскочили из полного окружения.

— То ж хлопцы, я вам кажу, це що ми краденым от людей разговелись! То не добре! — философствовал Жила. — Ти бисовы диты у людей понаграбили, а мы зъили!

— Молчи уж! Сам лопал за троих, — огрызнулся Болотов.

На полустанке, к которому мы подходили, разгружалась уже свежая пехота на поддержку потрепанным сводно-стрелкам».

На Пасху обозначилось наступление красных на Юзовку, которая и была ими занята 9- го апреля. Под Горловкой также разыгрался бой, в котором солидно попало немцам, бывшим военнопленным, сражавшимся на стороне красных.

В своей книге генерал Туркул пишет следующее: «Вскоре после пасхи Петерс был ранен в руку, но не оставил командование ротой. В апреле, на батальон пришло, наконец, жалование для раздачи. Я вызвал к себе в теплушку ротных командиров. Пришел и Петерс с подвязанной рукой. Стоял, я помню, прекрасный, легкий, весенний день. Мы все чему-то молодо и весело смеялись. Тогда-то мне и доложили, что красные перешли в наступление на левый фланг полка и что фланг обойден. Кое-кто из командиров забыл на моем дощатом столе пачки долгожданных «колокольчиков», так все заторопились по ротам. Заспешил и Петерс. Я его остановил:

— А вы куда, Евгений Борисович? Вы ранены, извольте идти в эшелон.

— Слушаю.

Петерс повернулся и вышел. На левом фланге гремел сильный огонь. Мой батальон построился для атаки. В поле, далеко от эшелонов, показались в пыли густые цепи большевиков. Мы пошли на них в атаку — цепями. Все чаще стали попадаться навстречу раненые. Вдруг я вижу, как два наших шахтера, залитые потом, несут Петерса. Его ноги были в крови. Его пронесли быстро. Только после успешной атаки я узнал, что он, не желая отсиживаться во время боя в эшелоне, буквально нырнул к своей второй роте, пригибаясь, чтобы я не заметил, и повел ее в огонь. Страшная сила, неудержимое движение, поразительная стремительность, всегда были в атаках Петерса.

Раненый в ногу, он снова не пожелал оставлять полка, а так и отлеживался в эшелоне, в тесном чулане полкового околодка и, едва полегчало, он стал приглашать нас в гости. Полулежа на койке, довольный всем на свете, он сражался с нами потрепанными, засаленными картами.

Таков был Петерс. Этот скромный, молодой офицер был подлинным воином. Сын, кажется, учителя гимназии, студент Московского университета, он ушел на большую войну прапорщиком запаса 268-го Новоржевского пехотного полка. Если бы не война, и он, вероятно, кончил бы где-нибудь учителем гимназии, но боевой огонь открыл настоящую сущность Петерса, его гений. В большой войне, когда, после первого ранения, он вернулся на фронт, Новоржевцы лежали в окопах под какой-то высотой, которую никак не могли взять: возьмут, а их вышибут. Командир полка как-то сказал Петерсу:

www.elan-kazak.ru

— Вот никак не можем взять высоты. Хорошо бы, знаете, послать туда разведку.

— Слушаю.

Ночью, совершенно так же, как у нас под Страстнй Четверг, Петерс выстроил роту и повел ее куда-то в полном молчании. Вдруг выстрелы, отборная ругань, крики, и Петерс показался со своей ротой и с толпой пленных. Вместо разведки, он взял высоту, и на этот раз прочно. За ночной бой он получил Орден Святого Георгия.

Теперь, когда я вспоминаю этого офицера из московских студентов, мне кажется, что какой-то медный отблеск был на его твердом, необычайной силы, лице, с широким крутым подбородком, на его литом теле. Темноволосый, невысокий, с упорными серыми глазами, он был красив, странной, немного азиатской, мужественной красотой. Ему едва ли было тридцать. Я помню его легкую семенящую походку. Рассказывая об огне, в котором стояли дроздовцы, об атаках, о самых трудных мгновениях боев, всегда должны помнить его, командира роты капитана Петерса или командира батальона полковника Петерса. Петерс принимал на себя все тяжкие боевые удары и действительно у него была как бы медная грудь, о которую со звоном разбивался противник. Всюду блистает в огне медное лицо непоколебимого воина Евгения. Нечто древнее было в нем, может быть потому, что в нем смешались кровь наших кривичей и латышей, немцев и татар. В его загадочном, спокойном лице была магнетическая напряженность. Он точно всегда созерцал перед собой, ему одному доступное видение. Была у него одна черта, которую в такой силе я не встречал больше ни у кого. У Петерса не было страха. У других выдержка в бою, самообладание, есть следствие острой внутренней борьбы. Надо бороться всеми человеческими силами духа со страхом смертным и животным волнением. Надо их побеждать, а Петерс просто не знал, не испытывал страха. В огне у него был совершенный покой, а в его покое было нечто азиатское и страшное. В его покое было нечто нечеловеческое — божественное».

Весь месяц апрель продолжался танец на месте. В конце апреля красные сильно нажали и наши части стали медленно отходить и одно время даже была под угрозой Иловайская.

27-го апреля приезжал в Иловайскую Командующий

Кавказской Добровольческой армией генерал Врангель и обращаясь к войскам он, кроме другого всего, сказал:

— Я слыхал ваш стон. Я знаю как тяжело вам приходится в этой борьбе, но помните, что врагу еще тяжелее, потому что этот враг, презренный враг. Он за своей спиной имеет разоренную страну, которая его проклинает. Вы же имеете за собой родные села и станицы, которые вас поддержат. Держитесь орлы. Через короткое время я обещаю сменить вас новыми, свежими силами...

Красные пытались наступать со стороны Моспино, а в районе Луганска шли успешные для нас бои и там работали части генерала Шкуро. Под Манычем, после зимних неудач, Донцы и Добровольцы довольно основательно встряхнули красных: взято 13 орудий, 60 пулеметов и около 3500 пленных. Таковое положение было к концу апреля 1919-го года.

В апреле генерал Деникин объявил свою декларацию, главнейшие пункты которой следующие:

1. Борьба с большевиками до уничтожения их;
2. Созыв Всероссийского народного собрания на основах всеобщего, прямого и тайного избирательного права;
3. Земельная реформа;
4. Освобождение рабочих от эксплуатации их капиталом.

Эта, хотя и немного запоздалая, декларация внесла в умы многих разъяснение целей, которые преследует Добровольческая армия, борясь против красных, а то многие, не зная этого и не понимая многого, оставались совершенно в стороне или даже совсем не сочувствовали белым.

4-го мая, опять наступая, красные отрезали было путь отступления нашему бронепоезду «Генерал Алексеев», заняв Моспино, но нашим ответным контрнаступлением они были выбиты из Моспино и тем самым бронепоезд был спасен. На участках фронта были обнаружены части, состоящие из китайцев.

Наметился перелом в нашу пользу и уже 9-го мая Добровольцы начали медленно продвигаться вперед и днем 10-го мая заняли Дмитриевск. Красные отходили, оказывая упорное сопротивление. 12-го мая наши части повели наступление на многих участках фронта, а генералом Шкуро, в тылу противника, были заняты ст. Юзовка и Авдеевка. После этого наши части без всякой особой задержки вышли на линию Ясиноватая—Скотоватая. Красные, не ожидая нашего наступления, не успели эвакуировать Ясиноватой, от которой отходили густыми колоннами. Зайдя в тыл, наши наложили

www.elan-kazak.ru

на рельсы железной дороги кучу шпал и рельс. Поезда двинулись из Ясиноватой, но когда 3-я батарея Дроздовцев открыла по первому уходящему поезду огонь, он ускорил ход и, не видя баррикады на рельсах, налетел на нее. Передние колеса паровоза перескочили через первые шпалы, потом все там перепуталось. Поезд дальше не мог двигаться ни вперед, ни назад. Вслед за ним вскоре со станции двинулись бронепоезда красных и, подойдя к месту аварии поезда, стали метаться взад и вперед. Они отстреливались еще часа 2—3, но потом принуждены были сдаться. Один матрос стрелял до последнего и его из револьвера убил полковник Манштейн, будущий командир 3-го Дроздовского стрелкового полка, и в Крыму командующий Марковской дивизией, при прорыве Буденного. На одном из захваченных бронепоездов, а именно, на «Военных моряков Балтийского флота № 2», была следующая надпись: «Никто не даст нам избавления, ни Бог, ни царь и не герой. Добьемся мы освобождения своей лишь собственной рукой». Довольно оригинально для моряков коммунистов.

Всего было захвачено в Ясиноватой 3 бронепоезда и 7 больших железнодорожных составов, груженных имуществом, а на платформах одного из них и 2 броневых автомобиля. Там же в Ясиноватой попал в плен штаб одной из частей красных. Продвигаясь дальше, наши части к вечеру заняли деревню Землянку, а на другой день, 13-го мая днем, вошли в Скотоватую и теперь знаменитый «желтый» бугор, впереди нее, был занят почти без сопротивления. 14-го мая была занята Горловка, а 15-го мая в руках Дроздовцев оказалась и Никитовка.

Никитовка большая узловая станция. Большевики здесь успели взорвать два железнодорожных моста и тем самым преградили путь, на несколько дней, нашим бронепоездам. Под влиянием поражений красные стали метаться и дух в их частях упал. По всему видно было, что они решили отступать до Харькова. Наши продолжали наступление в направлении на Бахмут и к вечеру разведка дошла до станции Курдюмовка. В последующих днях наступление велось по всему фронту, причем наши части все время, выходя в тыл противника, наводили на красных большую панику. Вскоре и Константиновка была в наших руках. Таким образом в течение десяти дней части Добровольческой армии, наступая, вернули почти всю ту территорию, которую в течение трех месяцев, медленно, с упорными боями, оставляли.

Красные в дни нашего наступления, кроме бомб с аэропланов, разбрасывали прокламации с обращениями к офицерам, в которых они указывали на безнадежность нашего положения, что, дескать, мы приперты к морю и окружены со всех сторон. Тогда мы все смеялись, читая эти прокламации, продолжая наступать и гнать красных. Заканчивались же прокламации словами: «Всякому честному офицеру найдется достойное место в Красной армии и что, если вы не потеряли способность, то вы должны понять, что вас обманывают . . .» и т. п.

Наступая в направлении Бахмута, к вечеру 15-го мая мы заняли станцию Майорское, а 18-го уже прошли и Бахмут. 20-го мая красные попытались наступать на Константиновку, но были отбиты. После этого наши части, перейдя в наступление на этом участке, заняли Новоселовку и Кондратьевку. В наступлении с нашей стороны участвовали также пластунские батальоны и при них орудия Дроздовских батарей.

23-го мая занята была станция Краматорская, где находилась бронебаза красных, а на Краматорском заводе изготовлялись бронепоезда красных, в том числе и, уже захваченные Добровольцами, бронепоезда: «Карл Либкнехт», «Роза Люксембург».

⁂

Прежде чем продолжить описание дальнейших событий, необходимо осветить общее положение в России, бывшее в начале 1919-го года.

В это время оккупационные войска Германии и Австро-Венгрии покидали Украину и ее постепенно занимали части Красной армии, почти не встречая сопротивления со стороны имеющихся небольших сил у Украинского правительства. К середине марта 1919-го года вся Украина и Крым, за исключением небольшого участка возле Керчи, где на Акманайских позициях задержались части Добровольческой армии, отступившие из Таврии. Их поддерживали суда союзнического флота и наши мелкие единицы Черноморского флота. Большевики все время пытались, но безрезультатно, завладеть Акманайскими позициями и сбросить их защитников в море. В марте красные заняли Одессу, которую защищали десантные войска союзников и бригада добровольцев под

www.ellan-kazak.ru

командой генерала Тимановского. После неудачного боя, союзники эвакуировали Одессу, бросив на произвол судьбы бригаду генерала Тимановского. Эта бригада, которая прикрывала эвакуацию союзных войск, потерявших в бою даже свои танки, оставшись одна возле Одессы, пробившись к Румынской границе, перешла ее. Из Румынии, на присланных из Новороссийска транспортах, бригада генерала Тимановского была перевезена на Юг России, занятый частями Вооруженных Сил генерала Деникина. В течение зимы и начала весны красные прилагали все усилия, чтобы разбить и ликвидировать части Добровольческой армии в Донецком бассейне, но как уже об этом было сказано выше, их попытки потерпели полный крах, и в начале мая началось наступление Добровольческой армии в этом районе. Также не удалось красным окончательно сломить сопротивление вновь воспрянувшей духом Донской армии.

К началу мая части 1-й и 3-й дивизий Добровольческой армии были пополнены и сведены в 1-й Армейский корпус под командой генерала Кутепова. 1-й Армейский корпус, конные части генерала Шкуро и пластунские батальоны составили Добровольческую армию под командой генерала Май-Маевского. В эту вновь сформированную армию влились постепенно и другие добровольческие части, освобождаясь с Кавказского участка фронта, где операции приходили к концу, а потом и наново сформированные. Генерал Врангель остался командующим Кавказской Добровольческой армией, в которую входили, кроме добровольческих полков и батарей, конные полки и пластунские батальоны Кубанского войска, туземные конные полки горцев Кавказа и технические добровольческие единицы. Кавказской Добровольческой армии, в которой преобладали конные части, была поставлена следующая задача: наступать на Царицын, овладеть им и установить связь с частями Сибирской армии, действовавшей под командой Верховного Правителя — адмирала Колчака, а потом продолжать наступление вдоль течения реки Волги. Добровольческая армия под командой генерала Май-маевского, наступая в направлении Харькова, заняв его, должна была продолжить наступление на север и выйти на Московское направление. Донская армия, находившаяся в центре всего фронта, прежде всего должна была закончить освобождение от красных своих северных округов. Части, находящиеся на Керченском полуострове в Крыму, были пополнены и переформированы. Образовался 3-й Армейский

корпус во главе с генералом Добровольским. В состав 3-го корпуса вошли 5-я пехотная дивизия и Сводная конная дивизия. Последняя состояла из сводно-Кирасирского полка, 2-го Офицерского конного генерал Дроздовского полка, 2-го Таманского казачьего полка, Гвардейского Сводно-кавалерийского дивизиона, Гвардейской конно-артиллерийской батареи и Сводного полка Кавказской кавалерийской дивизии в пешем строю. Тыловые части корпуса находились на Таманском полуострове в станице Старо-Титоровской. Части 3-го Армейского корпуса вели весьма упорные бои с красными, защищая Акманайские позиции. Там фронт имел вид почти ровной прямой линии, длиною в 75 верст. Он начинался у Арбатской Стрелки на севере и спускался почти перпендикулярно к югу на побережье Черного моря. Все снабжение наших частей шло через порт в Керчи. Этот район Крыма очень пересечен многими оврагами, балками и ярами, а сама степь очень бедна хорошей питьевой водой. Всюду много соленых, железистых и серных источников. Оба фланга позиции наших частей упирались в море (Азовское и Черное), где все время находились суда англо-французской эскадры с приданными к ней нашими небольшими военными кораблями. Все эти суда своим огнем имели подавляющее значение при отбитии бесконечных попыток красных выбить наши части из Керченского полуострова. Позиции занимала наша окопавшаяся пехота, а конные части были резервом корпуса.

14-го апреля 2-й Офицерский конный полк, под командой полковника Барбовича, участвовал в рейде конницы 3-го Армейского корпуса. Было сосредоточено 1500 шашек и в рейде участвовали, кроме 2-го конного полка, Сводно-Кирасирский полк, Сводно-Гвардейский полк и дивизион Таманского полка. Под прикрытием могучей судовой артиллерии английского дредноута, наша конница, имея в авангарде 2-й Конный генерала Дроздовского полк, двинулась вдоль берега Черного моря в тыл красных. Боевые заставы все время вели перестрелку с разъездами красных. Лихой атакой 3-й эскадрон 2-го Конного полка занимает село Дальние Камыши и, не задерживаясь, доходит до предместья города Феодосии. В городе у красных сильная паника. В то же самое время 4-я Донская сотня атакует, охвативший наш фланг батальон красной пехоты, изрубив свыше 100 красноармейцев. Одновременно громоподобный орудийный гул морских гигантов потрясает воздух и эскадроны 2-го полка, раз-

вернувшись в боевой порядок, стремительно ведут наступление на станцию Владиславовку, сметая на своем пути красных, тщетно старавшихся прикрыть собой станцию. Наша пехота атакует красных в лоб и занимает станцию. В этом бою был тяжело ранен начальник 5-й пехотной дивизии — генерал Шиллинг. Согласно полученного приказания отойти за проволоку, наша конница прекращает преследование противника, собирается на шоссе Феодосия—Керчь и под прикрытием 1-го эскадрона 2-го конного полка отходит за проволоку. Результатом этого рейда было уничтожение 3-х полков красных и полнейший разгром всех их сил, сосредоточенных против наших войск, занимавших Акманайские позиции.

30-го апреля красные в свою очередь повели наступление под покровом сильного тумана. Выбив нашу пехоту из окопов, красные было уже заняли в нашем тылу деревни Ак-Монай и Огуз-Тобэ, но вызванная из резерва конница, при поддержке судовой артиллерии, быстро погнала их обратно и положение на фронте было восстановлено. 1-го мая красные вновь пытались наступать и, захватив с налета наши окопы севернее железной дороги на Керчь, пытались проникнуть в наш тыл. Опять конные части, при поддержке судовой артиллерии, восстановили положение, нанеся противнику сильные потери. Это была последняя попытка красных выбить наши части на Ак-Монайских позициях. Красные успокоились и только изредка их разведка появлялась в незанятой деревне Джантори, куда также часто ходила и наша разведка. Жителей в деревне не было, но было много домашней птицы, которую ловили разведчики.

До 14-го мая 2-й конный полк стоял в деревне Арма-Эли, высылая в глубокую рекогносцировку свои эскадроны впереди нашей укрепленной линии.

В районе Керченского полуострова сохранилось, еще с древних времен, множество каменоломен и они протягивались под землей на много десятков верст. Выходы в то время из каменоломен имелись у старой турецкой крепости Ени-Кале, возле Ак-Моная, возле Хаджи-Мушкая, возле Нового Карантина, возле Брянского завода и даже в самом городе Керчи. Во время гражданской войны эти каменноломни служили притоном для местных большевиков и для всяких бандитских шаек. В то самое время, когда наши части героически защищали позиции у Ак-Моная в каменоломнях засели большевитские банды, возглавляемые матросом Денисенко, терроризировали город и частыми вылазками и набегами грабили обозы, прерывая сообщение. Несмотря на все меры, принятые и комендантом города Керчи, генералом Ходаковским и стараниям воинских частей, находящихся как в тылу, так и на фронте, положение в тылу наших Акмонайских позиций не улучшалось, а наоборот, ухудшалось. Тогда командование решило снять с фронта 2-й конный полк и поручить ему ликвидацию этой постоянной угрозы тылу, фронту и городу.

14-го мая полк был погружен на станции Семь Колодезей и тремя эшелонами отправился в Керчь. Прибыв в Керчь полк расположился на Карантинной улице. Вся операция по ликвидации банд матроса Денисенко, засевших в каменоломнях, была поручена полковнику Барбовичу. До 18-го мая велась разведка и подготовка к штурму засевших в каменоломнях красных. К рассвету 18-го мая полк занял исходное положение, охватив широким кольцом Хаджи-Мушкай вместе со сводным полком Кавказской Кавалерийской дивизии. В 6 часов утра раздались первые залпы судовой артиллерии и спешенные всадники бодро двинулись вперед. Под градом пуль невидимого врага, засевшего в каменоломнях в их подземных ходах, наши цепи продвигались вперед, и к 12-ти часам штурмующее кольцо сузилось до 2-х верст. Много входов было занято и тут же взорвано доблестными чинами конно-саперной команды полка. К вечеру оставался не занятым главный вход в каменоломни и несколько малых выходов, близко к нему расположенных. На ночь в оцеплении остались 1-й, 3-й и 6-й эскадроны полка, а остальные части расположились в Карантинской слободке. Красные делали вылазки, но бдительные эскадроны каждый раз заставляли их прятаться в свои норы. Всю ночь гремели залпы морских орудий и шла перестрелка. За этот день полк потерял 71 человека убитыми и ранеными. Следующие три дня кольцо все суживалось, входы взрывались и засыпались. В ночь на 22-е мая бандиты под командой матроса Денисенко, по известным только им одним ходам, вылезли из Хаджи-Мушкайской каменоломни сзади нашего оцепления и, проникнув в город, с налета заняли железнодорожный вокзал, почтамт и Центральную гостиницу, в которой помещался штаб корпуса, чины которого едва успели спастись, отойдя на Митридатский холм, где и стали обороняться. Туда же сбежались и все чины Добровольческой армии, бывшие в городе. Бандиты Денисенко напали и на обоз 2-го полка. Захвачен-

ный врасплох, обоз все же сумел отбить красных, взяв у них два пулемета. Проникнув в город бандиты подняли восстание. Целый день в городе гремели выстрелы. Красные старались захватить Митридатский холм. Стоящие в Карантинской слободке эскадроны полка были двинуты в город. Смяв и отбросив восставших к горе Митридат, эскадроны в пешем строю стремительной атакой отбрасывают их от горы, окружают и уничтожают, покрыв их трупами все ее склоны к Керченскому проливу. Душа бандитов — матрос Денисенко был захвачен в плен и ликвидирован. Вскоре были захвачены и каменоломни на Хаджи-Мушкаю. После этой попытки красных захватить город, все обнаруженные выходы из каменоломен были забиты, предварительно закуренные серой. 28-го мая 2-й конный полк возвратился на станцию Семь Колодезей и стал готовиться к решительному наступлению корпуса, которое и началось 5-го июня 1919-го года.

4-го июня 2-й конный полк стоял в резерве в селе в 5-ти верстах юго-восточнее станции Алибой. В окопах находились части пехотной дивизии. В 2 часа ночи полк выступает и переходит на правый фланг укрепленной Акмонайской позиции. Конная дивизия полковника Миклашевского получила задание сбить противника у ст. Акмонай, прорвать фронт, действовать во фланг и тыл красных, чем способствовать общему наступлению. (См. схему № 9.)

На рассвете загремела судовая артиллерия и после часового массивного артиллерийского обстрела позиций красных, конная дивизия, имея в авангарде 2-й Конный полк, пошла вперед. Пройдя незанятую деревню Джантори, бывшие в передовой линии 4-й и 6-й эскадроны 2-го полка, лихой атакой прорывают фронт красных у станции Акмонай и, изрубив массу их, преследуя отступающих, занимают села Арбат и Тулунчак. Красные, отбив атаку нашей пехотной дивизии, переходят в контратаку, атакуя 2-й конный полк, теснят его к Сивашу. Лихая конная атака 2-го полка спасает положение и решает исход боя на этом участке. Красные отходят, оказывая упорное сопротивление. В сумерках стремительной атакой, при раскатах грома приближавшейся грозы, 2-й полк занимает станцию Ислам-Терек. В тот же день Сводно-Кирасирский полк и полк Кавказской кавалерийской дивизии выбивают красных из колонии Барак, а Сводно-Гвардейский дивизион занимает село Киет. 2-й Таманский полк, наступающий на левом фланге конной дивизии, совместно с

пехотной дивизией, в направлении Феодосии также имел успех. Красные оставляют Феодосию.

В бою 5-го июня из строя полка выбыло убитыми и ранеными 87 человек. Начальник Конной дивизии, полковник Миклашевский, был ранен и в командование вступил полковник Барбович, а 2-й Конный полк принял временно полковник Гаевский.

На другой день, 6-го июня, красные значительными силами перешли в контрнаступление и конные полки в течение дня отбивали в пешем и конном строях атакующих красных. К вечеру порыв красных выветрился и под натиском наших частей они стали отступать и занимать для обороны укрепленную позицию у ст. Граматиково. В этот день был ранен командир 3-го эскадрона — ротмистр Кабаров.

Переночевав в селе Баяджи, 7-го июня 2-й полк, в составе Конной дивизии, выступил в рейд, целью которого было, зайдя в тыл противника, занявшего укрепленную позицию у ст. Граматиково, взорвать в его тылу железнодорожное полотно у ст. Сейтлер и отрезать пути отступления красным. Двигаясь через села Ислам-Терек, Ахтобек, Мингерман, Каранки, Дорже 2-й Конный полк прибыл в село Новый (или Нижний) Чембрай, откуда были высланы 1-й и 6-й эскадроны со взводом конной батареи, под общим командованием ротмистра Двойченко, с задачей взорвать железную дорогу у станции Сейтлер.

Посланные эскадроны отлично выполнили поставленную им задачу: путь был взорван. Когда подошли эшелоны красных, их обстреляли артиллерийским огнем. Красные, бросив эшелоны, стали отступать. Обозначился поспешный уход их с укрепленной позиции у ст. Граматиково. В бою, преследуя отступающих красных, 10-го июня, был ранен командир 2-го эскадрона штабс-ротмистр Войцеховский.

Большевики, бросая обозы, оставляя в наших руках пленных, орудия и пулеметы, бросились в панике к перешейкам. 11-го июня 2-й Конный полк, переночевав у села Саучи, оставив нашу пехоту, стремительно преследует красных. Сильный дождь, после которого почва и дороги превратились в сплошное болото и настолько утомили лошадей, что полку пришлось остановиться и заночевать в поселке Чембай. На другой день, 13-го июня, 2-й Конный полк, продолжает, в составе дивизии, преследование отступающих красных, занимая без боя села Адарган, Мишень и Джанкой немецкий. Тогда красные из городов и селений Крыма в панике устре-

www.gumrak.ru

мились к Чонгарскому мосту, но вскоре путь отступления здесь был им отрезан нашей конницей. После этого они бросились к Перекопу. Туда же отступали и их главные части.

Пройдя Богемку, 15-го июня 2-й Конный полк занимает Юшунь. Пройдя селение он был встречен разъездами красных с броневиком. Наступление велось таким темпом, что наша пехота не могла успеть за конницей и отстала. Конная дивизия 16-го июня, имея в голове 2-й Конный полк уже атакует красных, занявших укрепленную позицию между озерами Старое, Красное , Киятское и Сивашем. За проволокой в окопах находились части 3-й советской интернациональной дивизии. 6-й эскадрон, атакуя красных в окопах между Сивашем и озером, занимает окопы, захватив свыше 250 пленных и 7 пулеметов. В образовавшийся прорыв позиций красных бросается весь 2-й Конный полк, а за ним и остальные части Конной дивизии. Пройдя Карпову Балку, головной 2-й Конный полк на плечах бегущих красных врывается в Армянский Базар. Отступающих в панике к Армянскому Базару красных, наша конница, после короткого сопротивления забрала в плен. В этом бою 2-й полк целиком изрубил интернациональный еврейский батальон, захватил 2 орудия, 16 пулеметов, санитарный обоз и много пленных.

18-го июня закончилось очищение от банд красных Крыма. За свои лихие дела полк получил от Главнокомандующего Армией — генерала Деникина — две благодарности и несколько раз благодарил полк командир корпуса — генерал Добровольский.

Переночевав в Армянском Базаре, 2-й Конный полк 18-го июня, пройдя занятый уже Перекоп, занимает Чаплинку и 19-го — хутор Черная Долина, откуда два эскадрона полка высылаются для связи с частями генерала Виноградова, а 6-й эскадрон — для разведки в сторону села Малая Каховка и поселка Каховка. Внезапной атакой 6-го эскадрона, оставленный красными заслон, у поселка (города) Каховка, был сбит и красные бежали по мосту через Днепр в Большую Каховку. Подошедший полк окончательно очистил район Каховки от красных. Часть их попала в плен, а другие ушли за Днепр. 25-го июня полк сменяет подошедшая пехота, после чего он переходит через село Любимовку, в село Константиновку, а 27-го июня размещается в селе Рубановка, получив задачу охранять Днепр от Каховки до Лепетихи. В это время прибыли и соединились с полком 3-й и 7-й эскадроны, посылаемые для восстановления связи с частями генерала

Виноградова. 4-го июля, согласно полученного приказа, полк выступил на ст. Пришиб для погрузки в эшелоны и отправки под Харьков.

7-го июля полк прибыл в село Михайловку, где с грустью расстался со своим беззаветно храбрым командиром полка — полковником Барбовичем, который уезжал на место нового служения, получив высшее назначение.

***

Вернемся теперь к частям 3-й дивизии, которую мы оставили после взятия Краматорской. Вскоре после этого был занят и город Славянск. Красные порой, особенно когда чувствовали что у них будет неустойка, боя не принимали и, не дожидаясь подхода добровольческих частей, отступали, погрузившись в эшелоны. Наверно есть еще живые свидетели следующего эпизода из времен нашего наступления в 1919 году.

3-я Дроздовская батарея была придана пластунскому батальону. Отряд подошел к местечку Барвенково, занятому довольно крупными силами красных. Уже темнело и ночью пластуны не хотели наступать, не выяснив полностью обстановку. Командир батареи, капитан Слесаревский, рассыпал батарейных разведчиков в цепь, а первому взводу батареи приказал открыть беглый огонь по железнодорожной станции, на которой стояло несколько эшелонов красных. На станции поднялась страшная паника, усиленная, как потом выяснилось, попаданием одной гранаты в эшелон красных. Красные в панике бежали из Барвенково. Цепь разведчиков батареи, а за нею и пластуны, вошла в местечко. Везде были следы панического бегства красных. В помещении чрезвычайки было все перевернуто, валялось много прокламаций и бумаг. Там же были обнаружены, оставленные красными, отравленные трупным ядом и бациллами консервы.

Охрабренные неожиданным успехом, батарейцы решили попробовать продвинуться еще дальше, чтобы подловить бронепоезд красных, и батарея выдвинулась на семь верст вперед пластунов, заняв разъезд Языково. Ночью заставой был задержан один железнодорожник, шедший домой со стороны красных, который сообщил батарейцам, что красные собираются наступать большими силами при поддерж-

www.elan-kazak.ru

ке двух бронепоездов. Действительно, с утра 30-го мая на всех буграх впереди разъезда Языково появились густые цепи красных и показались бронепоезда. Видя их, батарея открыла и по цепям и по бронепоездам интенсивный огонь, но потом отошла к цепям пластунов. К вечеру, под нажимом красных, во много раз превышающих наши силы, пришлось оставить Барвенково и на другой день на этом участке шел упорный бой. Оказалось потом, что со стороны красных принимал участие 12-й Московский полк, а также были и курсанты. После боя был подобран командир 12-го Московского полка раненый пятью шрапнельными пулями, бывший поручик по фамилии — князь Кикодзе. Наши перешли в наступление. 3-я батарея вела настолько интенсивный огонь, что до накалившихся орудий нельзя было дотронуться. 31-го мая и 1-го июня красные понесли под Барвенковым громадные потери. Вышло им боком — их попытка наступать. По словам жителей Барвенково и по показаниям пленных, у красных было свыше 1000 только раненых бойцов, которых они успели тремя эшелонами отправить в тыл. После боя всюду валялись, в большом количестве, не убранные трупы красных. Как рассказывали пленные, перед наступлением в Лозовой был сам Троцкий, который приказал, во что бы то не стало вновь занять Барвенково и Славянск. Захватив Барвенково 31-го мая, красные надменно говорили, что они 1-го июня будут обедать в Славянске, но получилась иная картина: 1-го июня они не увидели Славянска: пришлось бежать из Барвенково и предоставить белым поужинать в нем. Стремительно бежав, красные задержались лишь возле Гавриловки, не успев даже взорвать железнодорожные мосты и подорвать полотно дороги. Благодаря этому наш бронепоезд смог выдвинуться далеко вперед. Заняв вновь Барвенково наши части, в том числе и рота Дроздовского стрелкового полка, пластуны, две дроздовских батареи, три танка и бронепоезд, обходной колонной двинулись на ст. Панютино, находящуюся севернее узловой станции Лозовая на железнодорожной ветке в город Харьков. Часть Дроздовского стрелкового полка от ст. Лиман продолжала наступление на город Изюм, а полковник Туркул со своим батальоном двинулся маршем в обход на ст. Лозовую. В его книге «Дроздовцы в огне» есть описание этого марша.

«Мы, действительно, мчались: за два дня батальон прошел маршем по тылам противника до ста верст. Стремительно ударили по Лозовой. Помню, я подымал в атаку цепь, когда ко мне подскакал командир 1-й Офицерской батареи нашей бригады, полковник Туцевич, с рослым ординарцем, подпрапорщиком Климчуком.

— Господин полковник, — сказал Туцевич, — прошу обождать минуту с атакой. Я выкачу вперед пушки.

Два его орудия, под огнем, вынеслись вперед наших цепей, мгновенно снялись с передков и открыли беглый огонь. Красные поражены. Смятение.

Никогда у артиллерии не было такой дружной спайки с пехотой, как в гражданскую войну: мы связались с нею в один живой узел. Всегда с истинным восхищением следил я за нашими артиллеристами. Артиллеристы с удивительной чуткостью овладевали новой боевой обстановкой, превосходно понимали необходимость захвата почина в огне, поражали противника маневром. Они действительно действовали по суворовскому завету: «удивить — победить». Потому-то с таким отчаянным бесстрашием и выкатывали они свои пушки впереди наших наступающих цепей. Часто пехота и не развертывалась для атаки, а один артиллерийский огонь решал все.

Бесстрашным и хладнокровным смельчаком был и артиллерийский полковник Туцевич. Вот с кого можно бы писать классического белогвардейца. Сухощавый, с тонким лицом, выдержанный, даже парадный, со своим белоснежным воротничком и манжетами. В великую войну он был офицером 26-й артиллерийской бригады. Это была законченная фигура офицера Императорской армии. Белогвардеец был в его серых, холодных и пристальных глазах, в сухой фигуре, в ясности его духа, джентльменстве, в его неумолимом чувстве долга. С такими, как Туцевич, красные расправлялись беспощадно за одну только их более красивую породу. В Туцевиче ничего не было подчеркнутого, самый склад его натуры был таким отчетливым, точно он был вычеканен из одного светлого куска металла. Как часто я любовался его мужественным хладнокровием и его красивой кавалерийской посадкой, когда он скакал в огне со своим громадным Климчуком. Я любовался и простотой Туцевича, сочетанием непоколебимого мужества с добродушием, даже нежностью и какой-то детской чистотою. В 1-й Офицерской батарее у нас был, можно сказать, артиллерийский монастырь. Дисциплину там довели до совершенства, а чистоту до лазаретной щепетильности. Нравы были отшельнические. В батарею принимали одних холостяков. Женатых — ни за что, а женский

www.elan-kazak.ru

пол не допускался к батарее куда дальше, чем на пушечный выстрел. Такой монастырь заведен был Туцевичем. Меня, пехотинца, особенно трогало, что Туцевич всей душой любил пехоту, жалел ее, его мучили ее жестокие потери. Он так любил пехоту, что ходил в огонь со своими пушками впереди цепей. Солдаты обожали сдержанного, даже холодного с виду командира за его совершенную справедливость. И правда, хорошо и радостно было стоять с ним в огне».

В районе Горловки 2-го июня шел только сильный артиллерийский бой. Пройдя по тылам, полковник Туркул со своим батальоном атаковал и с налета занял станцию Лозовая. На час позже была взята другой колонной и ст. Панютино. Из Лозовой только небольшая часть эшелонов успела под прикрытием огня бронепоезда, отходящего в их хвосте и которого подбили артиллерийским огнем, проскочить в Харьков. Часть эшелонов промчалась в направление Полтавы. В Лозовой было захвачено до 700 вагонов с различными грузами, много паровозов под парами, один бронепоезд. В одном эшелоне была захвачена 3-орудийная батарея с замками, панорамами, снарядами и в полной упряжке. В нескольких верстах от Лозовой, в направлении на Полтаву, красные в паническом бегстве бросили еще 3 орудия. Жители рассказывали, что неожиданный сильный обстрел станции вызвал невообразимую панику, а, прошедшие перед тем из Барвенкова эшелоны с ранеными произвели на красных удручающее впечатление. Они стали спешно эвакуировать Лозовую, но когда увидели атакующих их Дроздовцев, бросая все, в паническом бегстве стали удирать из Лозовой на Полтаву и Харьков. Один из броневиков отряда, «Кубанец», двигаясь правее полотна железной дороги на Барвенково, ворвался на станцию и захватил в плен целую роту красных. Легковая машина командира броневого отряда, в 10 верстах от Лозовой, на ветке на Харьков, взорвала полотно дороги и захватила санитарный поезд имени «товарища Троцкого», персонал которого сплошь состоял из евреев (бывший поезд ведомства Императрицы Марии Федоровны).

Наступающие Корниловцы и Марковцы с Терцами заняли 31-го мая город Купянск и продолжали наступать на город Белгород. 5-го июня красные попытались контрнаступать из Синельникова, но после довольно упорного боя были разбиты и наши части взяли Синельниково и город Павлоград, следствием чего наступила угроза для частей красных, бывших в Крыму, выразившаяся в полном их поражении.

***

В это же время был обнародован приказ генерала Деникина о подчинении Вооруженных Сил Юга России Верховному Главнокомандующему адмиралу Колчаку и признании его Правителем России.

Части Кавказской Добровольческой армии под командой генерала Врангеля, разгромив красных под Великокняжеской и Ремонтной, подошли уже к Царицыну, а Донская армия заканчивала освобождение своих северных округов. Украинские войска тоже повели наступление для освобождения Украины.

Наступая, Марковцы и Корниловцы занимают 7-го июня город Волчанск, а 10-го июня в их руках был и город Белгород, находящийся в тылу Харькова и первый город, занятый частями Добровольческой армии вне Украины и который с начала октябрьского переворота был в руках красных. Население в освобождаемых городах и селениях с нескрываемой радостью приветствовало всюду своих освободителей, радовалось прекращению произвола, восстановлению порядка и жизни без страха за завтрашний день. Вновь раздался перезвон колоколов из старинного монастыря в Белгороде, где почиют мощи святого Иосафа Белгородского. Город жители стали сразу приводить в порядок и очищать от грязи. В скором времени он заблистал своей чистотой. На другой же день, после его освобождения, стали открываться магазины, а на базар из соседних деревень стали привозить продукты питания. Все просто ожили. (См. схему № 10.)

11-го июня в Белгород прибыл штаб 1-й дивизии. Состоялся парад войск, на котором генерал Тимановский поздравил войска с одержанной победой.

При взятии Лозовой Дроздовцы имели тяжелую потерю. Случайным преждевременным разрывом нашего же снаряда был убит командир 1-й Дроздовской батареи полковник Туцевич. При выстреле снаряд задел телеграфный провод и разорвался над головой полковника Туцевича. Весь изрешеченный, обливаясь кровью, он упал и через несколько минут скончался.

Похороны состоялись в городе Екатеринодаре и его гроб

www.allam-kazak.ru

был спущен в склеп Собора рядом с гробом генерала Дроздовского.

Когда Добровольческая армия оставляла, при своем отступлении с Кавказа, город Екатеринодар, Дроздовцы ворвались в уже оставленный город и вывезли гробы с останками генерала Дроздовского и полковника Туцевича, которые были погружены на транспорт в Новороссийске и перевезены в Крым.

В Крыму оба гроба были тайно погребены на Малаховом Кургане в Севастополе, но на крестах стояли чужие фамилии.

Во время второй мировой войны кладбище на Малаховом Кургане, при осаде города Севастополя, было перерыто воронками от разрывов тяжелых снарядов.

Необходимо отметить тот факт, что в тех освобождаемых селах и городах, которые до прихода частей Добровольческой армии со дня революции постоянно были под властью красных, население их особенно сердечно встречало добровольцев и части их пополнялись настолько, что в скором времени роты становились батальонами и т. д.

В это время, когда был занят город Белгород, шли бои за овладение городом Харьковом. Там находился Сводно-стрелковый полк под командой полковника Гравицкого. При полку находилась 1-я Дроздовская артиллерийская батарея.

После Лозовой 1-й батальон Офицерского генерала Дроздовского полка погрузился в эшелоны и двинулся на присоединение к полку, который к тому времени также значительно ушел вперед и находился в корпусном резерве в городе Изюме Харьковской губернии. А. В. Туркул так описал прибытие батальона в город Изюм.

«. . . Сказать ли о том, что, когда батальон подходил эшелоном к Изюмскому вокзалу, послышались звуки музыки и мы увидели полковой оркестр и офицерскую роту, выстроенных на перроне, а впереди командир полка, полковник Руммель.

Кого-то встречают с музыкой, думали мы выгружаясь. Я вышел из вагона, оглядываясь, недоумевая, но вдруг командир офицерской роты скомандовал:

— Рота, смирно, слушай, на-караул . . .

Подошел ко мне с рапортом. Музыкой и почетным караулом встречали, оказывается, мой первый батальон за его доблестный марш на Лозовую, за его сто верст в два дня, по красным тылам. Я немного оторопел, но принял, как полагается, рапорт и пропустил роту церемониальным маршем. С оркестром музыки мы вступили в город Изюм.

Должен сказать, что такая нечаянная встреча с почетным караулом была единственная за всю мою военную жизнь.

В Изюме мы отдохнули от души. Днем был полковой обед, вечером нам дала отличный ужин офицерская рота. Как молодо мы смеялись, как беззаботно шумела беседа за обильными столами. Во всех нас, можно сказать, шумел боевой ветер, трепет огня.

В самый разгар ужина был получен приказ грузиться немедленно и наступать на Харьков. Я помню, с каким «ура» поднялись все из-за столов. Мы двинулись ночью со страшной стремительностью. Так бывает в грозе. Ее удары, перекаты, все учащаются, затихают на мгновение, как будто напрягаясь, и обрушиваются одним разрушительным ударом. Таким разрушительным ударом наступления был Харьков.

Едва светало, еще ходили табуны холодного пара, когда первый батальон стал сгружаться на полустанке под Харьковом, где стоял наш сводно-стрелковый полк. Начинался день 11-го июня. Стрелки спали на улице, в сене, у тачанок. Из-под накинутых влажных от росы шинелей стрелки смотрели на нас угрюмо. Накануне сводно-стрелковый полк наступал на Харьков, но неудачно, и отошел с потерями. Батальон сгружался, а я поскакал в штаб полка.

На белых хатах и на плетнях, по самому низу, уже светилось желтое, прохладное солнце, за селом легла полоса холодной, точно умытой зари. Сады дымились росой. Вдруг бодрое «ура» раздалось в ясном воздухе. У одной из хат стоят солдаты и машут малиновыми фуражками. Это была наша первая батарея, которая раньше нас была придана сводным стрелкам из Изюма. Дроздовцы в чужом полку, да еще с вчерашней неудачей, натерпелись многого, а потому и встретили радостным «ура» свой батальон, пришедший к ним на самой заре.

Командир сводно-стрелкового полка, полковник Гравицкий, заспанный и бледный, встретил меня недружелюбно. Я передал ему приказ о наступлении. Гравицкий усмехнулся и, рассматривая ногти, стал дерзко и холодно бранить начальство, командование, штабы. Им, мол, легко писать такие приказы, не зная боевой обстановки, а Харьков нам не взять ни как. С нашими силами нечего туда и соваться.

Я выслушал его, а потом сказал:

www.ellanskazak.ru

— Но приказ, есть приказ. Выполнить его должны. В шесть утра я начинаю наступление.

Гравицкий осмотрел меня с ног до головы и, с усмешкой, сказал:

— Как вам угодно, дело ваше.

— Я знаю. Но какое направление вы считаете самым опасным для наступления?

— Правый фланг, а что?

— Правый?! Хорошо. Я буду наступать на правом. Зато вы потрудитесь наступать на левом.

На этом разговор кончился. Должен сказать, что это тот самый полковник Гравицкий, который позже, уже из Болгарии, перекинулся от нас к большевикам.

Я поскакал к батальону. Батальон стоял в рядах, вольно, звеня амуницией. От солнца были светлы загоревшие молодые лица, влажный свет играл на штыках. Я посмотрел на часы. Ровно шесть. Снял фуражку и перекрестился. Отдал приказ наступать.

Это было прекрасное утро, легкое и прозрачное. Батальон пошел в атаку так стремительно, будто его понес прозрачный сильный ветер. Если бы я мог рассказать о стихии атаки. Воины древней Эллады, когда шли на противника, били в такт ходу мечами и копьями о медные щиты, пели боевую песнь. Можно представить какой страшный, медлительный ритм давали их боевому движению пение и звон мечей. А ритм наших атак всегда напоминал мне бег огня. Вот поднялись, кинулись, бегут вперед. Тебя обгоняют люди, которых ты знаешь, но теперь не узнаешь совершенно, так до неузнаваемости преображены они стихией атаки. Все несется вперед, как вал огня: атакующие цепи, тачанки, обозы, санитары, каптенармусы, раненых на тачанках, в сбитых бинтах, с восторженным «ура».

В то утро наша атака мгновенно опрокинула красных, сбила, погнала до самого вокзала Основа, под Харьковом. Красные нигде не могли зацепиться. Только у вокзала они перешли в контратаку, но батальон погнал их снова. Первая батарея выкатила пушки впереди цепей, расстреливала бегущих в упор. Красные толпами кинулись в город и на их плечах мы ворвались в Харьков. Уже мелькают бедные вывески, низкие дома, пыльная мостовая окраины города, а люди в порыве атаки еще не замечают, что мы уже в Харькове. Большой город вырастает перед нами в мареве. Почерневшие от загара, иссохшие, в пыли, мы катились по улицам.

Мы ворвались в Харьков так внезапно, порывом, что на окраине, у казарм на площади захватили с разбега в плен батальон красных в полном составе, когда красные выбегали как раз строиться на плац.

Теперь мне кажется все это огромным сном, я точно со стороны смотрю на себя, на того черноволосого молодого офицера, серого от пыли, разгоряченного, залитого потом.

Уже полдень. С маузером в руке, с моей связью, кучкой таких же пыльных и разгоряченных солдат, увешанных ручными гранатами, я перехожу деревянный мост через Лопань у Харьковской электрической станции. Перед нами головная рота рассыпалась взводами в улицы. За ними наступает весь батальон. Мы сильно оторвались от него. Одни переходим мост. Гулко стучат шаги по настилам. Вдоль набережной я пошел по панели, моя связь пылит на мостовой. Вдруг из-за угла с рычанием вылетела серая броневая машина. Броневик застопорил в нескольких шагах от меня, красная надпись по борту: «Товарищ Артем». Броневик открыл огонь по батальону у электрической станции. Я прижался к стене, точно хотел уйти в нее целиком. «Товарищ Артем» гремит. Вся моя связь попрыгала с набережной, под откос, к речке, точно провалилась сквозь землю. В батальоне наши артиллеристы заметили меня у броневика и не открыли стрельбы по нем. Если бы у «Товарища Артема» был боковой наблюдатель, меня мгновенно смело бы огнем, но бокового наблюдателя не было и меня не заметили. Под огнем я стал пробираться вдоль домов, ища какой-нибудь подворотни, выступа, угла, где мог бы укрыться. Дверь одного подъезда поддалась под рукой, приоткрылась, но на задвижку накинута цепочка. Я перебил цепочку выстрелом из маузера и вошел в подъезд. Все живое в ужасе кинулось от меня. Мой выстрел, вероятно, показался им взрывом. Обитатели квартиры лежали ничком на полу. На улице гремел «Товарищ Артем». Мне некогда было успокаивать жильцов. Я пробежал по каким-то комнатам, что-то опрокинул, поднялся по лестнице на второй этаж. Там открыл окно. Наконец-то, с такой наблюдательной вышки, я увидел мою связь, восемь дроздовцев, залегших по откосу на набережной. Они также увидели меня. Их разгоряченные лица осклабились, а старший связи, подпрапорщик Сорока, замечательный боец, литой воин, махнул мне малиновой фуражкой и вдруг, с охапкой ручных гранат, стал подниматься по насыпи к броневику. Не скрою, замерло у меня сердце.

www.elan-kazak.ru

— Сорока, чёрт этакий, да что ты делаешь, — хотелось крикнуть подпрапорщику, — ведь верная смерть.

Сорока вышел на набережную и стал бросать гранаты в броневик, метя в колеса, а за ним выбралась и вся связь. Тогда вокруг «Товарища Артема» поднялась такая грохотня и столько столбов от взрывов, что он струхнул, дал задний ход и с рычанием умчался по Старо-Московской. Скоро к нам подошел и батальон. Мы быстро построились и с песнями двинулись к Николаевской площади. Со смутным ревом, Харьков, весь Харьков, как бы сказать, помчался или полился на нас жаркими, тесными толпами. Нас залило человеческим морем. Этого не забыть, не забыть душной давки, тысячи тысяч глаз, слез и улыбок радостного безумства толпы. Нас шатали людские волны, нас обдавало порывами 'ура'. Кругом плачущие и смеющиеся лица. Нас целовали, целовали наших коней, загорелые руки наших солдат. Это было безумство и радость освобождения. У одного из подъездов мне вынесли громадный букет свежих белых цветов. Нас так теснили, что я вполголоса приказал, как можно крепче держать строй.

Батальон уже выходил на Николаевскую площадь и тогда-то на его хвост, на подводчиков, снова вынесся из-за угла «Товарищ Артем», пересек колонну, разметал, переранил огнем подводчиков и лошадей. Потом скрылся. Я приказал выкатить орудия на улицы во все стороны и ждать «Товарища Артема».

Человеческое море колыхалось на площади. Над толпой стоял какой-то светлый стон: «а-а-а». Где-то в хвосте у нас шнырял броневик красных, многочисленная толпа при малейшей панике могла шарахнуться на нас и смести батальон. На всякий случай, чтобы иметь точки опоры, я приказал занять часовыми все ворота и подъезды на площади. «Товарищ Артем», спятивший с ума, вылетел снова. Со Старо-Московской он помчался вверх к Сумской, в самой гуще города, поливая все из пулемета. Когда я подошел к нашей пушке на Ново-Московской, артиллеристы под огнем «Артема», заряжали орудие. Улица покатая вниз. У лафета опоры нет. Пушка, сброшенная с передка, катилась вниз. Выстрелили с хода. На улицу рухнули рамы всех ближайших окон, нас засыпало осколками стекол. Мы открыли по «Товарищу Артему» пальбу вдоль улицы гранатами. «Артем» отвечал пулеметным огнем. Нас обстреляли и сверху и многие артиллеристы были ранены в плечи и в головы. Тогда наши стрел-

ки кинулись с ручными гранатами на ближайшие чердаки. Там захватили несколько большевиков с наганами и сгоряча уложили всех на месте. Черные фонтаны разрывов смыкались все плотнее вокруг «Товарища Артема». Здесь-то он и потерял сердце. Он дал задний ход, а ему надо было дать ход вперед на нас и завернуть за ближайший угол. Но он, отстреливаясь из пулемета, подался назад, в надежде скрыться в той самой улице, откуда выскочил. На заднем ходу «Товарищ Артем» уперся в столб электрического фонаря и растерялся. Он толкал, гнул железный столб. Потом его закрыло пылью и дымом разрывов. Он перестал стрелять. Тогда я приказал прекратить огонь. Дым медленно расходился. Броневик застрял внизу, посреди улицы у погнутого фонарного столба и молчал. Я послал связь проверить, что с противником. С ручными гранатами связные стали пробираться к броневику, прижимаясь к стенам домов. Вот они подошли к нему и окружили машину. Машут руками. Броневик молчит. Или перебиты в нем все, или бежали. Мы окружили трофей: внутри кожанные сидения залиты кровью, завалены кучами обгорелого тряпья. Никого. Бежали.

Неподалеку нашлась лавка, где достали краску и я приказал красную надпись «Товарищ Артем» закрасить и тут же на месте боя, написать другую. В этот момент подошел старик еврей и вполголоса сказал мне, что люди с броневика прячутся тут, в переулке, на чердаке, в третьем доме. Все тот же удивительный Сорока со своей связью забрался на чердак. Его встретили револьверной стрельбой. Чердак забросали ручными гранатами. Команда «Товарища Артема» сдалась. Это были отчаянные ребята, матросы в тельниках и кожаных куртках, черные от копоти и машинного масла, один в крови. Мне сообщили, что начальник броневика, коренастый, с кривыми ногами, страшно сильный матрос, был ближайшим помощником харьковского палача, председателя ЧК, — Саенко. Толпа уже ходила вокруг кучки пленных. Я впервые увидел здесь ярость толпы, ужасную и отвратительную. В давке мы повели команду броневика. Их били палками, зонтиками, на них плевали, женщины кидались на них, царапали им лица. Конвоиры оттаскивали одних, а кидались другие. Нас совершенно затеснили. С жадной яростью толпа кричала нам, чтобы мы прикончили матросов на месте, что мы не смеем уводить их, зверей, чекистов, мучителей. Какой-то старик тряс мне руки с рыданием:

— Куда вы их ведете, расстреливайте на месте, как они

www.elan-kazak.ru

расстреляли моего сына, дочь. Они не солдаты, они палачи . . .

Но для нас они были пленные солдаты, и мы их вели, и мы вывели команду «Товарища Артема» из толпы. Проверка и допрос, к сожалению, установили, что эти отчаянные ребята, действительно все до одного были чекистами, все зверствовали в Харькове. Их расстреляли.

Наш отряд стоял на Николаевской площади, а штаб был у гостиницы «Метрополь». Я пробирался к нему в толпе, меня окружили. Все спрашивали, подчинился ли генерал Деникин адмиралу Колчаку. Меня подняли на руки, чтобы лучше слышать ответ. Я помню, как перестало волноваться море голов, как толпа замерла без шапок. В глубокой тишине я сказал, что Главнокомандующий Вооруженными Силами Юга России, генерал Деникин, подчинился Верховному Правителю России, адмиралу Колчаку, и был оглушен взрывом «ура». А бывший «Товарищ Артем» с еще невысохшей краской, с трепещущим трехцветным флагом, после переименованный в «Дроздовца», под командой поручика Байтадарова, тем временем метался по окраинным улицам, расстреливая толпы бегущих красных. Моя головная рота уже дошла до выхода из Харькова, до Белгородского шоссе. Там к ней вышел партизанский офицерский отряд. Когда мы ворвались в Харьков, человек пятьдесят офицеров, в царившей панике у большевиков, успели захватить оружие, коней, и теперь, присоединились к нам.

К вечеру появился командир сводно-стрелкового полка. Как старший в чине он принял обязанности начальника гарнизона, заняв «Метрополь». Меня назначили комендантом города и я разместился с моей комендатурой в «Гранд Отеле». Вечером, наконец, я связался со вторым батальоном, наступавшим вдоль железной дороги. Он уже занимал главный Харьковский вокзал. Так был взят Харьков. Всю ночь с Николаевской площади не расходилась толпа. Я не раз просыпался от глухих раскатов «ура».

Захваченная добыча в Харькове в первое время просто не поддавалась быстрому учету, настолько она была велика. В числе захваченных были 3 бронепоезда, несколько броневых машин и даже один танк из тех, которые бросили французы при эвакуации Одессы. Взято много пленных. Большевиками не была проведена своевременная эвакуация, вероятно потому, что они были уверены, что Харьков не сдадут. Незадолго перед падением Харькова, его посетил Троц-

кий и всех уверял, что город он никогда не оставит и белым его не видать.

«На другой день, 12-го июня, весь Дроздовский полк собрался в Харькове. Батальоны отдыхали в казармах на Старо-Московской улице. Добровольцы записывались толпами. Началось усиленное их обучение. Пополнились мы так, что 2-й Офицерский полк развернулся после Харькова в целых три полка. Все наши добровольцы торопились «построить» дроздовские фуражки, надеть погоны. Город, можно сказать, залило малиновым цветом, тем более, что один тамошний шапочник заранее еще заготовил сотни фуражек белых полков, теперь бойко ими торговал, а на складах нашлась бездна вишневого сукна.

На четвертые сутки прибыл в Харьков Главнокомандующий, генерал Деникин. Парад на Николаевской площади. Громадные толпы жителей. Все дамы в белых платьях. Цветы. Торжественное молебствие, после которого Главнокомандующий пропустил церемониальным маршем Офицерские Дроздовский и Белозерский полки. От города генералу Деникину были поднесены икона, хлеб-соль. После парада генерал Деникин отбыл в городскую думу на торжественное заседание».

В то время, когда происходили бои за овладение Харьковом, 3-я Дроздовская батарея участвовала с пластунами в наступлении на Константиноград. Недалеко от станции Кегичевка, 14-го июня, красные пытались наступать, получив приказание от Троцкого во что бы то ни стало отбросить белых и занять Лозовую, но их попытка кончилась для них весьма плачевно. Они так бежали обратно, что на бегу бросали не только винтовки, но и шинели, сапоги, даже рубахи и фуражки, то есть все, что могло им мешать и, сев на подводы, покатили полной рысью. Наши же пластуны, также на подводах, преследовали удирающих красных и за день продвинулись больше чем на 35 верст. Все коммуны из имений бежали в самый последний момент. В некоторых хуторах все же успели расстрелять целиком всех членов семей владельцев. Вечером большевики пытались взорвать железнодорожный мост, длиною около 50 саженей, но пострадал только один пролет. Подступы к Константинограду защищали силы красных свыше 15-ти тысяч, а с нашей стороны наступало всего лишь до 2-х тысяч. 15-го июня наши части подошли к городу и были всего лишь в 5—6 верстах от него. При своем бегстве возле Шахова красные, по-

www.allmi-kazak.ru

пав под пулеметный огонь, бросили 2 орудия и зарядный ящик с 168 снарядами, едва успев сесть на коней. Сейчас же из этих орудий был открыт огонь по большевикам. К 8-ми часам утра 15-го июня город Константиноград уже был в руках белых. Первыми в город вошли разведчики 3-й Дроздовской батареи. На вокзале были найдены одиннадцать трупов, расстрелянных накануне большевиками, заложников. Бежав из города, красные бросили еще одно орудие и зарядные ящики. Из Константинограда удалось поговорить по прямому проводу с Полтавой, занятой красными. Красные сильно ругались и пугали нас, говоря, что против нас пошлют курсантов и матросов, которые нам покажут, «где раки зимуют». Мы же им предложили быть поосторожнее со своими пушками, не бросать их так легко.

Население и здесь встретило своих освободителей очень радушно. Нередко раздавались такие фразы: «Наконец-то мы увидели свет», «Помоги вам Бог делать доброе дело», «Спасибо вам, что освободили нас» и т. д. Но что особенно было приятно услышать — это те заявления крестьян об их отношении к советской власти, на их порядки и бесконечные жалобы на коммуны.

В Харькове Дроздовские части простояли около двух недель и за это время шли усиленные занятия с новыми добровольцами. В конце второй недели стоянки в Харькове полковник Туркул с первым батальоном и батареей выступил на Золочев, где вели бой с красными стрелки Сводного полка. Второй батальон с Якутским полком выступил и повел бой под Богодуховым, а третий батальон под командой полковника Манштейна, наступая, вскоре занял Ахтырку. Так как помощь Сводно-стрелковому полку не потребовалась и в районе Золочева он справился сам, полковнику Туркулу было приказано с его отрядом двинуться в район Богодухова, где задержалось наступление Якутцев и второго батальона.

В этом районе бои шли в райне ст. Максимовка и для поддержки якутцев туда, прямо с Дроздовского бала по случаю занятия Харькова, были спешно отправлены также и броневики «Дроздовец» (бывший «Товарищ Артем») и «Кубанец», которые ночью прибыли на ст. Максимовка и немедленно вступили в бои с красными, сбившими Якутский полк, наступавший на город Богодухов.

Только что сформированные из харьковской молодежи, но недостаточно обученные и не обстрелянные Якутцы, не

оказали достаточного сопротивления при контратаке красных и стали отступать. Броневики остановили наступление большевиков и удержали ст. Максимовку. Дня через два, когда с востока обозначилось наступление отряда полковника Туркула, Якутцы перешли в наступление. Броневики, вырвавшиеся далеко вперед, влетели в Богодухов, где были захвачены штаб и знамя красного полка, а потом по дороге на Ахтырку обоз большевиков. Огнем броневиков полностью уничтожен китайский батальон красных.

Во время пребывания Дроздовцев в Харькове жители и рабочие им рассказывали, что большевики постоянно пугали рабочих, говоря им, что, если прийдут белые, то на всех фонарях города будут повешены рабочие. Оказалась же иного сорта картина. Фонари стоят, но нет на них повешенных, а рабочие стали говорить: «Вот Добровольческую армию видим, фонарные столбы тоже видим, но повешенных не видим». Нет и не могло быть тех карательных отрядов, которыми пугали рабочих красные и которые должны были прийти, по их заявлению, за строевыми частями вслед, из тыла армии. Про жизнь же при большевиках жители рассказывали много интересных моментов вроде того, например, что зимой дрова отпускались только со складов по рецепту врача и только для больных.

О боях в районе Богодухова имеются воспоминания в книге генерала Туркула, где он пишет, что по прибытии в район Богодухова он со своим батальоном и совместно с Якутцами и вторым батальоном своего полка вел весь день тяжелый бой.

«В самой темноте, мой первый батальон втянулся было в город. Тогда же, без выстрела, вошли в Богодухов и красные. Я, не желая принимать ночного боя, приказал батальону отходить на окраину. Батальон выступил и я с конными разведчиками поскакал за ним. Южная теплая ночь стала такой темной, просто ни зги. На Соборной площади строился какой-то отряд. Я подумал — Якутцы.

— Какой части? — окликнули нас.

Я почувствовал неладное. Мы проскакали площадь, придержали коней и теперь я окликнул:

В ответ из темноты снова тревожный оклик:

— Какого полка?

Тогда я ответил:

— Второго Офицерского стрелкового.

Заскрежетали винтовки. Отряд мгновенно опоясался ог-

www.alan-kazak.ru

нем залпов и под залпами мы понеслись на окраину. Я потерял фуражку.

Ночью наши разведчики узнали, что в монастыре под Богодуховым заночевал матросский отряд. Я пошел туда с двумя ротами. Без выстрела, в гробовом молчании, мы окружили монастырь и ворвались. Мертвецки пьяные матросы спали во дворе, под воротами, валялись всюду. Спали все, даже часовые. Товарищи в ту ночь перепились и тут все мгновенно были нашими.

Только на другой день, к полудню, мы прочно взяли Богодухов и за ним селение — Корбины Иваны. Красные каждый день пытались нападать на нас. Мы их отгоняли контратакой. Дней шесть мы стояли в селе. В третьей, помнится, роте моего батальона командовал взводом молодой подпоручик, черноволосый, белозубый и веселый храбрец, офицер с превосходным самообладанием, распорядительный, за что и получил командование взводом в офицерской роте, где было много старших его по чину. Он, кажется, учился где-то за границей, и казался нам иностранцем. В Корбины к нему приехала его жена. У нас было решительно запрещено пускать жен, матерей или сестер в боевую часть. Поэтому ротный командир отправил прибывшую ко мне в штаб за разрешением остаться в селе. Я помню эту невысокую и смуглую женщину, ее матовые черные волосы. Она была очень молчалива, с той же ослепительной и прелестной улыбкой, как и у ее мужа. Впрочем, я ее видел только мельком. Я разрешил ей остаться в селе на два дня. Утром, после ее отъезда, был бой. Красных отбили легко, но тот подпоручик в бою был убит. Мы похоронили его с отданием воинских почестей и наш батюшка прочел над ним заупокойную молитву, а хор пропел ему «Вечную память».

Вскоре после того меня вызвали к командиру корпуса в Харьков. В Харькове, проходя по одной из улиц, я увидел еврейскую похоронную процессию. Шла большая толпа. Я остановился невольно: на крышке черного гроба алела дроздовская фуражка. За черным катафалком, в толпе, я узнал ту самую молодую женщину, которую видел мельком в батальонном штабе. С адъютантом я вошел в толпу провожающих. Вокруг меня стали шептаться: «Командир, его командир». Я узнал, что жена подпоручика, когда я был в отъезде, перевезла его прах в Хорьков. С провожатыми я вошел в синагогу. По дороге мне удалось вызвать Дроздовский оркестр и теперь, уже не на православном, а на еврейском

кладбище, с отданием воинских почестей, был погребен подпоручик нашей третьей роты. Его молодой жене, окаменевшей от горя, я молча пожал на прощание руку».

На всех фронтах Вооруженных Сил шли бои. Кавказская Добровольческая армия под командой генерала Врангеля в июне одержала большую победу. После ряда упорных боев красные у Царицына были разбиты и 17-го июня город был занят. Здесь в руки белых попала громадная добыча и одних пленных было свыше 20 000. Наши разъезды были отправлены на другую сторону реки Волги, чтобы установить связь с частями армии адмирала Колчака. В это же самое время доблестная конница генерала Врангеля вела преследование остатков, разбитой под Царицыным, красной армии, поспешно отступающих вдоль реки Волги в северном направлении.

Наши части, бывшие в Крыму, к 17-му июня окончательно очистили от красных Крым и наш левый фланг Добровольческой армии вскоре соединился с частями Крымского корпуса.

На среднем участке фронта доблестными частями Вооруженных Сил были заняты Балашов и Лиски, причем при взятии Балашова также была захвачена большая добыча, в числе которой было 70 орудий.

День 17-е июня еще тем знаменательный, что в этот день генерад Деникин издал приказ: «Вперед на Москву».

Все Вооруженные Силы Юга России были разделены на три группы:

Кавказской Армии генерала Врангеля было приказано наступать вдоль Волги на север, на Саратов.

Донская Армия должна была вести наступление с задачей взять Воронеж и Оскол и продолжать наступление в северном направлении.

Добровольческой Армии была дана задача наступать по фронту Харьков, Вахмач и Киев, а 1-й Армейский корпус, входящий в состав этой Армии, получил задание наступать на самом главном направлении: Харьков—Курск—Орел—Тула—Москва.

Красные части во многих местах оказывали упорное сопротивление. Упорные бои с переменным успехом в течение июня и начала июля велись в районе города Константинограда. 4-го июля красное командование, сосредоточив в этом районе до 30 000 пехоты и конницы, приказало начать наступление с целью занять город Константиноград. Вначале

красные имели успех и им удалось в 10 часов 4-го июля занять город Константиноград. В боях под городом особенно отличились своей меткой и хладнокровной стрельбой осетинские стрелки, а также отлично действовала 3-я Дроздовская батарея.

Немедленно в район города Константиноград наше командование подтягивает свежие части и отправляет несколько бронепоездов. После этого наши части стремительно атакуют красных, разбивают их, берут много пленных и 12-го июля город Константиноград. Ошеломленные столь стремительным наступлением белых, разбитые части красных, не оказывая почти никакого сопротивления, стали отступать и на их плечах, не встретив и перед Полтавой, ожидаемого упорного сопротивления, в ночь на 16-е июля с одной стороны в город ворвались терские казаки и почти одновременно и гвардейские части белых. Из Полтавы все в панике бежало. Все мосты остались целыми, что дало возможность в бою участвовать все время нашим бронепоездам, сыгравшим громадную роль при наступлении и лихо работавшим. В Полтаве вновь в руки белых попала громадная военная добыча. Всюду на улицах города брошенные повозки со снарядами и патронами, очень много брошенных автомобилей и походных кухонь и всякого добра. Захвачено: 20 орудий, пулеметы, 4 эшелона со снарядами, санитарный эшелон с ранеными красноармейцами, несколько броневых площадок и много разных складов с разным имуществом и среди них склады с летними рубахами и палатками.

За несколько дней перед этим в Полтаве побывал сам Троцкий, устроил парад войскам на Шведской могиле и поклялся городу, что красные войска Полтаву не сдадут, что белые могут войти в город только через его труп. Белые в город все-таки вошли, но трупа Троцкого нигде не нашли.

Интересный эпизод был уже во взятой белыми Полтаве. У одного склада, когда наши части уже были верст за 20 от города, а может быть и больше, в 4 часа дня 16-го июля заметили, стоящего на посту с винтовкой, часового — китайца. Как это могло получиться, что никто до того не обратил на него внимания и его не снял с поста, просто непонятно. Китаец преспокойно продолжал стоять на посту у склада, не обращая ни на кого внимания. Принимая во внимание, что этого чудака наверно поставили задолго до взятия Белыми Полтавы в ночь на 16-е июля, выходит, что он простоял на посту без смены около суток. Очевидно на него бой

и уход красных из города не произвел должного впечатления, а посему он и оставался на своем посту. Возможно, что он стоял бы еще и дальше, если бы не появился перед складом один казак, пожелавший проникнуть в склад. Остановленный часовым китайцем, удивленный неожиданным препятствием казак, спросил:

— А ты что здесь стоишь?

Не пропуская казака в склад, китаец преспокойно ответил:

— Совет меня поставил и только совет может меня снять, — и в то же самое время винтовку направил на казака.

Казак выхватил револьвер и убил китайца часового.

19-го июля на позициях 3-я Дроздовская батарея была сменена гвардейской батареей и утром 20-го июля направилась на Полтаву. Отдохнув в городе, батарея погрузилась в поданый для нее эшелон и отбыла в Харьков в Корпусной резерв. После занятия Харькова наступление Вооруженных Сил Юга России и в частности Добровольческой армии велось в разных направлениях.

Дроздовцы вели наступление на город Сумы. После взятия станции Смородино и села Тростинец, батальон полковника Туркула продолжал наступать на Сумы правее железной дороги, а вдоль нее наступал 2-й Дроздовский полк, сформированный в Харькове, все время сдерживаемый огнем бронепоезда красных. Этот бой так описан в воспоминаниях генерала Туркула:

«На ночлег я стал на холмах, над железной дорогой. В вечернем ясном воздухе хорошо был виден, верстах в трех от нас, наступающий 2-й Дроздовский полк, а перед ним бронепоезд красных. Мы оказались у него в тылу. Подрывники взорвали перед ним полотно. Бронепоезд полным ходом стал отступать на нас. Остановился у взорванной стрелки. Наша первая батарея открыла по бронепоезду беглый огонь, а пехота пошла в атаку. Под огнем красные выскакивали на откос. Многих перебили, но кое-кто бежал. Подошли к бронепоезду. Его стенки были нагреты от выстрелов, над железными площадками волоклась гарь. Помятые фуражки с красными звездами, тряпье, патронные гильзы, разбросаны по полу. Желтый мертвец, перегнувшийся надвое, закостенел у пушки.

Патронами мы завалили наши патронные двуколки. Я приказал снять с бронепоезда пулеметы, замки с пушек, а командиру 2-го полка послал донесение с просьбой вывезти

www.elan-kazak.ru

взятый трофей. От 2-го полка подошли разъезды. Я ушел к себе на холмы. На рассвете, проснувшись, я посмотрел первым делом в окно, откуда были видны рельсы и станция. Курился низкий пар. Опрокинутая броневая площадка, румянал от пара, торчала у рельс, а бронепоезд исчез. Как наваждение: был и нет. Даже протер глаза. Вскоре у нас стояло свирепое цукание. Оказывается, разъезды 2-го полка отошли ночью со станции, а туда с погашенными огнями, бесшумно, подошел вспомогательный поезд красных. Коекак они починили стрелку и вывели бронепоезд, оставив на память размашистую надпись мелом:

— Москва—Воронеж, чёрт догонишь. Ввесто «чёрт», словечко было куда короче и крепче.

Так мы зевнули целый бронепоезд. Зато, на наши сторожевые охранения, занявшие оба моста перед Сумами, наехал в ту ночь чуть не со всем штабом командир батальона красных курсантов. Со звоном катил он на тройке. Наш часовой окликнул:

— Кто идет? Стой!

«Комбат», не совсем трезвый, ответил бранью. На мост высыпал караул. Тройку окружили. «Комбат», как и я на рассвете, долго протирал глаза, никак не верил, что на мосту белые. Там должны были стоять сумские красные курсанты.

Утром красные курсанты довольно слабо отбили нашу атаку. Мы обошли Сумы на подводах. Ударили с подвод на подходивший красный полк, разбили его и город Сумы был занят нами. Батальон переночевал в Сумах, куда стянулся и 2-й Дроздовский полк».

В конце июля броневой отряд полковника Нилова, в составе броневиков — «Верный», «Кубанец» и пушечный — «Артиллерист», был переброшен в район села Готня, в районе которого вел бой Белозерский полк под командой полковника Штейфона. Во время второй мировой войны полковник Штейфон, в чине генерала, командовал Русским Корпусом, сформированным в Сербии.

Броневики лихо работали и содействовали Белозерцам при занятии ст. Свекловичная, Харитоновки и Красной Яруги. Дорога на Сумы, к тому времени уже занятые Дроздовцами, была пробита, а красные отброшены на правый берег реки Псел у села Мирополья. Ввиду отсутствия переправ в этом районе через реку Псел, броневикам пришлось двинуться в город Сумы и оттуда только присоединиться к нашим частям, ведущим наступление на город Суджу.

На других участках фронта части Добровольческой армии одержали также ряд крупных успехов и к 30-му июля освободили города Кременчуг, Знаменку и Елизаветград. В Кременчуге и Знаменке красные «забыли» захватить с собой, торопясь их покинуть: 61 исправное орудие, из которых 29 были крупного калибра, 6 бронепоездов, 2 броневика, 46 пулеметов, два парохода, 50 паровозов, около 500 железнодорожных вагонов (из них 20 со снарядами и 240 с другими разными грузами), громадный склад инженерного имущества и много испорченных орудий. На станции Глобино красные бросили составы, растянувшиеся по железнодорожному пути на расстоянии пяти верст, груженных разным имуществом. Население же города Елизаветграда, при приближении фронта, восстало против советской власти и свергло ее. Восставшие захватили, кроме другой добычи, у красных 2 бронепоезда и 2 броневика.

***

В глубоком тылу Добровольческой армии — в районе города Туапсе (на Кавказе) появились отряды «зеленых», состоящие из бывших коммунистов, недовольных Правительством Юга России, а также из дезертиров из Армии. Эти отряды стали нападать на почтово-пассажирские поезда, и против них пришлось выделить для борьбы с ними регулярные части Добровольческой армии.

***

Во время гражданской войны в России на долю конницы выпала громадная, как всем известно, роль, которой советский историк дает следующее определение:

«Маневренный характер гражданской войны создал благоприятные условия для возвращения коннице той важной роли, которую она играла до Великой войны. Инициативу взяло на себя Белое командование, обладавшее лучшим командным составом и базировавшееся на казачьи области, богатые хорошим конским составом ... Конница Добровольческой армии отличалась хорошей боеспособностью, обучением, снаряжением и исключительной контрреволюционностью ...»

www.slan-kazak.ru

Учитывая значение конницы в борьбе с красными, в конце июля было приступлено к формированию 5-го Конного корпуса под командой генерала Юзефовича, в состав корпуса вошли: 1-я кавалерийская дивизия генерала Чекотовского и Кавалерийская дивизия полковника Миклашевского, переброшенная с южного участка, и знакомая нам по боям в Крыму, в район Люботина. В составе последней находился и 2-й Офицерский конный полк, получивший впоследствии шефство и ставший именоваться Дроздовским конным полком. 2-й Конный полк прибыл на ст. Люботин 12-го июля и расположился в поселке вблизи станции. 17-го июля полк принял новый командир полка — гвардии полковник Шапрон-Дю-Лорре, бывший личный адъютант генерала Деникина.

Сформированному Конному корпусу была дана задача вести наступление и овладеть городом Бахмач, чтобы прервать связь города Киева с Москвой.

Дивизия полковника Миклашевского выступает в поход 21-го июля. 22-го июля 2-й Конный полк вышел на деревню Коломах и после небольшой перестрелки занял 23-го июля большое село Глинск. Дивизия форсировала реки Ворсклу и Мерля и вскоре, кроме села Глинска, были заняты местечко Опошня, городок Котельва.

О селе Глинск необходимо сказать несколько слов, так как оно в те смутные времена довольно долго было даже «столицей царя Глинского и всея правобережной Ворсклы». Царем же этого «царства» себя объявил, устроив даже своего рода коронацию, зажиточный крестьянин села Глинск, некий Иван Гордиенко.

В те времена во всем этом округе бесчинствовали многие банды, которые грабили население и производили всякого рода реквизиции и насилия. Местные советские власти не были в силе, чтобы бороться с ними, а, может быть, даже и не хотели, так как в составе банд были близкие к ним по духу элементы. От набегов банд особенно страдали хуторяне и зажиточные крестьяне. Наконец терпение их лопнуло и Иван Гордиенко собрал, доведенных до отчаяния, хуторян и сформировал отряд для борьбы с бандами. Отряд стал оказывать вооруженное сопротивление бандам весьма успешно. Услыхав об этом и видя, что Иван Гордиенко успешно борется с бандами, к нему стали стекаться жители окрестных сел и деревень. Отряд рос с каждым днем и очень скоро у Ивана Гордиенко получилась своя «армия». Вначале он себя именовал верховным комиссаром, но потом решил переименоваться в цари. Вскоре все окрестные села были под его владением и тогда он решил «короноваться на царство». Он приказал священнику села Опошня, под угрозой расстрела его и всей семьи, если он откажется, устроить торжественное коронование его на царство в занятом районе. И коронация состоялась в большой старинной Опошненской церкви, при огромном стечении народа, под перезвон всех колоколов. С этого дня Иван Гордиенко уже именуется «царем Иваном Глинским и всея правобережной Ворсклы».

Тот же священник должен был расторгнуть его брак с прежней женой и царицей сделалась местная сельская учительница. Новоиспеченные царь и царица всюду разъезжали в коляске, запряженной четвериком, украшенные, вместо корон, свадебными венцами, взятыми из церкви. Когда коляска останавливалась возле церкви, сопровождавшая его — царя — свита, вносила Ивана Гордиенко в церковь на обитом бархатом кресле. Вскоре слава о нем загремела по всему округу и не только окружные села, но и местечки Будище, Диканка, Рублевка и городок Котельва «бьют челом», присылают к «Глинскому царю» богатые дары. В его царстве наступили мир, покой и тишина.

Нет больше налетов банд, прекратились грабежи и реквизиции, исчезла советская власть. Такое состояние длилось в «царстве Ивана Глинского» несколько месяцев. Когда же стал приближаться фронт, картина резко изменилась. Вновь прибыли представители советской власти в округ и «царь Иван», опасаясь за свою «царскую» персону, бросив и свою «царицу», и своих приверженцев, в один «прекрасный» день исчез из Глинска в приворсклых лесах. О дальнейшей его судьбе сведений нет.

После занятия села Глинска, 24-го июля, 2-й Конный полк на рассвете двинулся на город Зеньков, Подойдя к городу около 18 часов полк был обстрелян ружейным и пулеметным огнем красными. Не ввязываясь в бой, полк отошел на ночлег в хутор Проценко, где к полку была придана 1-я гвардейская конная батарея. На другой день полк с батареей выступил в глубокий обход города, с целью захода ему в тыл. По труднопроходимым горам, заросшим лесом, вытягивая орудия и пулеметы на руках, полк к вечеру вышел в тыл неприятельских позиций. Когда красные обнаружили обход их с тыла они начали отходить. Полк стремительно атакует красных и началась рубка отступающих. В

этом бою была разбита и уничтожена 47-я пехотная дивизия красных и разгромлена целиком вся их Зеньковская группа.

Свыше 400 зарубленных валялось на земле. Под звуки полкового марша собирались всадники, ведя сотни пленных. 12 орудий, 23 пулемета, горы винтовок и весь обоз неприятеля были захвачены лихой атакой полка, при весьма незначительных потерях. Заночевал полк в деревне Тарасовке, где оставался и на следующий день. Наступая в составе дивизии на Бахмач, 2-й Конный полк 4-го августа, подойдя к селу Березовая Лука, целый день вел тяжелый бой с пехотой противника, занимавшей позиции за болотами. Разбив ее, к вечеру занял село Коноваловку, где и заночевал. Переправившись 7-го августа через реку Сулу вплавь, полк рядом коротких ударов, захватывая пленных, подходит к железной дороге Киев—Бахмач и ночует в колонии Вандар. Утром, 10-го августа, полк переходит железную дорогу и двигается в обход станции Бахмач, чтобы в тылу красных захватить станцию Дочь и тем самым отрезать путь отступления бронепоездов на Гомель. Выйдя в тыл, головные эскадроны полка (2-й и 5-й) лихим налетом захватывают станцию Дочь, куда вскоре подошел и весь 2-й Конный полк. Захвачены эшелоны, груженные снарядами, обмундированием и медикаментами, а также бронепоезд с 3-мя орудиями и 8-ю пулеметами. Когда стали уходить эшелоны из Бахмача, было вызвано крушение удачным попаданием снаряда в паровоз. Получился затор и целая вереница эшелонов не могла двигаться дальше. В руки дивизии попало 15 эшелонов, груженых разными грузами, но пленных было мало, так как горящие эшелоны, стоящие один за другим, не дали возможности коннице вовремя настичь разбежавшихся и скрывшихся в прилежащих лесах красных.

После занятия Бахмача 2-й Конный полк оставался там до 16-го августа, ведя разведку на село Круты и Макошинскую переправу. Остальные полки дивизии, продолжая преследование красных, с боем занимают город Нежин, установив этим самым связь с частями Добровольческой армии, занявшими город Киев.

В Бахмаче 2-й Конный полк удостоился личной благодарности за доблестную работу от командира Конного корпуса — генерала Юзефовича. 17-го августа полк выступил из поселка возле станции Бахмач и, пройдя городок Боргино, остановился там на ночлег, ведя разведку в сторону горо-

да Чернигова. На следующий день полк повел наступление на село Дреманково и к вечеру занял его, захватив пленных и один пулемет. 19-го августа полк, продолжая наступление в сторону города Чернигова, берет конной атакой села Грабовку, Буды и Лукошевку, разбив два полка красных. Полк мог захватить с налета и город Чернигов, но патронов и снарядов уже не было, а также большое число раненых, перевозимых на подводах с полком и пленных, заставило полк отойти 23-го августа в село Вержиловку. Сдав там раненных и пленных, пополнив боевые припасы, полк 24-го августа в 5 часов утра выступил на село Дроздовку. Внезапным налетом, выбив красных из села, уничтожив 2-й отдельный батальон красных, полк преследуя противника, к вечеру занял и село Грабовку. Утром 25-го августа полк повел наступление на село Слободки, где был встречен сильным ружейным и пулеметным огнем, засевших в окопах, красных. Тогда 2-й и 6-й эскадроны спешились и повели атаку в лоб, а остальные эскадроны в конном строю атаковали красных с фланга. Не выдержав удара, красные бросились бежать, устилая трупами свой путь. На другой день красные пробовали наступать, и полк целый день вел с ними бой у села Слободки. Вечером стало известно, что бригада красных червонных казаков переправилась через реку Десну и заняла в тылу село Дроздовку, чем создалась угроза полку быть отрезанным от города Нежина. Получив такое извещение, полк принужден был отойти лесными тропками на село Веркиевку, а оттуда, после упорных боев с наступающими большими силами красных, 1-го сентября отошел к городу Нежину.

***

В первых числах августа стало известно, что связь с Сибирской армией нарушена, так как под напором красных, она стала отступать и, оставив территорию Европейской России, перевалила через Урал.

В августе Донской корпус генерала Мамонтова прорвался в глубокий тыл красных, заняв города Тамбов и Козлов.

В то же самое время в начале августа красные большими силами повели наступление на стык Добровольческой и Донской армий и, прорвав фронт, зашли глубоко в наш тыл, заняв города Валуйки, Купянск и Волчанск, а разъезды их появились в 30 верстах от Харькова и 15 верстах от горо-

www.allan-kazak.ru

да Чугуева. Создалась угроза нашим частям в районе Курска и самому Харькову, что вызвало ряд срочных мер для ликвидации прорыва.

В этом прорыве, со стороны красных, участвовало до 11 пехотных дивизий и несколько кавалерийских полков, а с нашей стороны приняли участие в боях Корниловцы, Марковцы, Самурцы, Сводно-стрелковый полк, Терско-Астраханский пластунский полк, конный корпус генерал Шкуро, состоящий из Кубанской и Терской казачьих дивизий, а от Дроздовцев — 3-я Дроздовская батарея, бывшая в то время в Корпусном резерве в Харькове. (См. схему № 11.)

Несмотря на численный перевес, красные были разбиты и положение восстановлено. Было установлено, что во время ликвидации прорыва на стороне красных участвовали части, прибывшие с Сибирского фронта. Один из наших броневиков, во время боя, проскочив пехотные цепи красных, влетел на позицию красной батареи. Красные артиллеристы растерялись от неожиданности и сдались. Тогда командир нашего броневика приказал красным артиллеристам открыть огонь по своим. Красные артиллеристы, весьма прилично, повели огонь по своим же цепям.

После взятия города Волчанска 3-я Дроздовская батарея с Самурским пехотным полком были переброшены в район Готни, откуда перешли к станции Псиол (или Псел). Этот район уже во многом отличался от украинских сел и городов. Живут тут много беднее и грязнее. Встречают менее радушно и на все жалуются. Ничего достать съестного нельзя, говорят — нет, а в то же самое время, если тряхнуть, то оказывается, что припрятано все и в довольно солидных количествах. При разговорах все время вставляют такие словечки, как, например: «Ягодка ты моя, золотце ты мое, деточка ты моя, защитники вы наши», а смотрят из подлобья. Неискренний, мерзкий и мелкий народишко.

Бои идут здесь серьезные. Красные все время весьма нахально и солидными силами лезут на переправу через реку Псел. 20-го августа из района Камышенской на смену 3-й батарее пришла 4-я Дроздовская батарея. Пришедшие жаловались на работу Белозерского полка и сообщили подробности гибели нашего броневика «Верного». Оказывается, что при наступлении на север от Суджи при 2-й Дроздовской батарее были части из вновь сформированных и ненадежных в боевом отношении — батальон Олонецкого полка и сводный батальон 31-й пехотной дивизии. Приблизительно

числа 12-го августа броневики «Верный» и «Артиллерист» поддерживали наступление нашей пехоты на село Пушкарное. В это время шел проливной дождь. И так уже отвратительные курские дороги, теперь стали едва проходимы для автомобилей. Командующий пехотой и всем отрядом действующим в этом районе, командир сводного батальона 31-й пехотной дивизии приказал броневику «Верный», командиром которого в то время был поручик Бочковский, занять село Пушкарное, расположенное в глубокой балке с крутыми подъемами. Полковник Нилов предупредил начальника отряда об этом и требовал, чтобы пехота, обязательно, должна была следовать за броневиком, так как «Верный», по такой грязи обратно из села подняться не сможет. Командир отряда дал слово, что поддержит «Верного». Тогда пушечный броневик «Артиллерист» открыл огонь по селу Пушкарному, а броневик «Верный» спустился в село, вернее сполз в него. Вначале пошла и пехота, но потом, почти сразу же, повернула обратно и начала отступать на Суджу. Оставшись один, «Артиллерист» часа полтора отбивал пушечным огнем наступление красных, поджидая «Верного», который пытался выбраться из села, но «Верный» не смог и погиб. Если бы была Дроздовская пехота — она бы не покинула, вышедшего из Румынии в поход «Верного». С налета красные после этого заняли и Суджу, и наши части отошли к Мирополью, где большевики старались переправиться через реку Псел. Броневики «Кубанец» и «Артиллерист» все время выправляли положение. Когда в конце августа в этот район прибыл Самурский пехотный полк с 3-й Дроздовской батареей, положение сразу же изменилось и выправилось полностью. Все попытки красных форсировать реку Псел были отбиты и наши части перешли в наступление и, заняв Суджу, начали быстро продвигаться на север.

В дальнейшем броневики отряда полковника Нилова действовали поодиночке и с Дроздовским полком и с Якутцами под Рыльском, и с Самурским полком под Дмитриевым (Орловской губернии). В начале ноября 1919-го года 3-й броневтомобильный отряд полковника Нилова за отличие в боях переименован был в 1-й генерала Дроздовского броневтомобильный отряд.

На многих участках фронта Добровольческой армии часто стали появляться части красных, переброшенные с Сибирского фронта. Положение на участке Кавказской добровольческой армии круто изменилось и вместо наступления

www.elanekazak.ru

на Саратов, части армии отошли вдоль Волги на юг, оставив город Камышин.

В районе Сум красные прорвали было наш фронт, но тотчас же были приняты сответствующие меры для ликвидации этого прорыва. И здесь, и в районе реки Псел, севернее, после упорных боев, красные, понеся большие потери, прекратили дальнейшие попытки к наступлению.

Город Киев был занят Добровольческими частями 16-го августа, причем в город одновременно вошли наши части и украинские войска — галичане. Во избежание возможных столкновений — галичане были выведены из города. Уже возле Фастова такие столкновения были, и наши части там захватили украинский бронепоезд «Черномор», который не пожелал добровольно разоружиться.

Идя вслед за отходящими на юг вдоль Волги войсками Кавказской Добровольческой армии, двигались красные и в августе фронт очутился вблизи Царицына. Впереди укрепленной линии находились конные части армии, а окопы укрепленной позиции занимала наша пехота. Происходила перегруппировка частей армии, для дальнейших действий. Утром рано через укрепленную позицию прошла, шедшая в армейский резерв на отдых и пополнение, Сводно-горская дивизия с приданным ей 2-м Конно-артиллерийским дивизионом, состоящим из 1-й и 5-й конных батарей. Дивизия решила сделать небольшой привал прежде чем двинуться дальше на место, назначенное на время отдыха. Так как в этом районе, непосредственно за укрепленной позицией и до Царицына много отдельных небольших хуторков, то дивизия, спустившись в лощиночку, где было несколько дворов и протекала небольшая речка, решила здесь отдохнуть, накормить людей и лошадей.

Укрепленную позицию в этот день, 23-го августа, занимали части Саратовского пехотного полка, в новеньком английском обмундировании. В ближайшем резерве находилась Кубанская пластунская бригада со своей артиллерией. Батальоны были в резерве, а на позициях стояли лишь пластунские батареи.

Спустившись к речке, дивизия горцев получила приказ расседлать лошадей, приготовить обед и быть готовой к дальнейшему маршу, к пяти часам дня.

Мимо отдыхающих артиллеристов, казаков штаба и всадников сновали кубанцы пластуны, проводя телефон. Кругом и на позициях была полная тишина. Все — и офицеры, и ка-

заки, и всадники, освежившись в речке, расположились в прохладной тени, дремая или разговаривая, наслаждались отдыхом после сытного обеда. Просто, как на хуторе «близ Диканьки».

Но вот, совсем нежданно и не гаданно, в этом спокойном, напоенном солнцем, летнем дне, раздается звук, выстрелившей недалеко от бивака, пушки. Одна, потом другая и началась орудийная канонада из многих орудий. Гул боя стал быстро все время нарастать. Вскоре стала слышна пулеметная стрельба, ружейные залпы и перестрелка. Еще немного и в овражке, где находились полки и батареи дивизии, стали посвистывать даже, долетающие из далека пули. Вокруг домов метались телефонисты пластуны, и на вопрос, что случилось, бросали в ответ отрывочные, неожиданные ответы:

— Пийшли атакою... Хто? Та красны ж, бодай их бис... Та с усих сторон... Це ж? Окопи позабрали... А не вздержали и пластуни... Трохи начали вже отступати...

Раздался сигнал «В поход...» и дивизия, мгновенно поседлав, вынеслась на бугор из лощины. Тогда перед глазами всех открылась, как на ладони, картина: высокий голый перегиб, а выше его — укрепленные окопы с проволочным заграждением, через которые утром прошла дивизия; вся же степь — впереди, в дыму орудийных разрывов; возле Волги и к заводам, точно бурая пелена, по земле стелится от разрывов тяжелых снарядов морских орудий; за окопами, уже по эту сторону их, двигаются одна за другой густые цепи пехоты к Городищу, но не наши цепи, а цепи противника, по которым в упор бьют четыре лихие пушки кубанской пластунской бригады. До цепей красных всего лишь около версты от бугра, куда вынеслась дивизия.

Сразу же приказ, приготовиться к атаке красных. Батареи сразу вынеслись вперед, снялись с передков и с открытых позиций открыли беглый огонь по цепям красных. Еще несколько мгновений и понеслись в атаку полки горцев. В это же самое время, версты полторы вправо от Городища и впереди него, тоже неслась в атаку какая-то наша конница. Недалеко от батареи стоял командир пластунской бригады, который, наконец, и объяснил ситуацию, когда его спросили.

На вопрос: «Что случилось? Раскажите! Ведь в окопах же...», командир пластунской бригады только махнул рукой.

— Да окопы... Я-то здесь недавно. Верно, окопы и заграждение... Товарищи, как подошли, так с маху и гвозда-

www.elan-kazak.ru

нули, а эти Саратовцы, сукины сыны, лысый чёрт их забери, вместо того, чтобы стрельбу открыть, повскакивали, да и давай разбирать всю проволоку с кольями, заодно с красномордыми, а офицеров своих перебили. Мне теперь дыру затыкать надо, а у меня, считайте, всего один батальон, четвертый, остальные всюду порастасканы. Ну и не могут сдержать. Видите, ползут . . .

Действительно, было видно, как ползком отходили назад пластуны, да номера лихой пластунской батареи, в упор крошившей до последней возможности красных, пустились бегом в нашу сторону, унося с собой замки и панорамы, а товарищи уже, как пчелиный рой облепили орудия.

А в это самое время два развернувшихся полка горцев уже неслись на красных. На солнце сверкали поднятые шашки, неся гул от топота коней и гортанных криков атакующих. Навстречу им дикий взрыв винтовок и пули летят в нашу сторону, как осы.

Все проще простого, ибо конная атака не похожа ни на стихи Теннисона, ни на прозу Гюго. Она проста, она стихийна, подобно молнии из ведрого неба, она бьет противника своей внезапностью, сметает все на своем пути.

А вслед за первыми полками несется штаб дивизии и развернувшийся в эскадронные колонны четвертый полк. Третий полк волной покатился влево в обход фланга красных. Навстречу раненые всадники, без седоков кони . . . И еще момент, и пули перестали жужжать. Видим: наши смели красных, рубят . . . Пластуны бегут за горцами с криками «ура». Еще немного и уже лихие горцы с победными криками преследуют бегущих красных, рубя их. Вслед за ними, мокрые от зноя, пластуны на ходу сгоняют пленных, деля их надвое. В одну сторону красноармейцев в замызганных, мокрых от пота, российских гимнастерках, а в другую тех, кто в новеньких английских френчах — перешедших на сторону красных — саратовцев. Последних по партиям уводят за кусты в балку и оттуда слышны выстрелы. После боя нам один из пластунских урядников, с усами, как рисуют художники героя Гоголя, Тараса Бульбу, рассказывал:

— Мы швидко зробили управу, то як тому и треба: то воно ж наипростийше дило. Який из них у гимнастерки — цей из ихних, того перетянешь плетью по потылицы, тай годи . . . Якии ж, вражии сини у хренчи поодити, то мабудь вид наших до красных переминулись, тих зараз з винтовки.

Нехай дохнуть бисови дити. Тилько найперши казали им, щоб хренчи поскидали, та разбувались.

Может быть это и жестоко. Но они заработали и заслужили такую «награду» за свое каиново дело. Они же ведь хватали и поубивали своих офицеров, они же разобрали проволоку и потом с красными атаковали и стреляли в своих . . . Иначе и нельзя, и лучше так, без всяких судов и приговоров, на месте и сразу же казнить за измену. Сказано есть: «Мне возмездие и Аз воздам», но возмездие нередко через человеческие руки. Такова война и жизнь, но где жизнь одета смертью.

Из всей массы красных немногим посчастливилось удрать к своим, так как горцы преследовали их почти до самой Орловки. Вот они уже и возвращаются с трофейными пулеметами, гоня человек двести пленных. Сгоряча остальных порубили. Подсчитали и мы наши потери и оказалось, что в полках убито и ранено около 40 человек и из них убито три офицера и несколько всадников.

Свернувшаяся дивизия отошла назад за наши окопы, в которых теперь разместились пластуны, приводящие уже в порядок проволочное заграждение. День приближался к концу. Было около семи часов вечера. В воздухе уже не видны были облачки разрывавшихся шрапнелей, пушечная мгла не стлалась над высохшей и истоптанной травой, умолкла трескотня винтовок, не слышно трелей пулеметов. Утих бой и у заводов. Тишина возле Волги. Полки потихоньку, не спеша, двинулись на старые места, с которых им пришлось, так внезапно, двинуться в атаку. К возвращавшейся на ночлег дивизии, с бугра, где находилась группа всадников, отделились два ординарца-офицера и, подскакав к начальнику дивизии, генералу Шинкоренко, отдавая честь, доложили:

— Приказано узнать и доложить, какая именно конница.

— Горцы. А там генерал Врангель?

— Так точно. Там наверху, на бугре.

Раздались команды: «Полки, шашки вон!» И блеснули они над головами, блеснули смутно на умирающем вечернем солнце, но блеснули блеском победы, Царицынской победы, а победившие были усталые, вымотанные в боях всадники горцы. И в лихом порыве, как бы весь Кавказ, в маленьком, Царицынском, масштабе, но весь Кавказ привстал на стременах на сей раз не перед имамом Шамилем, нет, — а перед

www.elan-kazak.ru

Петром Николаевичем Врангелем — Русским и Кавказским полководцем, победным.

Вызвав командиров полков и батарей, начальник дивизии, генерал Шинкоренко, с развернутым мусульманско-кавказским зеленым значком дивизии, в сопровождении вызванных командиров, на галопе двинулся к бугру, где находился генерал Врангель, для редкой и мало бываемой встречи.

В наши теперешние времена уже увидать победного полководца непосредственно на поле сражения не мечтайте, не думайте. Теперь иной стиль всему, иная манера воевать, жить. А если хотите увидеть полководца на поле сражения — отправляйтесь в ближайший музей, может быть там его увидите, если найдете батальные картины.

Вот уже близко воткнутый в землю георгиевский значок на пике. Казаки в живописных черкесках при конях, статные, подтянутые, а на скате телефонисты у аппаратов. Группа штабных офицеров с аксельбантами, а впереди их моложавый генерал Шатилов, начальник штаба. Отдельно — сам генерал Врангель. На нем коричневая черкеска, надвинутая на затылок кубанская папаха, кинжал и засученные, чтобы не мешали, рукава, а на груди беленький Георгиевский Крест с четырнадцатого года за взятые под Каушеном немецкие орудия.

Увидя начальника Сводно-Горской дивизии, генерал Врангель быстрыми шагами пошел навстречу.

— Так это вы со своими горцами! Потрясающе, потрясающе . . . — и он крепко пожал руку начальнику дивизии.

— Вы знаете, вот эта моя конвойная сотня тоже атаковала . . . Я ее послал. Конвойцы перерубили всех красных матросов на Французском заводе, — он показал в сторону Волги.

Теперь все кончено. Блестяще кончено. Браво! Но откуда и какими судьбами вы-то здесь очутились? Я был уверен, что вы видите свои приятные сны далеко отсюда, будучи уже на отдыхе.

— Мы, правда, шли на отдых. Стояли здесь на хуторах привалом, а вдруг начался бой и мы не ушли.

— Ах да, понимаю, браво? Великолепно и восхитительно. Горцы, браво!

Чуть обернув голову, начальник горцев показал на своих сопровождавших.

— Я в атаку не ходил. Это всадники и вот все они, начиная с конных батарей, — назвав всех начальников, принимавших участие в атаке, доложил он.

— Чудесно, потрясающе! Большие потери?

— Около ста человек. Офицеров убито трое и человек десять ранено, — и начальник дивизии назвал имена убитых.

— Я знал, что вы шли на отдых. Надо вам идти и теперь? Какая температура у ваших горцев?

— Почти нормальная.

— Вы будете мне нужны. Дня через три я хочу прикончить здесь всех этих краснозадых. Жду английские танки, аэропланы и чтобы подошел Бабиев с дивизией. Тогда . . . хотите вы обязательно уйти отдыхать? Скажите.

И это спрашивал в день победы победный Врангель! Другого ответа не могло быть и начальник дивизии сказал:

— Будем здесь. Там где вы прикажете.

Генерал Шатилов объяснил после этого предстоящую задачу дивизии, а генерал Врангель на прощание сказал:

— Все понятно? Можете возвращаться к дивизии и поздравить полки. Скажите всем, что я доволен всадниками. Да не забудьте прислать мне представление на отличившихся, и не скупитесь. До свидания, господа. До следующего раза.

В свой книге Н. Белгородский (генерал Шинкоренко) так пишет о генерале Врангеле:

«Победный Врангель. Царицын. Крым, а потом 'Лукулл' поднадзорный . . . Карловцы . . . Брюссель . . . и смерть уравнивающая всех. Конец.

Было все. И победный, вопреки всему, Врангель. Не Цезарь, — Цезарь был лысый. Ни Бонапарт, — длинные волосы Бонапарта свешивались в его тарелку с макаронами. И, разумеется, не Буденный, — у Буденного шершавая ладонь вахмистерская.

Врангель — он сам.

Я не имею претензий писать портрет. Только несвязные обрывочные воспоминания. Одно для русских. Другое же годится для всякого.

То, которое для всех.

Побывал Врангель даже французским полупленным, но этим не уничтожалось ни таланта человеческого, ни дара увлекать. Так какое несчастье для Франции, что в сороковом году все армии были под командой вот такого француза, как Гамелин, а не такого, — если они еще есть в Париже, — как вот наш с вами Врангель.

А другой клочок размышлений для нас самих, для русских.

www.elan-kazak.ru

Быть может, главное несчастье самого Врангеля, им не сознаваемое, было в том, что он из Конной гвардии. Родись он в станице Лабинской, — кажется, именно туда приписали его в восемнадцатом году — или будь он из заурядной армейской семьи, то Врангель, вот совсем таким, он, понятно, уже не был бы. Но в силу именно вот этих изменений, быть может, по воле Божией, стал бы он тогда Российским Кромвелем. Не пресвитерианским, а *белым*.

Но это уже фантазия, — значит ни к чему. Трезвая же действительность — *Врангель*».

Действительно, генерал Врангель был тот вождь, который всех мог очаровать, увлечь свои войска при любых обстоятельствах, водить их победно, для каждого случая подбирая нужных помощников и исполнителей его директив . . .

***

Теперь вернемся опять на переправы у реки Псел, куда после ликвидации Купянского прорыва красных был переброшен Самурский пехотный полк с 3-й Дроздовской батареей. В этом районе до этого шли все время бои с переменным успехом и часто менялось положение то в лучшую, то в худшую сторону. С приходом Самурцев положение стабилизировалось. Бывали при этом весьма курьезные эпизоды и сценки. Например, 1-го сентября под с. Щегольком нашими частями было захвачено в плен около 150 красноармейцев и среди них заградительный отряд красных из 57 человек, задача которого была стоять в нескольких верстах позади фронта и задерживать бегущих в тыл красноармейцев. Этот отряд, благодаря прорыву наших справа, неожиданно подошел к нашей роте шагов на 200 и на наш окрик: «Бросай винтовки, а то всех перебьем», без всякой попытки сопротивления, сдался.

3-го сентября Самурцы, неожиданно для красных, вышли на их фланг и сместа атаковали деревню Саморядово, занятую красными. Когда появилась цепь Самурцев, красные приняли ее за цепь своего 59-го полка, но когда их обстреляла наша батарея, то после первой же шрапнели, красные в панике бросились удирать, увидя атакующих их Самурцев. Из деревни в это время, на полном карьере, бросилась удирать батарея красных, по которой был открыт нашей батареей беглый огонь, в результате чего одно орудие

с зарядным ящиком и две подводы со снарядами были красными брошены. Наши конные разведчики это орудие на оставшемся коренном уносе доставили на батарею, а также зарядный ящик и подводы со снарядами. На передках было очень много вещей, которые были разделены между солдатами батареи. В деревне красные бросили кухню с готовым обедом, хлеб и продукты на подводах и даже один пулемет. В этот же день Самурцами была взята и Суджа. Из Суджи наступление продолжалось и к ночи в руках Самурцев были хутор Нелидовский, деревни Борщен, Гусино и Ново-Сергеевская. Подходя к деревням Самурцы открывали залповый и пулеметный огонь и кричали: «Кавалерия вперед», хотя с ними никакой кавалерии вообще не было. Когда занимали последнее село, уже было поздно вечером и почти ничего не было видно. За день были взяты пленные, много брошенных винтовок и пулемет. В довершение ко всему, 10-я рота Самурцев захватила в плен целиком разъезд красных.

Утром, около 8 часов, в деревне поймали, удирающего на подводе, начальника красной команды подслушивателей, вместе с его аппаратом.

7-го сентября наступающие Добровольческие части взяли город Курск и почти одновременно и город Льгов. В «красной крепости» — в Курске, в руки белых попала большая добыча, в числе которой: 4 бронепоезда, 47 орудий, из которых большинство крупного калибра, и 40 вагонов со снарядами. У Бахмача также был к этому времени ликвидирован прорыв красных и вновь заняты Бахмач, Ворожба и Конотоп.

Марковцы также имели крупный успех и заняли станцию Мармыжи, захватили 700 пленных, 4-орудийную батарею в упряжке, 14 пулеметов, и возле станции Долгая — бронепоезд красных «3-й Интернационал».

11-го сентября 3-й Дроздовской батареей был получен приказ генерала Бредова, начальника 7-й дивизии, в котором выражалась благодарность батарее за бои под Полтавой.

Под вечер того же дня было приказано Самурскому полку при команде конных разведчиков, взводу 3-й Дроздовской батареи, 3-м орудиям 4-й Дроздовской батареии, взводу 6-й Дроздовской батареи и взводу 8-й Дроздовской батареи ночью переправиться через реки Пручь и Вабля и выйти в тыл противника верст на 20, чтобы перерезать железную дорогу. Части были предупреждены принять все меры предо-

www.ellan-kazak.ru

сторожности и соблюдать полную скрытность движения. Курить было строжайше запрещено. Поход удался и отряд прошел всю ночь без единого выстрела и на рассвете подошел к деревне Рыжково, где были захвачены все обозы противника с лошадьми и разным имуществом. На повозках казенного образца была захвачена полковая канцелярия, 28 телефонов, несколько пулеметом, винтовки, бинокли и т. д. Все было проделано мгновенно и красные даже не успели подумать о сопротивлении. После этого наши роты навалились на деревню Орлянку, где в резерве у красных находились 62-й и 63-й пехотные полки с батареей. Красные, бросив все, в панике бежали полураздетые и с просонья ничего не понимающие. Немного позже 4-ю Дроздовскую батарею и ее прикрытие неожиданно атаковали части 61-го советского полка и был момент, когда батарее пришлось отбиваться на картечь, но, в конечном итоге, и этот боевой эпизод закончился в нашу пользу, пленением батальона 61-го полка. Находясь в тылу красных, наш отряд оказался в почти полном окружении, так как в этом районе у красных оказались весьма солидные силы. Как потом выяснилось, здесь находилось до 3-х советских пехотных дивизий с артиллерией, один полк конницы и два броневика. Только после довольно тяжелого боя удалось отряду выйти из окружения к концу дня 13-го сентября.

Вскоре наши части перешли в наступление с целью овладеть городом Дмитриевым. Левее вел наступление 2-й Дроздовский полк. В книге генерала Туркула «Дроздовцы в огне» подробно описаны бои после занятия нашими частями города Сумы, Ворожбы и села Исковщины.

«У села Терны, 6-го сентября, красные прорвали левее нас наш фронт. Наш отряд с кавалерией остановил прорыв. В отряде был первый батальон, дивизион 11-го гусарского Изюмского полка, 1-й взвод Дроздовской батареи под командой капитана Гулевича и одна наша гаубица. Ударом в тыл мы захватили село, обоз, пленных и под Чемодановской уничтожили отряд красной конницы. После этого был получен приказ наступать на Севск.

С мая, когда мы поднялись на Бахмут, в то жаркое лето, в облаках пыли, иногда в пожарах, в облаках взрывов, засыпаемые сухой землей, теряя счет дням и ночам, мы вели как бы одну неотступную атаку. Иногда мы шатались от ударов в самую грудь, но передохнувши, снова шли вперед, как одержимые. Мы были одержимы Россией.

Вспоминается еще, как во время отдыха, когда я командовал полком, меня вызвали в штаб в Харьков. Я сдал полк Евгению Борисовичу Петерсу. В штабе мне пришлось провозиться несколько дней, а когда я вернулся, полк стоял под селом Цаповкой. В самом селе стояли обозы. Я подъехал, послышалась команда 'смирно', и обозники заорали, как ошалелые, 'ура'.

— В чем дело, почему такая необычайная радость?

Обозники помялись, переглянулись и один загадочно сказал:

— Так что три дня только и знаем, что ездим.

— Почему ездите?

— Не могим знать . . . Капитан Петерс печалится, чтобы нас не забрали.

Я приехал в полк. Петерс показался мне похудевшим, даже замученным. Он стал мне рапортовать:

— Во вверенном полку никаких происшед . . .

Вдруг замолчал, вспыхнул мгновенно. Его крепкое лицо стало как из темной меди.

— Виноват, происшествие есть. Я отдал одну пушку.

Он замолчал и отошел к окну хаты. Он стал там, глядя в поле, потом сказал глухо и спокойно:

— Я покрыл несмываемым позором наш первый полк. Этого я не перенесу. Я застрелюсь.

Я знал, что, если Евгений Борисович сказал, так и будет.

Когда я уезжал в Харьков, на фронте стояли густые туманы. В тумане, вскоре после моего отъезда, Петерс нарвался на красных и отдал одну пушку. Его никогда не видели таким бешено-спокойным и бешено-бестрашным. Он повел полк в контратаку на красную батарею и взял не одну, а целых восемь пушек. Но все равно, потеря орудия перед этим, как бы подкосила его. Я подошел к окну хаты, стал рядом с ним, глядя в серое поле.

— Но ведь вы взяли восемь, Евгений Борисович.

— Да, восемь взял, но той пушки не взял.

— Вы уверены?

— Того номера нет.

Очень долго, я думаю, часа два, мы стояли у окна и смотрели в поле. Уже совершенно стемнело. Я доказывал странному человеку, что из-за потерянного номера орудия стреляться нельзя, что потеря пушки не позор, а несчастный случай, что такой офицер, как он, не может отказаться от исполнения своего солдатского долга, а самоубийство есть

www.ellanlazak.ru

отказ от нашего долга, что если он презирает свою жизнь, отдать ее он может только в огне. Двух хороших боев стоили мне два-три часа, когда мы стояли с ним у окна и говорили, не повышая голоса, точно говорили о самых обыкновенных вещах. Наконец, я добился честного слова, что он не застрелится. А слово Петерса было все.

За праздничным ужином в полковом собрании, я поблагодарил Евгения Борисовича за блестящее командование полком. Только тогда он просиял и на его лице снова блеснул медный свет, который я так любил замечать. За ужином, из разговоров офицеров, я узнал и причину дикого 'ура' обозных в Цаповке. После несчастной потери пушки, Петерс, как будто, начал не доверять самому себе. Он стал мнительным и, кажется, опасался растерять, чего доброго, не только пушки, но и весь обоз. Поэтому-то он приказал, чтобы обозные, едва накормивши полк, каждый раз отправлялись в тыл. А это верст за двадцать. Таким образом, нашим обозным приходилось делать в день до пятидесяти верст. Выматывались кони и люди. Круглые сутки или скачут, или мешают варево, как черти. Вот почему меня и оглушили таким 'ура'.

В Теткино сосредоточились. В восемь утра я назначил наступление. В шесть утра под селом Ястребенным на нас налетела красная конница. Мы смели ее пулеметным и пушечным огнем. Лавы с тягостным воем умчались назад. Случайным и единственным снарядом красных, у нас во второй роте было выбито тридцать два человека: снаряд разорвался вдоль канавы, где была рота. Переправу у Теткино мы взяли после обстрела красных огнем 1-й легкой и 7-й гаубичной батарей, с ее пятью гаубицами: 1-й — 48 мм Шнейдера и 4-мя — 45 мм английских. За конницей мы погнались на Севск. Приходили в деревни. Там ночевали и потом дальше. Красные всюду снимались перед нами. Только перед самым Севском — упорство. Первый батальон, выдержав там атаки в лоб, слева, справа, ворвался в темноте в город. В Севск мы вошли 17-го сентября, в день Веры, Надежды, Любви и матери их Софии. На улице, конной атакой, захватили вереницу подвод, все местное большевистское казначейство. Таинственным показался нам этот старый город. Был слышен, сквозь перекаты стрельбы, длительный бой обительских часов. Кремль, древние монастыри. Каменные кресты уже встречались в дикой траве нам и по лесным дорогам, под Севском, где начинаются, славные преданиями,

Брянские леса. Уже попадался и низкорослый, светлоглазый народ, куряне. Пошли курские места и запахло Москвой.

На улице, когда мы прошли атакой весь город, я с командиром роты, выставлявшей сторожевое охранение, рассматривал карту. Карманный электрический фонарик перегорел. Я послал ординарца в ближайший дом за огнем. Он принес свечу. Была такая безветренная ночь, что огонь свечи стоял в воздухе, как прямое копье, не шелохнувшись. В это же время на улицу вышел и хозяин дома.

— Милости просим, к нам, — сказал он. — Не откажите откушать, чем Бог послал.

Стрельба откатывалась в темноту все дальше. Мы поблагодарили хозяина, и, можно сказать, прямо с боя, вошли в зальце, полное разряженных домохозяев и гостей. Горели все лампы, стоял стол полный яств, солений, варений, с горой кулебяки посредине.

Бог посылал, как видно, этому русскому дому полную чашу.

Мне стало странно на душе: на улице еще ходит перекатами затихающая стрельба, и в темноте на подводах канлют и стонут раненые, а здесь люди празднуют в довольстве мирные именины, как будто ровно ничего не случилось ни с ними, ни с нами со всеми, ни с Россией.

В Севске, как и во всех других местах, куда мы приходили, нас встречали с радушием, но, кажется, только молодежь, самая зеленая, гимназисты и реалисты, с горячими глазами, чувствовали, как и мы, что тьма и смерть, уже надвинулись со всех сторон на безмятежное житье, на старый дом отцов, Россию. Русская молодежь всюду поднималась с нами. Так было и в Севске: несколько сот севских добровольцев пополнили наши ряды.

В Севске мы узнали, что правее нас тяжело пострадал 2-й Дроздовский полк от Червонной дивизии, собранной на Украине, а под Дмитриевым задержались Самурцы.

Передохнувши два дня, 19-го сентября, я по приказу пошел по тылам красных, с задачей захватить Дмитриев. Наша атака не утихала.

Мой отряд выступил с легкой и гаубичной батареями.

Бодрое утро было для нас, как свежее купание, и верст двадцать шли спокойно. Под селом Доброводье разъезды донесли, что на нас движутся большие силы конницы. Пехота не спеша развернулась в две шеренги и стала. Я отдал при-

www.elan-kazak.ru

каз не открывать огня без моей команды. У всех сжаты зубы, кожа шевелится на скулах. Едва колеблет дыханием ряды малиновых фуражек. Блещет солнце на пушечных дулах. Густые конные лавы уже маячили. Вся степь перед нами закурилась пылью, а небо от пыли потемнело. Мы стоим в молчании, в том дроздовском молчании, какое, я думаю, и теперь помнят красные. Слышно только дыхание людей и тревожное конское сфыркивание. Накатывает топот коней и вой красных. В косых столбах пыли на нас уже несутся лавы. На большаке, в лавах, выблескивает броневая машина. Мы стоим без звука, без выстрела. Молчание. Грохот копыт по сухой земле отдается в груди каменными ударами. В пыли уже сверкают шашки. Конница перешла на галоп. Вот уже мчится в карьер. В громадных столбах мглы колыхаются тени всадников. Я до того стиснул зубы, что перекусил свой янтарный мундштук.

— До нас не больше тысячи шагов, — говорит за мною адъютант. Голос тусклый, чужой.

'Кони Апокалипсиса', вдруг вспомнилось мне почему-то. Я обернулся, махнул фуражкой:

— Огонь!

Отряд содрогнулся от залпов, выблеснул огнем, закинулся дымом. От беглой артиллерийской стрельбы, как будто обваливается кругом воздух. Залп за залпом. В пыли, в дыму, тени коней бьют ногами, корчатся тени людей. Всадники носятся туда и сюда. Задние лавы давят передних. Кони спотыкаются, падают грудами. Залп за залпом. Под ураганным огнем отхлынули лавы назад табунами. Степь курится быстрой пылью.

На подводах рысью мы погнались за разгромленной конницей. Во все стороны поскакали разъезды. Разведчики Первой батареи, под командой поручика Храмцова, заскакали в село Доброводье. На них налетели красные кавалеристы. В быстрой схватке поручик Храмцов убит. Разведчики с пулеметчиками моего батальона отбиваются. На подводах в карьер к ним прискакала первая рота батальона, рассыпалась в цепь.Первая батарея залпами в упор разбила красную броневую машину. Мы взяли Доброводье.

Со штабом, верхами, мы поскакали в село. Над истоптанным полем еще ходила низкая пыль атаки. В душном воздухе пахло конским мылом и потом. Деревенская улица и высохшие канавы с выжженой травой, были завалены убитыми. Под ржавым лопухом их и наши лежали так тесно, будто обнявшись.

Раненый красный командир с бритой головой сидел в серой траве, скаля зубы от боли. Он был в ладной шинели и щегольских высоких сапогах. Вокруг него молча толпились наши стрелки. Стрелки стояли над ним и не могли решить, кому достанутся хорошие сапоги «краскома». Раненый, кажется, командир бригады, заметил нас, приподнялся с травы и стал звать высоким голосом:

— Доложите генералу Дроздову, доложите, я мобилизованный . . .

Видимо он принял меня за самого «генерала Дроздова» . . . Его начали допрашивать и обыскали. В полевой сумке, мокрой от крови, нашли золотые полковничьи погоны с цифрой 52. В Императорской армии был славный 52-й Виленский пехотный полк. Но в сумке нашли также и партийный коммунистический билет. Пленный оказался чекистом из командного состава Червонной дивизии.

Мы ненавидели Червонную дивизию смертельно. Мы не за то ее ненавидели, что она ходила по нашим тылам, что разметала недавно наш Второй полк, а за то, что Червонные обманывали мирное население: чтобы обнаружить противников советчины, Червонные, эта каторжная сволочь, надо сказать, надевали наши погоны. Только на днях конный отряд в золотых погонах занял местечко под Ворожбой. Жители встретили их гостеприимно. Вечером на площади этот отряд устроил поверку с пением 'Отче наш'. Уже тогда многим показалось странным и отвратительным, что всадники после 'Отче наш' запели с присвистом какую-то непристойную мерзость, точно опричники. Это были Червонные.

Третий батальон Маштейна атаковал местечко. Едва завязался бой, Червонные спороли погоны и начали расправу с мирными людьми: в два-три часа они расстреляли больше двухсот человек.

Мы ненавидели Червонных. Им от нас, как и нам от них, не было пощады. Понятно, для чего были погоны 52-го Виленского полка в сумке бритого чекиста. Его расстреляли на месте. Так никто и не взял сапог, изорванных пулями.

Точно сильная буря гнала нас без отдыха вперед. От Доброполья, мы пошли по тылам красных. Повернули на Дмитриев. Красные пробовали пробиться сквозь отряд, а потом начали отступать. Они шли куда и мы — на Дмитриев. На спине противника мы, что называется, лезли в самое пек-

www.ellan-kazak.ru

ло: под Дмитриевым у красных были большие силы, бронепоезда. Движение до крайности опасное.

Должен сказать, что единственный раз за всю гражданскую войну, когда я скакал с командирами по дороге, я услыхал за собой разговоры, подбивающие меня остановить отряд. Один из моих командиров, начальник пулеметной команды, подскакал ко мне и, взявши под козырек, осведомился с ледяной вежливостью:

— Господин полковник, можно ли посылать квартирьеров?

Это был намек без околичностей остановить движение.

— Я отдам приказание, — ответил я очень холодно, — но не теперь. Это будет не раньше Дмитриева.

Он взял под козырек и придержал коня.

Мой рассчет был на то, что порыва, дыхания нашей победы под Доброводьем, нам хватит до Дмитриева. Мы перли тараном. С двух сторон перли с нами и красные. Бои на ходу не утихали всю дорогу. Последние пятнадцать верст мои головные роты шли все время цепями. С холмов, до которых мы дошли, уже был виден Дмитриев с его колокольнями и оконницами, блистающими на солнце. Командир Первой батареи, осипший, пыльный, подскакал ко мне. С той же отчетливой вежливостью, как и командир пулеметной команды, он доложил, что артиллерийские кони больше не могут идти.

— Если так, вы можете остаться на ночлег здесь, — сказал я, — но без пехоты. Пехота ночует сегодня в Дмитриеве.

Я еще верил, что нам хватит дыхания. Мы были от Дмитриева верстах в пяти. Верст шестьдесят мы прошли маршем от Севска. Под самым городом красные поднялись на нас атакой. Мой отряд, тяжело дыша, со злобным запалом, пошел в контратаку. Я слышал глухой шаг людей и коней. Над всеми от пота дрожал прозрачный пар.

Мы сшиблись жестоко. И как я удивился, когда во весь карьер, обгоняя цепи, промчалась вперед наша славная Первая батарея с ее командиром, у которого только что отказывались идти кони.

Красные не выдержали контратаки. Мы ворвались в город. Мы так и полегли на улицах, под тачанками, у канав. Теперь мы могли уже отдышаться, напиться, окатить себя холодной водой. Дмитриев был наш».

Так блестяще закончился день 19-го сентября 1919-го года и на этом закончилось описание в воспоминаниях генерала Туркула о бое и взятии города Дмитриева.

В городе были захвачены большие трофеи, пленные, 6 орудий, из которых два в полной упряжке, а остальные без передков. Два полка красной конницы были отрезаны и оказались в нашем тылу.

На другой день, не зная, что город Дмитриев уже занят отрядом полковника Туркула, Самурцы повели на город наступление с таким жестоким упорством, что пришлось Дроздовцам «выкинуть белый флаг» и навстречу Самурцам послать свой разъезд. Самурцы сменили Дроздовцев и отряд полковника Туркула вернулся в Севск.

21-го сентября красные повели наступление на город Дмитриев и было заняли город, но к 17-ти часам контрнаступлением наших частей вновь выбиты и город был окончательно занят нашими частями. Преследуя противника, Самурцы продолжали наступление дальше.

***

На других участках фронта также были одержаны крупные победы. Так например, в двадцатых числах сентября генералом Шкуро был занят город Воронеж, а части 1-й дивизии 19-го сентября заняли город Ливны. Были разгромлены многие красные части. Пленных было свыше 3000 человек и принадлежали они к 19, 20, 21, 23, 60 и 2-му Сибирским полкам. Среди пленных оказался и сын известного всей России генерала Брусилова — ротмистр Брусилов, который у красных командовал конным полком. Захвачен был также и бронепоезд красных, носящий название «Стенька Разин».

Наступая, после занятия Дмитриева, Самурцы 24-го сентября с боем занимают город Дмитриевск Орловской губернии и оттуда двинулись в направлении на Кромы. С Самурцами действовала, приданная им, 3-я Дроздовская батарея. В этот день все решалось, главным образом, артиллерийским огнем. Возле села Бычкова сдался полностью 60-й советский полк, численностью в 200 человек. Бои на других участках фронта отвлекли нас от 2-го Конного полка в тот момент, когда он 1-го сентября под натиском больших сил красных отошел к городу Нежину.

Вскоре полк переходит в контрнаступление и под руководством доблестного командира полка Шапрон-Дю-Ларре,

www.elan-kazak.ru

в пешем строю выбивает противника из села Веркиевки, захватив 2 пулемета и 120 пленных. Ведя упорные бои с красными в районе села Вересоч, полк понес тяжелые потери и отошел 9-го сентября на село Веркиевку. В этом бою пал смертью храбрых доблестный командир 6-го эскадрона — штабс-ротмистр Малиновский. В последующих боях с 9-го по 24-е сентября полк разгромил три пехотных полка красных, захватив 17 пулеметов, пленных и много разной добычи. 25-го сентября, с подошедшей нашей пехотой, полк повел наступление вновь на село Вересоч, которое, несмотря на упорное сопротивление, к вечеру было занято. На следующий день полк лихой атакой сбил красных с укрепленной позиции — Орловка, Дроздовка, Грабовка. 27-го сентября красные были выбиты из села Слободки и противник, преследуемый полком, бежал на Буды и Лукашевки, которые были взяты после короткого боя. 28-го сентября, рано утром, полк выступил из Лукашевки, держа направление на село Количевка, расположенное на шоссе Киев—Чернигов. Для защиты отходящих частей от Козельца, красные соорудили укрепленную позицию в три ряда окопов, которую занял особый коммунистический заградительный отряд, считавшийся одним из лучших. Подошедший к укрепленной позиции 2-й Конный полк в пешем строю выбил красных из первой линии окопов, 7-я черкесская сотня под командой ротмистра Спицына и 4-я донская сотня полка бросились стремительно в конную атаку на отходящих красных, не дали им опомниться, выбив их из остальных линий окопов. В панике бежавший противник частично был изрублен, а остальные попали в плен. Трофеями дня были 11 пулеметов и свыше 100 повозок. Узнав о поражении заградительного отряда, отступающие от села Козельца красные, круто повернули на восток, стремясь выйти на Солтыковскую переправу. Их попытку вовремя заметили и 2-й Конный полк встретил их. После короткого боя, красные в панике разбежались по лесу, бросив 5 пулеметов, 4 орудия. Было захвачено в плен 120 человек. Путь в город Чернигов был освобожден и в него того же дня вошли разъезды полка и наша пехота. Пройдя город, ликвидируя остатки Черниговской группы красных, полк 30-го сентября занял деревни Березанку и Киселевку, где и расположился на сторожевое охранение города. Занимавший местечко Седнев противник, несколько раз пытался сбить наш 2-й Конный полк. Все попытки красных были отбиты с большими для них потерями. Не довольствуясь пассивной обороной, полк и сам несколько раз ходил в наступление на местечко Седнев, забирая пленных и пулеметы. Парализованный лихими действиями 2-го полка, противник не пытался больше тревожить нас на участке полка и стал нащупывать более слабые места нашей Черниговской группы. 8-го октября, сбив Белозерцев, красные ворвались в город, отрезав таким образом 2-й полк от единственной переправы. Высланные для помощи два эскадрона полка совместно с пехотой выбили красных из города и к вечеру того же дня вернулись обратно.

Чтобы обеспечить на будущее время город от непрошенных гостей, полк, по инициативе командира полка, выступил в глубокий рейд и 9-го октября, пройдя город, двинулся в северо-западном направлении. Пройдя верст 25, полк заночевал в деревне Козел. 10-го октября, продолжая движение в том же направлении, под деревней Мохнатынная полк атаковал бригаду интернациональной советской дивизии. Не ожидавшие в своем глубоком тылу неприятеля, китайцы и латыши этой бригады, после упорного сопротивления, были поголовно все изрублены. Трофеями полка были 7 пулеметов, из которых 3 действующих были захвачены 6-м эскадроном под командой ротмистра Алексеева. Разгромив эту бригаду, полк повернул на восток и, подойдя к деревне Холявин атаковал ее, занятую 325-м пехотным полком. Выбив красных из деревни (последние в панике бежали), полк заночевал там. 11-го октября полк, не встречая сопротивления красных, подошел к селу Петрушино, очагу местных большевиков и захватил там, не успевших бежать, главковерхов. После этого двинулся в село Лопатин, в котором кипел бой между нашей пехотой и, наседавшими со стороны Седнева, красными, прекрасно осведомленными об уходе полка. Изумленные неожиданным появлением у себя в тылу 2-го полка, красные растерялись, бросились отступать, оставив в руках полка 3 пулемета и 47 пленных. Того же числа полк вернулся на прежнюю стоянку в село Березанку. За время рейда были уничтожены 3 советских полка и в Черниговской группе красных было полное расстройство и растерянность.

Был отдан приказ взять Седнев, но наше командование не могло занять местечко Седнев и расширить и без того растянутый фронт ввиду малочисленности нашей группы в этом районе. 11-го октября командир Конного корпуса — генерал Юзефович — телеграммой поздравил 2-й конный полк с дарованием ему шефства (приказ № 286). Теперь полк стал

именоваться 2-й Конный генерала Дроздовского полк. 14-го октября полк с боем занял село Черныш, разбив 307-й советский полк и атаковал засевших в окопах перед местечком Седнев красных. После горячего боя красные были выбиты из окопов и стали отступать. Местечко было занято полком. В этом бою полк понес большие потери. В местечке полк не задерживался и отошел всело Черныш. Особенно тяжелые потери были в 7-м эскадроне, потерявшим тяжело раненным командира — ротмистра Спицына— и много всадников.

16-го октября полку было приказано отойти на прежнюю стоянку в село Березанку. 22-го октября противник большими силами повел наступление на город Чернигов, но был отбит. 23-го октября, введя в бой новые части, противник возобновил наступление. Среди новых частей была обнаружена и дивизия червонных казаков. Со стороны красных, участвовала и многочисленная артиллерия. Под давлением превосходящих сил красных наши части стали отходить. 2-й Конный полк медленно отходил, несколько раз в глубоком лесу переходя в контратаки. Отступив до предместья города, полк задержался там до ночи, нанося противнику, шедшему густыми колоннами, ружейным и пулеметным огнем большие потери. 24-го октября, когда красные уже заняли большой мост через реку Десну, полк стал отходить к понтонному мосту. Перейдя реку, полк понтонную переправу уничтожил. Остановился в селе Подгорном. Ввиду общего отступления полк 27-го октября перешел в село Куликовку, а 29-го октября отошел в село Жуковку, в силу сильного давления превосходящих сил противника.

Переправившись через замерзшую Десну, противник повел 2-го ноября энергичное наступление на Жуковку. Ведя уличный бой, под личным руководством командира полка, полковника Шапрон-Дю-Ларре, полк заставил противника отойти назад, бросив четыре пулемета. Противник вскоре, подтянув резервы и многочисленную артиллерию, возобновил наступление и принудил полк с тяжелыми потерями отойти на село Вересоч. В этом бою был тяжело контужен помощник командира полка, есаул Силкин, и полк потерял 50 всадников. Продолжая отходить, полк 9-го ноября прибыл в село Максимовку, а на следующий день в село Роценовку и там ему было приказано вести разведку на ст. Бельшачевка.

11-го ноября красные заняли село Максимовку, выбив оттуда гвардейскую пехоту, а на следующий день, без давления со стороны противника, полк, согласно приказу, оставил село Роценовку и, отходя, прибыл 14-го в село Малые Иванцы. Гвардейская пехота отходила под прикрытием полка на город Пирятин. Возле Малой Иванцы полк выдержал до вечера сильное давление противника и, отойдя, ночью прошел через город Пирятин, где нашей пехоты уже не было. Отходя полк 23-го на рассвете прибыл в село Лазорки. Там же и станция на железной дороге Полтава—Киев. Полк выставил сторожевое охранение от 6-го эскадрона. Утром уже обозначилось наступление красных на село Лазорки густыми цепями. Командир полка приказал полковнику Амброзанцеву вести полк в село Яблоново, а сам, взяв батарею полка, им лично сформированную из орудий отбитых у красных, без всякого прикрытия направился на западную окраину деревни, где батарея и стала на позицию. В сторожевом охранении находился только 6-й эскадрон полка, а поэтому, зная решение командира полка, ротмистр Кабаров и есаул Силкин, при выходе из села Лазорки, остановили два, идущих последними, эскадрона (3-й и 4-й) и приказали им остаться, как прикрытие батареи. Им было ясно, что один 6-й эскадрон, бывший в охранении, на смог бы сдержать наступление столь густых цепей противника, которые уже показались на горизонте. Беда пришла совсем с другой стороны. Несколько пулеметных тачанок красных проскочили в село и выехали на западную окраину где и заметили, стоящую в 500 метрах от них, батарею в поле. Красные немедленно открыли из своих пулеметов огонь. На батарее поднялась паника, и номера, бросив орудия, с передками обратились в паническое бегство. 3-й и 4-й эскадроны атаковали тачанки красных, которые в свою очередь в панике умчались. Эскадроны, захватив удирающие передки, вернулись к орудиям и, забрав их, отправили к отходившему полку. В этой «артиллерийской» операции пострадал только сам ее инициатор. Командир полка был ранен в ягодицу и во время атаки эскадронов ехал с ними верхом на лошади, едва держась в седле. Его усадили в сани и отправили к полку в село Яблоново. На другой день командир полка с сестрой милосердия Зоей Сергеевной и конвойным взводом отправился на полустанок железной дороги между Грабенкой и Золотоношей.

На полустанке нашли товарный вагон, в который всадники наносили сена и поместили командира полка с сестрой милосердия. Вагон был прицеплен к скоро подошедшему поезду, который шел в Черкассы. Из Черкасс командир пол-

ка с сестрой уехали в Екатеринослав и оттуда в Екатеринодар. В полк полковник Шапрон-Дю-Ларре уже не возвратился. Впоследствии с ним встречался полковник Кабаров в Екатеринодаре. В то время Шапрон-Дю-Ларре уже был в чине генерала.

30-го ноября 2-й Конный полк из села Яблоново отходит в Золотоношу и переправляется по железнодорожному мосту у Черкасс через Днепр. По мосту был сделан настил из досок, что дало возможность перейти по нему орудиям и обозу. Перейдя Днепр полк расположился в селе Царская Слобода.

Оставим на время 2-й полк и вернемся к другим участкам фронта.

24-го сентября красные повели наступление на город Севск. На фронте появились у красных части переброшенные с Сибирского фронта, латышские и китайские полки. В Районе Севска Дроздовцев сменили части 5-го Конного корпуса и после этой смены произошел бой у станции Комаричи, кончившийся большой победой Дроздовцев. Описание этого боя имеется в воспоминаниях генерала Туркула.

«В Севске я узнал (пишет генерал Туркул) о назначении меня командиром 2-го Дроздовского полка, но получил приказ вступить во временное командование 1-м полком с заданием взять станцию Комаричи. Передав Севск, подошедшим частям 5-го Конного корпуса, я с 1-м полком перешел в наступление на Комаричи. Наша атака не обрывалась. Утром мы подошли к станции Комаричи. Далеко в тылу гремели пушки: по железной дороге наступал 2-й полк. Его обстреливали четыре бронепоезда красных. А мы уже у Комаричей. Мы в тылу у красных. Красные заметили обход и один бронепоезд на всех парах покатил к станции. Я приказал взорвать полотно. Удалые мальчики, среди подрывников было много совсем юных, под пушечным и пулеметным огнем бронепоезда закипели на рельсах. Смельчаки подорвали полотно в нескольких местах. Они взорвали и железнодорожный мостик у станции. Бронепоезд, машинист которого растерялся, на всех парах и полном ходу, двумя броневыми площадками врезался в развороченное полотно. Теперь они загородили себе путь, точно заперли перед собою железную двойную дверь.

От Комаричей на Брянск путь одноколейный и проходит по насыпи. Все под огнем. Конечно теперь бронепоезда не уйдут. Через полчаса к месту взрыва, выкидывая огонь, прикатили три других бронепоезда. Серые, узкие чудовища сбились у станции. Они точно совещались. То отталкивались друг от друга, то вновь сближались. А мои подрывники уже пробрались в тыл их и взорвали путь и сзади бронепоездов. Им осталось теперь всего версты полторы полотна. Выкидывая из топок огонь, дымясь от выстрелов, со скрежетом, они катались взад и вперед, как звери в западне, то снова сбивались у станции. Наши артиллеристы подкатывали пушки к самой станции и под огнем, неся жестокие потери, расстреливали их в упор. Можно сказать, мы любовались мужественной защитой команд. Их расстреливали беглым огнем, а они отвечали залпами. От страшной пальбы все мы оглохли. На бронепоездах от гранат начались пожары. Огонь бежал по железным броням. Команды, быстрыми тенями, стали выскакивать на полотно. Их сбилось там сотни четыре. Они отвечали нам пулеметным огнем.

Внезапно от Брянска показался эшелон с красноармейцами. Он вкатил на взорванное полотно и застрял там. Наша артиллерия покрыла его огнем. Толпы красных с завыванием прыгали на насыпь. Артиллерийский огонь ужасно крошил людей и калечил лошадей, которых выталкивали из теплушек без настилов. Кони ломали ноги.

Ни дуновения ветерка. Гарь. Духота огня. Железный грохот.

С насыпи донеслись глухие крики 'ура'. Красный эшелон сошелся с командами бронепоездов. Темными толпами они бегут с насыпи. Они атакуют. Я вижу одного в толпе с винтовкой, он командует, сам голый по пояс, мокрый от пота, с красной рваной лентой через плечо. Они кидаются на цепи Второго батальона, сбивают их, теснят. Второй батальон отступает. Его девятая и десятая роты, под командой доблестного бойца, поручика Рябоконя, кинулись в обход. У меня в резерве всего один взвод Второго батальона. Я подошел к людям: все старые боевые товарищи, человек пятьдесят. Я повел их в контратаку. Мы смешались с отступающими цепями Первого полка. Люди останавливаются, повертывают за нами, уже обгоняют нас, все снова ломит вперед, в порывах 'ура' из пересохших глоток.

Точно нет воздуха, такая духота, точно нет дыхания, но наша атака стремительна. Внезапные раскаты 'ура' послышались вдали. Это Рябоконь с двумя ротами вышел в тыл красных у станции. Мы сомкнулись. Можно сказать, мы раз-

www.allan-kazak.ru

давили между собой толпы красных. Все было кончено одним ударом.

Победа. Сегодня они, завтра так же могли быть мы.

Среди убитых я заметил того красного, с винтовкой зажатой в руке, голого по пояс, с затрепанной красной лентой через грудь. На ленте можно было разобрать белые буквы: 'Да здра . . . сове . . .'

Кто он, белокурый, с крепкими руками? Заводской ли мастер, солдат, матрос, сбитая с толку русская душа?

Мне сказали, что убит поручик Рябоконь. Он пал впереди своих цепей.

Сегодня мы, завтра они.

Ночь стояла глухая, душная. В воздухе сеялась тяжелая гарь. Всю ночь приводили пленных — остатки команд бронепоездов: матросы, в кожанных куртках и кожанных штанах. Сильный народ.

Бронепоезда догорали на насыпи. Там рвались патроны и снаряды. Наши лица освещало колеблющимся заревом. Я не узнавал никого. Огонь и тени зловеще ходили по лицам. В ушах еще стоял тяжелый звон, как будто били о железные балки. Все слышались завывания, крики, грохот. У насыпи едва освещало огнем подкорченные руки убитых. Уже нельзя было узнать в темноте, кто красный, кто белый. Всю ночь рвались снаряды и догорали бронепоезда.

В этом бою нами был уничтожен латышский полк красных.

Два дня после боя под Комаричами мы стояли спокойно. Приехал командир Первого полка, полковник Румель. Я передал ему полк а сам отправился в штаб дивизии, в Дмитриев.

В штабе получил приказ, с особым отрядом выступить по красным тылам. Красные сильно наседали на Дмитровск, занятый Самурцами. Штаб согласился, чтобы в отряд вошли: славный первый батальон Первого полка, Первая и Седьмая гаубичные батареи. Из моего секретного нештатного батальна я еще подтянул две роты. Утром отряд сосредоточился у большака на Дмитровск.

Утро было серое, тихое. Я подскакал к строю.

— Смирно, слушай, на караул! — скомандовал внезапно командир батальона и довольно торжественно, от имени офицеров и солдат Первого батальона, которым я имел честь командовать до Севска, поднес мне громадную серебряную бра-

тину, превосходной работы, с шестью серебряными чашами, по числу рот батальона, его пулеметчиков и связи.

Я поздоровался с отрядом, поблагодарил. Братина была полна шампанским. Снявши фуражку, я *пил* здоровье бойцов.

В Дмитровском мы были к сумеркам. Там хорошо выспались и рано утром, перед фронтом Самурцев, пошли в наступление. Нас встретили жестоким огнем. Вторая рота, шедшая в голове, понесла тяжелые потери. Мы приостановились. Только к вечеру сломили противника. Раненых отправили в Дмитровск и выставили во все стороны сторожевое охранение. Последняя подвода с ранеными ушла и кольцо за нами вскоре сомкнулось. По тылам большевиков я должен был идти больше сорока верст до села Чертовы Ямы, на него наступали Самурцы, а оттуда, описавши петлю, вернуться в Дмитровск».

На других участках бои все время продолжались с успехом для нас. Так например, наступление Корниловцев закончилось 28-го сентября взятием Кром и разгромом на этом участке красных. Корниловцы перебили много красных, захватили около 3000 в плен, 4 орудия, пулеметы и штабы 4-х советских полков.

После поражения красных под Комаричами и Кромами ясно, что никто не ожидал с их стороны наступления на город Дмитровск и на участке у Кром. Для Самурцев было полной неожиданностью, когда с утра 29-го сентября красные большими силами повели наступление и их кавалерия вдруг, обойдя левый фланг, налетела на Шестую и Девятую роты Самурцев с криками: «Бросай винтовки, а то всех зарубим». От неожиданности солдаты растерялись, бросили винтовки на землю и сдались. Только один взвод 6-й роты Самурцев не растерялся и залпами отстрелялся от конницы красных. Командир 3-й Дроздовской батареи едва спасся бегом от красных кавалеристов, когда пошел выбирать наблюдательный пунк. Оказалось, что на участок против Самурцев были переброшены свежие латышские и китайские части, а также и конница. Один из офицеров Самурского полка, Поручик Новиков, отбиваясь от красных кавалеристов, получил два удара шашкой по голове и свалился, обливаясь кровью. Красные приняли его за убитого и ограбили. Через некоторое время поручик Новиков пришел в себя и полураздетый в конце концов пробрался к своим. Этот день стоил Самурцам очень дорого, так как кроме убитых было

www.elan-kazak.ru

свыше 50 человек ранено и около 100 человек попало в плен. После этого в 6-й роте осталось только 20 человек, в 9-й осталось 17, а 12-я рота потеряла один взвод, который тоже попал в плен. К 18-ти часам красным удалось занять город Дмитровск. На радостях, что имели успех, красные, заняв Дмитровск, устроили грандиозную попойку и перепились, что стоило им во много раз дороже, чем день 29-го сентября Самурцам.

Чтобы восстановить положение на этом участке фронта, Дроздовцы и Самурцы, от последних участвовали две роты, из которых одна офицерская, 30-го сентября, в свою очередь, неожиданно для красных, повели стремительное наступление на Дмитровск и к 12-ти часам дня очистили город от красных. На улицах его валялось до 600 трупов китайцев и латышей и в течение целого дня из различных домов и сараев вылавливали Дроздовцы и Самурцы красных и их «протрезвляли».

Корниловцы же ведя наступление, после разгрома красных у Кром, 1-го октября заняли город Орел.

С занятием города Орла, фактически, можно сказать, закончилось наступление Вооруженных Сил Юга России на Москву, и в дальнейшем наступил период, вначале оборонительных боев, с перешедшими в контрнаступление красными, потом отступление Вооруженных Сил Юга России, в конечном — до самого Новороссийска.

Красное командование к этому времени, сосредоточив ударные группы, отдало приказ о переходе в общее наступление на фронте против войск Юга России.

Во главе ударной армии на стыке Донской и Добровольческой армий красные двинули конницу Буденного, а на левый фланг Добровольческой армии повели наступление части ударной группы войск «товарища» Уборевича. Там, на левом фланге бился бессменно и славный Первый Дроздовский стрелковый полк, а также в боях участвовал и 2-й Конный Дроздовский полк, который при конечном отступлении, с другими частями Добровольческой армии отступил в Польшу. (Схема № 12.)

На северном участке Добровольческой армии красные сосредоточили также ударную группу. В ее состав вошли части, которые состояли из латышских и китайских полков. Эта советская ударная группа получила задание занять Кромы и Малоархангельск, находящийся в верстах 50-ти южнее Орла, чтобы отрезать всю нашу Орловскую группу. Красные сосредоточили в этом районе до 10 000 пехоты, около 1200 сабель при 17 орудиях и около 400 пулеметов. Чтобы парировать их удар и ликвидировать ударную группу красных в этом районе, командование Вооруженных Сил Юга России имело следующие силы: из города Дмитровска во фланг красным был отправлен отряд полковника Туркула в составе 800 штыков при 6-ти орудиях, в районе Кром находился батальон марковцев, а из Орла в тыл красных должны были наступать два полка Корниловцев. Самурцам же было приказано во что бы то ни стало удержаться на линии Кошелево—Бычки. Позже на усиление войск в этот район фронта прибыли: 3-й Дроздовский стрелковый полк под командой полковника Манштейна и части 5-го Конного корпуса.

Во исполнение полученного приказа, полковник Туркул со своим отрядом, прорвав фронт красных в районе севернее Дмитровска, уже находился в это время в тылу красных. Описание марша отряда полковника Туркула по тылам красных мы находим в книге «Дроздовцы в огне»:

«Пять дней и ночей, тесно сомкнувшись, без всякой связи со своими, мы шли, охваченные большевиками со всех сторон. Мы несли раненых с собой и пополняли патроны и снаряды только тем, что брали с боя. Тогда мы вовсе не думали, что нашему маршу по тылам суждено было задержать весь советский натиск. Красное командование уже переходило в общее наступление двумя ударными армиями: конница Буденного пошла на стык Донской и Добровольческой армий, а на левый фланг Добровольческой армии двинулись войска 'товарища' Уборевича. Там, на левом фланге бился бессменно славный Первый Дроздовский полк. Только по советской «Истории гражданской войны», я узнал, что Дроздовский марш по тылам остановил тогда советское наступление.

На четвертый день марша, как раз у села, где я должен был загнуть левым плечом и через Чёртовы Ямы идти обратно на Дмитровск, мы столкнулись с латышской дивизией. Часов в десять утра, когда в голове шла Первая рота, слева в поле показались цепи противника. Рота повернула налево и пошла в атаку, подымая быструю пыль. Сильный огонь. Красные поднялись в контратаку. Наша артиллерия выкатила пушки так близко, что била с наименьшего прицела, почти в упор. Снаряды летели над самими головами. Красные дрогнули, откатились. Стали приводить пленных. Они

были из только что подошедшей латышской дивизии. Мы подобрали убитых, раненых и лесом пошли к Чёртовым Ямам.

В лесу шли мы так тихо, что слышали щебет птиц. От Чёртовых Ям доносился гул боя. Там уже могли быть Самурцы. Внезапно, на опушке, замелькали серые солдатские шинели. Я рассыпал головную роту в цепь и началась, обычная в гражданскую войну, перекличка: «Какого полка?» — «А вы какого?»

Я приказал приготовиться к огню, а капитан четвертой роты Иванов крикнул во весь голос:

— Здесь Первый Офицерский генерала Дроздовского стрелковый полк.

За опушкой серые шинели мгновенно рассыпались в цепь. Огонь. Мы ответили. Лес загудел. Над вершинами деревьев понеслись птицы.

Атакой мы взяли пленных, опять латышской дивизии. Две нечаянные встречи сильно потрепали ударные части советского наступления.

Бой промчался и лес снова сомкнулся над нами. Все так же играет роса на влажном вереске и щебечут птицы.

К Чёртовым Ямам мы подошли с высокого обрыва. Село, с его разбросанными хатами, лежало под нами в овраге. Кое-где курился дым. Вилась по дну оврага песчаная дорога. Там тянулась конница. Без бинокля можно было узнать красных. За оврагом, на холмах гудел бой. Дым бежал столбами. Очевидно Самурцы наступали оттуда на Чёртовы Ямы. В боевом порядке, без выстрела, в полном молчании, мы стали пробираться в овраг по кустарникам. Красные нас не видели. Шорох песка под ногами, треск валежника, частое дыхание. Все таились, ожидая команды. Казалось, и кони, сползающие в овраг на корячках, чуяли немое напряжение. Мне вдруг показалось, что так уже было когда-то, в иной жизни, древней, как мы крались в овраг, затаивши дыхание.

С коротким 'ура', кинулись в атаку. Красные обомлели. Мы, действительно, грянули молнией. Мгновенно все было наше. Одним ударом мы взяли Чёртовы Ямы. Тут же, в овраге, остановились, а Самурцы так и не подошли к нам. С холмов они почему-то вернулись на свои позиции.

Утром из Чёртовых Ям мы повернули назад, на Дмитровск. Замкнули петлю. Верстах в десяти от города нас встретили разъезды конницы генерала Барбовича. С бригадой генерала Барбовича мы заночевали в селе, отославши раненых в Дмитровск. После обильного обеда, все, кроме охранения, полегли мертвым сном. Вечер, как бы оберегая наш сон, выдался необыкновенно тихий.

А с утра загоготали пулеметы. Разъезды Барбовича донесли, что на нас наступает красная конница и пехота. Четвертая рота, бывшая в охранении, встретила их залпом. Отряд сосредоточился на окраине села. Я со штабом поскакал в четвертую роту. Под ее контратакой редкие цепи красных стали отходить. Я заметил, как на правом фланге от нашего взвода послали дозор из трех человек. Уже вся рота подтянулась у леса к холмам, когда с воем из-за холмов вынеслись лавы красной конницы. Это было так внезапно, что рота не сомкнулась, только сгрудились взводы и били по коннице залпами. Пулеметы открыли огонь через наши головы, а артиллерия гремела беглыми очередями.

Я вижу и теперь темное поле, у леса, где теснятся наши взводы, сверкающие огнем залпов, и мечутся всадники. Слышу и теперь смутный вопль их и наш.

Случайно я заметил, как на правом фланге те трое дозорных не успели прибежать к взводу и упали в траву. Над ними неслись красные всадники.

'Пропали, — подумал я о троих. — Все порублены'.

Под нашим огнем конница с визгом шарахнулась назад. Мы гнали ее беглыми очередями. Четвертая рота атакой заняла холмы у леса. Я с конвоем поскакал к прогалине, где упал дозор.

Из затоптанной, в клочьях конского мыла, травы, внезапно поднялись трое солдат, серых от пыли, в поту, один в лопнувшей на плече гимнастерке, грудь в крови, лица дочерна закиданы из-под копыт землей.

— Смирно! — скомандовал своим старший дозорный.

— Братцы, да как же вы живы? — невольно вырвалось у меня и я от души поздоровался с ними: — Здорово орлы!

Трое стояли передо мной во фронт. Теперь я увидел, что вокруг них грудами лежат в траве павшие лошади. Закостеневшие ноги всадников в зашпоренных сапогах торчат из стремян. Трава в черных бляхах крови. До десяти убитых было вокруг дозора на прогалине, где бесилась конная атака.

Трое дышали сильно. Пот смывал с их лиц грязь и кровь. Они же уже улыбались мне во все свои белые солдатские зубы. Все были фронтовые солдаты, из пленных.

www.ellan-kazak.ru

Когда подскакала конница, они кинулись в траву. Старший дозорный приказал лечь звездою, ноги вместе, и открыть огонь во все стороны. Все, что скакало над ними, было или убито, или переранено. Потому-то во время боя многие заметили, как красная конница на прогалине обскакивала вправо и влево какое-то невидимое препятствие.

Я поблагодарил их за лихое дело, за изумительную удаль, а потом спросил:

— А страшно не было?

Орлы, утирая руки рукавами и явно красуясь перед конвоем, заговорили все вместе:

— Да разве упомнишь, когда над головами копыта коней сигают . . . А только, господин полковник, хорошую пехоту ни одна кавалерия ни в жисть не возьмет . . .

Мои конвойцы сошли с коней, удивлялись, качали головами: кавалерия прониклась, как говорится, уважением к пехоте.

— Что за чёрт, — говорили между собой конвойцы. — Пехота что делает: трое, а сколько народу накрошили.

Наши отдельные люди, взводы, роты, попадая в беду, всегда были уверены, что полк их не оставит, вызволит обязательно. Верил в свой Дроздовский полк и этот дозор из трех бывших красноармейцев.

Вера в полк творила великие дела в гражданскую войну. Потому-то Дроздовский Первый полк не был ни разу рублен красной конницей.

Генерал Барбович остался в селе, а я пошел на соединение с полком, снова на станцию Комаричи. Поздней ночью, 11-го октября 1919-го года, мы пришли на станцию Комаричи. Уже бывали заморозки. Тонкий лед затягивал лужи. В Комаричах ждала меня телеграмма: я назначался командиром Первого Дроздовского полка, разбросанного здесь поротно, на большом фронте. Роты начали терять чувство единой силы полка, а батальоны, не ходившие со мною по тылам, были утомлены тяжелыми боями. Я заметил у всех усталость, подавленное настроение. Тогда я решил собрать полк в единый щит, чтобы люди почувствовали снова его боевую силу. Ночью я приказал оставить Комаричи и всем полком сосредоточиться в селе Упорной.

Полк собрался. На следующее утро я повел его атакой на станцию, уже занятую красными. В голове шел Второй батальон, в первых цепях пятая и шестая роты, под командой

поручиков Давидовича и Дауэ. Я со штабом шел с головным батальоном.

Атака была изумительная. Под сильным огнем во весь рост, с ротными командирами впереди, мы бурно ворвались в Комаричи. Конный дивизион и Архангелогородцы погнали красных. Мы взяли несколько сот пленных. Сильней других у нас пострадал штаб: ранен в грудь навылет начальник службы связи капитан Сосновский и начальник пеших разведчиков.

Победный удар ободрил всех. Все глотнули силы полка, все почувствовали его единую боевую силу.

В Комаричах мы стояли несколько дней спокойно. В тихом воздухе уже кружились упавшие от заморозков листья, и не таял на лужах лед. Подходила зима.

Красноармеец, взятый в плен командой пеших разведчиков, сказал, что на нас готовят большое наступление, что начальник красной дивизии обещал, ввиде подарка реввоенсовету к годовщине «октября», взять у белогвардейцев Комаричи.

В утро этой годовщины берега Сейма потемнели от большевистских цепей. В тумане, над густыми пехотными цепями, рощами метались красные флаги. Доносился 'интернационал'.

Первый батальон с артиллерией и пулеметной командой развернулся боевым строем на окраине Комаричей. Темные цепи с красными флагами быстро шли на нас. Мы не открывали огня. Гробовая тишина стала их смущать. Пение смолкло. Они стали топтаться на месте. Их застращило наше безмолвие, совершенное молчание без выстрелов.

Цепи большевиков выслали к нам разведку. Мы подпустили ее до отказа и открыли огонь, ураганный, из всех наших пушек и сорока пулеметов. Первый батальон, под командой Петерса, пошел в атаку. Ту начался, прямо сказать, отчаянный «драп» большевиков. От нас кинулись врассыпную, задирая на плечи полы шинелей. Архангелогородцы и конные разведчики гнались далеко. В повальном бегстве красные взяли такой разгон, что бросили те позиции, которые занимали до своего наступления с 'интернационалом'. Мы в тот день подобрали груды брошенных красных флагов. Потери у нас: один легко раненый и тот остался в строю.

Но, все равно, наша судьба уже дрогнула в те дни.

Части 5-го Кавалерийского корпуса оставили Севск, а красные повели оттуда наступление через Пробожье Поле

www.ellan-kazak.ru

на Дмитриев, глубоко нам в тыл. Мы отошли до Дмитриева, где разместились по старым квартирам. Хозяева стали угрюмы, замкнуты, уже не верили в прочную нашу стоянку.

Отдохнув день в Дмитриеве, с бригадой конницы генерала Оленича, повели наступление на Севск. Все теперь шло у нас обрывами. Мы брали то, что сами же оставляли. Наша боевая судьба клонилась к отходу. Упорно и безнадежно мы только метались в треугольнике Комаричи—Севск—Дмитриев, описывая петли, широкие восьмерки, возвращаясь туда, откуда уходили. Москва уже померкла для нас. Темная Россия с темным пространством гнала полчища большевиков. В глубине души у многих рождалось чувство обреченности.

Мы снова шли к Севску по звонкой дороге, захваченной заморозками. В воздухе реял снег. В полк, когда он выступал, приехал из отпуска поручик Петр Трошин, товарищ моего детства, добрый малый, легкая душа. Он воевал у меня в полку, получил должность взводного офицера, потом отпросился в отпуск. Я дал ему на месяц, а он проболтался по тылам целых три, в надежде, что я, по дружбе, посмотрю сквозь пальцы. Петр был кругом виноват. В наказание я встретил его ледяным безразличием и перевел его в офицерскую роту рядовым. Через два дня в бою, рядовой Трошин был смертельно ранен в живот. Я подскакал к нему, прыгнул с седла.

— Задело, сильно, голубчик?

Я не мог простить себе ледяной встречи, устроенной ему. Теперь я придерживал его голову. По его лицу уже разлилась предсмертная бледность.

— Это меня Бог наказал, — шептал он, — зачем в отпуску болтался, когда вы стояли в огне... Прости... Напиши родным, что умер честно, в бою...

Не наказанием была его смерть, а избранием за Россию, святыню, правду, за человека в России...

Мы гнали тогда красных до Пробожьего Поля и к обеду на другой день заняли Севск. Севск все время переходил из рук в руки. Красные каждый раз вымещали на горожанах неудачи. Город стал глухим кладбищем. Проклятая гражданская война.

Подошли разъезды 5-го Кавалерийского корпуса, а Дроздовцы с бригадой генерала Оленича выступили на станцию Комаричи, где уже стояли тылы красных. Петли, мертвые петли, все то же метание по треугольнику Дмитриев—Комаричи—Севск.

На вторые сутки марша, глубокой ночью, мы прорвали фронт красных и пошли по их тылам. На наш второй полк у моста, под селом Литижь, как раз наступали красные. Мы вышли им в тыл. Артиллерия второго полка приняла нас за большевиков и открыла по колонне огонь. Только потому, наверно, что никто в колонне под огнем не разбежался, артиллеристы поняли, что бьют по Дроздам. Огонь был прекращен. Атакой с тыла мы захватили все пушки большевиков и в который уже раз снова взяли Комаричи. Там мы точно легли, замерли.

Наши люди были плохо одеты и терпели от ранних холодов. Уже ходили метели с мокрым снегом. Был самый конец октября 1919-го года. В таком оцепенении прошло дня три. Мы точно ждали чего-то в Комаричах. Как будто мы ждали, куда шатнет темную Россию с ее ветрами и гулкими вьюгами.

Движение исторического маятника, если так можно сказать, в те дни еще колебалось. Маятник дрожал туда-сюда, то к нам, то к ним. В конце октября маятник ушел от нас, качнулся против. В холодный тихий день, а такие дни русской зимы бывают, когда серый туман стоит и не колышется, серое небо и серая земля кажутся опустошенными, замерзшими навсегда, мы узнали, что Севск снова в руках красных и что они большими силами наступают на Дмитриев.

Курск был нами оставлен и на курском направлении, правее нас, разгорались упорные бои. Только что сформированный Манштейном Третий Дроздовский стрелковый полк занял позиции на правом фланге дивизии в соседстве с Корниловцами. В первом же бою полк был разгромлен. Красные наступали огромными силами. Молодым Дроздовцам не дали оглядеться в огне. Залитые кровью остатки полка свели в шесть рот. Третий Дроздовский и Самурцы отходили, упорно сопротивляясь, под напором красных. В день отхода красные повели на Комаричи сильную атаку. В памяти о том дне у меня смешался навсегда гул студеного ветра с гулом боя. Контратакой Первый полк задержал красных, а ночью мы отступили. Все побелело. Ударил мороз. С этого момента наш отход и начался».

На короткое время расстанемся с Первым Дроздовским полком и вернемся назад, чтобы узнать, что же вообще происходило на других участках фронта.

Так блестяще начатое, безостановочное победоносное на-

www.allan-kazak.ru

ступление Вооруженных Сил Юга России к началу октября 1919-го года уже утратило свой первоначальный порыв. Фронт как бы замер на многоверстном своем протяжении и только местами еще обозначались попытки наступления. Так например, при участии Дроздовского конного полка, совместно с Белозерским пехотным полком, в конце сентября был взят город Чернигов. В течение сентября 5-й Кавалерийский корпус с гвардейской пехотой вел весьма упорные бои в районе Нежина, Бахмача и Британ. К началу осени в глубоком тылу усилилась деятельность партизанских красных отрядов атаманов Махно, Тютюника и Шубы, благодаря чему белому командованию пришлось на борьбу с ними выделить значительные силы и тем самым ослабить фронтовые корпуса. Особенно много забот дал командованию Махно и Шуба. Перый занимал долгое время даже город Екатеринослав, а второй действовал в районе Полтавы. Много банд появилось также и в Харьковской губернии и в других районах тыла. Состав Красной армии значительно изменился не только в смысле количественном (стал превышать силы Юга больше чем вдвое), но и в качественном. Посулами и угрозами Троцкий привлек в состав Красной армии большой процент бывших офицеров Императорской армии. Попытка контрнаступления красных в августе месяце в направлении на Харьков, закончившаяся в пользу белых, показала красным, что их неудача явилась следствием отсутствия необходимых резервов и преимущества белых в конице. Рейд же генерала Мамонтова по глубоким тылам, после прорыва им фронта на стыке 8-й и 9-й советских армий, особенно отчетливо показал роль конницы в гражданской войне. Этот корпус генерала Мамонтова, как известно, занятием Тамбова и Козлова создал очень серьезную опасность даже Москве и, только отозванием его назад, Москва была спасена для красных. В начале сентября началось последнее наступление белых по всему фронту. Добровольческая армия, под командой генерала Май-Маевского, усиленная корпусами генералов Мамонтова и Шкуро наступала на главном, Московском, направлении: Харьков—Курск—Орел. Донская армия, под командой генерала Сидорина, наносила удар в направлении Воронежа, а Кавказская Добровольческая армия, под командой генерала Врангеля, состоящая главным образом из частей Кубанского и Терского казачьего войска, имела задачу содействовать общему наступлению. Мы видели, что и Курск, и Орел, и Воронеж уже были к

1-му октября в руках белых. Никогда за все время гражданской войны не был так близок момент полного успеха в борьбе белых как, именно, осенью 1919-го года, тем более, что и войска Северо-Западного фронта, под командой генерала Юденича также вели наступление на Петроград и к началу октября, заняв Ямбург, Гатчину, Красное Село и Царское Село, вышли к Пулковским высотам. Большевики, мобилизовав все, что могло быть, пополнив части своих 7-й и 15-й армий, во много раз превышающими силами войска генерала Юденича, перешли в наступление на войска Северо-западного фронта и скоро нанесли поражение им. К середине октября красные были в Ямбурге, а генерал Юденич с остатками своей армии отошел на территорию Эстонии, где его войска и были разоружены по приказанию эстонского правительства. Красное командование снимает с Сибирского фронта много своих частей и в том числе латышские полки и перебрасывает их на фронт против Вооруженных Сил Юга России. Далее производится поголовная мобилизация коммунистов и отправка их также в фронтовые части. Формируется конный корпус под командой Буденного. Когда же были созданы ударные группы в районе Орла, севернее Воронежа, и пополнены части войск Уборевича, красные перешли одновременно на многих участках фронта в наступление.

Северо-западней Орла была для наступления красных сосредоточена ударная группа Матусевича, по советским данным, силой в 9600 штыков и сабель при 196 пулеметах и 56 орудиях. В состав этой группы входили: Латышская пехотная дивизия, бригада Павлова и кавалерийская бригада Червонного казачества.

Группа Матусевича получила задание нанести удар войскам белых в направлении Курской дороги мажду Мало-Архангельским и Фатежем при взаимодействии с частями армии Уборевича, командующего 14-й советской армией, и с частями 13-й советской армии Геккера. Благодаря своевременно принятым белым командованием контрмерам и, главным образом, рейду по советским тылам отряда под командой полковника Туркула, красные не добились успеха в этом районе, а, наоборот, частями Добровольческой армии были взяты Кромы и Дмитровск, Орел и Елец. Дальнейшего продвижения не могло последовать ввиду общего, создавшегося к этому времени, положения на фронте и наступления ударной группы красных в районе Воронежа.

www.elan-trade.ru

В районе Воронежа ударная группа севернее Воронежа была сосредоточена численностью в 9198 сабель при 221 пулемете и 26-ти орудиях, под командой Буденного. Этот Конный корпус Буденного должен был нанести удар при содействии частей 8-й советской армии и овладеть городом Воронежем и Касторной. По советским данным против этой ударной группы и частей 8-й советской армии на месте удара противником оказались части корпусов генералов Мамонтова и Шкуро, общей численностью до 9700 человек при 234 пулеметах, 42-х орудиях и бронепоезде.

Советский историк так описал первую встречу противников:

«19 октября (по новому стилю) встретилась северо-восточнее Воронежа советская конница с конницей Шкуро. 12 конных полков и 2 полка пехоты противника повели наступление против Конного корпуса Буденного, нанося удар по 6-й кавалерийской дивизии. Увлеченный ее преднамеренным отходом, противник попал под фланговый удар 4-й кавалерийской дивизии. Одновременно перешла в контратаку и 6-я кавалерийская дивизия. В результате этого маневра терская и кубанская дивизии противника были смяты и разгромлены. Белые, оставив на поле 50 пулеметов, 4 орудия и 2 бронепоезда, откатились за реку Воронеж, взорвав мосты через нее.

24 октября 6-я кавалерийская дивизия под командой Апанасенко и 12-я стрелковая дивизия 8-й армии под командой Рева, форсировали реку Воронеж и под прикрытием артиллерийского огня ворвались в восточную окраину города Воронежа. 4-я кавалерийская дивизия Городовикова, форсировав реку, внезапным ударом с севера и запада решила исход боя за город. После овладения Воронежем положение внутренних флангов 13-й и 8-й армий значительно упрочилось. Форсировав реку Дон, Конный корпус с 8 ноября (по новому стилю) начал бой за Касторную».

Вначале наступление красных не имело успеха и даже они были принуждены отступить и только, когда к ним подошли новые резервные части в большом числе, они смогли 15-го ноября (по новому стилю), после весьма упорного боя, овладеть Касторной.

Курск был взят красными 17-го ноября (по нов. стилю).

40 дней длились упорные бои под Орлом, Воронежем, Касторной и Курском. С этого момента наступил решительный перелом в борьбе с красными в их пользу. Красное командование поставило себе целью — расчленение армий Юга России путем стремительного наступления через Донбас на Ростов.

Для выполнения этого плана командование красных сводит свою конницу в крупные оперативные соединения. В первую очередь была создана 1-я Конная армия под командой Буденного, ядром которой явился 1-й Конный корпус красных. Всего было брошено на фронт свыше 30-ти тысяч сабель против войск Юга России и главная масса этой конницы действовала в направлении на Ростов. Конной армии были приданы броневые машины, бронепоезда и увеличено число конных батарей, а также, в оперативном отношении, Буденному были подчинены 9-я и 12-я стрелковые советские дивизии. Этой весьма мощной и маневреной ударной группой и наносился главный удар на Ростов. Для усиления вообще своих сил, красные в спешном порядке перебрасывают из Туркестана и Сибирского фронта ряд своих частей.

Решающими для белых операциями в борьбе с красными были сражения по овладению красными городами Киевом и Харьковом, района Донбасса и города Ростова. Во многом успеху красных содействовали также партизаны, действовавшие в тылу Добровольческой армии. Особенно велико было партизанское движение на территории Украины. Там партизаны своими действиями часто срывали переброску воинских подкреплений на фронт, препятствовали организованному отступлению войск и вывозу снаряжения и имущества. Некоторые отряды красных партизан были весьма внушительны по своей численности в отдельных районах тыла Добровольческой армии. Как пример этому может служить Лозово-Синельниковский район, в котором осенью 1919-го года насчитывалось до 40 красных партизанских отрядов общей численностью до 35 000 человек.

По мнению советского историка «именно это массовое партизанское движение в конечном счете и решило судьбу Деникина».

В конце концов, после упорных боев в Донбассе, которые кончились в пользу красных, конные части их вышли к Азовскому морю и 7-го января (по нов. стилю) заняли города Таганрог и Новочеркаск, а 10-го в их руках был и город Ростов.

Таким образом маневр красного командования удался в полной мере и Вооруженные Силы Юга России были расчле-

www.elan-kazak.ru

нены и в дальнейшем были принуждены отступать в трех направлениях: на Северный Кавказ, Крым и Одессу.

По советским данным красные захватили в плен до 40 000 человек, 750 орудий, 1130 пулеметов, 23 бронепоезда, 11 танков, 40 паровозов, 12 200 вагонов и огромное количество разного военного имущества.

Как следствие неудач на участках Добровольческой и Донской армий, Кавказская Добровольческая армия должна была 3-го января 1920-го года, без давления со стороны противника, оставить город Царицын и начать отход к Манычу.

***

Дальнейшее описание событий последует ниже, а теперь вернемся назад к боям, в которых принимали участие Дроздовские части. На их участках красные, как мы уже видели выше, вели наступление весьма крупными силами, и в результате город Севск был вновь в руках красных. Под напором красных Второй и Третий Дроздовские стрелковые полки и Самурцы медленно отходят.

В своей книге «Дроздовцы в огне» генерал Туркул пишет следующее:

«Мне с Первым полком было приказано отходить от Комаричей на Дмитриев. Во время марша прискакал ездовой полковой кухни. Он едва ушел из Дмитриева. Там красные.

Верстах в двух от города, на железнодорожном переезде, в сторожевой будке мерцает огонь. Мы вошли обогреться. Старик стрелочник, помнивший меня по первым дмитровским боям, сказал, что рано утром в городе был Второй Дроздовский полк и Самурцы, оттуда доносился гул боя, а кто там теперь — неизвестно.

От мороза звенела земля. Впервые никто не садился в седла. Шли пешие, чтобы согреться. На рассвете, 29-го октября, второй батальон подошел к городской окраине. Все было мертво и печально под сумеречным снегом».

В дневнике Н. Соловьева, офицера Первой генерала Дроздовского батареи (батарея получила шефство приказом от 14-го октября 1919-го года за № 2544), действительно, записано, что 28-го октября Дроздовцы были в Дмитриеве.

«Мы жили в уездном городке Дмитриеве. 28-го октября 1919-го года капитан Данилевский вызывает командира батареи по телефону и сообщает, что наша конница внезапно

отошла и, что красные верстах в двух от Дмитриева. В 8 часов утра батарея на вокзале, где спешно начали грузить на повозки из вагонов снаряды, амуницию и другие хозяйственные вещи, так как на станции ни одного паровоза. Кругом полная тишина. Не слышно ни одного выстрела. Оставив с повозками поручика Рончевского, Моттэ и Курдюкова, собираемся, согласно полученного приказания, двигаться. Не успели отъехать, как прямо в лицо рявкает орудийная очередь. Проехав еще немного, находим на позиции нашу конно-горную батарею. Поравнявшись, справились: куда и по ком стреляют. На этот вопрос получили ответ, что большевики за бугром и стрельба ведется на прицеле 85.

— А конница где?

— Отошла. Стоит за нами и просит им сообщить, когда мы будем сниматься, — ответили нам наши друзья конногорники.

Батарея двинулась дальше в тыл. На горизонте уже маячили цепи красных, по которым вела обстрел конно-горная, прикрывая наш отход.

Вдруг, неожиданно, выносится на всех парах мощный паровоз серии Э-х. Паровоз влетает на станцию Дмитриев и через весьма короткое время мы увидели его с влекомым им составом, в котором были и вагоны с батарейным имуществом. Поезд на полных парах проносился между оторопевшими и беспорядочно стреляющими красными.

Около Арбузова нас нагнали полковник Протасович, капитан Данилевский и поручик Рончевский. Батарее было приказано отходить дальше в тыл. Мы узнали, что они ушли из Дмитриева под сильным ружейным обстрелом.

Переночевав в Яцино, 29-го октября батарея двинулась в направлении на Льгов. В дороге встретили пулеметную команду 3-го Дроздовского полка и от пулеметчиков узнали о гибели 6-й Дроздовской батареи в селе Михайловском. Говорили, что погиб командир 1-го взвода, капитан Лапчинский».

Оставим в пути 1-ю батарею и вернемся к описанию боя в городе Дмитриеве.

«Город Дмитриев раскинут по холмам, между ними глубокий овраг. Над оврагом в то утро курился туман. Тишина. На окраине никого.

Головной батальон Первого полка наступает цепями, впереди седьмая и восьмая роты поручиков Усикова и Моисеева. Первые строения. Все пусто. Цепи тянутся вдоль заборов. Маячат тенями в холодном тумане. Площадь. На ней

www.elan-kazak.ru

темнеют походные кухни. У топок возятся кашевары. Обычная тыловая картина. Может быть наши, может быть нет. Но вот у кухни засуетились. Глухо застучал пулемет. На площади красные.

Город проснулся от боя. Красные нас прозевали, но отбиваются с упорством. Оба командира головных рот, поручики Моисеев и Усиков, убиты. К вокзалу, где ведет атаку четвертая рота, тронулся первый батальон полковника Петерса. Пушки красных стоят открыто на большаке к Севску, бьют картечью по нашим цепям. У меня захватило дыхание, когда я увидел, как цепи четвертой роты по мокрому снегу и грязи вышли на большак, прямо на пушки. Я видел, как смело́ картечью фельдфебеля роты, как капитан Иванов заскакал вперед цепи, размахивая сабелькой, как рота поднялась во весь рост, с глухим 'ура' побежала под картечь. Пушки взяты. Конь под капитаном Ивановым изодран картечью. К вокзалу подошел весь полк . . .

Красные отдышались, подтянули резервы и перешли в сильную контратаку, а наша артиллерия уже расстреливает последние снаряды. Единственная гаубица седьмой гаубичной батареи, выпустивши последнюю гранату, под напором красных спустилась в овраг, разделяющий город. Красные наседают. В овраге столпились обозы. У нас ни одного снаряда.

Обмерзший, дымящийся, разведчик подскакал ко мне с донесением: у вокзала на путях, брошена санитарная летучка с ранеными и вагоны, набитые снарядами и патронами, целый огне-склад.

Случай — слепая судьба боев, — спас нас. Рота второго батальона кинулась к вагонам, стала живой цепью, передавая из рук в руки снаряды. Мы вывезли из огня санитарную летучку. Раненые, голодные, измученные, с примерзшими бинтами, плакали и целовали руки наших стрелков.

Гаубица загремела снова. Гаубичный огонь великолепен и поразителен. Вихри разрывов, громадные столбы земли, доски, камни, выбитые куски стен, а главное, адский грохот. Наша артиллерия, накормленная снарядами, на рысях, под огнем, проскочила овраг, открыла пальбу. Цепи первого и третьего батальонов перешли в контратаку. Красные замялись, потом стали откатываться. Мы выбили их из Дмитриева. Уже в третий раз мы занимали город. На постой размещались по старым квартирам.

Отряхивая с шинели снег, я позвонил у дверей того дома,

где уже не раз стоял штаб Первого полка. На улицах еще ходил горьковатый дым боя, смешанный с туманом. За городом стучал пулемет. Мне долго не отворяли. Наконец, позвенел ключ в замке, и я услышал знакомый и милый женский голос:

— Вот видишь, я говорила . . . Не может быть, чтобы Первый Дроздовский полк, если он в городе, прошел мимо, не освободил нас . . .

Мы связались справа со Вторым Дроздовским полком, но слева, с частями 5-го Кавалерийского корпуса, связи не налаживалось. На третий день прибыл поезд с командиром Добровольческого корпуса, генералом Кутеповым и начальником Дроздовской дивизии, генералом Витковским.

На четвертый день, от Севска, подтянувши свежие силы, красные снова перешли в наступление. Это были беспрерывные атаки на Первый полк, занимавший холмы вокруг города. Атаки разрозненные. Они кидались на нас день за днем, на правый, на левый фланг, в лоб. Мы всегда успевали подтянуть полковые резервы и отбиться. Красные, наконец, догадавшись в чем слабость их ударов, поднялись с трех сторон одновременно, а их обходная колонна успела отрезать у нас в тылу железную дорогу.

Тяжелый бой. Весь день огонь, все жесточее. Позже мы узнали, что тогда на нас наступало четырнадцать красных полков. Подскакал ординарец. Железнодорожный мост в тылу занят красными. У меня в резерве офицерская рота, седьмой гаубичный взвод и две молодых, необстрелянных, роты из нового четвертого батальона. Я повел их на мост. Там кишат густые цепи красных, а за мостом дыбятся броневые башни узкого серого бронепоезда. Там наш «Дроздовец». Я приказал телефонистам включить провода в телеграф, ловить бронепоезд.

— Алло, алло, — услышал я в аппарат. — Здесь бронепоезд «Дроздовец». Кто говорит?

— Полковник Туркул. Командира бронепоезда к телефону.

— Я у телефона, господин полковник.

— Немедленно пускайте поезд на мост.

— Разрешите доложить: мост занят, красные возятся у рельс. Путь, наверное, разобран.

— Нет, еще не разобран. Красные только что вышли на полотно. Ход вперед.

— Господин полковник . . .

www.elan-kazak.ru

— Полный ход вперед!

— Слушаю, господин полковник.

Как из потустороннего мира доносится спокойный голос капитана Рипке. Он такой же холодный храбрец, каким был Туцевич. Невысокий, неслышный в походе и движении, с очень маленькими руками, светлые волосы отрижены бобриком, светлое пенсне, всегда сдержанный, не выбранится, не прикрикнет, а все замирает при виде его, а команда, действительно, предана до смерти своему маленькому капитану.

Железнодорожный мост загремел: «Дроздовец» полным ходом врезался в толпу большевиков, давя, разбрасывая с рельс, расстреливая в упор пулеметами. Гаубичная открыла по большевикам ураганный огонь. Мои молодые роты поднялись в атаку. Все с моста сметено.

«Дроздовец», грохоча, выкидывая черный дым, вкатил в вокзал. Низ серой брони в косых вихрях крови. На бронебойной площадке. в английской шинели, стоит капитан Рипке. Он узнал меня на перроне. Поезд стал замедлять ход.

— Вперед, без остановки! — крикнул я, махнув рукою. — Вперед!

Капитан Рипке отдал честь и бронепоезд прогремел мимо.

От большака на Севск, под давлением красных, тогда отходила наша третья рота. Гаубицы, ставшие у вокзала, беглым огнем обстреливали красных. Воздухом при выстрелах на вокзале вышибало со звоном целые оконницы. Третья рота отходит все торопливее. Бронепоезд, Петерс, я с резервами тронулись к ним на выручку. Внезапно там что-то случилось. Третья рота затопталась на месте. До нас донесло взрывы 'ура'. Солдаты третьей роты вдруг круто повернули обратно, бегут в контратаку.

Я приказал пойти в атаку конному дивизиону и архангелогорцам. Конная атака окончательно сбила красных. Порывисто дыша, горячо переговариваясь, как всегда в первые мгновения после боя, третья рота уже строилась у вокзала. Шел редкий снег.

— В чем дело? — подскакал я к командиру роты. — Почему вы не дождавшись резервов, вдруг повернули в контратаку?

Мимо нас пронесли раненого капитана Извольского, черноволосого, бледного, закутанного шинелью, побелевшей от снега. Извольский молча улыбался.

— А вот и виновник, — весело сказал командир роты.

Третья рота была солдатской. Ребята крепко любили

старшего офицера роты, штабс-капитана Извольского. Прикрывая отступление, Извольский был ранен в ногу. Под сильным огнем солдаты подняли его, понесли, но были переранены. Рота отходила быстро. Один из солдат, бывший красноармеец, задетый в ногу, опираясь на винтовку, доскакал до отступающей цепи.

— Братцы, — крикнул он. — Стой, назад! Капитан Извольский ранен, остановитесь, братцы!

Тогда по всей роте поднялся крик:

— Стой, капитан Извольский оставлен, назад, назад . . .

И все без команды, без резервов, под сильным огнем, всей ротой круто повернули назад и пошли во весь рост в контратаку выручать своего черноволосого капитана. Дрозды вынесли его из огня.

До ночи мы передохнули, но ночью красные стали наступать от Севска. Полк начал стягиваться к вокзалу. Мы получили приказ отходить из города. Дмитриев оставлен. Мы взорвали за собою мосты. К рассвету на 1-е ноября наш головной батальон втянулся в глухое сельцо Рогозное. С другой стороны туда же втянулись красные. И мы, и они, шли колоннами. В голове у нас взвод седьмой гаубичной батареи, а у них полевая батарея. Обе колонны вошли в узкую деревенскую улицу. Командир гаубичного взвода, полковник Камлач, успел раньше красных сняться с передков. Первым же выстрелом он угодил в красную батарею. Батальон кинулся в атаку. Нам досталась батарея, пулеметы, сотни три пленных. У нас один раненый.

На ночлеге мы получили донесение, что справа отходит Второй полк. Я послал сильный разъезд проверить донесение, что отходит справа Второй полк. Разъезд скоро вернулся. Один из разведчиков раненый. Привели с собой двух пленных: казаки Червонной дивизии. Действительно, Второй полк уже отошел. Мы, оказались, одни, Червонная дивизия с советским стрелковым полком, прорвав днем фронт Второго и Третьего Дроздовских полков, теперь двигалась в наш тыл на Льгов.

Полк поднят и мы двинулись на Льгов. Ночью закрутила пурга. Мечется серая тьма, точно чудовища и сам Вий вокруг бедного Хомы. Мы шли со сторожевым охранением. Холод донимал. Английские шинели обледенели, в коросте инея, а ни у кого ни башлыков, ни фуфаек. Люди обматывали головы полотенцами или запасными рубахами. На подводах, под вьюгой, коченели наши раненые и больные.

www.elan-kazak.ru

В два часа ночи в голове колонны застучали выстрелы, но скоро смолкли. Во тьме наши разъезды наткнулись на разъезды генерала Барбовича. Хорошо, что вовремя узнали друг друга. Генерал Барбович разведал, что Дмитриев, где по его сведениям должен быть мой полк, занят красными, и выслал разъезды искать нас. Нас это очень тронуло и ободрило.

Скоро, в едва белеющей степи, мы заметили шевелящийся черный квадрат. Этот, дышащий квадрат, была вся кавалерийская дивизия генерала Барбовича, стоявшая в стуже, в открытом поле. Люди так радовались встрече, точно стало теплее: обледеневшие полотенца начали разматываться с голов. При фонаре, прикрытом сбоку шинелью, я с генералом Барбовичем рассматривал карту.

Мы были верстах в восьми от Льгова. Вся кавалерия спешилась. Тронулась она с нами вместе в потемки, ведя в поводу сфыркивающих коней. Иначе, в седлах, легко можно было отморозить ноги.

Под самым городом Льговым, верстах в четырех, в деревушке, я дал отдых, и на рассвете поднял полк. В Льгове мертвая тишина, пустота, как недавно было в Дмитриеве. Наша цепь потянулась окраинами. На улицах ходит пар. Мы увидели в тумане толпу солдат, ведущих коней на водопой, снова не знали кто там, свои или враги. Именно тогда к штабу полка вернулся дозор с пленным: это был красный казак.

Льгов занят Червонной дивизией. Первый батальон пошел выбивать ее из кварталов, где мы уже проходили, а я с остальными частями полка двинулся к большому мосту через реку Сейм. К утру 4-го ноября весь город Льгов и вокзал были в наших руках. Нам досталось много верховых, измученных вконец, лошадей. Я помню убитых большевиков на мосту через Сейм: все были в красных чекменях, кажется венгерцы. Мост мы взорвали. Полк стал правее вокзала, а кавалерия генерала Барбовича прошла в село за Льговом».

***

Прежде чем дальше описывать события, связанные с действиями Первого полка, надо осветить общее положение на фронте Добровольческой армии.

Наши части, под давлением противника, медленно отходили. По записи в дневнике Соловьева, офицера 1-й Дроздовской батареи, мы узнаем, что батарея к вечеру 3-го ноября была уже на станции Локинская. Там уже было получено сообщение о взятии города Льгова Первым Дроздовским полком, что взяты пленные, пулеметы и орудия и что Червонная дивизия при этом понесла большие потери.

Командир Дроздовской артиллерийской бригады, полковник Протасович, приказал 1-й Дроздовской батарее погрузиться на площадки бронепоезда «Дроздовец» и идти на Суджу.

В это самое время в районе Касторной вела наступление ударная группа красных, в составе которой были конница Буденного и пехотные части 8-й советской армии с приданными им техническими войсками. Неоднократные атаки ударной группы на Марковцев, Смоленцев и Кавказских стрелков в районе Касторной нашей пехотой были отбиты и красные, на участке занятом пехотными частями не смогли добиться решающего успеха, но на правом фланге, против частей корпуса генерала Шкуро, красные имели значительный успех. Оттеснив конные части генерала Шкуро к западу, красные захватили станцию Суковкино и перерезали, таким образом, железную дорогу, отрезав возможность отхода на юг нашим трем бронепоездам.

3-го ноября красные возобновили сильные атаки на всем участке фронта в районе Касторной. В самый разгар боя, без видимой на то причины, вдруг конница генерала Шкуро стала отходить, что вызвало, в свою очередь, и отход наших пехотных частей. Отрезанные бронепоезда пришлось взорвать. Пехоте и танкам удалось отойти, но удержать Касторную уже было нельзя и она была взята красными. Как потом стало известно — казаки корпуса Шкуро не захотели больше воевать.

Отход от Касторной вызвал, в свою очередь, также и отступление Корниловцев на Обоянь и Курск.

После взятия города Льгова, о событиях в этом районе имеется запись в книге «Дроздовцы в огне» генерала Туркула. Генерал Туркул пишет:

«Мне удалось восстановить связь со штабом дивизии, но ни с правым, ни с левым флангами связи не добился.

В железнодорожной больнице мы разместили раненых и больных. У нас уже ходил сыпняк.

Я выставил сторожевое охранение, а полк, отогревшийся в натопленных залах Льговского вокзала, дружно завалился спать. Вечером я проверял охранения верхом на моей Галь-

www.elan-kazak.ru

ке. На маленькой речонке под нами провалило лед и я ушел было в воду, но Галька, оскорбленная случившимся, сама порывисто вынесла меня из пролома на берег. По дороге в штаб полка на мне все обледенело, кроме воды в сапогах. Вестовой все стащил с меня и я остался в чем мать родила. В комнате, где разместился наш штаб, было жарко натоплено. Я накинул офицерскую, летнюю шинельку из тонкого серого сукна, верно служившую мне домашним халатом, такую редкую, что она сквозила на свет, и сел пить чай. Этажами ниже разместились офицерские роты, команда пеших разведчиков, пулеметчики. Где-то, в самом низу обширного казенного здания, была кухня. Мой Данило понес туда сушить мои одеяния. Очень мирно, и, надо сказать, до седьмого пота, напившись чаю, я лег. Во всех этажах уже все храпело или тихонько высвистывало во сне.

Я засыпаю мгновенно, а сплю очень крепко. Сначала мне показалось, что это сон: резкая стрельба, крики, взрывы 'ура'. Я очнулся, сел в темноте на койке. Действительно — стрельба. Где электрический фонарик, гимнастерка, шинель?

На табуретке ни гимнастерки, ни шинели, ни сапог, ни даже штанов. Перекаты частой стрельбы, крики, смутный звон, как на пожаре. Нас захватили сонных, врасплох. Я сунул ноги в кавказские чувяки, стоптанные домашние туфли, надел на ночную рубаху летнюю шинель и взял фуражку и револьвер, которые мне оставил Данило на гвозде.

Я вышел в соседнюю комнату к оперативному адъютанту подполковнику Елецкому. Туда как раз вбежал офицер. Электрический фонарик осветил его бледное лицо.

— Чего вы спите, — крикнул он. — Красные в городе. Больница с ранеными захвачена . . .

— Тише, не нагоняйте панику! — крикнул на него Елецкий.

В это время зазвенели, посыпались под пулями стекла. Мы побежали вниз. По лестнице, гремя амуницией, сбегали строиться: офицерская рота, разведчики, пулеметчики и штабные.

Я вышел к строю. По всему Льгову, в темноте, залпами перекатывалась беспорядочная стрельба, неслось 'ура'. Телефонная связь мгновенно и со всеми оборвалась, — как отрезало, — когда нужна связь просто до крайности.

Загремела артиллерия. Мы громим гранатами тьму. Взрывами сотрясается воздух. Гранаты падают у самого штаба полка.

Я услышал, вдруг, сильный голос командира первого батальона, полковника Петерса:

— Сволочи, черти, кто спер мой бинокль?

— На кой чёрт вам бинокль! — окликнул я Петерса. — Где ваш батальон?

Из тьмы солдаты подбегали к нам поодиночке, кучками. Ночью красные незаметно перешли Сейм и кинулись на первый батальон, безмятежно спавший по обывательским домам.

Мы быстро связались со вторым и третьим батальонами. Я приказал им стягиваться к вокзалу, а сам с офицерской ротой, разведчиками, пулеметчиками, пошел выбивать красных с вокзала. Полная луна выплыла тогда из-за туч.

Я помню дым мороза, бегущие косые столбы серебряного дыма, и как крепко хрустел снег, и наши огромные тени. Мгновениями мне снова казалось все невероятным сном: косой дым, луна, грохот пальбы и торопящееся, сильное дыхание людей за мною. На ходу моя ночная рубаха под шинелью стала как из тонкого льда, слегка звенела. Я промерз и мне приходилось закидывать шинельные полы на плечи и растирать грудь, ноги, комьями снега. Я должен признаться, что при полной луне я шел перед строем в одной ночной рубахе и летней шинели.

У вокзала, на перроне, залитом лунным светом, шевелилась темная солдатская толпа. Я приказал приготовиться к атаке, выкатить пулеметы. Мы стали подходить молча.

— Какого полка? — встретили нас обычными, тревожными окриками с перрона. Командир офицерской роты, полковник Трусов, ясно и спокойно сказал в морозной тишине:

— Здесь Первый Офицерский стрелковый генерала Дроздовского полк.

Выблеснули выстрелы, нас встретили залпами, бранью. Я приказал: «Огонь». Мы бросились с 'ура' на вокзал, смяли красных, захватили толпу пленных. К вокзалу, крепко хрустя по снегу, подошли второй и третий батальоны, артиллерия, люди первого батальона.

Я повел их в атаку. Еще до рассвета Льгов был от красных очищен. В глухом городе снова стало тихо и низкий пар, как толпы привидений, проволокся по пустым улицам. Только на вокзал обомлевший Данило, запыхавшись, притащил, наконец, ворох моих доспехов. В темноте он всюду кидался под огнем, отыскивая меня. Теперь дрожащими руками начал меня облачать.

www.ellan-kazak.ru

На вокзале я узнал, что бинокль, за каким-то чёртом понадобившийся Петерсу в самую темную ночь, никем не 'спёрт', а так и висит на том гвозде, куда его повесил полковник.

— Полковник Петерс.

— Я, господин полковник.

— Теперь вы знаете, где ваш первый батальон?

— Так точно, господин полковник.

Первый батальон строился у вокзала. Началась ночная перекличка. Мы считали потери. И удивительно: в нечаянном ночном бою мы потеряли только пятьдесят человек ранеными и убитыми, да пропал один ездовой с патронной двуколкой. Красным не удалось развернуться во всю во Льгове. В больницу, где было до двух сотень наших, красные врывались со стрельбой и криками:

— Даешь золотопогонников!!!

Они искали офицеров. Несколько десятков их лежало в палатах, все другие были Дроздовскими стрелками из пленных красноармейцев. Ни один из них в ту отчаянную ночь не выдал офицеров. Они прикрывали одеялами и шинелями тех из них, у кого 'больно кадетское лицо', они заслоняли собой раненых, они с дружной бранью кричали большевикам, что в больнице нет золотопогонников, что здесь лежат одни пленные красноармейцы. Туда мы подоспели вовремя. В больнице не было ни одного замученного, ни одного расстрелянного. Верные Дроздовские стрелки. Многие из них остались в России. Может быть дойдет до них наш привет и поклон: мы все помним Льговскую ночь.

Отход втягивает нас, как в громадную воронку. Утром я получил приказ взорвать виадуки под Льговом и откодить. Мы снялись под тягостный гул взрывов. На станции, уже верстах в четырех от Льгова, ко мне подбежал телеграфист.

— Господин полковник, вас просят к телефону из Льгова.

Странно, Льгов оставлен, кто может просить к телефону? Подхожу к аппарату.

— Кто у телефона?

Голос точно из потустороннего мира:

— Говорит бронепоезд 'Генерал Дроздовский'.

— Но откуда вы говорите?

— Со Льгова. Со мной еще три бронепоезда.

От Льгова есть железнодорожная ветка на Брянск и на Курск. На Курской ветке сбились наши бронепоезда. Им не

удалось прорваться на Курск—Харьков и они выскочили на Льгов.

Я и теперь не понимаю и никогда не пойму, как наш штаб, не проверивши, что не все наши бронепоезда проскочили, мог отдать приказ взрывать льговские виадуки. Без них бронепоездам не двинуться. Все четыре попадут в руки красных. С батальоном полка и со всеми подводами, какие только были у нас, я спешно двинулся обратно.

Командир тяжелого бронепоезда 'Генерал Дроздовский', в английской шинели, почерневший от машинного масла, встретил меня на железнодорожных путях. На его бронепоезде мы подались на ветку к застрявшим бронепоездам. Там была наша 'Москва', там были наш мощный 'Иоанн Калита' и наш 'Офицер'.

Ничего сделать нельзя. Никак их не вывести. Не спасти их, когда виадуки, развороченные взрывами, превращены в груды камней и щебня. Бронепоезда приходится бросить. Мы совещались на рельсах и решили взорвать все четыре. На подводы погрузили снаряды, замки орудий, пулеметы, патроны. На рассвете быстро ушли, а за нами загремели тяжелые взрывы. Мы сами взрывали наших броневых защитников.

Полк отступал в направлении на Локнанскую. На другое утро подкатил, шедший за нами, бронепоезд «Дроздовский». Я помню, как капитан Владимир Владимирович Рипкэ, совершенно бледный и спокойный, так мне казалось, молча сидел в углу на вокзале. И все мне казалось, что ему холодно нестерпимо.

Через день в 7 часов утра капитан Рипкэ застрелился. Не вынес потери бронепоездов. После него осталась записка от 28-го октября: «В смерти моей никого не винить. Передайте привет орлам Первой батареи».

Капитан Рипкэ — первопоходник, младший офицер 2-й батареи 26-й Артиллерийской бригады. Я помню, как у его желтоватой руки, свесившейся со скамейки, сидел на корточках пулеметчик его бронепоезда, мальчик, вероятно, из гимназистов или кадет. Он сидел, скорчившись, зажавши худыми руками лицо, его мальчишеские плечи тряслись от рыданий.

Часа в три ночи я вернулся в штаб. В избе, разметавшись, спят вповалку восемь моих генштабистов — на сумках, на вещевых мешках, на полу, на лавках, под шинелями. Из-за шаткого стола поднялся мой адъютант, капитан Козалев-

www.clan-kazak.ru

ский, поклонился молча. Я прошел в свой угол. Не могу заснуть. Ковалевский при свече что-то пишет. Я невольно стал наблюдать за ним. Меня удивила та же бледность, тот же ледяной покой, какой я видел у капитана Рипкэ.

Я сбросил бурку и подошел к столу. Наган, пачка писем. Одно адресовано мне. Я убрал наган, взял письмо. Капитан Ковалевский поднялся. Мы стоим и смотрим друг на друга, над свечой.

— Господин полковник, — шепчет Ковалевский. — Вы не имеете права читать моих писем.

— Что с вами, Андриан Семенович? — шепчу я. — Ваших я не читаю, а это на мое имя, — и я распечатал конверт.

«Не могу перенести потери четырех бронепоездов. Кончаю с собой».

Я с силой взял его за руки. Мы говорили шепотом, чтобы не потревожить сна усталых людей вокруг нас. Я повел его в мой угол, со всей силы сжимал ему руки: не смеешь стреляться. Такая смерть — слабость. Я просил его жить. И этот коренастый, сильный человек, в шрамах, несколько раз тяжело раненый, фанатик Белого дела и Дроздовского полка, внезапно припал к моему плечу, как тот мальчик у руки Рипкэ, и глухо зарыдал, сам зажимая себе рот руками, чтобы не разбудить никого.

Тогда ночью Ковалевский согласился жить. Андриан Семенович застрелился уже после всего, в 1926-м году, в Америке. В его последней записке было всего пять слов: «Без России жить не могу».

***

По всему фронту Вооруженных Сил Юга России шли упорные бои с наступающими красными, а в тылу не утихали бои с многочисленными отрядами красных партизан, что принудило Главное командование Вооруженных Сил Юга России снимать с фронта даже целые дивизии для борьбы с партизанами и тем самым в нужный момент лишиться необходимых резервов для отражения ударов красных.

Особенно многочисленные отряды были у «Батьки Махно». Его отряды занимали даже такие города, как Екатеринослав и Бердянск и стали угрожать и городу Мелитополю и тем самым связи с Крымом.

В глубоком тылу, на Кубани, произошли события, оказавшие громадное влияние на дальнейшую судьбу Белого Движения, чреватые своими последствиями. Поведение же членов Кубанской Рады в это время было не только враждебно Командованию, а просто преступно по отношению к тому делу, за которое велась борьба с красными. Это вызвало необходимость решительных действий, чтобы пресечь зло и в Екатеринодар были посланы части корпуса генерала Покровского. В начале ноября город Екатеринодар был окружен и занят частями генерала Покровского. Рада была разогнана и 10 членов ее арестованы и преданы суду.

Приказом Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России, генерала Деникина, Кубанская область была включена в армейский район Кавказской Добровольческой армии и Командующий армией, генерал Врангель, 6-го ноября 1919-го года, издал следующий приказ:

«Прикрываясь именем Кубанцев, горсть предателей, засев в тылу, отреклась от матери России. Преступными действиями своими они грозили свести на нет все то, что сделано сынами Кубани для воссоединения России, все то, за что 10 000 Кубанцев пролили свою кровь. Некоторые из них дошли до того, что заключили преступный договор с враждебными нам горскими народами, предающий в руки врага младшего брата Кубани — Терек.

Пытаясь развалить фронт, сея рознь в тылу и затрудняя работу Атамана и Правительства в деле снабжения и пополнения армии, преступники оказывали содействие врагам России, той красной нечисти, которая год тому назад залила Кубань кровью.

Во исполнение отданного мною приказания, командующим войсками тыла армии генералом Покровским взяты под стражу и преданы военно-полевому суду в первую голову 10 изменников: Калабухов, Макаренко, Манжула, Омельченко, Балабас, Воропинов, Фесков, Роговец, Жук и Подтопенный. Пусть запомнят эти имена те, кто попытались бы идти по их стопам».

Состоялся суд и приговором военно-полевого суда Калабухов был приговорен к смертной казни через повешение и 7-го ноября этот приговор приведен в исполнение.

Калабухов был повешен на крепостной площади и к трупу была привешена дощечка с надписью:

«Повешен за измену России и предательство казачества».

Все эти меры были вызваны тем, что Кубанская Рада стала на путь самостийности, а члены Кубанской делегации

www.ellanskazak.ru

в Париже: Бычь, Калабухов, Намитоков и генерал Савицкий, превысив данные им полномочия, подписали договор о дружбе с Меджилисом.

На заседании Кубанской Рады, войсковой Атаман, генерал Филимонов, 27-го октября заявил:

«Мне постоянно указывалось на недопустимое поведение делегации за границей. Вчера мною получена телеграмма, адресованная всем войсковым атаманам, командирам войсковых частей, губернаторам и прочим, о немедленном задержании и предании полевому суду за измену четырех членов делегации, подписавших договор с Меджилисом.

Краевая Рада должна в первую очередь заслушать этот вопрос и выслушать представителей обеих групп Парижской делегации, прибывших обратно, и сказать свое искренее, правдивое слово, чтобы предотвратить последствия указанной телеграммы».

Как известно, приказ об аресте и предании суду членов делегации был отдан генералом Деникиным.

Далее Кубанский Атаман, излагая программу работ Рады, предложил обсудить также тяжелое экономическое положение Кубанской области и вопрос об открытии рогаток. Заканчивая свое приветствие Раде, генерал Филимонов сказал:

«Если мы не уедем отсюда примиренными, мы не дождемся конца ужасной бойни».

Рада отклонила предложение Атамана о немедленном рассмотрении вопроса о деятельности Парижской делегации.

Совет Кубанского Правительства постановил «договор дружбы» с Меджилисом считать недействительным, как заключенный самочинно членами делегации и поэтому для правительства необязательным.

В это же самое время и Терское Войсковое Правительство на своем заседании горячо осудило Быча, подписавшего «договор дружбы».

29-го октября происходило заседание Кубанской Рады и, несмотря на приказ генерала Деникина об аресте членов Парижской делегации, на заседании присутствовал член ее Калабухов.

На том же заседании Кубанская Рада выносит следующую резолюцию:

«Заслушав и обсудив телеграмму генерала Врангеля за № 560 и телеграмму о назначении генерала Покровского Командующим Тылового района и принимая во внимание, что

на территории Кубанского Края может действовать только власть, установленная на основании временного положения об управлении Кубанским Краем, Краевая Кубанская Рада постановила:

а) Вышеприведенные распоряжения не имеют и не могут иметь никакой силы по отношению к Кубанскому Краю.

б) Вся гражданская и военная власть в пределах Кубанского Края принадлежит исключительно органам высшей власти Кубанского Края в порядке законодательства и управления.

с) Кубанскому войсковому Атаману и Правительству наблюсти неукоснительно за соблюдением Кубанской Конституции и настоящего постановления всеми мерами».

Не взирая на эту резолюцию Кубанской Рады, генерал Покровский вступил в должность Командующего войсками Тылового района Кавказской Добровольческой армии и расправился с Радой со свойственой ему решительностью и суровостью. Рада им была разогнана и главные виновники арестованы. Всем арестованным и преданым суду, военно-полевой суд вынес также, как и Калабухову, смертные приговоры. Генерал Деникин смертный приговор отменил и пообещал им жизнь сохранить, но сразу не указал меру наказания. Вскоре председатель Кубанской Краевой Рады, Макаренко, самый главный самостийный воротила, умудрился бежать из-под ареста и скрылся из Екатеринодара. Брошенная же в ряды кубанских частей самостийниками разлагающая пропаганда, конечно, сыграла свою отрицательную роль. Казачьи части стали редеть. Казаки потеряли волю воевать, а пополнения не стали вообще поступать на фронт.

Дабы спасти положение было решено кубанские части оттянуть с фронта, чтобы приступить к формированию отдельной Кубанской армии. Что из этого получилось — узнаем ниже, а пока что вернемся к описанию положения в тылу Вооруженных Сил Юга России.

Во всем тылу Добровольческой армии тысячи, способных носить оружие, праздно шатались, занимались устройством своего благополучия и критикой всего и всех. Многие и многие пьянствовали, устраивая за спиной истекающих кровью фронтовых частей, свои гнусные делишки, спекулировали, разлагающе действуя на других, не думал об оказании помощи тем, кто свою кровь проливал в борьбе с красными. С приближением же фронта они старались, как можно ско-

www.alan-kazak.ru

рей убраться с того места, куда могли вернуться большевики, где запахнет порохом и смертью, сея к тому же панику среди населения.

Упадку морального состояния тыла немало способствовали и появившиеся партизаны в тылу. Город Полтава был захвачен красными партизанами Шубы, а город Екатеринослав только 28-го ноября был освобожден от махновских банд частями войск генерала Слащева.

2-го ноября генерал Деникин сместил с поста Командующего Добровольческой армией генерала Май-Маевского и на это место назначил генерала Врангеля. На должность Командующего Кавказской Добровольческой армией получил назначение генерал Покровский. В это время в районе Царицына шли бои с крупными силами красных, под самым городом, перед укрепленными позициями.

Генерал Сидорин, Командующий Донской армией, рисуя положение на фронте, указал, что неудачи белых на фронтах генерала Юденича и адмирала Колчака дали возможность красному командованию перебросить с этих фронтов крупные силы на наш фронт. Кроме того он утверждал, что на нашем фронте появились целые части из бывших военнопленных немцев, которые сражались на стороне красных.

Войска Вооруженных Сил Юга России под натиском красных отступали. Воронеж, Касторная, Севск, Дмитриев, Льгов и Курск уже оставлены. Главный удар красные направили в сторону Донбасса, выполняя намеченный план расчленения войск Юга России. Их успеху немало содействовала наступившая суровая зима. Части красных были обмундированы по-зимнему, использовав, имеющиеся в их распоряжении, громадные склады, оставшиеся им в наследство от Императорской России. Особенно хорошо по-зимнему были одеты и обуты их ударные части, с которыми пришлось вести бои (в частности и Дроздовцам). Добровольческие же части не имели зимнего обмундирования, даже теплого белья. За время наступательных боев обувь тоже износилась. Внешний вид наших пехотных частей, особенно, был непривлекательный: стрелки в подбитых ветром шинельках, на ногах изношенные сапоги, вокруг голов обледеневшее тряпье, о башлыках, вообще не приходится и думать и вспоминать.

По пути отступления на железнодорожных путях часто встречались вереницы теплушек. Их заносило снегом. Порой среди них были эшелоны, не только груженные имуществом, но с ранеными и больными. В дневнике дроздовца Рышкова есть описание «замерзшего» у станции Псел эшелона с больными и ранеными.

В теплушке «жарко, когда раскалена докрасна железная печка и холодно, едва она погаснет.

Вот поручик, голый по пояс, свесился с нар. Он кричит:

— Стреляйте в меня . . . Стреляйте мне в голову . . .

Мы все думали, что он или пьян, или сошел с ума.

— Не хочу жить. Стреляйте . . . Они всех моих перебили, отца . . . Всю жизнь опустошили . . . Стреляйте . . .

Его с трудом успокоили. Когда же он пришел в себя и очнулся, стал просить прощения:

— Нервы износились до крайности . . .

А за стенами теплушки воет пурга. Часовые ныряют в снегу. Вот-вот занесет снегом и эшелон и часовых . . .

Вдруг заскрипели колеса . . . Тряхнуло теплушку . . . Неужели тронулись? . .»

Орудующие в тылу партизанские банды часто срывали планомерную эвакуацию и отход частей Добровольческой армии и тем самым во многом содействовали успеху красных при наступлении.

Отходящие Дроздовские части часто взрывали за собою мосты, водокачки и даже, как выше было сказано, свои же бронепоезда. За отходящими частями стоял гул взрывов. За этот период боев сильно пострадали 2-я и 6-я Дроздовские батареи и в конечном, прерывается связь, отходящего с боями, Первого Дроздовского полка со штабом дивизии. Вспоминая отход, генерал Туркул в своих воспоминаниях так писал:

«Болота, болотистые речки. Грязь оттепелей, проклятые дикие метели. Глубокий снег, сугробы по грудь. Ветер то в спину, то в лицо. Едва войдешь в деревню на ночлег, уже подъем или ночной бой, без сна: красные в деревне.

Отходим по мерзлой пахоте без дорог, в лютую стужу, в потемках. Падают кони. Там, где порили перед нами войска, холмами чернеют павшие кони, заносимые снегом. Все стало угрюмым: люди, небо, земля. Мы идем голодные. Теряем за нами замерзших мертвецов. Шинели смерзаются от воды, когда надо вброд переходить речки. Один из наших баклажек, мальчик стрелок Кондратьев, с двумя пулями навылет в груди, мог бы рассказать о том, как переходили они вброд реку, во льдинах, держа винтовки на согнутых

www.elan-kazak.ru

руках над водой, как вышли на берег, а рук и не разогнуть: так смерзлись рукава шинелей.

Наш Первый Дроздовский полк шел в арьергарде. В Люботине, уже под Харьковом, который был нашими частями оставлен 28-го ноября, мы наткнулись на большевиков. Выбили их и получили приказ отходить на станцию Мерефа.

Под Мерефой застигли нас оттепели. Все потекло, стало черным. Дороги превратились в вязкую трясину. Грязь по брюхо коням. Застревают, захлебываются грязью патронные двуколки.

Полк вымотался. Люди ложились на дороге. Пулеметы тащили на полковых кухнях, снаряды волокли в санях. И среди наших колонн, на мужицких розвальнях, покачивался и в стужу и в оттепелях оцинкованный гроб капитана Иванова. Четвертая рота отходила со своим мертвецом командиром».

Капитану Иванову генерал Туркул посвятил в своих воспоминаниях целую главу, которая начиналась следующими словами:

«Не у меня одного, а у всех боевых товарищей, есть это чувство: сквозь всю нашу явь проходят перед нами, перед нашим духовным взором: люди, события, места, картины того, что уже стало воспоминаниями. Так вижу всегда я перед собою и капитана Иванова, его черноволосую голову, влажную от утреннего умывания, его ослепительную улыбку, румяное лицо, слышу его приятный, картавый говор.

Какой он молодой, ладный... От него веет свежестью. Я вижу, как он, невысокий, с травинкой в зубах, похлопывая стэком по пыльному сапогу, идет рядом со мной в походной колонне. Я слышу звук его беззаботного смеха. Образ капитана Иванова неотделим для меня от русской утренней прохлады, воздуха наших походов.

И Капитан Иванов кажется мне теперь каким-то русским единством. Должен признаться, что отчество его забыл. Его имя было Петр, но мы его прозвали Гришей. Вот кто был настоящим Ивановым — седьмым, с ударением на «О», человеком из той великой толпы безымянных фигурантов, на фоне которых разыгрывают свои роли оперные или опереточные герои.

Особенного в нем не было ровно ничего, если не считать его свежей молодости, сияющей улыбки, сухих и смуглых рук и того, что он картавил совершенно классически, по «Войне и миру», выговаривая вместо «р» — «г». Но именно

этот армейский капитан, простой и скромный, с его совершенной правдой во всем, что он делал и думал, и есть настоящий герой нашего времени. Его, можно сказать, предчувствовали и капитан Тушин Толстого, с трубочкой носогрейкой у шатра на Аустерлицком поле, и несомненный предтеча капитана Иванова, так же, как Максим Максимович, шагающий в пыли за скрипучей кавказской арбой, или поручик Гринев из «Капитанской дочки».

Когда другие наши школы выпускали людей рыхлых, как бы расплывающихся, без какой-то внутренней оси, наша военная школа всегда давала людей точных, подобранных, знающих, что можно и чего нельзя, а главное: с верным, не мутившимся никогда, чувством России.

Это чувство России, было сознанием постоянной службы ей. Для русских военных служивых людей Россия была не только нагромождением земель и народов, одной шестой и прочее, а была для них Россия отечеством духа.

Святые очи России всегда смотрели на своих верных солдат. Россия была такой необычной и прекрасной совокупностью духа, духовным строем, таким явлением русского гения и его величия, чести и правды, что для русских военных людей она была Россией-Святыней.

Капитан Иванов, как и все его боевые товарищи, именно потому и пошел в огонь гражданской войны, что своими ли, чужими ли, это все равно, но кощунственно была поругана Россия-Святыня.

Как и все, Иванов был бедняком офицером из тех русских пехотинцев, которым к концу каждого месяца, с отменным регулярством, приходится класть зубы на полку. Он был из простых, никому не ведомых провинциальных штабс-капитанов, какие не только не имели поместий и фабрик, но часто не знали, как скрыть следы времени и непогод на поношенной офицерской шинелишке, на что починить сапоги и где раздобыть пачку китайской травки, чтобы обогреться после полкового учения.

Капитан Иванов был до крайности далек и от петербургского общества и от большого света, не говоря уже, разумеется, от придворных кругов, тоже, впрочем, не имеющих ровно никакого отношения ни к провинциальной армейщине, ни ко всей Белой армии.

В мирные времена, в медвежьем углу, чёрт знает в каких тартаратарах, куда месяц скачи не доскачешь, в маленьком армейском гарнизоне, провел бы свою простую армейскую

www.elan-kazak.ru

жизнь неведомый капитан Иванов, так же, как и тысячи его однофамильцев, с ударением на «о». Позволил бы себе купить иногда стэк или флакончик одеколона где-нибудь в Слуцке или Ровно, сапоги с мягким лакированным верхом, скажем, в Варшаве, зачитывался бы запоем, до первых петухов, всем, что попадается под руки в пыльной городской библиотеке, и так же до петухов, а то и позже, просиживал бы ночи за пулькой по-маленькой, иногда был бы весел и шумен сверх положенного в офицерском собрании, а вечера проводил бы в одиноких прогулках над городской речкой, даже не обозначеной на географических картах.

Непритязательную жизнь армейского капитана Иванова в мирное время потрясало бы только, да и то отчасти, разносы начальства, а главное, сердечные и карточные дела. Он так бы и состарился с солдатами все той же четвертой роты, Бог весть какого 208-го Лорийского полка, последнего по счету, пехотного полка Российской Армии, и мирно отдал бы Богу душу, твердо веруя в Святыню-Россию.

Наш капитан Иванов был из только что поднявшихся семей, которые своим горбом и беспорочной службой пробивались в люди. Все эти капитаны были, по большей части, детьми мелкого чиновничества и офицерства, военных и ветеринарных врачей, телеграфистов, старых солдат, земских фельдшеров.

Вспомним генерала Кутепова. Он так же был из этой среды.

Для других народов отечество — тщеславная гордыня, да еще с позерством, или любование процветающей торговой факторией, а для русских капитанов Ивановых — отечество было человеческим служением по всей правде Дому Святыни, даже до последнего дыхания.

Капитан Иванов бесхитростно знал, что Россия самая справедливая, самая добрая и прекрасная страна на свете и верил бесхитростно, что если в ней что-нибудь неустроено, неналажено, то все в конечном итоге в ней устроится по справедливости.

Придет время и все поймут, что между прежней «старорежимной» Россией, павшей в смуте, и большевистской тьмой, сменившей в России все божеское и человеческое, пропила видением необычайного света, в огне и в крови, Белая Россия капитанов Ивановых, Россия Нового Завета, правды и справедливости.

Первое русское ополчение капитанов Ивановых было разбито. Так и в Смуту было разбито первое ополчение Прокопия Ляпунова, хотя и стояло уже под самой Москвой. Но никто другой и ничто, как только тоже русское ополчение, второе ополчение Минина и князя Пожарского, освободило от Смуты Москву, Дом Пресвятыя Богородицы, Святыню. А для армейского капитана Иванова, на всем белом свете, его родная четвертая рота была живой частью, дышащим образом России-Святыни.

Кто из молодых офицеров не любил своей роты или взвода, этих деревенских солдатских глаз, не знавших до революции ни добра, ни зла, этих сильных и добрых рук молодых мужиков, солдатский запах ржаного хлеба и влажных шинелей, чистых рубах и веников после бани. Капитан же Иванов так любил своих земляков и так сжился с ними, что сам неприметно проникся простыми вкусами и обиходом старых служащих, хотя ему едва ли было за тридцать. Во всем капитан Иванов повторял всех армейских Ивановых, ту нашу простецкую армейщину, в которой жила простая и вечно юная душа самого батюшки Суворова. Его все солдаты понимали, любили и были ему беззаветно преданы.

Капитана Иванова всегда можно было видеть улыбающимся и его улыбка, по правде, была прелестной. Особенно я любил наблюдать за ним, когда, после удачного боя, на поле, только что вытоптанном атакой, разбирали и опрашивали пленных.

Среди земляков в поношенных серых шинелях, с темными или обломанными красными звездами на помятых фуражках, среди лиц русского простонародия, похожих одно на другое, часто скуластых, курносых и как бы сонных, мы узнавали, и всегда без ошибки, большевиков. Мы узнавали их по глазам, по взгляду белесых глаз, по какой-то непередаваемой складке у рта. Это было вроде того, как по одному пятнышку угадала панночка «Майской ночи» ведьму-мачеху среди русалок.

Лицо у всех было солдатское, скуластое, но проступало в нем это черное пятно, нечто скрытое и вместе с тем отвратительное, смесь подобострастия и подлости, наглости и жадной вседозволенности, скотство. Потому мы и узнавали большевиков без ошибки. Таких погасших и скотских лиц не было раньше у русских солдат. На большевиков к тому же указывали и сами пленные. Большевиков расстреливали.

Пленные красноармейцы сидели и стояли на изрытом поле и дрожал над ними прозрачный дух дыхания. Капитан

www.ellan-kazak.ru

Иванов, со стэком, озабоченно поглаживая самый кончик черной острой бородки, ходил между ними. Он оглядывал их не спеша, со всех сторон, как бы обхаживая пленного так же внимательно и осторожно, как любитель на конской ярмарке бывало обхаживает приглянувшегося ему жеребца. Пленный, кое-кто и босой, в измятой шинели, подымался с травы со страхом, исподлобья, озираясь на белого офицера.

— Какой губернии?

Рослый парень, серый с лица, зябнувший от страха и ожидания своей участи, отвечал глухо. Капитан расспрашивал его аполголоса. Вероятно, это были самые простые расспросы, о деревне, земле, бабе, стариках. И вот менялось лицо красноармейца, светлело, на нем сквозил тот же добрый свет, что на лице капитана Иванова, и пленный уже отвечал офицеру, улыбаясь во все белые, ровные зубы. Иванов слегка касался стэком его плеча, точно посвящал пленного в достоинство честного солдата, говорил:

— В четвертую, братец, роту . . .

Ни разу не ошибся он в своем отборе: из четвертой роты не было ни одного перебежчика. Он чуял и понимал русского человека, и солдат чуял и понимал его.

Не только в Первом Дроздовском полку, но, может быть, во всей Добровольческой армии четвертая рота капитана Иванова была настоящей солдатской. Он пополнял ее исключительно из пленных красноармейцев. Когда у нас целые полки были из одних офицеров, и в любой другой роте их было часто до полусотни, у капитана Иванова все до одного взвода были солдатские и ротный командный состав тоже из тех же пленных. Все ребята — молодцы, здоровенщина.

Иногда посылались к капитану Иванову пополнения из кадет, гимназистов и реалистов, наших удалых баклажек, и студентов, но капитан Иванов каждый раз вежливо и наотрез отказывался:

— Это какой же солдат, — говорил он не без раздражения. — Это-с не солдат, а извините, гусская интеллигенция . . .

И в это слово «интеллигенция» вкладывал он столько унизительного презрения, что за нее просто становилось совестно.

— Нет уж, благодарю. Я уж пополнюсь моим земляком.

А земляки в его роте вскоре становились мордастыми сытюгами. Хорошим хозяином был капитан Иванов. Он умудрялся кормить свою роту настоящим армейским пайком мир-

ного времени. Ни у кого не было таких наваристых щей, играющих всеми цветами радуги, ни у кого не был солдат так ладно, опрятно и тепло одет, так крепко и сухо обут. Капитан Иванов умел раздобывать своим землякам зимою даже варежки и какие-то ватные набрюшники, вроде потников-подседельников. Ни у кого не было столько табаку и сахару, как в четвертой роте, и ни в одной роте не пахло так вкусно и так семейственно, как в большой солдатской семейке капитана Иванова.

Народ все у него был плотный, ражий, во сне храпели, как битюги, а с другими были заносчивы и горды. Одним словом — орлы. Дисциплина в четвертой роте была железная, блистательная. Солдаты чувствовали сильную руку своего командира и его прямую душу. Они знали, что нет в нем никакой несправедливости и неправды. Солдаты понимали его так же, как и он их, жили с ним душа в душу.

Капитан Иванов был русским простецом и, несмотря на его деревенские прегрешения с рослыми вдовами, светился в его простоте свет русского праведника. Может быть, за праведную простоту мы и прозвали его Гришей, но у него, впрочем, было и другое прозвище, довольно странное, Иисус Навин.

И вот почему.

При всей своей скромности, капитан Иванов любил покрасоваться, но, однако, только в бою. В бою он всегда был верхом, впереди своей цепи. Пеший он никогда не ходил в атаку и ему неукоснительно подавали нового Росинанта. Не сосчитано ни кем, сколько коней было убито под ним. По-солдатски, если хотите, по лубочному, он чувствовал красоту боя: в огне храбрый командир должен красоваться впереди своих солдатушек верхом, вот и все. Ведь солдатская любовь к командиру по-детски жестока: уж таким храбрецом должен быть орел-командир, что и пуля его не берет, и от сабли он заговорен. Вероятно, потому и гарцевал капитан Иванов в огне перед цепями.

Я думаю еще, позволь ему, он завел бы у себя по-старинке и барабанщиков, открывающих барабанным боем атаку в штыки. То же из-за одной красоты. Вот, почему и скачет он в цепях на коне, израненном пулями, залитом кровью. Верхом он был истинным Иисусом Навином.

Уж очень некрасивые были все его кобылы и кони: костлявые, старые, вроде тех еврейских клячь, на которых тащатся на ярмарку в расшатанных таратайках, обвязанных

www.ellan-kazak.ru

веревками, а то и верхом, местечковые Оськи и Шлемки. Веселые замечания о его боевых конях капитан Иванов отражал с достоинством:

— Я быстрых лошадей не люблю, я не кавалерист, — говорил он и тут же добавлял с прелестной улыбкой: — Я пехотный офицер.

В простоте капитана Иванова была та суворовская простота, которая преображала нашу армию в совершенно особое и чудесное духовное существо, отмеченное чертами необычайной семейственности, с батюшками-отцами командирами, с сынками-братцами солдатами, в ту нашу великую армейскую семейку, где немало было таких капитанов Ивановых, для которых солдаты — живая, дышущая Россия-Святыня, а было также и много таких солдат, для которых их капитаны Ивановы были самыми справедливыми и честными, самыми храбрыми и красивыми людьми на белом свете.

Светился суворовский свет в правдивой русской простоте капитана Иванова. Суворовским светом залиты и его последние дни. Это было в самом конце октября 1919-го года. Неслись мокрые метели. Мы отходили. Капитан Иванов и теперь, часто по гололедице, верхом водил в огонь свою четвертую роту. Под Дмитриевым, 29-го октября, он атаковал красную батарею. Четвертая рота попала под картечь. Очередная кобыла была убита под ним. Он повел роту пеший на картечь и четвертая рота взяла восемь пушек. В Дмитриеве четвертая рота стала в резерв. Ночью красные начали наступать от Севска. Полковник Петерс приказал четвертой роте подтянуться к батальону. Капитан Иванов повел роту к вокзалу. В холодных потемках большевики обстреляли нас шрапнелью. Вскоре и я, пишет в своих воспоминаниях генерал Туркул, с моим штабом прискакал к вокзалу.

На площади, в темноте, меня удивил тихий, тягостный вой. Сгрудившаяся толпа солдат, как будто выла с зажатыми ртами. Это была четвертая рота. Солдаты смотрели на меня из темноты не узнавая, не отдавая чести, опустевшими, дикими глазами. Этот невнятный звук, удививший меня, был подавленным плачем. Так плачут наши простолюдины, не разжимая рта. Четвертая рота плакала.

Капитан Иванов, верхом, стал уже выводить роту к вокзалу, когда над ним разорвалась шрапнель. Случайный снаряд десятками пуль мгновенно смел его и его последнего боевого коня. В ту ночь нашей единственой, но столь тяжелой

потерей, был командир четвертой роты — капитан Петр Иванов.

Ночью полк перешел в наступление. Безмолвной, страшной была ночная атака четвертой роты на красных в деревне, под самым Дмитриевым. Они перекололи всех. Они не привели ни одного пленного.

В городе нашелся оцинкованный гроб и было приказано похоронить капитана Иванова с воинскими почестями. Все было готово к похоронам, когда доложили командиру полка, что идет депутация от четвертой роты. Это были старые солдаты капитана Иванова из пленных и с ними подпрапорщик Сорока. Они шли по вокзальной площади тяжело и крепко, сивые от инея, с суровыми скуластыми лицами, угрюмо смотря себе под ноги и с остервенением, как всем показалось, отмахивая руками.

— В чем дело братцы? — спросил я, когда они отгремели по плитам вокзала.

Мгновение они стояли молча, а потом, выдохнули все, заговорили разом, смутно и гневно. Их лица потемнели. Я не понимал, о чем они гудят и остановил их.

— Говори ты, Сорока.

— Так что нельзя . . . Так что робята не хочут капитана тут оставлять . . . Этта, чтобы над ем краснож . . .е поругались . . . Робята не хочут никак . . . Этта сами уходим, а его оставлять, как же такое . . .

Сорока умолк. Я видел, как движется у него кожа на скулах, как изо всех сил он стискивает зубы, чтобы унять слезы, а слезы бегут по жестким, изъеденным оспинами, щекам солдата.

— Хорошо, Сорока, я понял. Но, знаешь сам, мы отходим. Надо же капитана похоронить.

— Так точно. А когда отходим, и он с нами пойдет. Где остановимся крепко, там и схороним его с почестями. Разрешите, господин полковник, взять командира с собой.

Я разрешил.

Дмитриев был нами оставлен 31-го октября после упорного боя с четырнадцатью красными полками. При переходе через железную дорогу нам очень помог наш бронепоезд «Дроздовец» капитана Рипкэ. Была жестокая и темная зима. Мне трудно это передать, но от того времени у меня осталось чувство такое, точно вечная тьма и вечный холод — самая бездыханность зла — поднялась против России и нас. Кусками погружалась во тьму Россия. Мы отступали.

www.elan-kazak.ru

На отходе одну картину, героическую, страшную, никогда не забудут Дроздовцы. В метели, когда гремит пустынный ветер и несет стадами снеговую мглу, в тяжелые оттепели, от которых все чернеет и влажно дымится, днем и ночью, всегда четыре часовых, солдаты четвертой роты, часто в обледеневших шинелях, шли, по снегу и грязи, у мужицких розвален, на которых высился оцинкованный гроб капитана Иванова, полузаметенный снегом, обложенный кусками льда.

Мы отходили. Мы шли недели, месяц, ночью и днем с нашей колонной двигался запаянный гроб, и четыре часовых возле него с примкнутыми штыками.

Я говорил подпрапорщику Сороке:

— Мы все отходим. Чего же везти гроб с собою? Следует похоронить капитана, хотя бы в поле.

А подпрапорщик Сорока отвечал каждый раз угрюмо:

— Разрешите доложить, господин полковник, как остановимся крепко, так и схороним . . .

Ночью, когда я видел у гроба четырех часовых, побелевших от снега, безмолвных, я понимал так же, как понимаю и теперь, что если быть России, то только такой России и быть: капитана Иванова и его солдат.

Почти два месяца, до самого Азова, несла четвертая рота караулы у гроба своего командира. Капитан Иванов был убит в ночь с 30-го на 31-е октября, а похоронили мы его только в конце декабря 1919-го года, под прощальный салют его четвертой роты.

Многие из его солдат остались в России и я думаю, перед ними, как и перед нами, всегда и всюду, пронизывая темную явь, проходят светлые видения нашей общей честной службы России. Проходит перед нами призрачный их командир, капитан Иванов, которому еще предстоит воплотиться снова на земле общего нашего Отечества».

Воспоминание о капитане Иванове отвлекло нас от событий на фронте, но без этого нельзя было обойтись. Ведь капитан Иванов был не один в Добровольческой армии и в его образе и образе солдат четвертой роты представлены те честные русские воины, которые шли в огонь во имя России-Святыни, красиво умирая и честно ей служа.

«Под Мерефой я, — пишет в своих воспоминаниях генерал Туркул, — не исполнил боевого приказа и остановил на марше измученный полк, который и заночевал в каком-то дачном поселке, верстах в пятнадцати от, занятого уже красными, города Харькова. Наши разведчики где-то раздобыли кур и гусей, а в кооперативе поселка нашлись в достаточном количестве галеты и макароны.

После пиршественного стола с чудесным супом из курятины и гусятины, такого вкусного супа мне не доводилось есть больше, все, кроме охранения, полегло вповалку у огней.

Удивительные люди солдаты. Истинные дети: поели досыта, выспались крепко и спокойно, а на утро точно переродились. Все забыто. Дружный говор, смех и дружный пар стоит над полком.

С веселой бодростью вошли в Мерефу удалые Дрозды. А в Мерефе сбились в тесноте: кавалерийская дивизия генерала Барбовича, Второй Дроздовский полк и Самурцы. Наконец-то мы опять встретились.

Все к нам до тонкости предупредительны, рады нам даже чрезмерно. Наперебой приглашают на обеды, на завтраки, на чарочку. Чарочка всюду. Что-то неладное. Уж больно за нами ухаживают. В штабе кавалерийской дивизии генерал Барбович поведал мне о грустных причинах ухаживания. Собственно, все мы в Мерефе отрезаны красными. Ими занята единственная переправа. Пробиться по ней не удалось и теперь одна надежда у всех на славный Первый Дроздовский полк, что не подкачает он и пробьет дорогу.

Тут-то мы и зачванились. Разумеется, я шучу. Мы не зачванились, а только я попросил, когда так, пусть же мой славный Первый полк пригреют в самое тепло, накормят до отвала и дадут на славу отдохнуть.

Нас кормили кухни всех полков, бывших в Мерефе. То-то был обед, то-то был отдых богатырский. После отдыха, со вторым батальоном во главе, я выступил против советской пехотной и латышской конной бригады, перехвативших нам мост у села Ракитного.

Первый полк не подкачал. Удалой атакой, после упорного боя, мы сбили противника и очистили мост. Уже потянулись через мост пехота и конница. Первый полк побатальонно стоял впереди моста, прикрывая отступление. Вот уже главные части перешли через мост и я приказал отходить. Тронулось все. Подался и я с моим арьергардом, офицерской ротой, командой разведчиков, пулеметной ротой.

Вдруг красные поднялись в сильную контратаку. На нас понеслась красная конница. Если бы мы отходили без остановки, конница, а это были латыши, непременно бы смяла

www.elan-kazak.ru

нас. Остановка необходима. Полковник Петерс прыгает с коня, я тоже. Мы отбегаем к офицерской роте, на которую мчатся всадники и с колена начинаем бить по ним из винтовок. Мы оба хорошие стрелки. Арьергард остановился за нами, открыл сильный огонь. Красная конница с моста отхлынула. Я хотел было подняться, чтобы вернуться в строй, как вдруг меня ударило с такой силой в грудь, что я опрокинулся на спину. Дыхание захватило. Рука в крови, на гимнастерке кровь. Я ранен. Я все понимаю, а сказать не могу.

— Командир ранен, командир убит . . .

— Не убит, нет, — а сказать не могу: перехватило дыхание.

Я стрелял с колена. Пуля пробила правую руку, расщепила приклад винтовки, разбила бинокль и ударила под ложечку, скользнувши с кармана гимнастерки, где у меня был серебряный образок. Он-то меня и спас: не то прямо в сердце. Боль отпустила. Могу передохнуть и пытаюсь встать:

— Нет, господа, я еще не убит.

Какая прозрачная ясность ощущения жизни и смерти в такие мгновения. Я не могу этого передать, но в такие мгновения нет больше черты между жизнью и смертью.

Кто-то торопливо рвет зубами бинт, с меня сдирают рубаху, мокрую от крови, и перевязывают руку. Образок на груди, благословение бабушки на поход, разбит пулей. Мне вынули из-под кожи пулю. Живот намазали дочерна иодом.

Точно негр, с забинтованной рукой, я снова сел в седло. Тогда-то, на мгновение, мне показалось, что с нами все кончено: по мосту обратно к нам бежал без строя весь Первый Дроздовский полк, с тяжелым топотом, с гулким и смутным криком.

Мост, стало быть, окружен с обеих сторон. И вот сбиты Дроздовцы, загнанные обратно на мост, бегут.

Я дал шпоры коню навстречу бегущим, а ко мне уже скачет впереди Дроздов командир третьего батальона, полковник Тихменев.

— В чем дело? — кричу я. — Остановитесь, почему драп, почему полк бежит?

— Вовсе не драп, — кричит в ответ и смеется Тихменев. — Полк бежит к вам на выручку.

С моста, рассказал быстро Тихменев, к полку добежали раненые и в цепях закипел тревожный крик:

— Командир оставлен на мосту . . . командир ранен . . . убит . . . ранен . . .

Тогда все, одним порывом, без команд, без строя, бросились обратно на мост, ко мне.

Тихменев смеется. Смеюсь и я, а на глазах у меня и у Тихменева непрошенные слезы.

— Скачите к ним, остановите. Скажите, что я жив, жив . . .

Дети мои. Тогда на мосту я хорошо понял, почему старые командиры называли солдат братцами, ребятами, детьми.

Ну что же, скажу, что я смеялся и плакал на мосту и когда пустил мою Гальку галопом к полку.

Во всю молодую грудь все орут радостно «ура». Все держат мне на караул, без команды, без строя, кто где остановился. Галька закидывает уши, приседает от вопля трех тысяч ярых молодых глоток, а у меня черный живот, как у негра, сбились бинты и я, изо всей силы, сжимаю зубы, чтобы не разреветься, по-мальчишески, перед полком.

Никто, и ничто, и никогда в жизни не даст мне такого полного утешения, такой радости духа, как та, какую я испытал на мосту у Ракитного, когда я имел честь командовать Первым Дроздовским полком».

Положение на фронте с каждым днем становилось все тревожнее. Назначение генерала Врангеля командующим Добровольческой армией, на место генерала Май-Маевского, пришло слишком поздно, когда положение на фронте было слишком путанное и отход становился все отчаяннее. Сплошного фронта не было, в тылу кишели партизанские красные банды. Оказывали сопротивление красным, главным образом, добровольческие части и донские казаки. Кубанские же полки отходили при первом появлении конницы противника, не оказывая сопротивления и с каждым днем состав их уменьшался. Уходили назад на свою Кубань. Нередко отступающие части теряли связь между собой. От интендантства не было никакого снабжения. В тылу полная разруха: все в панике бежит. Там процветали спекуляция и пьянство. Там царили одна сволочь и шкурники, эта человеческая падаль развала.

Вернемся ко 2-му Конному генерала Дроздовского полку, которого оставили 10-го декабря в селе Царская Слобода.

Расположившись в этом селе, полк до 12-го декабря вел бои с местными большевистскими отрядами. 12-го декабря неожиданно красные, переправившись через Днепр на участке Гвардейской пехоты, нападают на село Царская Слобода.

www.elan-kazak.ru

После тяжелого боя, в котором особенно сильно пострадала 7-я сотня полка, потеряв много всадников и своего командира, капитана Галицкого, полк оставляет село, но на другой день, совместно с пехотой, выбивает красных за Днепр и вновь располагается в селе Царская Слобода, оставаясь там до 18-го декабря. Включенный в состав 9-й пехотной дивизии, полк 18-го декабря стал отходить от Днепра в направлении города Елизаветграда. 24-го декабря полк подошел к городу и расположился в 6-ти верстах от него в селе Сазоновке, прикрывая правый фланг пехоты и город с севера. Ведя непрерывную разведку на север и северо-восток, полк ежедневно имел стычки с противником, а 27-го декабря, когда отряд местных партизан, силою свыше 1000 штыков, внезапным налетом пытался занять город, тремя эскадронами, бывшими в городе (3-м, 5-м и 7-м), отбил нападение. То же самое повторилось и 1-го января. Вторичная попытка красных занять город, была отбита полком и красные вновь понесли сильные потери.

Согласно создавшейся общей обстановке на фронте и по приказу начальника 9-й пехотной дивизии, в первых числах января полк, оставив в селе Сазоновке один эскадрон, перешел в село Масленовку. 11-го января, после ряда упорных боев, город Елизаветград был оставлен. Бывший в селе Сазоновке эскадрон полка был вынужден отходить ночью по страшной метели и, пройдя 60 верст, смог присоединиться к полку только в селе Вишневые Сады. Отходя на город Бобринец, полк имел удачный бой с противником у села Компаниевка, заняв его. На другой день полк оставил село, после упорного боя с подошедшими крупными силами противника, отойдя в село Ровное, где находился Белозерский пехотный полк. Вместе с Белозерцами, отступая, с боем было занято село Анновка. Возле станции Мигея полк перешел железную дорогу и, переправившись у Ольгиополя через Буг, заночевал в селе Стенковка, оставаясь в нем 18-го декабря. На хвосту за полком следовали 401-й, 402-й, 403-й и 404-й советские полки. Полк, ведя с ними бой, 19-го декабря выступает, предполагая соединиться в селе Щаслиевке со Сводным полком Кавказской Кавалерийской дивизии, но подойдя к селу, нарывается на большие силы красных, меняет направление и к вечеру подходит к селу Мариновка, а оттуда двигается на село Нововладимировку, где 21-го января и произошла встреча со Сводным полком. После упорного боя было занято село Жидовка конной атакой 2-го и 7-го

эскадронов полка. Продолжая отход, полк переходит железную дорогу Одесса—Бирзула у станции Мигаево и ночует в селе Константиновке. На станции Мигаево, получив известие о занятии противником станции Раздельная, отходит к городу Тирасполю, уничтожив на станции брошенные интендантские склады. Пройдя село Антоновку-Ковачи, было получено приказание отходить в Польшу, так как Румыния не пропускала наши части на свою территорию.

Дроздовцы отходили в Каменоугольный район. Некоторые Дроздовские части отходили частично, погрузившись в эшелоны. Первый полк отходил походным порядком. Оставлены Краматорская, и эшелоны с частями Дроздовской дивизии отходят на Константиновку и Ясиноватую. Батареи Дроздовской Артиллерийской бригады 13-го декабря собирались на Прохоровских рудниках, откуда 18-го декабря выступили на Караванную. Еще стояли сильные морозы. В Ларино был командирован капитан Н. Ф. Соловьев, офицер 1-й батареи, чтобы там на складах достать обмундирование для батареи. Там он нашел брошенные склады интендантства, бронемашины, орудия, санитарные летучки и другие склады со всевозможным имуществом. В районе Донбасса к этому времени скопилось огромное количество железнодорожных составов, груженных снарядами, патронами и разным имуществом. Все это при отступлении только частично было уничтожено. Также очень много больных и раненых попало в плен.

Наступающая конная группа Буденного прорвала наш фронт в районе Дебальцево и, наступая вперед, в районе села Алексеево-Леоново, окружила Марковскую дивизию.

После упорного боя, остатки дивизии вышли из окружения, потеряв 13 орудий, 50 пулеметов, свыше 500 человек пленными, в том числе 67 офицеров. По советским данным — число взятых в плен офицеров, захваченных орудий и пулеметов совпадают поразительно, но число пленных вообще показано значительно большим, а именно 1200 человек только стрелков.

Некоторым, попавшим в плен, удалось после бежать к своим. В числе бежавших был младший унтер-офицер Чарочкин и сестра милосердия Нина Курбская. Последняя рассказывала, что победа досталась красным тяжелой ценой, так как в этом бою красные понесли большие потери убитыми и ранеными, а вокруг села лежало много убитых лошадей.

www.elib-pskov.ru

В Марковской дивизии после боя осталось: в 1-м полку около 300 человек при 6-ти пулеметах, во 2-м полку около 250 человек при 10 пулеметах и в 3-м полку — около 300 человек при 4-х пулеметах. Относительно в порядке сохранился Марковский конный дивизион. Всего же в дивизии осталось около 850 стрелков при 20-ти пулеметах. На долю убитых падает большой процент.

18-го декабря скончался, заболевший при отступлении, начальник Марковской дивизии, генерал Тимановский. Остатки, вышедшей из боя, Марковской дивизии собрались в районе села Успенска, откуда, через село Султан-Салы, 20-го декабря прибыли в Ростов. В Ростове дивизия пополнилась за счет выздоравливающих в госпиталях Марковцев, бывших при хозяйственных частях, обозах или не могущих найти при отступлении свои полки. В конечном итоге в Ростове в дивизии собралось свыше 1000 человек при 16 орудиях (в число орудий, кроме одного, вывезенного из боя, вошли орудия двух батарей, бывших в резерве и запасной). В командование Марковской дивизией вступил полковник Блейш, командирами полков были назначены: 1-го полка — капитан Марченко, 2-го полка — капитан Перебейноса, а командиром 3-го полка остался капитан Савельев. 23-го декабря, согласно полученного приказа, Марковская дивизия выступила в станицу Уманьскую.

В то время, когда красные громили Марковскую дивизию и шел бой в районе Дебальцево, Первый Дроздовский полк находился в районе Горловки.

В книге «Дроздовцы в огне» генерал Туркул написал:

«В те тяжелые дни отступления я сжал полк. Отборных бойцов отправил в Горловку, а других свел в один сводный батальон под команду капитана Янчева. Признаюсь, я думал, что люди сводного батальона, особенно из красноармейцев, отстанут от нас при отходе. Но капитан Янчев привел в Горловку и этот батальон полностью, да еще с пленными. Я удостоверяю, что и в дни отхода и тылового развала, перебежчиков у нас не было. Тогда еще все чувствовали свою честную правду и силу, свою плотную и широкую Дроздовскую грудь».

После прорыва конницы Буденного у Дебальцево и продвижения ее ударной группы в направлении на Ростов, оставаться в Каменноугольном районе уже было нельзя и в Горловке был получен приказ оставить Кеменноугольный район.

Эшелонами и походным порядком, подбирая в пути отставших и одиночек, Дроздовская дивизия отступила и сосредоточилась в районе Мокрый Чалтырь у Ростова. 22-го декабря полковник Манштейн со своим Третьим Дроздовским полком занял укрепленные, правда довольно плохо, позиции. Там же в Мокром Чалтыре стоял английский танковый отряд.

После боя под Алексеево-Леоново конница Буденного продолжала свое наступление в направлении на Ростов, чтобы расчленить Вооруженные Силы Юга России. После этого на время фронт как бы стабилизировался и некоторое время он проходил по линии от станции Хопры на селение Крым-Султан-Сала и далее, верстах в 12-ти севернее города Новочеркасска, откуда дальше в направлении на Черный Яр, не доходя до которого линия фронта сворачивала вправо на юг по линии озер. Царицын был оставлен без боя. Красные до Сочельника, видимо поджидали подхода своей пехоты, а посему дальнейшего наступления на этом участке фронта не предпринимали, и только в районе ст. Синявки появились мелкие разъезды красных.

Добровольческая армия была расформирована и все ее части были сведены в Добровольческий корпус с подчинением генералу Сидорину, командующему Донской армией. 24-го декабря был оставлен город Новочеркасск.

Часть Вооруженных Сил Юга России, входящая раньше в состав Добровольческой армии, отступала в направлении на Крым, а еще одна часть отходила на юг в направлении Одессы (потом отошла в Польшу). С большим опозданием стали укреплять позиции на Перекопе и ставить там морские орудия, сняты с подорванных в Севастополе судов.

Генерал Врангель уехал вначале на Кубань, а после и совсем из территории, занятой Вооруженными Силами Юга России, в Константинополь.

Возвращаясь к воспоминаниям генерала Туркула мы находим:

«Ко мне в штаб полка пришли с визитом англичане: лейтенант Портэр и майор Кокс. Потом я отправился к ним. Все англичане оказались прекрасными товарищами. Мы пригласили их к нам встретить Сочельник. В здании, где раньше была школа, к Рождественскому ужину были накрыты столы и туда пришли довольно парадные и слегка чопорные англичане и наши полковые офицеры, тоже подтянутые и с холодком.

www.elan-kazak.ru

Так было до первой звезды, но после и холодок, и все церемонии улетучились. Мы дружно заговорили друг с другом, хотя среди нас и не было особенных мастеров в английском языке. Зато надо прямо сказать, что выпито было вдоволь. Англичане удивительно и особенно внимательно отдавали честь всем нашим настойкам и наливкам. Скоро за столами стали брататься: целовались и клялись в вечной дружбе.

Тогда мы хорошо понимали друг друга, не правда ли лейтенант Портэр, не правда ли майор Кокс?

Я только подливал, сам не пил, и вскоре незаметно вышел из-за стола. В эшелоне штаба полка, на станции Гниловской, меня ждали к Рождественской звезде мои мать и жена, приехавшие тогда ко мне. С капитаном Елецким и ординарцем я отправился на дорогое свидание.

Была звездная ночь. Звезды в тумане. Вскоре перед нами засветились смутно огни, но это были огни Ростова. Мы ошиблись тогда дорогой. Мы поскакали к Ростовскому вокзалу. Я уже давно не видел города, но теперь не узнавал его. Вокзальные залы, коридоры, багажные отделения — все были превращены в огромный мрачный лазарет. Люди лежали там вповалку и на каждом шагу надо было обходить кого-нибудь, прикрытого шинелью, переступать через чьи-то ноги и руки. Все это лежащее было больные сыпняком.

С тяжелым чувством мы вышли и сели на коней. Темные улицы забиты вереницами подвод, около которых стояли понурые люди, ожидавшие, когда их куда-то двинут.

Тяжелое чувство было у меня в ту Рождественскую ночь. Город казался обреченным.

Было далеко за полночь, когда, наконец, мы прискакали на станцию Гниловскую, а когда посветало, от Мокрого Чалтыря загрохотали пушки. Мы немедленно поскакали обратно. Наступал пасмурный день. Полк уже был выстроен на площади и ждал меня. Тут же суетились англичане, щелкая кодаками. Красные обстреливали шрапнелью.

На самом рассвете большевики пошли в наступление, прорвав фронт Третьего Дроздовского полка. Конница Буденного смяла и тяжело порубила офицерскую роту. Английские танки с английскими командами пошли на выручку и застряли в цепях красных, в пахоте.

Я приказал полку развернуться для атаки. Под звуки старого Егерского марша, роты Первого полка, четко печатая шаг, с оркестром, двинулись в огонь. Англичане нам ру-

коплескали. Наша стремительная атака выручила Третий полк и освободила, застрявшие в пахоте, английские танки.

Но и этот боевой эпизод не изменил положения на фронте. Отход продолжался, части катились лавиной дальше и не прошло много дней, как и Ростов оказался в руках красных. В бою 26-го декабря, бывшие правее Дроздовцев, пластуны терцы почти все целиком сдались, оголив наш правый фланг, вынудив отступить корпус генерала Мамонтова. Произошло это после того, как во время контратаки части генерала Мамонтова, увлеклись призрачной победой в начале своей контратаки, стали было преследовать конницу противника и были неожиданно атакованы, в свою очередь, с флангов. В ночь на 27-е декабря в городе Ростове подняли восстание запасная батарея и пулеметные команды. Правда, восстание было подавлено и им здорово всыпали юнкера и кавалеристы, но город все же около 10 часов 27-го декабря был нашими частями оставлен и занят красными. Из Ростова не удалось почти ничего эвакуировать. Там попали в руки красных не только грандиозные запасы всего, но даже лазареты и санитарные летучки с ранеными и больными.

В ночь на 27-е декабря, получив приказ отойти в район Батайска, Дроздовцы выступили из Мокрого Чалтыря в направлении на Ростов. Вместо Дроздовцев, предположено было, что позиции займет Алексеевская дивизия, пришедшая с побережья. Было очень холодно, сыпалась крупа, перемешанная с дождем. Намокшая до нитки одежда вскоре стала покрываться ледяной корой. От станции Хопры Дроздовцы отходили вдоль полотна железной дороги на Ростов, а по всей железнодорожной линии скоро, без всякого промежутка, стояли бесконечные железнодорожные эшелоны, груженные всяким имуществом. Некоторые уже горели. На станции также были слышны взрывы. Там уничтожались, дорогой ценой приобретенные, громадные запасы всего и всяческого. Не успели еще части Дроздовцев далеко отойти от станции, как там полетели в воздух взорванные вагоны со снарядами. Скоро за ними стали взрывать и бронепоезда, застрявшие между эшелонами.

Вдоль всего пути следования отходящих Дроздовцев горели эшелоны с обмундированием, бельем, обувью, табаком и сахаром. Горели и летели в воздух запасы, стоящие многие миллионы. Отходящие части раздобыли из горящих вагонов для себя очень многое, что еще удалось спасти и в чем они особенно сильно нуждались, но долго задерживать-

www.elan-kazak.ru

ся было нельзя. Отход продолжался и надо было спешить, чтобы прийти вовремя к месту переправы.

К станции Гниловской Дроздовцы подошли к 10 часам утра и здесь стало известно, что в городе Ростове уже красные, а до города всего лишь верст шесть. Переправиться по мосту из Ростова уже было нельзя и оставался единственный возможный переход на другую сторону Дона — переправа по льду через Дон. Но и тут получилось большое «но». Дело в том, что дня три тому назад по реке прошел, держа путь в море, ледокол и лед был нарушен. Хотя, благодаря довольно сильному морозу, Дон вновь замерз, но не настолько достаточно, чтобы можно было через него переправляться без всякой опаски, а о переправе по льду, пришедших с Дроздовцами, танков не приходилось даже и думать. Танки пришлось, после переправы Дроздовских частей, взорвать. Вначале переправлялась пехота, потом обозы и последними — артиллерийские части. К счастью лед выдержал.

На станции Гниловской остались громадные склады всего. Не ожидая окончания переправы через Дон, на станции подожгли нефть и начали взрывать склады со снарядами, патронами, динамитом и порохом. При взрыве одного вагона с динамитом пострадало до 50 солдат Первого Дроздовского стрелкового полка. Когда шедший в голове отходившей дивизии Третий Дроздовский полк полковника Манштейна подошел к окраине города Ростова, он подвергся обстрелу. Полковник Манштейн не рискнул занимать город, для того, чтобы пройти через него на мост, и он повернул полк на Гниловскую, где и переправился через Дон по льду.

Переправившись по льду 27-го декабря, Дроздовская дивизия с артиллерией и обозами прибыла в большое село Койсуг возле Батайска. Дивизии было приказано занять фронт по линии от Азова до Батайска. Фронт намечался по левому берегу реки Дона до станицы Усть-Манычской и дальше по линии озер. Город Азов должен был занимать Корниловский запасный полк. 28-го декабря полк покинул город, но уходя об этом не донес. 29-го декабря в Азов был отправлен батальон 2-го Дроздовского стрелкового полка. Уходя из Азова Корниловцы забрали с собой всех лошадей местной пожарной команды и много кое-чего из армейского склада Донской армии, находящегося в городе. Этот склад, до прихода в Азов батальона Дроздовского полка почти двое суток оставался без всякой охраны. Когда же в город вошли Дроздовцы, жители Азова приняли их за красных. Один из жителей

даже снял шапку и приветствовал пришедших со словами: «Здравствуйте товарищи». Он был страшно удивлен, когда в ответ получил по голове нагайкой.

После отхода Добровольческой армии за Дон, самой сохранившейся дивизией, и качественно и по числу штыков, была Дроздовская стрелковая дивизия. Вообще же преобладало подавленное настроение и многие были даже близки к отчаянию. Чтобы привести все части в порядок и поднять их настроение, нужно было, конечно, некоторое время. Теперь же создалось такое положение, что даже небольшие соединения красных и даже их разъезды, после нескольких выстрелов, могли сбить и гнать целые части, что чуть и не случилось 29-го декабря в Батайске. Когда разведка красных подошла к городу Батайску, расположенный там Корниловский полк без всякого боя драпанул и его удалось остановить только на южной окраине города, завернуть назад и восстановить положение. Красные же и не думали в тот момент занимать город. Была только их разведка. Люди потеряли веру в свою силу.

Наступившие оттепели и дожди превратили дороги в непролазную грязь, а к тому же Дон стал непроходим по льду и явился естественной преградой для дальнейшего наступления красных. За это время белое командование имело возможность навести порядок в частях и сделать нужную перегруппировку своих частей, понесших громадные потери за время отступления от Орла.

Отход Вооруженных Сил Юга России от Орла закончился, можно без преувеличения сказать, разгромом основных сил генерала Деникина. Остатки войск, изолированные друг от друга, группировками отошли: основные и большая часть, уцелевших после боев сил, оказалась за Доном, часть отошла в Крым, а часть, после отступления на Одессу, оказалась на территории Польши. Среди отошедших в Польшу оказался и 2-й конный генерала Дроздовского полк. Последнему удалось присоединиться к дивизии только летом 1920 года в Северной Таврии.

Одесса была занята 41-й и 45-й советскими пехотными дивизиями и Кавалерийской бригадой Котовского в ночь 8-го февраля по новому стилю.

Бывшие в Северной Таврии части генерала Слащева, отошедшие в Крым, вели упорные бои с красными у Перекопа, Сиваша и Чонгарского полуострова. Сил у него было немного и, только благодаря тому что красное командование свое-

www.elan-kazak.ru

временно не обратило достаточного внимания на этот участок фроста, генералу Слащеву удалось задержать наступление красных и не дать им возможность проникнуть в Крым.

Если взглянем, даже бегло, на состояние нашего тыла во время наступления красных и отхода белых от Орла, будет ясно и понятно, что головокружительный успех красных совсем не явился противоестественным и его надо было кое-кому предвидеть.

Если красные всю свою деятельность строили на сделке с совестью, то удивляться тут нечему, так как и сам приход их к власти произошел с помощью обмана солдат на фронте и крестьян в тылу. Но совсем непонятно становилось поведение интеллигенции за спиной Белых армий, занимавшейся спекуляцией, развратом, кражами. Шкурничество и даже предательство — процветали. Все было принесено в жертву личной безопасности, сытой, развратной жизни и обогащению. Идея, долг, обязанность и государственность отошли на задний план и были просто забыты. Там в тылу забыли даже Армию в снегах Орловской губернии — Армию, воюющую бессменно, без необходимого отдыха, без необходимых пополнений, слабо обмундированную, хотя для всего этого было еще и тогда очень много возможностей. Несвоевременно и вообще не была проведена мобилизация в тех губерниях, где население и особенно крестьянская его часть явно было враждебно настроено против советской власти. Неумелая и ничтожная пропаганда «знаменитого» Осваг шла только во вред, и никакой помощи в деле борьбы не оказала. Сам же Осваг был сборищем ловчил и шкурников. Результатом преступного поведения тыловых властей явилось, возникшее в столь громадных размерах, партизанское движение в тылу Армии, для борьбы с которым белому командованию пришлось оттягивать с фронта даже целые дивизии.

Не только в глубоком тылу, но и в самом Штабе Добровольческой армии, во время командования ею генералом Май-Маевским, творилось такое безобразие, такое пьянство и разврат, что в результате вызвало замену Май-Маевского генералом Врангелем. Но эта замена произошла слишком поздно. Тыловые учреждения этой армии работали совсем плохо, нисколько не заботясь о снабжении фронта. Иначе обстояло дело снабжения в Кавказской Добровольческой армии генерала Врангеля, где оно стояло на большой высоте.

Храбрость города берет — говорит пословица, но одной

храбростью освободить целое государство оказалось невозможным. Для этого была необходима соответствующая помощь и тыла. А получилось как раз наоборот: когда дела на фронте шли хорошо и уже мерещилась Москва, в тылу решили, что и без них обойдется и не стоит рисковать своей жизнью, а лучше позаботиться о своем обогащении и устройстве своих личных дел. Когда же стало скверно и запахло порохом, вместо того, чтобы пойти на помощь истекающей кровью Армии, тыловые паразиты старались, как можно скорей, скрыться подальше от фронта, спасая свою шкуру. Такова была психология не единиц, а тысячь.

Такое разложение тыла происходило еще и потому, что лозунг «За Единую, Неделимую Россию» оказался голым и, не подтвержденный законами о земле, труде и социальных мероприятиях, никого больше не удовлетворял. Красные же массовой пропагандой твердили, что они борются также за Единую Россию, но нового порядка, а не старорежимную, за которую, по их объяснениям, сражаются золотопогонники, суля различные блага в будущем и подкрепляя свои слова и действия террором против инакомыслящих.

Не испытавшая еще все прелести коммунизма, главная масса населения оставалась инертной и ждала, что все придет в соответствующий порядок без их участия. Безвольная интеллигенция вообще не была способна оказать должное сопротивление. Партии левого уклона только способствовали успеху красных...

В невеселом настроении пришлось встречать Новый — 1920 — год Дроздовцам у «разбитого корыта». Дроздовцы, как и все другие добровольцы, предполагали 1920 год встретить уже в Москве, а не в Азове и Батайске.

Погода окончательно испортилась, а бесконечные дожди превратили дороги и улицы в вязкое болото. На фронте затишье. Стали подсчитывать оставшиеся силы и оказалось, что по численности они не уступали силам к началу 1919 года, но тогда фронт был в Донбассе, а теперь на Дону; тогда всем грезилась Москва, а теперь по вечерам вдали мерцали огни Ростова, да и качество войск было иное и противник более сильный.

Станица Елизаветинская, что по другую сторону Дона, ни кем не занята. Против нее, на левом берегу Дона, расположены Дроздовцы. До станицы Елизаветинской всего лишь верст около трех и весь противоположный берег отлично виден в глубину верст до семи. Передвижение там противника

www.elan-kazak.ru

невозможно и могло быть остановлено даже одним артиллерийским огнем.

Во время стоянки Дроздовцев в этом районе, вблизи села Койсуга, в степи был зарублен красными ординарец полковника Туркула, Иван Андреевич Акатьев, бравый солдат, красавец. Он ушел с Дроздовцами в поход еще из Румынии. 4-го января погиб двоюродный брат полковника Туркула — Павлик, бывший кадет Одесского корпуса, поехавший в отпуск к матери полковника Туркула. Он и несколько офицеров с двумя дамами, во время остановки в одной деревне, подверглись нападению партизан, которые незаметно переправились по льду у Азова, захватив их неожиданно, отдыхающих в избе, в то время, когда возницы их пошли поить коней. Всех захваченных партизаны зверски мучили, потом еще живыми спустили под лед. Возницы успели доскакать обратно в полк. Посланные на подводах Дроздовцы захватили всех этих партизан и тут же на месте расстреляли.

На Кубани была объявлена мобилизация и приступлено было к формированию казачьих корпусов. На фронте некоторое оживление, и 2-го января Первый Донской корпус слегка тряхнул большевиков, причем им было взято около 2000 пленных и захвачено 3 орудия и 20 пулеметов.

Только теперь многим стало ясно, что преждевременно и глупо был оставлен город Ростов со всеми богатствами в нем. В иное время, пожалуй, было бы по-иному. Ведь могла же Дроздовская дивизия, вопреки полученному приказу, самовольно, прямо из Гниловской ударить на красных, занявших Ростов, вместо того, чтобы переправляться через Дон по льду и взрывать свои танки. Теперь также стало ясно, что тогда Дроздовцы могли бы легко вновь занять Ростов, наделать много неприятностей красным, произвести нужную эвакуацию и многое спасти и только позже оставить город, если бы общая обстановка этого потребовала.

Главным препятствием к этому послужило, с одной стороны, отсутствие решимости, упадок настроения и полная неосведомленность об общем положении на фронте, а, с другой стороны, точное и категорическое приказание об отходе дивизии в Батайск.

Не будь всего этого, может быть и ход всей борьбы с красными был бы иной.

К вечеру 2-го января 1920 года приморозило, подул порывистый и сильный ветер и началась сильная метель, но на другой день опять наступила оттепель и вновь полил дождь.

Передвигаться стало еще хуже, так как ноги теперь проваливались по колено в снег и вязли в подснежной воде и грязи. На протяжении всего фронта Дроздовской дивизии было спокойно. Одна рота 2-го полка 5-го января переправилась на правый берег реки Дона и заняла станицу Елизаветинскую. Там красных не было. В станицу перед Новым годом появился конный разъезд красных с целью набрать в свою армию добровольцев, но, не найдя желающих, быстро ретировался.

Наступившее временное затишье на фронте благоприятно подействовало на настроение войск и дало возможность командованию привести части в относительный порядок и наладить немного жизнь в тылу. Это затишье было нарушено красными, которые 5-го января повели крупными силами наступление правее Батайска. Верстах в 20-ти севернее Батайска красные переправили несколько своих дивизий через Дон и, поведя наступление, заняли станицу Ольгинскую. Для остановления и ликвидации этих красных сил были двинуты: Терская казачья дивизия генерала Топоркова, Кавалерийская дивизия генерала Барбовича в помощь нашим частям на этом участке фронта. Прорыв красных на левый берег Дона был быстро ликвидирован, после недолгого, но упорного боя и конница Буденного понесла большие потери, а из переправившейся на наш берег пехоты мало кому удалось вернуться обратно за Дон. Было взято несколько тысяч пленных, захвачено 12 орудий и до 100 пулеметов. Дальнейший разгром Буденный избежал только благодаря тому, что на правом берегу Дона была многочисленная артиллерия красных, которая своим огнем прикрыла отход назад коннице Буденного и не позволила захватить и отрезать места переправ.

В свою очередь, переправившись через Дон значительно ниже, Дроздовцы и Корниловцы атаковали красных, занимавших Ростов, но выбить их из города не смогли. Слабость льда не позволила переправить через Дон артиллерию. После этого наши части вернулись в исходное положение. Попытки красных наступать на станицу Елизаветинскую, были отбиты Дроздовцами.

По численности в дивизии самым многочисленным полком был Первый полк, которым командовал полковник Туркул, потом шел Третий полк полковника Манштейна и за ним — самый малочисленный по своему составу — Второй полк, под командой полковника Титова.

www.ellam-vazak.ru

Положение в глубоком тылу продолжало быть весьма напряженным. Кубанская Рада была настроена весьма неблагожелательно к генералу Деникину и последний свою ставку из Екатеринодара перенес на станцию Крымская. Большинство членов Кубанской Рады было настроено самостийнически. Даже преемник умерших атаманов (Филимонова и Успенского) генерал Букретов был самостийником. Среди казаков велась пропаганда в том же направлении. Председатель Верховного Правительства Юга России при ставке генерала Деникина, генерал Богаевский, во время выступления в Кубанской Раде, призывая к общему единению, встретил сильную оппозицию и со стороны депутатов слышны были весьма нелестные реплики.

Только теперь генерал Деникин нашел нужным обратиться с воззванием, в котором были следующие фразы:

«Счастье России я ставлю на первый план и работаю над освобождением России. Продолжение борьбы возможно, необходимо и обещает успех».

Генерал Деникин объявил и цели и основы общероссийской власти, из которых главные:

Единая, Великая и Неделимая Россия.

Борьба с большевиками до конца.

Земля крестьянам и трудовому казачеству.

Широкое обеспечение профессиональных интересов и прав рабочих.

Жаль, что обо всех этих целях и основах было сказано только теперь, а не раньше, хотя бы — когда началось наступление Армии в начале 1919 года.

Положение у большевиков было в то время также весьма напряженным и самую лучшую оценку его мы находим в словах самого Троцкого:

«Отсутствие продовольствия, расстройство транспорта, голод, холод, глубокое и открытое недовольство нами масс — все это грозит последствиями, которые до конца напряженная власть не в состоянии будет ликвидировать. Наш противник тоже совершенно выдохся и весь вопрос в том, кто из нас в состоянии будет выдержать эту зиму. Мы не в состоянии воевать, они тоже; поэтому, во что бы то не стало: *наступать*».

Красное командование стягивает все свободные свои резервы против войск Юга России, отошедших за Дон. Этот участок фронта стал главным. В этот район отошли основные силы Добровольческой, Донской и Кавказской Добровольческой армий. Последняя в своих рядах имела весьма поредевшие полки, так как большой процент кубанских казаков ушел на Кубань. Красные и обратили свое главное внимание на участок фронта этой армии. До середины января 1920 года в роли главнокомандующего у красных был Шорин, а после него Тухачевский, бывший гвардейский офицер Императорской Российской армии и впоследствии маршал Советского Союза. В состав красных войск на этом участке фронта входили части 8-й, 9-й, 10-й и 11-й армий, отдельная 1-я Конная армия Буденного и Сводный конный корпус. 5-го января советский «Главковерх» Шорин попытался наступать правее Батайска, о чем было уже сказано выше, но эта попытка закончилась поражением, и конница Буденного понесла большие потери, а красная пехота — разгромлена. Шорин был смещен со своего поста и на его место назначен Тухачевский. После этого на этом участке фронта несколько дней было затишье.

На юго-западном участке, против отходивших частей Добровольческой армии в двух направлениях (в Крым и на Одессу), находились части 12-й, 13-й и 14-й советских армий под командованием Егорова, также бывшего офицера Императорской Российской армии. Главная и основная часть сил 13-й советской армии под командованием вначале Геккера, а потом Паука, вела бои с частями генерала Слащева, отходившими в Крым. Проникнуть в Крым красные не смогли и фронт стабилизировался по линии Перекоп—Сиваш—Чонгар.

Другая часть войск Юга России, под командой генерала Бредова, отходившая вначале в сторону Одессы, после падения города отошла в Польшу, главной своей частью, а меньшая часть попала в Румынию. Об участи 2-го Конного генерала Дроздовского полка мы находим в дневнике полковника Кабарова, последнего командира этого полка.

Получив приказание отступать к польской границе, 2-й Конный полк от Тирасполя круто повернул на север и благополучно прошел Григориополь—Дубоссары, имея на хвосте 401-й и 404-й полки советской пехоты и вновь прибывшие резервы красных. 1-го февраля с этими частями красных полк целый день вел упорный бой у села Федоровки. С наступлением темноты полку удалось оторваться от противника и он прибыл в село Каменка.

2-го февраля полк соединился с конницей генерала Склярова и вошел в его подчинение. 3-го февраля в селе Мок-

www.elan-kazak.ru

ром 2-й Конный полк сменил Лабинский полк и весь день вел упорный бой с 3-мя бронепоездами красных, имея задачу прикрыть переправу всей отступающей колонны с обозами через железную дорогу у станции Колбасная. Полк блестяще выполнил возложенную на него задачу и заночевал в селе Красном. Из села Красного, продолжая движение на север, полк, двигаясь боковым авангардом, к вечеру 6-го февраля прибыл в село Малое Песчаное, имея на правом фланге в пяти верстах укрепленную позицию красных. 7-го февраля полк под артиллерийским огнем красных двинулся дальше и, пройдя Поповку и Петровку, заночевал в хуторах левее Петровки. Там он получил приказание, двигаясь боковым авангардом, занять Жмурин. 8-го февраля полковые квартирьеры с 7-м эскадроном полка выбивают из Жмурина 4-й кавалерийский дивизион красных численностью в 300 шашек при двух орудиях. Полк ночует в Жмурине, отбив одну атаку красных днем и повторную ночью. Утром, 9-го февраля, приняв влево и обойдя село, полк продолжает намеченный путь. Вскоре полк подошел к железной дороге Жмеринка—Могилев и, несмотря на сильный артиллерийский обстрел из бронепоездов, взрывает мосты и в 15 местах железнодорожное полотно. Двигаясь дальше и, перейдя железную дорогу, встретив в Михайловке полк противника при 8-ми орудиях и дивизионе конницы, в течение целого дня 11-го февраля вел с красными бой. Благодаря этому полк дал возможность главным силам отойти спокойно к местечку Замехов. Переночевав в селе Кривохижинцах, полк двинулся по следам колонны и прибыл 12-го февраля в местечко Замехов, где и соединился с поляками.

За последний месяц своего отступления полк прошел много верст пути, постоянно преследуемый противником, приняв участие в 8-ми крупных боях и ведя ежедневно мелкие стычки с красными. Полк не потерял ни одного орудия, ни одного пулемета, ни одного всадника пленным, но, наоборот, сам захватил 15 пулеметов и много пленных.

Соединившись с поляками, полк занял позиции у села Заборозневцы, высылая разъезды на село Гули. 14-го февраля противник силою до двух полков пехоты при 12-ти орудиях повел наступление на Заборозневцы и выбил было вначале полк из села, но энергичной контратакой в пешем строю полк в свою очередь выбил красных из села Заборозневцы и заставил их поспешно отступить обратно в село Гули. Оставив в Заборозневцах один эскадрон, полк перешел в

село Филипповцы, где и находился до первых чисел марта, ведя разведку на Замехов поочередно с 42-м донским полком. В первых числах марта полк принял участие в общем наступлении с поляками: прикрывая их левый фланг, энергичным ударом выбил красных из села Гули и тем самым способствовал продвижению всей наступающей группы почти без боя вперед на 20 верст.

По окончании этой операции, во исполнение договоренности нашего командования с поляками, полк ушел через Глобовку и Солодковцы в Ермолинцы, где, сдав лошадей, погрузился в эшелоны для следования в город Краков. Там он должен был отбыть двухнедельный карантин, а потом следовать через Румынию в Крым на соединение с Русской армией генерала Врангеля.

Карантин полк отбывал не две недели, а свыше четырех месяцев в двух лагерях. Командир полка, полковник Амбразанцев, со штабом, 1-м, 2-м, 3-м и 8-м эскадронами отбывал карантин в лагере возле Кракова, а 5-й, 6-й и 7-й эскадроны, пулеметная команда и санитарная часть полка, под командой ротмистра Полторацкого — в лагере Пикуляицы вблизи города Перемышля и были размещены в бараках, обнесенных проволочными заграждениями, в которых раньше помещались военнопленные, подвергаясь самому строгому режиму со стороны польских властей.

Но ни недостаток питания, ни строжайшие, подчас бессмысленные требования санитарных властей, ни сидение за проволокой, ни повальный тиф, ни разлагающее влияние совместного пребывания с пленными большевиками и патриотствующими украинцами, ни посулы со стороны польских организаторов всевозможных формирований, не нарушили внутренней сплоченности солдат и офицеров. Чины полка, помня былую славу полка, вынесли с честью все испытания, ожидая с нетерпением отправки в Крым.

Наконец наступил долгожданный день. 15-го июля 1920 года, оставив несколько малодушных, обе части полка одновременно покинули лагеря и, соединившись вместе, 19-го июля перешли Румынскую границу. 21-го июля полк прибыл в Рени, где, погрузившись на баржу, по Дунаю отплыл в Сулин. В Сулине, погрузившись на пароход «Херсон», полк отплыл в Крым и прибыл 29-го июля в город Феодосию, где и высадился, горя желанием как можно скорей вновь начать боевую службу. Отдохнув и получив кое-какое обмундирование из тех скудных запасов, которые имелись у командо-

www.elanekazak.ru

вания, уже 6-го августа полк под командой полковника Силкина покидает Феодосию. По пути на фронт, в Мелитополе, полк получил пехотные винтовки и патроны и отбыл в село Михайловку.

Прибывший из Польши с полком его командир, полковник Амброзанцев, явился с рапортом к генералу Кутепову и тогда же попросил разрешить ему проехать в Севастополь к жене. Генерал Кутепов разрешил, но был очень недоволен его просьбой. Больше в полк полковник Амброзанцев командиром не вернулся.

Дальнейшая боевая служба полка описана в следующей части сборника, а теперь вернемся к основным полкам Добровольческой армии, в частности к Дроздовским, которых мы оставили в начале января 1920 года у реки Дона.

До 9-го января на Кавказском участке фронта велись лишь небольшие бои с отрядами красных, ведших усиленную разведку по всему фронту. 9-го января обозначилось наступление красных в районе Елизаветинской и Усть-Кайсугского. Утром красные выбили нашу заставу из южной окраины станицы Елизаветинской и после обеда начали переправляться через реку Дон у Усть-Кайсугского, в районе правее частей 2-го Дроздовского полка, заняв Усть-Кайсугский. Вечером красные начали обстреливать город Азов, но этим, пока что, и ограничились. Переправившиеся красные, после занятия Усть-Кайсугского, вечером подошли к хутору Шведов. Уже по темноте, выбив оттуда, бывшую там роту Дроздовцев, заняли и его. Утром против красных были двинуты части генерала Барбовича и 1-й Дроздовский стрелковый полк. Вскоре разыгрался солидный бой, так как к этому времени красные уже успели переправить на левую сторону реки Дона до 3-х пехотных полков и около 500 человек конных. Кроме того с их стороны в бою приняла участие не только легкая, но и тяжелая артиллерия. Оказав упорное сопротивление, красные были выбиты только из Усть-Кайсугского, но попытка 1-го Дроздовского стрелкового полка переправиться на правую сторону Дона была отбита. Во время боя в 1-м Дроздовском полку было убито 5 человек и свыше 60 ранено. Кроме того был тяжело ранен командир 1-го артиллерийского дивизиона Дроздовской бригады полковник Протасович.

В этот день Дроздовцы пленных не брали. По улицам Усть-Кайсугского валялось свыше 200 трупов красных. После этого боя в этом районе наступило затишье до 15-го января, нарушаемое лишь временами перестрелкой, и велась с обеих сторон разведка.

15-го января, рано утром, красные, несмотря на сильный мороз и ветер, повели вновь наступление со стороны Елизаветинской. Разыгрался сильный бой в районе расположения частей 2-го Дроздовского стрелкового полка у Петрогоровки и у колонии Ново-Александровской. В помощь 2-му полку спешно были отправлены два батальона 1-го Дроздовского полка и 2-я артиллерийская батарея. Посланная помощь подошла в то время, когда 2-й Дроздовский полк уже сам справился с красными, разгромив наступающую пехоту большевиков. Потерпев поражение, красные отошли на правую сторону Дона в станицу Елизаветинскую.

Из опроса пленных удалось установить, что красные, в силу полученного приказания, в этот день силами до 7-ми полков вели наступление на участке фронта от города Азова до города Батайска. Везде их попытка наступления закончилась поражением и отходом в исходное положение с большими потерями. Во время боя в районе Кулешовки в тыл красных проникла конница генерала Барбовича и дошла до Усть-Кайсугского. Было обнаружено, что многие раненые большевики, даже с легкими ранениями, замерзли в снегу и на льду.

В одно и то же время, когда красные пытались наступать в южной части Кавказского фронта (в районе Елизаветинской), обозначилось наступление красных крупными силами и в районе станицы Великокняжеской.

Среди убитых большевиков преобладали лица нерусского происхождения и больше всего напоминали татар. Из взятых в плен, четырех расстреляли, и в числе их — бывшего поручика.

16-го января и ночью на 17-е в самый сильный мороз Дроздовцы ответили большевикам на их визит 15-го января. На Обуховку, левее Елизаветинской, двинулся Манштейн с двумя батальонами своего 3-го Дроздовского стрелкового полка. На Елизаветинскую наступал 2-й Дроздовский полк полковника Титова в составе 2-х батальонов. Между станицей Елизаветинской и хутором Шмат прошел с частью своего полка полковник Туркул при одном орудии. Дойдя до курганов «Пять братьев», полковник Туркул атаковал с севера станицу Елизаветинскую. Правее 1-го Дроздовского полка должен был наступать 4-й Корниловский полк, который должен был подойти к Кулешовке. Большевики не ожи-

www.ellan-kazak.ru

дали наступления противника и были застигнуты врасплох. Части 2-го Дроздовского полка, обстреляв станицу Елизаветинскую с юга и наделав там переполох красным, вернулись в исходное положение без трофеев. Полковник Туркул со своим отрядом захватил пулеметную команду красных с 33 пулеметами, команду связи, 138 пленных и 35 повозок обоза. Полковник Манштейн взял в плен 150 красноармейцев и захватил 4 легких орудия и одну 48-линейную гаубицу и 2 пулемета, причем орудия попали в руки Дроздовцев полностью — с запряжками, ездовыми и номерами. Станицу Елизаветинскую Дроздовцы не занимали. Корниловцы опоздали и в наступлении участия не принимали. Возвращаясь назад 1-й Дроздовский полк сбился с дороги и вместо Азова попал в Кулешовку. В это время к ней подходил 4-й Корниловский полк и Дроздовцы, приняв его за красных, обстреляли. Корниловцы повернули назад. На этом и закончился ответный визит Дроздовцев красным, а на фронте от Азова до Батайска вновь наступило временное затишье, нарушаемое иногда артиллерийской стрельбой и мелкими стычками разведок с обеих сторон.

Тем временем в тылу разыгрались события, которые нельзя обойти молчанием, так как они повлияли на дальнейший ход борьбы с красными. Самое значительное из них было историческое заседание Верховного Круга, на котором выступал с большой речью, политического характера, генерал Деникин. Так как эта речь многое объяснила, выдержки из нее необходимо привести:

«...В дни наших неудач все ищут причины, поколебавшие фронт. Правые видят их в недостаточно твердом проведении своих программ, левые — в реакционном правительстве, одни — в самостийных стремлениях, другие — в нетерпимости к новым государственным образованиям, третьи — в главном командовании, но все их видят в грабежах и бесчинствах войсковых частей, даже те, кто их на измену толкает. И вот теперь, когда все горит и пылает в огне политических страстей, я отметаю всякие личности, всякие ошибки, всякие социальные и политические нетерпимости.

Умудренные печальным опытом прошлого, мы должны напречь все силы, чтобы искупить свои большие и малые, вольные и невольные вины перед Родиной, в безысходных страданиях жаждущей избавления...

Что же случилось на фронте. Если на Воронежском направлении мы имели перед собой огромные силы противника, стянутые со всех сторон, под напором которых отодвинулся наш фронт, то под Ростовом и Новочеркасском, к стыду нашему, мы имели превосходство над противником и в технике и в силе, но дух был подорван. Мы отступили вследствие безудержной пропаганды, подрывающей авторитет командования и отметающей цель борьбы...

И вот, в начале декабря, южнее Купянска, распылились сильные, конные казачьи группы, которые должны были решить участь всей армии...

Шли горячие бои под Ростовом и я видел под Батайском целые вереницы веселых здоровых всадников на хороших лошадях, уходящих с фронта в тыл, и еще больше болело сердце за погибших добровольцев, которые имели возможность безболезненно уйти в Крым, а вместо этого направились к Дону, чтобы с казачеством своей грудью прикрыть Дон. Болело сердце и за те тысячи казачьих жизней, павших безрадостно, не увидевших победного конца.

Но это в прошлом. Фронт поправился и стал прочным. На Донском фронте даже численный перевес противника невелик. Конные казачьи части разбили недавно Буденного и вчера снова получилось сообщение, что славные Донцы одержали победу и отбросили конницу Думенко, которая оставила большую часть своей артиллерии. Добровольческие части в течение двух недель отбивали яростные атаки громадной массы противника и сохраняли фронт. Теперь Терцы отбросили противника далеко за Кизляр. Крым и Новороссийск охраняются добровольцами.

Возможны еще неудачи, но дальнейший отход не страшен при изменении настроения нашего фронта и при непременном условии немедленного выхода на фронт Кубанских частей для наступления и для прикрытия некоторых направлений, совершенно открытых и угрожаемых.

В самом деле не кажется ли вам странным, что в час грозной опасности из всего Кубанского казачьего войска на боевом фронте держится только три с половиной конных дивизии и три пластунских бригады, а всего силою в две с половиной тысячи шашек и шести тысяч штыков.

К сожалению преступная пропаганда продолжает делать свое преступное дело: нежелание хоперских стрелков идти на фронт, большая утечка из других частей. Все это отзвуки нездоровой Екатеринодарской атмосферы...»

Относительно настроения фронта генерал Деникин в другом месте сказал следующее:

www.ellan-kazak.ru

«Собрание 12-го декабря всех старших военачальников армии выяснило яркую картину положения и настроения на фронте. Все с полным единодушием заявили:

1. Продолжение борьбы возможно и необходимо и обещает успех.
2. Необходимо немедленно выдвижение на фронт Кубанских частей для наступления и прикрытия обнаженных направлений.
3. Донская и Кубанская армии имеют право на существование по своим историческим заслугам, но составляют часть единой Русской армии под управлением единой Русской власти, которая использует армии на тех фронтах, где это потребуется стратегической обстановкой. Без этого единства армии, без единства России продолжать борьбу немыслимо. То тягостное неопределенное положение, в котором живет сейчас армия, выносить дальше нельзя. Необходимо немедленное разрешение вопроса власти ибо русское добровольческое офицерство готово сложить головы за Россию, но за благополучие одного казачества умирать не будет. Это положение высказано не только твердо добровольческими начальниками, но и командующими Донской и Кубанской армиями.
4. Добровольческая армия и части, входящие в состав казачьих армий и русское офицерство местной власти не подчиняются.
5. Горские народы Северного Кавказа власти Верховного Круга не признают».

Продолжая, генерал Деникин далее сказал следующее:

«Если Верховный Круг все же найдет возможным принять рискованное решение, откажется от организации общерусской власти и создаст казачье государство и отдельную армию, поставит ей задачей только самозащиту, то мне и Добровольческой армии здесь не место. Надо искать других путей для освобождения России.

Я постараюсь нарисовать вам картину ближайшего будущего, основанную на ярко образных докладах всех казачьих и добровольческих военачальников. Я с Добровольческой армией уйду. Русское офицерство и добровольцы, заполняющие почти все технические казачьи части, уйдут. С нами уйдет значительное число казачьих начальников и того казачества, которое не в силах пойти под большевиков или не ждет от них пощады.

Помните, что это ведь та сила, которая могла бы воспрепятствовать движению другой силы. В тот же день рухнет весь фронт. Большевизм зальет Задонье и Кубань. Они не забудут ни чрезвычайных судов, ни порок. Пощады не будет. Для Европы они, ведь, недавно отменили смертную казнь, а сами заливают кровью Ростов, Новочеркасск и Донские станицы.

Через два-три месяца, ограбленные дочиста, казаки, недосчитывающие многих замученных, восстанут и вновь начнут борьбу, помянув недобрым словом тех, кто их сбил с этого.

Не скрою и того, что если мне придется уходить, то я сделаю это с глубокой скорбью, с жгучей болью за разрушенные надежды и за погибшие идеалы того честного, славного казачества, с которым я так долго делил радость и горе.

Зачем же нужно разрушать жизнь?

Какое непримиримое противоречие возникло между казачеством и главным командованием?

Почему родившееся в таких долгих муках Положение конференции об Общегосударственной власти оказалось неприемлемым сейчас?

Зачем нужно расчленять Юг России на призрачные государства, лишенные силы и голоса в международной политике?

Я веду борьбу за Россию, а не за власть, но эта борьба невозможна без полноты власти Главнокомандующего. Эта власть, конечно, не может быть компромиссом».

Закончил свою речь генерал Деникин следующими словами:

«Если возможно будет идти дальше с казачеством рука об руку, я пойду с радостью и с глубокой верой в конечный успех. Если же нельзя — разойдемся и пусть Бог и Россия рассудят нас».

С ответной речью выступил председатель Верховного Круга Тимошенко. После некоторого вступления, Тимошенко сказал следующее:

«...Несмотря на талант Главнокомандующего и блестящую плеяду полководцев, его окружающих, вахмистры Буденный и Думенко отбросили нас в исходное положение. Не будем прислушиваться к тому, что говорят правые, что говорят левые, но давайте учтем причины этого нашего поражения.

Великую идею освобождения Родины, этот драгоценный

www.elan-kazak.ru

сосуд, можно принести в Москву только с народом и только через народ.

Мы ценим талант Главнокомандующего и его соратников, но в гражданской войне кроме таланта стратегического и учета обстановки военной, нужно учесть и сторону политическую. Гражданская война это не племенная борьба, это борьба за формы правления. И поэтому воссоздать Россию мы можем лишь такой политикой, такими лозунгами, которые близки и понятны народу.

Мы приветствуем заявление Главнокомандующего о том, что земля должна принадлежать трудовому народу и казачеству, но мы думаем, что этот лозунг должен быть написан на нашем знамени еще в самом начале борьбы. Мы приветствуем лозунги, провозглашенные сегодня Главнокомандующим об Учредительном Собрании, но мы думаем, что этот лозунг нужно было провозгласить еще в самом начале борьбы при выходе из Екатеринодара. Диктатурой России не победить . . .

Кубань много принесла жертв и много их еще принесет, но Кубань не мыслит себе диктатуры, не мыслит такого положения, когда народ безмолвствует. И с диктатурой, то есть с властью насилия, Кубань не примирится. Весь мир сейчас объят движением народным и наши русские события лишь волна этой общей стихии, и расценивать нынешние народные движения по-старому, как смуту, клеймить их как предательство и измену, как прежде, — это крупная, тяжелая ошибка.

Мы пойдем сражаться, но не как рабы, а как свободные граждане, которые не подчинятся никакой диктатуре, как бы велик диктатор не был. Верховный Круг, объявив себя верховной властью на Дону, Кубани и Тереке, не мыслит себя совершенно отдельным от России государством. Идея единой России Верховному Кругу близка, но борьбу за ее воссоздание Круг мыслит себе иначе. И если между Верховным Кругом и Главным Командованием возникли разногласия, они могут быть устранены. Это только разногласия относительно построения власти и организации аппарата управления. Соглашение возможно и необходимо в общих интересах, а для этого нужно не подходить с заранее предрешенным определением друг к другу. Мы никогда не говорили, что во всех неудачах виноват Главнокомандующий, но не нужно говорить, что мы, здесь собравшиеся, смутьяны и изменники. Это неверно. Наболевшиеся душой, мучимые

вопросами как устроить нашу жизнь дальше, собравшиеся здесь люди корнями вросли в народную душу.

Это полномочный орган Дона, Кубани и Терека. Кому как не ему решать судьбу Дона, Кубани и Терека. Верховный Круг понимает и знает, что уход Главнокомандующего и Добровольческих частей — это гибель для казачества, но вряд ли этот разрыв спасет и добровольцев. Но не в этом дело. Нас смущает другое. Мы смущены тем, что наши разногласия погубят идею великой России и осуществлятся мечты Троцкого об единой, неделимой, великой Совдепии.

Вот та угроза, которая повисла в этот исторический момент над нами. И во имя интересов единой свободной России договоримся, господа, о том, как и куда и какими путями мы дальше пойдем. Верховный Круг будет стремиться не рвать, а договориться с Главным Командованием».

Речь была закончена под аплодисменты на всех скамьях. Из его речи приведены самые интересные и значущие места.

Последующие заседания Верховного Круга были посвящены выработке проектов соглашения казачества с Главным Командованием. После ряда обсуждений, наконец, все три казачьи области — Дон, Кубань и Терек — представили, выработанные их фракциями в Верховном Круге, проекты соглашения. Предложенный проект от Терека в основных вопросах сходился с положениями, которые были выдвинуты генералом Деникиным в его речи на заседании Верховного Круга. Согласно проекту Терека — Главнокомандующий является главою власти и назначает председателя правительства. Правительство ответственно перед законодательной палатой за исключением министров военного, снабжения и путей сообщения. Правителю Юга России предоставляется право абсолютного «вето».

Проект, предложенный представителями Дона был схож с проектом Терека, но было прибавлено признать обязательными следующие цели, во имя которых ведется борьба с большевиками, а именно: Всероссийское Учредительное Собрание, земля трудящимся, охрана рабочего труда, раскрепощение всех национальностей по вопросам быта от Всероссийской центральной власти.

В совсем иной форме был составлен и предложен Верховному Кругу проект соглашения от представителей Кубани. Их проект гласил: возглавление Южно-Русской власти предоставляется Главнокомандующему только по обстоятельствам военного времени; Правительство несет полную

www.ellan-kazak.ru

ответственность перед Законодательной Палатой; Верховный Круг, как ячейка будущей Палаты, принимает участие в образовании Правительства вплоть до назначения председателя его; Главнокомандующему предоставляется право относительного «вето».

Наступили заседания Верховного Круга, на которых, в результате длительного и всестороннего обсуждения всех трех предложенных проектов, Верховным Кругом был издан наказ своим представителям для переговоров с генералом Деникиным и, выработанный Кругом, проект соглашения. Согласно этому проекту Южно-Русская власть устанавливается впредь до созыва Всероссийского Учредительного Собрания;

Первым главою Южно-Русской власти, по соглашению Верховного Круга Дона, Кубани и Терека с одной стороны и Главным Командованием Вооруженных Сил Юга России с другой стороны, предлагается генерал Деникин;

Преемник его избирается Палатой народных представителей от государственных образований и областей, освобожденных от советской власти, на срок определяемый Палатой;

Законодательная власть на Юге России осуществляется Законодательной Палатой из представителей, избранных по принципу пропорциональности.

Примечание. Впредь до сформирования Законодательной Палаты, функции этого органа отправляет Верховный Круг Дона, Кубани и Терека.

Функции исполнительной власти министров, кроме возглавляющего власть на Юге, ответственна, как в целом своем составе, так и в лице отдельных членов, перед Законодательной Палатой, за исключением военного министра во время гражданской войны.

Председатель Совета министров назначается лицом, возглавляющим Южно-Русскую власть, члены Совета министров утверждаются им же по представлению Совета министров.

Лицу возглавляющему Южно-Русскую власть принадлежит право относительного «вето».

Таковы были пункты проекта соглашения, выработанного Верховным Кругом и предложенные генералу Деникину. Первую скрипку при составлении этого проекта, ясно, играли представители Кубани, а что из этого всего вышло показали дальнейшие события и на фронте, и в тылу.

Перед этим начальник военной английской миссии, генерал Хольман, опубликовал даже особое воззвание к казакам.

Оказавшись не у дел, генерал Врангель, некоторое время, находясь в Новороссийске, заведовал эвакуацией семей и больных, погрузкой их на английские пароходы, а потом отбыл в Константинополь.

Командующий Кавказской Добровольческой армией, генерал Покровский, должен был покинуть свой пост. Это было одно из первых требований Круга за его деятельность во время переворота 6-го ноября 1919 года на Кубани.

23-го января Верховный Круг Дона, Кубани и Терека объявил амнистию красноармейцам жителям Дона, Кубани и Терека, которая гласила:

1. Всем офицерам, казакам и солдатам, перешедшим на сторону Донской, Кубанской и Добровольческой армий, с оружием или без него, объявляется полное помилование.
2. Все перешедшие офицеры, казаки и солдаты освобождаются от военной службы на два месяца, если сами добровольно не захотят сразу поступить в ряды войск.
3. Воспрещается отбирать у сдавшихся какие бы то ни было личные вещи.

Составлена эта амнистия по почину Верховного Круга и объявлена без согласия на то генерала Деникина. Сама же амнистия весьма оригинальна по своему содержанию и особенно второй пункт ее.

Пока происходили все эти совещания и заседания Верховного Круга, на фронте происходили следующие события.

На участке, занимаемом частями Добровольческого корпуса, велась артиллерийская перестрелка и усиленная разведка с обеих сторон, а на участке Донской армии разыгрался 24-го января бой, закончившийся разгромом частями генералов Гусельщикова и Старикова 12-й дивизии красных. Донцами было взято свыше 2000 пленных и много пулеметов.

Партизаны в тылу не спали: они подготовили и подняли 22-го января восстание в Ейске. После разоружения местного гарнизона в городе Ейске, состоящего из батальона пехоты, сотни и батареи, восстание стало быстро распространяться к северу по всему побережью. Для ликвидации восстания была отправлена Марковская дивизия, которая довольно быстро ликвидировала его с помощью, верных своему долгу, казачьих частей. Разбив восставших, велось пре-

www.elan-kazak.ru

следование бегущих в сторону Таганрога. При попытке спастись по льду, большинство повстанцев погибло. Было взято много пленных, пулеметы, штаб и канцелярия Ейского партизанского полка и захвачен также самодельный бронепоезд. Расправа с повстанцами была, конечно, по рецептам Добровольческого командования, а не в духе тех пунктов, которые были обнародованы в амнистии Верховного Круга.

Мороз был небывалый в этом краю, по своей силе, и 27-го января термометр показал — 25° по Реамюру.

Главному командованию пришлось выделить регулярные части для борьбы с появившимся в глубоком тылу на Черноморском побережье довольно большими группировками, так называемых, зеленых, в большинстве случаев настроенных просоветски.

28-го января в тылу у красных была слышна отдаленная стрельба и были видны разрывы в районе ст. Гниловской, что вызвало слухи о восстании казаков в тылу красных. Даже газеты сообщали, что Ростов и Новочеркасск обстреливаются красными. В дальнейшем, как известно, было выяснено, что все это было совсем иного характера, и никакого обстрела Ростова и Новочеркасска вообще не было. Но на это указывал и генерал Сидорин в своей речи на заседании Верховного Круга, а закончил тогда свою речь словами:

«Ни на минуту не сомневаюсь в нашей победе. Мы ждем, чтобы к нам пришли на поддержку те, которые нам помогли и в прошлом году в феврале месяце. Тогда нас выручили Кубанцы. Теперь мы выручаем их, ибо сейчас на фронте, преимущественно ведут борьбу только Донцы и Добровольцы, а Кубанских частей нет.

Но, помня те заслуги, которые они нам оказали в прошлом году, мы безропотно ведем борьбу в полной надежде, что близок час, когда они помогут нам своим мощным оружием.

Медлить нельзя. Восстания зеленых учащаются и для подавления их приходится выделять лучшие части. В эту минуту мы должны оказать друг другу полную поддержку. Я знаю, что эта поддержка нам будет оказана, но все же прошу Верховный Круг принять все меры к тому, чтобы она была послана своевременно, чтобы к 1-му февраля все Кубанские части были на фронте, а не в тылу. Это задача всех казачьих войск наших и это задача Круга. И если Круг эту задачу выполнит, то историческое значение его будет огромное».

Дальнейшие события показали, что эта задача Кругом не была выполнена, надежды генерала Сидорина не оправдались, а последующие события заставили и Круг покинуть свою резиденцию, где он занимался только болтовней. Те же, кто должен был быть на страже своих границ, по-прежнему сидели в тылу, а если и пошли на фронт, то там не принесли никакой пользы и закончили свой поход на берегах Черного моря. Преступная пропаганда сделала свое дело.

Генерал Деникин объезжая фронт, 31-го января в 3 часа дня прибыл в город Азов. На площади у вокзала были выстроены 2 батальона 2-го Дроздовского стрелкового полка, 3-я Дроздовская батарея и Иркутские гусары. Перед этим, начиная с утра, красные, которым видимо было известно о возможном приезде в Азов генерала Деникина, все время обстреливали район вокзала артиллерийским огнем и прекратили обстрел только около двух часов дня.

Обходя фронт выстроенных войск, генерал Деникин здоровался с пехотой: «Здравствуйте славные Дроздовцы», а с батарей: «Здравствуйте славная Дроздовская батарея». Затем он благодарил за боевую работу и указал, что там, где стоят на фронте Дроздовцы, всегда было прочно и устойчиво, что само имя «Дроздовцы» многое говорит, но и многому обязывает.

— Не сомневаюсь, — сказал генерал Деникин, — что в предстоящем ближайшем будущем наступлении, которое, я надеюсь, будет последним, вы впишете не одну славную страницу в вашу героическую боевую историю.

На рассвете 1-го февраля обнаружилось наступление красных. Их цепи успели, прежде чем их заметили, пройти половину расстояния между Елизаветинской и Азовом. Уже около 7-ми часов утра в этом районе разгорелся довольно сильный бой. В этот день красные предприняли наступление крупными силами не только против Азова, но по всему участку фронта, начиная левее Кагальника, далее на Батайск и правее его. К 9-ти часам красные подошли почти к самому Азову, заняв хутор Петровский, но у города, в направлении на Елизаветинскую, их цепи, в силу сильного нашего артиллерийского огня, были принуждены залечь. У хутора Петровского полковник Манштейн со своим батальоном 3-го Дроздовского полка перешел в контратаку и выбил красных из хутора Петровского, захватив 2 пулемета и взяв 200 пленных. Красная конница несколько раз бросалась в атаку у

www.ellan-kazak.ru

Кагальника, но каждый раз ее отбивали залпами, пулеметным и артиллерийским огнем. Красные понесли большие потери. Также кончилась атака их конницы и на другом участке, и после этого красная конница вернулась в станицу Елизаветинскую. Против Петрогоровки красные залегли в камышах, а правее сильно нажимали на колонию Ново-Александровку и на Кушелевку. Последнюю они заняли около 11 часов дня, захватив там в плен две роты 2-го Дроздовского стрелкового полка. В этот район была вызвана конница генерала Барбовича, а по железной дороге из Азова отправлены две роты 2-го Дроздовского стрелкового полка. Конные части генерала Барбовича, выйдя в тыл Кушелевки, энергично разделались с красными, захватив орудие, пулеметы и около 500 пленных. Если бы наша конница успела подойти на полчаса раньше, то генерал Барбович мог бы освободить, попавших в плен в Кушелевке солдат двух рот 2-го Дроздовского полка. Преследуя красных, генерал Барбович в тот же день занял хутор Шведов.

На льду против станицы Елизаветинской, красные лежали до трех с половиной часов дня. Несколько раз, не выдерживая артиллерийского обстрела, они подымались и пытались отбегать в сторону станицы, но оттуда их каждый раз встречали огнем и заставляли возвращаться на прежнее место.

Под вечер полковник Туркул из-под Петрогоровки контратаковал красных и выбил их из камышей. С наступлением темноты — бой затих.

За этот день красные понесли большие потери, а достигли очень мало, если не сказать, что просто ничего. Их самое большое достижение было — захват в плен солдат двух рот, небольших по численности, в Кушелевке. В городе Азове в этот день пострадало много домов от артиллерийского обстрела.

Ночь прошла спокойно, но на другой день, около 11 часов дня, красные повели наступление на Кушелевку и, заняв ее, перешли через железную дорогу Азов—Батайск. Их конница пыталась распространиться в сторону Копаней, но ее там, несмотря на повторные атаки, отбили, и красные понесли сильные потери от огня и потеряли два пулемета. После же подхода Самурцев красные были выбиты и из Кушелевки и тем самым положение было полностью восстановлено.

Из штаба корпуса было получено официальное сообщение о положении на других фронтах. На участке Южного

фронта в районе Крыма шли все время бои возле укрепленных позиций на Перекопе. Города Херсон и Одесса уже были в руках красных. На Северном фронте, у Архангельска, никакого движения. На Сибирском фронте, красные продолжали наступать и подошли к Нижне-Удинску. В городе Иркутске произошло восстание и город в руках восставших. Адмирал Колчак, после ареста, был выдан союзниками в руки социалистов в Иркутске. Латвия заключила, своего рода, союз с Советами и положение армии генерала Юденича стало безвыходным, так как получать снабжение он больше не мог. Польская армия вела себя пассивно, что дало возможность красному командованию часть своих сил снять с Польского фронта и перебросить на наш.

Зеленые на Черноморском побережье настолько усилились, что заняли город Сочи. Объявленная на Кубани мобилизация проходила очень и очень медленно. Отзыв ничтожный. Единственно, только, Лабинский отдел дал приличное число людей. На фронт до сих пор Кубанские части не прибыли и там находились лишь поредевшие, немногочисленные сотни конных и пластунов.

Донские части проявляли по-прежнему активность на своем участке. Так например, 4-го февраля они заняли станицы Старочеркасскую и Богаевскую, где захватили в плен свыше 1000 красных, взяли 10 орудий и 30 пулеметов.

Мороз по-прежнему не спадал и термометр часто показывал — 20° и ниже.

Главным командованием были получены сведения о новой перегруппировке сил красных, в связи с их неудачами и неоднократными попытками прорвать наш фронт на линии станица Ольгинская—Батайск—Азов, а также неудачного наступления корпуса Думенко к востоку от этой линии фронта. Ясно, надо было ожидать, что красные постараются сосредоточить все свободные силы на стыке Донских и Кубанских частей (малочисленных по своему составу) еще до того момента пока не прибудут на фронт кубанские части и не будут пополнены сотни на фронте теми, которые, почуяв грозную опасность, одумаются и вновь возьмутся за оружие для защиты своих станиц. Для этой цели красным командованием перебрасывалась конница Буденного и их ударные пехотные части в район Великокняжеской, чтобы нанести удар на стыке Донской и Кубанской армий и на фронте, занимаемом немногочисленными и малочисленными кубанскими полками и пластунскими батальонами.

www.ellan-kazak.ru

Чтобы отвлечь силы красных от предполагаемого удара в направлении Торговой и далее на Тихорецкую, генерал Деникин решает в свою очередь нанести сильный удар красным силами Добровольческой армии, сведенной в корпус после оставления Ростова, и, с помощью Донских частей, разбить красных в районе Ростова.

Все части Добровольческого корпуса получили приказание к вечеру 6-го февраля быть в полной боевой готовности и ждать дальнейших приказаний.

В 4 часа утра 7-го февраля началось наступление на всем участке Добровольческого корпуса. Во исполнение полученных директив, Корниловская и Марковская дивизии, при поддержке конницы, повели наступление на ст. Гниловскую и стремительной атакой Корниловцев она была взята. После этого 1-й Марковский полк, с места, повел наступление на Темерник. На другой день город Ростов был взят силами двух Корниловских и 1-го Марковского полков. В тыл, через Аксайскую, вышла Донская казачья конная дивизия. За два дня боя Корниловцами и Марковцами было взято в плен около 4000 красных, захвачено 22 орудия, много пулеметов и 3 бронепоезда. Донцы за это время взяли в плен 2000 человек, захватили 15 орудий, много пулеметов и один бронепоезд. Алексеевцы и Дроздовцы наступали левее Марковцев и Корниловцев. Успех первых двух дней поднял у всех настроение и каждый час ожидалось получение приказа о дальнейшем наступлении, но неожиданно для всех был получен приказ прекратить дальнейшее продвижение, оставить город Ростов и отойти в исходное положение.

Без давления со стороны красных и без боя, на удивление жителей Ростова, добровольческие части покинули город 10-го февраля.

Более подробное описание боев по овладению городом Ростовом и о действиях Дроздовцев — следующее:

Общее наступление Добровольческого корпуса и Донцов началось еще до рассвета 7-го февраля, когда на дворе трещал сильный мороз. Красные знали от перебежчиков о предполагаемом нашем наступлении, но они решили, что белые по столь сильному морозу не станут наступать и прозевали нас. В Елизаветинской и в районе хутора Обуховского они было приготовились достойно нас встретить и до 2 часов ночи держали свои части на морозе, рассыпанные в цепях, но потом решили, что белые не станут наступать при столь

сильном морозе и, успокоившись на этом, отвели смерзших людей назад в помещения.

Станица Елизаветинская и хутор Обуховский были заняты частями 3-го Дроздовского полка. Полковник Манштейн с полком вышел в тыл и наделал там много шума. Паника у красных была настолько велика, что многие бежали в одном белье по сильному морозу.

Хутор Рогожкин защищали части партизанского полка, составленные сплошь из повстанцев Екатериновки, Глафировки и Александровки, которые в свое время с зелеными и красными, во время восстания, занимали город Ейск. Их из хутора выбили Марковцы и, кроме павших в бою, свыше 200 человек замерзло, а свыше 500 человек оказалось с отмороженными конечностями в лазаретах. Перед боем партизанский полк прибыл в хутор и сменил, бывший там, 81-й советский пехотный полк. По окончании этой операции наши части отошли назад в Кагальник и в 8 часов вечера хутор Рогожкин был опять занят, прибывшими туда пятью регулярными советскими полками.

За этот день на участке Дроздовской дивизии было взято несколько сот пленных, захвачено 5 орудий и 37 пулеметов. Правее Дроздовцев наступающие части заняли хутора Усть-Кайсугский, Колузаев, станицу со станцией Гниловскую и окраину города Ростова. Наш бронепоезд, по починенному уже, ранее нами взорванному, железнодорожному мосту проскочил и ворвался на Ростовский вокзал.

Красные еще ночью двинулись из хутора Рогожкина в направлении на станицу Елизаветинскую, но перед хутором Дугиным их встретили, наступающие на хутор Рогожкин, три роты Дроздовцев при одном орудии. С юга, с запада и с востока наступали Черноморцы и Иркутцы со взводом 3-й Дроздовской батареи. Утром поднялся такой сильный туман, что вести артиллерийский огонь было нельзя. Прекратили. Около 10 часов утра хутор Рогожкин был взят, несмотря на то, что там красных было до 3-х тысяч человек. Северо-западнее хутора, отступавших красных потрепала наша конница, порубив свыше 100 человек.

Все большевистские части, прибывшие из Таганрога, прилично одеты во всем новом английском обмундировании. В этот день дальше хутора Рогожкина, в этом районе, наши части не продвигались. Бои за Ростов и Нахичевань закончились очищением их от красных и большевики понесли

www.elan-kazak.ru

большие потери. Среди убитых было обнаружено немало китайцев.

Корниловцы и Марковцы, занявшие с боем Ростов, имели сравнительно малые потери. Так например, у Марковцев выбыло из строя до 100 человек убитыми, ранеными и обмороженными. Примерно такие же потери были и у Корниловцев. В Дроздовской дивизии самые крупные потери понес Первый Дроздовский стрелковый полк, потеряв 25 человек убитыми, в том числе 6 офицеров, 94 стрелка были ранены и около 100 обмороженных и пропавших без вести. В дни наступления сильный мороз во многом мешал развитию операций: в большом количестве, и среди красных, и среди наступающих добровольческих частей оказались обмороженные.

Вечером 9-го февраля наши части, неожиданно для них, получили приказ Командующего армией оставить без боя Ростов и отойти в исходное положение. Все были удивлены, так как ожидалось, наоборот, дальнейшее наступление. Вынужденный же отход был вызван тем, что красная конница Буденного и Думенко прорвала наш фронт, заняла Торговую и повела наступление в направлении на Тихорецкую. Наше главное Командование знало о предстоящем наступлении красных и для усиления войск в район Торговой был отправлен Кубанский казачий корпус под командой генерала Науменко. Когда части этого корпуса прибыли на фронт, была получена телеграмма генерала Романовского, который сообщил, что корпус прибыл на фронт в совершенно небоеспособном виде и для парирования и ликвидации прорыва красной конницы спешно были затребованы части Донской армии и, в частности, 3-й Донской корпус, Корниловская и Марковская дивизии, бывшие в районе Ростова. На участке же Добровольческого корпуса должны были остаться Алексеевская и Дроздовская дивизии и конница генерала Барбовича.

Приказ об оставлении Ростова пришел совершенно неожиданно и, отходя из города, наши части не смогли вывезти все, брошенные красными, 30 эшелонов, так как паровозов в Ростове было мало и к тому же большинство их замерзло. Последним из города ушел Алексеевский конный полк, без всякого нажима со сторны красных, которые в этот момент были в 15 верстах от города. Жители были страшно удивлены и никак не могли понять, почему вдруг Добровольцы покидают город.

Остановка же на фронте сложилась так, что ни Корниловцы, ни Марковцы не пошли для ликвидации прорыва фронта конницей Буденного и заняли позиции на правом фланге Добровольческого корпуса в районе станицы Ольгинской. Без давления со стороны противника, согласно полученного приказания, части Дроздовской дивизии 10-го февраля ночью отошли назад и теперь линия фронта Алексеевской и Дроздовской дивизий была: хутор Государевский —город Азов—Петрогоровка—немецкая колония Ново-Александровская—Купелевка—Кайсуг—Батайск, имея на фланге Марковскую дивизию, которая занимала позицию в районе станицы Ольгинской.

12-го февраля погода изменилась и после морозов наступила оттепель. Наша разведка от 3-го Дроздовского полка вечером около 10 часов пошла к Елизаветинской. Красные решили, что опять началось с нашей стороны наступление и по всему участку фронта открыли сильный ружейный и артиллерийский огонь, который продолжался часа два. До 14 часов 13-го февраля на участке Добровольческого корпуса было относительно спокойно, но потом обнаружилось наступление красных на станицу Ольгинскую из станицы Аксайской. Огнем Марковских частей красных заставили отойти назад в Аксайскую.

Около семи часов утра 14-го февраля красные большими силами повели наступление на хутора Узяк и Государевский, с целью обойти город Азов слева. Несмотря на то, что против наступающих красных был послан малочисленный по своему составу 1-й батальон 2-го Дроздовского стрелкового полка, красных быстро оттеснили обратно к хутору Рогожкину. В то же самое время, красные, силою до 3-х полков пехоты, 2-х полков конницы при 5 орудиях, под прикрытием сильного артиллерийского огня из Елизаветинской и Обуховской, (при чем обстреливался сильно и сам город), вели наступление на Азов. Хотя часам к двум дня положение в районе хутора Рогожкина и было восстановлено, но под городом оно стало угрожающим, так как к тому времени красные уже заняли Петрогоровку, а со стороны станицы Елизаветинской настолько близко подошли их цепи к городу, что уже были под ружейным обстрелом улицы и центр города. Этим боем руководил, бывший в городе, начальник Дроздовской дивизии, генерал Витковский. В помощь была вызвана 3-я Дроздовская батарея, которая стала на позицию на площади города и открыла огонь по наступающим

www.elan-kazak.ru

красным. Атака красных была отбита и часам к трем дня красных выбили и из Петрогоровки. В этом бою много помог нашим частям наш бронепоезд. Только к вечеру удалось полностью восстановить положение на этом участке фронта. В этот день красные вели наступление на всем участке фронта Добровольческого корпуса и вначале имели на многих местах временный успех. Красные заняли было хутор Шматов, северо-восточную часть города Батайска, северную часть хутора Кайсугского, хутор Шведов, Петрогоровку, Узяк и Гусаревский, но к вечеру наши части выбили красных из всех этих мест, нанеся им большие потери. С нашей стороны сильно пострадал один из Корниловских полков в районе Кушелевки, посланный в этот район на поддержку. Одна из рот полка перешла на сторону красных и открыла огонь по своим же Корниловцам. Наступающие красные в районе Торговой, хотя и понесли потери, (сильно была потрепана 28-я советская дивизия), продолжали наступление и их конница появилась в районе станицы Средне-Егорлыцкой и поселка Иловайского.

14-го февраля красные вновь большими силами наступали на Марковцев в районе Ольгинской, но были отбиты. На другой день они повели наступление на Марковцев со стороны станицы Старочеркасской и хуторов Нижне-Полинского и Старо-Махинского. Целый день шел упорный бой, вызвавший сильный расход огнеприпасов. Когда 16-го февраля красные навалились на Марковцев, несколько раз атакуя их, все запасы патронов и снарядов у Марковцев были израсходованы, они больше не имели чем отбивать атаки красных и, неся большие потери, стали отходить по дороге на хутор Злодейский. В этот день чуть не попал в плен начальник дивизии генерал Канцеров. Его выручила атака конной сотни дивизии под командой поручика Зелинского, при чем атакующие Марковцы зарубили командира 1-й бригады 16-й советской кавалерийской дивизии, Загорина.

На Марковцев в тот же день наступали Конный корпус Думенко силою в две с половиной дивизии, вся 39-я советская стрелковая дивизия и части 16-й кавалерийской дивизии. У Марковцев из строя выбыло свыше 1000 человек, потеряно много пулеметов и два орудия. Свыше 300 человек раненых, среди которых было много раненых саблями, было отправлено на станцию Каял. Остатки дивизии были сведены в Сводно-офицерский полк, насчитывавший в строю до 500 штыков, артиллерия — в Отдельный артиллерийский

дивизион, сохраняя шефство. Конные части сведены в Конный Марковский дивизион, который был присоединен к Кавалерийской дивизии генерала Барбовича. Марковцев сменили Корниловцы, при которых осталась одна Марковская батарея. Остальные части дивизии (полк с батареей) были отправлены в Новороссийск для охраны его от нападения зеленых.

Конница Буденного, заняв Торговую, повела наступление на станцию Тихорецкую и потом, двинулась дальше, глубоко обходя наш правый фланг, не встречая почти сопротивления со стороны малочисленных частей Кубанской казачьей армии. Одна из бригад красных 13-го февраля, заняв станицу Расшеватскую, пыталась овладеть и станицей Темижбекской, но ее атака была отбита. Казаки станиц Успенской и Новолокинской, хотя и встретили красных колокольным звоном и хлебом-солью, уже через два дня стали группами бежать из станиц, разочаровавшись в своих «освободителях».

Ввиду прорыва конницы Буденного глубоко в тыл и обхода правого фланга, оставаться частям Добровольческого корпуса на прежних позициях было весьма рискованно, а поэтому последовал приказ об оставлении Азова и отхода на новые позиции. Части Дроздовской дивизии в ночь с 17-го на 18-е февраля начали отход. На рассвете группа местных большевиков обстреляла отходящие из Азова конные заставы Дроздовцев, а на встречу к большевикам из города отправилась делегация с красным флагом.

Отход частей происходил при очень тяжелых условиях. Дороги, лишенные снежного покрова, оттаяли и чем дальше мы отходили, тем становилось все хуже и хуже. Сопровождаемые дождем, части двигались по липкой грязи по малопроходимым дорогам. Ноги вязли, лошади с трудом тянули орудия и повозки. 18-го и 19-го февраля части отходили без боя и нажима противника. На брошенных повозках, санях, экипажах и линейках, которые мы встречали по дороге, валялись брошенные снаряды, патроны, даже оружие, обмундирование и всевозможные продукты питания, до мяса включительно. И чем дальше шли — картина была еще печальнее. Стали попадаться выбившиеся из сил люди, брошенные кони, рогатый и мелкий скот. Орудия и повозки двигались с дополнительными уносами. И, несмотря на медленный темп движения, благодаря тому, что красная конница вообще не появлялась и противник нас не преследовал,

части добровольцев отошли к границам «родной Кубани» без помех. Часам к четырем дня 19-го февраля вступили на территорию Кубанской области, встреченные весьма нерадушно казаками, у которых ничего достать и даже купить было нельзя. Пограничная река между Донской и Кубанской областями, Ея, довольно мелкая, но с очень болотистыми берегами, и здесь нашли кое-какие приготовления для обороны границы. Вначале было приказано занять оборону по реке Ея. К вечеру 19-го февраля в районе станицы Конеловской собрались довольно поредевшие части всего Добровольческого корпуса, но оборонительная позиция по фронту реки Ея не была занята Дроздовской дивизией на другой день, так как последовал приказ Дроздовцам отходить дальше и 21-го утром дивизия двинулась на Старо-Минскую и потом на Ново-Минскую станицу.

Из разговоров с жителями выяснилось, что казаки страшно боятся прихода красных, но на призыв Верховного Круга стать в ряды армии почти не откликнулись. Вояки же стали плохие. Узнали, что в бою под Белой Глиной красные захватили в плен целиком весь штаб Кубанского конного корпуса во главе с командиром — Крыжановским, а полки корпуса просто-напросто разбежались.

Во главе Кубанской армии вместо генерала Шкуро стал генерал Улагай. Настроение казаков круто менялось только после того, как они испытывали первые прелести от прихода красных. 20-го февраля в станицу Конеловскую ворвались два полка красной конницы и один пехотный. Тотчас же красные повесили семь местных казаков, а когда, очень скоро после этого, большевиков из станицы выбили подошедшие добровольческие части, старики казаки в конном строю носились по всей станице, рубя красных. В станице Конеловской отступающие части пытались взорвать, но неумело это проделали, восемь вагонов, груженных снарядами и патронами, принадлежащие Алексеевской дивизии, которые нельзя было вывезти из-за отсутствия паровоза.

Дальнейший отход продолжался по всему фронту. Станица Ново-Минская оставлена и утром 23-го февраля произошла кошмарная переправа через реку Челбас у станицы Старо-Деревянковской. В то время грязь была невылазная и на переправе стоял сплошной стон, крик, понукание и брань. Дороги были забиты до крайности. Лошади выбивались из последних сил, падали, а повозки застревали, ломались, переворачивались.

После переправы через реку Челбас, части Добровольческого корпуса отходили на станицу Каневскую. Было замечено, что настроение у казаков в станицах различное. В станице Старо-Щербиновской на призыв Верховного Круга вступить в армию никто не отозвался. Казаки станицы добровольцам заявляли, что воевать они не хотят, против добровольцев ничего не имеют и за большевиков воевать не пойдут, но встречать их будут с хлебом и солью, боясь репрессий. Но был и такой случай: 800 казаков, при поддержке броепоезда, сделали налет на станицу Ново-Минскую уже занятую красными, устроив там большой тарарам. Они захватили 400 красных в плен, несколько сот порубили и с трофейными пулеметами и пленными вернулись в свою станицу обратно и стали собираться в поход в Екатеринодар, заявив добровольцам, что они уйдут туда, так как там все собираются.

Дезертирство в некоторых частях стало принимать угрожающие размеры. Покидали свои части не только солдаты, но даже офицеры, потерявшие веру в победный исход борьбы. Коснулось это даже и Дроздовцев. Так например, в 1-м батальоне 2-го Дроздовского полка к 27-му февраля в строю осталось только человек 50, да и то в это число вошло человек двадцать из тех, которых подловили по дороге из числа отставших от других частей.

26-го февраля Дроздовские части перешли реку Бейсуг и расположились в станице Брюховецкой. К этому времени дороги уже успели быстро подсохнуть и наступили, в полном смысле слова, настоящие весенние дни. Когда переправились все части через реку Бейсуг, мосты были взорваны, но довольно плохо, и красные, когда подошли к Бейсугу, быстро их навели снова. Красные уже утром 28-го февраля подошли к станице Переяславской. (См. схему № 13.)

Фронт по реке Бейсуг заняли частично Дроздовцы, левее их был Черноморский конный полк, а еще левее, до самого моря, в районе где много болот и маленьких озер, находились части Ейского гарнизона из стариков казаков. Правее Дроздовцев стояли Алексеевцы, затем части конной дивизии генерал Барбовича и Донцы. В резерве находилась Корниловская дивизия. Марковская дивизия в это время уже была в Новороссийске, где она пополнялась и приводилась в порядок после понесенных потерь в бою под Ольгинской. Но на этой линии фронт также не задержался и отход частей продолжался.

www.elan-kazak.ru

У станицы Тимошевской красные стали 1-го марта сильно нажимать на Алексеевцев и на выручку им были отправлены два батальона 3-го Дроздовского полка с артиллерией. Только вечером, под покровом начавшейся сильной метели, Алексеевцы смогли переправиться на другой берег.

2-го марта Дроздовцы выступили дальше и отошли в станицу Половическую. В этой станице остался 1-й Дроздовский полк, а остальные части дивизии в 7 часов утра 3-го марта двинулись в направлении станицы Старо-Нижестеблиевской, куда и прибыли еще засветло. В этот день разыгрался бой в районе станиц Поповической и Старо-Величковской. 1-й Дроздовский полк вел бой с конницей и пехотой красных впереди станицы Поповической, а на Самурцев, правее этой станицы, в это время сильно нажимала конница красных, которая основательно потрепала Самурцев и заставила их отступить. После этого красные вошли и заняли было станицу Поповическую, впереди которой в это самое время еще вел бой 1-й Дроздовский полк, отбиваясь от наседавших на него кавалерии и пехоты красных. По всей станице поднялась сильная стрельба, раздавались бесконечные крики «ура» и красные уже успели человек 40 зарубить. Спас положение полковник Туркул, командир 1-го Дроздовского полка, который со своими конными разведчиками, а их в полку было в то время человек 180, в конном строю бросился в атаку на красных, бывших уже на улицах станицы, выбил их из нее, часть красных была зарублена и 27 человек взято в плен. После этого части полка смогли отойти через станицу и отступить дальше. Ночью полк подошел к станице Старо-Нижестеблиевской. Первому полку было приказано оставаться в арьергарда, а остальные Дроздовские части еще ночью на 4-е марта выступили в направлении на станицу Славянскую. Пройдя верст 15 был услышан в направлении станицы Полтавской бой. Оказалось, что бой вела Корниловская дивизия с, прорвавшимися в наш тыл, красными силой до 1000 сабель, с целью отрезать отступающие части от переправы у станицы Славянской. Когда колонна Дроздовской дивизии подошла к станице Полтавской, Корниловцы уже успели почти полностью очистить ее от красной конницы. 2-й и 3-й Дроздовские полки в бой не вступали, а только 6-я легкая батарея и одна гаубица открыли огонь по одной пушке красных, которая выскочила было на полузакрытую позицию и, обстрелян подходящую к станице колонну Дроздовцев, внесла некоторое замешательство в

обозах. Огнем Дроздовских орудий номера этой пушки красных были разогнаны, а посланная полковником Манштейном пехотная цепь от 3-го полка захватила это орудие, сняв замок и панораму, испортила его, но увезти орудие не смогла, так как передок от него успел удрать.

Наши части после этого стали переправляться через Кубань по понтонному мосту. Первый Дроздовский полк, придя ночью в станицу Старо-Нижестеблиевскую, остановился немного передохнуть после тяжелого перехода, так как дороги вновь превратились в отчаянную трясину. Других частей уже в станице не было и благодаря этому получился разрыв между отступившими частями дивизии и Первым полком. О дальнейшем движении Первого полка красочно написано в книге «Дроздовцы в огне». (См. схему № 13.)

«. . . Под мокрым снегом мы остановились передохнуть в станице Старо-Нижестеблиевской. Еще до рассвета, в потемках, вернулись разъезды.

— За нами идет вся Конная армия Буденного, — доложили мне. — Красные обходят справа станицу и их конница движется на станицу Славянскую.

Конница Буденного, тысячи всадников, перерезает нам дорогу. Выхода для нас нет. Тогда я принимаю решение, тоже отходить на станицу Славянскую, вместе с коницей Буденного.

Полк поднят в ружье, в глубоком молчании. Все бледны, сосредоточены. Лишние подводы оставлены. Посреди полка выстроился полковой оркестр. Плавно зазвенели звуки Егерского марша. Он слышен всему полку. Все сняли фуражки, закрестились . . .

Полк двинулся на Славянскую по большаку, у самой железной дороги. Вдали справа, чернея и колыхаясь по мокрому полю, туда же идет конница Буденного . . .

. . . Из тумана, с поля, наехал околодок. Больные, раненые, подвод двести. Околодок заблудился . . . Обрадовались раненые и мы. Хорошо, что не наехали на Буденновцев, но эти двести подвод, в отчаянной грязище, ужасно отяготили наш марш.

Часа три мы шли так. Собственно, мы были у красных в руках. Бледные лица забрызганы грязью. Сильное дыхание, тяжелый топот ног.

Конница Буденного как будто решила, что большаком у железной дороги идет тоже советская часть и часа три нас не трогали. Мы следили за черными полчищами Буденного,

www.ellan-kazak.ru

видимыми простым глазом. Часов в девять утра, от конных косяков оторвались разъезды. Галопом к нам. Стали на всем скаку, машут издали шапками:

— Товарищи, какого полка, товарищи . . .

Я приказал молчать. Мы идем в молчании.

— Товарищи, товарищи, — а подскакать было страшно. Повертелись, повертелись и унеслись. Уже настал день, неожиданно ясный и свежий, с морозцем. Зазвенела под батальонами окрепшая дорога. Идти стало легче.

По краю поля, курясь столбами пара, смутно блистая, маячат конные полчища Буденного. Вот оторвался эскадрон, другой. Мы видим, как всадники развертываются в длинную лаву. Лава уже несется, слышны крики:

— Какого полка, что за часть, почему молчите, товарищи?

Мы идем в молчании. Лавы остановились, открыли огонь. Тогда мы ответили. Загремели наши залпы и лавы ускакали. В ответ загремела артиллерия красных. Конная армия стала громить нас всеми своими пушками. Мы ответили всеми нашими. От грохота как будто закачалась земля.

Конные атаки, одна за другой, катятся волнами, а мы отбиваемся, не останавливая марша. Мы идем перекатами, уступами: один батальон отбивает атаку, а другой отходит, останавливается, а батальон, отбивший до него, отходит к голове полка. От залпов наша колонна зияет одной громадной молнией, а сквозь грохот пальбы все доносится реющий звон Егерского марша.

Славянская уже видна, но конница Буденного обскакала нас. Станица занята красными и нас оттуда встретили крики «ура» и пушечные залпы. Другой дороги нет.

Мы двинулись на станицу яростной лобовой атакой. Мы пробились, смели красных, загнали их в болото, захватили пушки, пленных.

Но вот летят, как темные валы, новые лавы, а у нас снаряды кончаются. Вал за валом бьется о нас конница Буденного. Снарядов нет . . .

Когда смоет нас конница, маузер к виску . . . Конец . . .

И вдруг на железной дороге от Новороссийска показались дымки паровозов. Ближе, ближе, и все заорало у нас в жадном восторге:

— Бронепоезда, бронепоезда . . .

Да, это были наши бронепоезда. Генерал Кутепов, не получая от нас донесений и слыша за собой весьма сильный бой, приказал всем бронепоездам, которые остались на ветке от Тихорецкой на Новороссийск, немедленно идти на помощь полковнику Туркулу. Бронепоездов прикатило, я думаю, не менее пятнадцати. Из всех своих дальнобойных, тяжелых они открыли по коннице страшный огонь. Оглушенные грохотом, мы орали в восторге.

Огонь бронепоездов разметал конницу Буденного и, пригибаясь к седлам, уцелевшие всадники умчались. Первый Дроздовский полк был спасен.

Наши умирающие, те, кто уже хватал мерзлую землю руками, для кого все тише все дальше звенел Егерский марш, смотрели, на проходящие колонны, а глаза их смыкались навеки.

Так сомкнутся и наши глаза. Отойдут и от нас колонны живых, но призрачная память о нас будет вечно жить в идущих русских колоннах, и о верных белых солдатах еще и песню споют, еще расскажет предание.

Выше голову, Дрозды, вспомним наш марш на Славянскую».

***

Отход продолжался и Вооруженные Силы Юга России волнами катились к Новороссийску и другим портам на Черном море. На севере России к этому времени, у Архангельска, армия генерала Миллера перестала существовать. С армией генерал Юденича также покончено и остатки ее ушли в Эстонию. В Сибири отдельные отряды армии генерала Колчака оказались за Байкалом, а самого же адмирала, выданного союзническим командованием, возглавляемого генералом французской армии, Жаненом, социалисты расстреляли 20-го февраля 1920 года в Иркутске.

Отступившие от Одессы добровольческие части, не были пропущены на территорию Румынии и с боем пробились в Польшу, но там были разоружены и интернированы. Город Екатеринодар был занят красными 5-го марта. Особый офицерский отряд от Дроздовской дивизии ворвался в уже занятый красными город и вывез из Собора гробы с останками генерала Дроздовского и полковника Туцевича. Офицерский отряд с гробами присоединился к оступающей своей дивизии и с ней прибыл в Новороссийск.

При оставлении города Екатеринодара не был своевременно предупрежден 3-й Корниловский полк и, из-за этого,

www.elan-kazak.ru

он попал в безвыходное положение на северном берегу реки Кубани. Полк долго метался на участке от Ольгинской до Елизаветинской и в конечном итоге от всего полка спаслось только около 200 человек.

В Крымской к этому времени собрались все штабы. Здесь были штабы Добровольческой, Донской и Кубанской армий, Верховный Круг и многие прочие тыловые учреждения. Вокруг же станицы Крымской бродили отряды зеленых и было очень неспокойно. Когда 11-го марта, отходивший в арьергарде, 3-й Дроздовский полк подошел к ст. Адагумской, находящейся в 2-х верстах от Крымской, на него почти у самой станицы налетела конница красных, которую полк очень быстро отбросил назад, причем командир конного дивизиона красных был взят в плен и на месте расстрелян. Красные кавалеристы были все в полупьяном состоянии. После боя под Славянской полковник Туркул был вызван в Новороссийск генералом Кутеповым, чтобы навести там порядок при погрузке войск, которые эвакуировались в Крым.

Из Крымской на Новороссийск проложено шоссе, но отступление по шоссе не происходило, так как там бродили весьма внушительные отряды и группы зеленых. Все двигались прямо по полотну железной дороги. Чтобы достаточно ярко представить себе картину, как происходило отступление на Новороссийск, прочтем ниже то, что записал в своем дневнике капитан Г. А. Орлов, офицер 3-й батареи Дроздовской артиллерийской бригады, отходивший в составе батареи на Новороссийск.

«12-го марта в 4 часа утра мы выступили на Новороссийск. Все двигались прямо по шпалам. Пройдя Крымскую мы вошли в горы. Дорога проходила по узкому ущелью и справа и слева были большие горы, так что свернуть в сторону некуда. В довершение всего, к нашему несчастью, очень скоро пошел дождь. Кроме боевых частей и обозов по этому же пути двигалась также масса беженцев на всевозможных средствах передвижения, включительно до верблюдов, а калмыки гнали к тому же и свой скот.

Около 11 часов дня добрались, наконец, до станции Ниже-Балкановской. В этом месте мы свернули без всяких дорог прямо в горы, чтобы потом выйти на шоссе у ст. Неберджаевской. Дорога была прямо ужасная, так как нужно было с места подыматься на очень крутую гору. Впереди нас двигалось очень много обозов. Подымались по очереди повозка за повозкой, так как приходилось припрягать добавочных лошадей. Когда подымались орудия, то все время надо было перепрягать лошадей и добавлять даже до двух лишних уносов. Только к 4-м часам дня, наконец, батарея взобралась на первый перевал, но и дальше предстояла дорога не лучше, то есть с такими же перевалами. До шоссе хотя и оставалось всего лишь версты четыре, но всем стало ясно, что сегодня мы на шоссе не попадем. Почва после дождя размокла. Крутые подъемы и спуски совсем измучили и людей и лошадей.

В пятом часу дня была замечена колонна, которая переваливала через горы, держа направление на Ниже-Балкановскую, но двигалась с севера. Вначале эту колонну приняли за отступающие наши конные части, но неожиданно для всех, в шестов часу вечера раздались залпы и весь бугор перед Ниже-Балкановской замелькал от ружейных вспышек. Бронепоезд моментально открыл по бугру огонь, а наши батареи снялись с передков. Заговорило сразу 12 орудий, и весь бугор покрылся нашими разрывами. Не прошло и 15 минут, как все стихло. Получив такой неожиданный и неприятный душ, сразу же у красных пропал весь их пыл и они поспешили исчезнуть с бугров.

Двигались мы в тот день до 12-ти часов ночи, а отошли от Ниже-Балкановской всего лишь версты две. И это за 13 часов движения без привала, голодные, без питья и без корма лошадей. Правда, у нас кроме зерна ничего и не было с собой.

Станица Неберджаевская, через которую лежал наш путь отхода, была в руках зеленых и выбить их оттуда отправился Самурский полк. Скоро стало известно, что Самурцам не удалось выбить зеленых из станицы и положение осталось без перемен, когда, медленно передвигаясь, наконец, к 6-ти часам утра 13-го марта Дроздовские части подошли к последнему перевалу перед станицей Неберджаевской. Тут им предстоял грандиозный, крутой спуск с гор для того, чтобы выйти на шоссе. Вот здесь-то и разыгралась наша трагедия.

Станица Неберджаевская была занята двумя полками зеленых при батарее и ими командовал кубанский полковник Сухенко, тот самый Сухенко, который с 800 казаками 25-го февраля совершил налет на станицу Ново-Минскую и разгромил там красных. Теперь он оказался в стане зеленых, желая загладить свою вину перед красными, он решил

www.elan-kazak.ru

не пропустить отступающие части в Новороссийск и вступил с ними в бой. Пройти же частям было нужно именно в этом месте на шоссе. Предстоял спуск, который был весьма труден при спокойной обстановке, а теперь приходилось его проделать, когда нас разделывали снизу, можно сказать в упор ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем. Самурцы, которые должны были прикрывать наш отход, куда-то исчезли. Пришлось нам самим прокладывать себе дорогу. Перепалка поднялась здоровая. Несколько раз нас покрывали удачно огнем. Пули так и влипали, уже не свистели в воздух, на уровне пояса, груди и лица. Все же нам удалось спуститься благополучно и свернуть на шоссе. Батарея спустилась, но нашему обозу не повезло, так как зеленые сразу же попали по лошадям и несколько повозок перевернулось. Получился затор, распутать который под сильным огнем никак было нельзя. К тому же зеленые слева по лесу стали уже приближаться, а люди обоза тогда разбежались. Также разбежался и наш скот, который был закуплен батареей и который мы гнали с собой. Все, кроме боевой части у батареи, там погибло. Сзади нас шел 3-й Дроздовский полк. Его артиллерии совсем не повезло. Она отстреливалась до последнего снаряда с целью задержать подход наседавших красных и дать возможность отойти нашим частям на шоссе. Были перебиты кони у многих орудий, так как несколько снарядов попало прямо по упряжкам. Несколько орудий пришлось сбросить с кручи в пропасть, так как вывезти их уже не было возможности. С уцелевшими запряжками пытались спустить несколько орудий с гор, правее, чем съехали орудия 3-й батареи, бывшей при 2-м Дроздовском полку и в это время уже с полком находившиеся на шоссе, но грунт был каменист, спуск очень крутой и все орудия с запряжками и ездовыми кувырком полетели вниз. Вся артиллерия и обозы 3-го полка погибли. С Алексеевской дивизией произошла та же история: они не вывезли ни одного орудия.

Дело в том, что бой завязался с зелеными Сухенко, но очень скоро в этот район подошли и части красных в значительном количестве при 10 орудиях, которые повели одновременно наступление, чтобы отрезать совершенно выход нашим частям на шоссе.

Сойдя на шоссе, вышедшие из этого переплета части, немного передохнув, двинулись ущельем по дороге на Новороссийск. На этом отрезке пути все время подъем и подъем.

По дороге нас обгоняли бесконечные вереницы Донской конницы, вид которой был весьма жалкий. Редко кто из всадников имел винтовку. Когда их спрашивали, где их оружие — отвечали, что при спешном отступлении не могли его захватить и что по дороге их несколько раз обезоруживали зеленые. Их было так много, что приходилось только удивляться, как могли их зеленые разоружить. Теперь они спешили в Новороссийск, надеясь там захватить себе транспорт. Из Новороссийска прислал, находившийся там с офицерской ротой от 1-го Дроздовского полка, полковник Туркул еще в Крымскую в дивизию пополнение в количестве 150 офицеров, до того болтавшихся в городе без определенных занятий, но эти «господа» воевать не особенно пожелали и сразу же в первую ночь разбежались.

Генералу Барбовичу было приказано со своей дивизией и Донской конницей отойти на Таманский полуостров. Он было пошел туда, но пробиться на Таманский полуостров не смог и принужден был отступить к югу и теперь двигался на погрузку также в Новороссийск. Туда двигалась такая масса боевых частей, обозов и также беженцев, что поэтому было ясно для многих, что всем места не будет на транспортах.

В Новороссийске нас ждала полная катастрофа. Когда оставалось еще версты три до последнего перевала, послышались со стороны Новороссийска орудийные выстрелы, что для нас было полной неожиданностью, так как мы предполагали, что Корниловская дивизия находится в данный момент у станции Тоннелькой, где и задержится там, пока наши части отойдут к городу Новороссийску, где займут позиции и будут его оборонять до полной эвакуации, тем более, что природные условия были весьма благоприятны для этого и защищать город было весьма нетрудно. Наши предположения не оправдались, и на самом деле наши дела обстояли совсем неблагополучно. Когда, наконец, мы взобрались на последний перевал, с которого как на ладони был виден внизу весь Новороссийск, то кроме действительно роскошной панорамы, открывавшейся с громадной высоты, на которой мы находились, можно было видеть и наблюдать далеко не такие уже интересные разрывы внизу. Стрелял из города бронепоезд и с моря английский, кажется, крейсер. Последний гвоздил по бакам с нефтью, которые наши не успели взорвать. Потом уже мы узнали, что в то время красные уже занимали и кожевенные заводы. На Тоннельной Кор-

www.elan-kazak.ru

ниловцев не оказалось. Они там не удержались. Зеленые все время в тылу занимали железную дорогу, поджигали мосты и нападали на обозы. Много эшелонов и даже бронепоездов было брошено в том районе. Тоннель предполагалось взорвать так, чтобы красные, по крайней мере в течение шести месяцев ничего не могли бы вывезти из Новороссийска. К сожалению этого не сделали, хотя там все было минировано. Говорили, что не успели. Но больше всего мы поразились, когда узнали, что Корниловцы и не думали нас прикрывать и что они уже погрузились. Перед Новороссийском на фронте оставался только один генерал Барбович со своей весьма потрепанной конницей. Было получено приказание дивизии грузиться сегодня же 13-го марта, причем было объявлено, что на погрузку пойдут только люди, а что орудия, повозки и лошади будут брошены. Часа в четыре мы попали в город. Там в это время творилось что-то невероятное. Уже на окраинах города стояли брошенные фургоны целыми рядами. Жители разбирали все, что было на них оставлено, выпрягали коней и уводили их к себе, а по улицам двигались люди и верхом Донцы с тюками обмундирования, которое растаскивалось из брошеных складов. Еще три часа тому назад, когда 1-й полк обратился с просьбой выдать ему обмундирование по числу наличного состава людей, ему в этом отказали, а теперь из складов брали все кому не лень, не спрашивая. Склады были брошены и туда приходили люди, переодевались, брали с собой столько, сколько могли унести и уходили.

Мы (3-я Дроздовская батарея) проехали еще немного по улицам, примерно до района вокзала, и принуждены были остановиться, так как дальше уже продвигаться было невозможно. Вся улица сплошь была заставлена повозками, фургонами и орудиями. Примерно через полчаса после этого подошел к нам полковник Харжевский, командир 2-го Дроздовского стрелкового полка, который и сказал, чтобы мы здесь же оставили все и шли на пристань, что никакой планомерной погрузки нет и не будет, что нам надо ловчиться попасть в хвост 1-го полка, а то мы иначе совсем не попадем на транспорт, что надо поторопиться, так как город со стороны фронта почти никем не охраняется. После этого, вынув панорамы, уровни и сняв замки с орудий, мы двинулись, конные впереди, чтобы пробивать дорогу, а остальные пешком. Сразу же, на наших глазах, после того как мы оставили орудия, жители стали выпрягать и разбирать наших

лошадей. Бедные лошади, они были голодны, так как мы не имели возможности их покормить с ночи 12-го марта, стояли понуря головы и, казалось, недоумевали.

С большим трудом, гуськом, мы протиснулись к пристани, бросив и своих коней прямо тут же на набережной, сняв только седла. Затем пошли к транспорту «Екатеринодар», который был предназначен для погрузки нашей дивизии, но вследствие того, что какой-то транспорт отдали Донцам, сюда должна была грузиться еще и часть Алексеевской дивизии. Пришлось довольно долго стоять за одной ротой 1-го полка, совершенно не продвигаясь вперед, а в то же самое время, откуда-то со стороны, целой толпой на транспорт «Екатеринодар» лезла публика. Даже здесь отсутствовал необходимый порядок. В это время мимо нас прошел Самурского полка полковник Житкевич и, обращаясь к нашему командиру батареи, сказал:

— Оставьте и думать, отсюда во всяком случае не погрузитесь.

Тогда наш командир протискался стороной на транспорт и вскоре провел и нас туда же. Тут новое несчастье: офицеров еще кое-как пропустили на транспорт, но солдат наших категорически отказывались брать. Это было уже свыше всяких сил, настолько тяжело было это и неприятно слышать. Они шли все время с нами и вдруг их бросить? . . Никогда!

Мы достали веревку и стали их вытягивать незаметно через борт и таким способом втащили всех наших. 3-й Дроздовский полк, который прибыл позже нас в город, уже не имел совсем возможности погрузиться на транспорт. Полковник Манштейн предпринимал все возможное, чтобы найти выход из этого положения, чтобы куда-либо погрузиться с полком, но ничего не мог поделать. Часов около 8-ми 14-го марта погрузка на «Екатеринодар» была прекращена».

Чтобы дополнить картину того хаоса, который царил во время эвакуации Новороссийска, обратимся к воспоминаниям генерала Туркула и советским источникам, но также нужно указать и на то, что даже большинство больных и раненых не было своевременно погружено. Их забыли и бросили на произвол судьбы. Под видом же строевых чинов частей пролезали даже и те, кто дезертировал с фронта, а ими был наводнен Новороссийск, всякого рода ловчилы, тыловые крысы. Под вечер 13-го марта кем-то были подожжены склады с патронами и на фоне зарева бродили брошенные и

www.elan-kazak.ru

голодные лошади, а у набережной и пристани толпился уже отчаявшийся, но еще что-то ждущий, на что-то надеющийся, военный люд. Взять их с собой на транспорты мы не могли, так как транспорты были заполнены до отказа.

Все грандиозные запасы всего, что имелось в Новороссийске, орудия, бронепоезда, танки, бронеавтомобили, снаряды, патроны и лошади были брошены. Все это было результатом той нераспорядительности и паники, которые имели место в штабах. Строевые части пришли в порядке, способные к боевым действиям. При том количество артиллерии, бронепоездов, бронеавтомобилей, танков и судовой артиллерии, а также и при наличии природных условий, можно было организовать отлично оборону Новороссийска и задержаться в нем до полной планомерной эвакуации всего и всех. Забыли погрузить даже, как необходимый балласт, и бросили, новые орудия и снаряды. Короче говоря, всего и трудно перечесть, так как там в Новороссийске осталось громаднейшее имущество сильной армии и все те большие запасы всего и всяческого, что доставлялось нам англичанами и хранилось в складах. Брошены были и все лошади, которые собирались в течение двух лет борьбы и пополниться которыми в Крыму, уже эвакуированные туда, части не имели возможности.

После наступления темноты можно было наблюдать и отлично видеть, в лучах прожекторов с военных судов, по временам освещавших горы, вереницы конных, уходящих из Новороссийска в горы, потерявших всякую надежду попасть на транспорты.

На рассвете 14-го марта, загруженные до отказа, транспорты стали уходить в море. На пристани творилось что-то ужасное. Описать всего нет слов. Взрослые люди молча стояли, плакали от отчаяния, некоторые бросались в море, иные стрелялись. Были счастливчики, которые раздобыв лодки, уходили на них в море. Этих принимали к себе транспорты и военные суда.

Там в Новороссийске остались не только чины Добровольческих частей, но и много Донцов, которые и сдались красным. Часов в 10 утра 14-го марта вошли в город передовые части красных и к 11-ти часам город был окончательно занят ими.

Некоторые части и отдельные чины, в том числе и часть 3-го Дроздовского полка, Черноморский конный полк, двинулись берегом моря в направлении на Туапсе. Возле Кабардинки Черноморцев и Дроздовцев подобрал к себе французский миноносец. (См. схему № 13.)

Генерал Туркул в своей книге «Дроздовцы в огне» так описал эвакуацию из Новороссийска:

«Безветренная и прозрачная ночь. Март 1920-го года. Новороссийский мол. Мы грузимся на «Екатеринодар». Офицерская рота для порядка выкатила пулеметы. Грузятся офицеры и добровольцы. Час ночи. Шевелится почти безмолвно черная стена людей, стоящих в затылок. У мола тысячи брошенных коней. Кони подходят к соленой воде, вытягивают шеи, их губы дрожат: кони хотят пить.

Я тоже бросил на молу мою гнедую Гальку, белые чулочки на ногах. Я думал ее пристрелить. Вложил было ей в мягкое ухо маузер, но не мог. Я поцеловал ее в прозвездину на лбу и, признаюсь, перекрестил на прощанье. В темноте едва белелись Галькины чулочки. На молу молча стояли люди, только слышно покашливание. Какая-то странная, невыносимая тишина. Все похоже на огромные похороны. Издали прозрачно доносился каждый звук.

Вот, в темноте отбивает ногу какая-то часть, все ближе. Как ровно отбивают ногу. Слышу команду:

— Батальон, смирно.

Ко мне из темноты подходит унтер-офицер, пожилой солдат нашего запасного батальона.

— Господин полковник, вверенный вам батальон прибыл на погрузку.

В запасном батальоне у нас были одни солдаты из пленных красноармейцев. Мы были уверены, что наши красноармейцы останутся в городе, не придут. А они, крепко печатая шаг, все привалили в ту прозрачную ночь к нам, на мол. Я должен сказать, что мне стало стыдно, как я мог думать о них, что они не прийдут. В темноте молча дышал солдатский батальон.

— Да куда же мне вас девать, братцы мои, — тихо сказал я унтер-офицеру.

«Екатеринодар» уже осел на бок, заваленный людьми и амуницией Первого и Второго полков. Капитан «Екатеринодара» только что кричал в рупор, с отчаянием:

— Я не пойду, я не пойду так . . .

И я с мола кричал ему в рупор:

— Тогда мы пойдем без вас.

www.elan-kazak.ru

Транспорт забит до отказа. Все равно. Надо же погрузить запасный батальон. Я приказал сваливать наших «красных» на «Екатеринодар», лебедкой. Подъемный кран гроздьями подымал людей на воздух и спускал в темноту, куда попало, на головы и плечи тех, кто уже тесно стоял, на палубу. Так я грузил запасный батальон. Лебедка стучит, земляки ухают сверху. Электрическая станция работает в городе и как-то особенно светлы далекие огни фонарей. Изредка слышна стрельба: перекатится, смолкнет. Я все жду, когда же начнут стрелять как следует.

В темноте подходит еще часть. У меня сжалось сердце. Куда грузить, ведь места нет. Это офицерская рота Второго полка, бывшая в арьергарде и одиночные люди Третьего Дроздовского полка. Третьего полка сюда никто не ожидал, за него были спокойны: для его погрузки был назначен транспорт «Святой Николай». Команда «Николая», не окончивши погрузки, отрубила канаты, и транспорт ушел.

Подходят, подходят человеческие косяки. Тогда я прыгнул в шлюпку и, можно сказать, молнией помчался к миноносцу «Пылкий», куда был погружен штаб Добровольческого корпуса генерала Кутепова. Я помню светящееся небо. Ветер дул в лицо. Сильное и порывистое дыхание гребцов.

На «Пылком» ко мне вышел генерал Кутепов, окатил блеском черных глаз.

— Полковник Туркул?!

— «Екатеринодар» загружен, ваше превосходительство. У меня остались люди. Необходимо погрузить всех, или мы выгрузимся и уйдем пешим порядком вдоль берега.

Генерал Кутепов поскреб щеку у жесткой черной бородки, обернулся к командиру миноносца, окатил его горячим взглядом.

— Сколько вы еще можете погрузить?

— Человек двести.

— Грузите к нам.

— Покорнейше благодарю, ваше превосходительство.

Гребцы примчали меня обратно. Я вгляделся в темноту косяков людей.

— Господа, имейте в виду, — сказал я. — Имейте в виду, что вас всего двести человек. Понимаете, *двести*.

И я повел людей к молу, где был ошвартован «Пылкий».

— Здорово, Дроздовцы, — раздался из темноты звенящий голос генерала Кутепова.

Его голос знали все и в нем был необыкновенно сильный, горячий блеск, как и в его татарских глазах. Был в его голосе ободряющий звук, точно звон светлого меча.

Все ответили дружно. Погрузка началась. Люди быстро шли один за другим по сходням. Миноносец все глубже уходил в воду. Генерал Кутепов покрякивал, крепко скашливал по своей привычке, но молчал.

— Полковник Туркул, — кто-то резко окликнул меня из темноты. Я узнал желчный голос начальника штаба, генерала Достовалова, который позже изменил нам и перекинулся к красным.

— Сколько вы грузите?

— Двести.

— Какие там двести. Миноносец уже в воде. Разгрузить!

— Я разгружать не буду.

— Приказываю вам.

— Вы не имеете права приказывать мне. Я гружусь по приказанию командира корпуса. Извольте сами разгружаться, если угодно.

— Прекратить спор, — гортанно крикнул нам генерал Кутепов.

На «Пылком» тем временем во всю работали фонарями сигнальщики. Сигналы, наконец, принял французский броненосец «Вальдек Руссо». Французы ответили, что могут взять людей, посылают за ними катер.

К «Пылкому» подошли еще люди Третьего полка. Катер за катером я тогда всех подошедших загнал на «Вальдек Руссо». Генерал Кутепов смотрел на меня молча, только скашливал. Когда на катер прыгнул последний дроздовский стрелок, я подошел к генералу Кутепову:

— Разрешите идти, ваше превосходительство . . .

Генерал Кутепов крякнул, быстро расправил короткие черные усы:

— Полковник Туркул!

— Я, ваше превосходительство!

— Хороши же у вас двести человек!

Я молча отдал честь, глядя на моего генерала. Генерал Достовалов проворчал что-то рассерженно.

Генерал Кутепов круто повернулся к нему, и вдруг звенящий голос, какой знала вся армия, окатил, можно сказать, Достовалова медной бурей:

www.elan-kazak.ru

— Потрудитесь не делать никаких замечаний командиру офицерского полка.

На рассвете я вернулся на «Екатеринодар».

Конечно я не знаю всего об этом отходе и об этой глухонемой Новороссийской эвакуации: я был занят своим делом и только позже я слышал о том, как некоторые части недогрузились и ушли вдоль берега на Сочи, неведомо куда, как по веревке пришлось подымать на транспорт чью-то пулеметную роту, как оставшиеся люди сбились на молу у цементного завода и молили взять их, протягивая в темноту руки.

На «Екатеринодар» меня опустили в тесноту сверху, как и наших красноармейцев. Я приказал трогаться. Транспорт, скрипя и стеня, стал отчаливать. От палубы до трюма все забито людьми, стоят плечом к плечу. На верхней палубе мне досталась плюпка. Я привязал себя канатом к скамье, накрылся с головой шинелью. «Екатеринодар» идет. Море серое, туманное. Шумит ровный ветер. Светает. Я свернулся под шинелью и все кажется мне, что надо что-то вспомнить. И вот, — как странно, — мне вспомнилось что-то гимназическое: об Иллиаде, Одисее или «Оступление Десяти Тысяч» Ксенофонта.

На рассвете «Император Индии» и «Вальдек Руссо» загремели холодно и пустынно по Новороссийску из дальнобойных. Мы уходим. А над всеми нами, на верхней палубе, у капитанского мостика, высятся два грузных оцинкованных гроба: Дроздовского и Туцевича. Там стоят часовые. Тела наших вождей уходят с нами. Оба гроба от утреннего пара потускнели в соленых брызгах».

Советские историки указали, что в Новороссийском районе удалось красным разгромить, вернее сказать, докончить разгром войск генерала Деникина и что в их руки в Новороссийске попала столь громадная добыча, что вообще ее сразу и нельзя было учесть. Они приводят данные: в плен взято 2500 офицеров, 17 000 солдат и казаков, захвачено 270 орудий, 9000 лошадей, бронепоезда, танки, бронеавтомобили, громадное количество пулеметов, снарядов, патронов, обмундирование и всякого рода имущество. Относительно людей возможно, что их данные и преувеличены, но число лошадей показано значительно меньше, так как часть лошадей успели разобрать и увести к себе местные жители.

Преждевременная, непланомерная эвакуация, вызванная паническим настроением в Главном штабе, неприбытие всех транспортов из портов Крыма в Новороссийск ко времени эвакуации — причины катастрофы Вооруженных Сил Юга России.

В Новороссийске были забыты и брошены на произвол судьбы раненые и больные. Не были погружены даже все строевые части. Брошены не только орудия строевых частей, но много совершенно новых, разных калибров, которые можно было своевременно погрузить, как балласт, в трюмы транспортов, танки, бронеавтомобили, пулеметы, оружие и огромные запасы снарядов и патронов. Противнику досталось, как трофеи, в складах и в поездных составах всевозможное огромное имущество и в том числе обмундирование, белье и обувь, в которых так нуждались все время, ведя бои, строевые части. В течение двух лет борьбы пополнялись строевые части конским составом и свыше 10 000, то есть всех их бросили при эвакуации. Рассчитывать же на пополнение частей конским составом в Крыму уже нельзя было. Вместо организации при имеющихся средствах, сохранившихся в полном боевом порядке строевых частей и местных природных условий, обороны Новороссийска и планомерной эвакуации, только по вине Главного Штаба Вооруженных Сил Юга России и наступила катастрофа.

Драмой Новороссийска и в скором времени и сдачей казачьих частей (не по их вине), отошедших на побережье Черного моря через горные перевалы в направление на Туапсе до Грузинской границы, закончился блестяще начатый марш на Москву и фактически перестали существовать Вооруженные Силы Юга России. Остатки их оказались в Крыму. Там они возродились вновь как боевая сила, но уже под именем Русской Армии под водительством генерала Петра Николаевича Врангеля, чтобы блестяще продолжить неравную борьбу прежде чем покинуть пределы Родины.

Причин поражения Вооруженных Сил Юга России много. Пусть о них скажет будущий историк. Мы же, свидетели и участники Белого Движения, можем только пожалеть, что не генерал Врангель был во главе Вооруженных Сил Юга России. Генерал Деникин не был в полном смысле Белым Вождем. Лично храбрый и хороший начальник и стратег генерал Деникин, будучи Правителем Юга России не сумел,

www.elan-kazak.ru

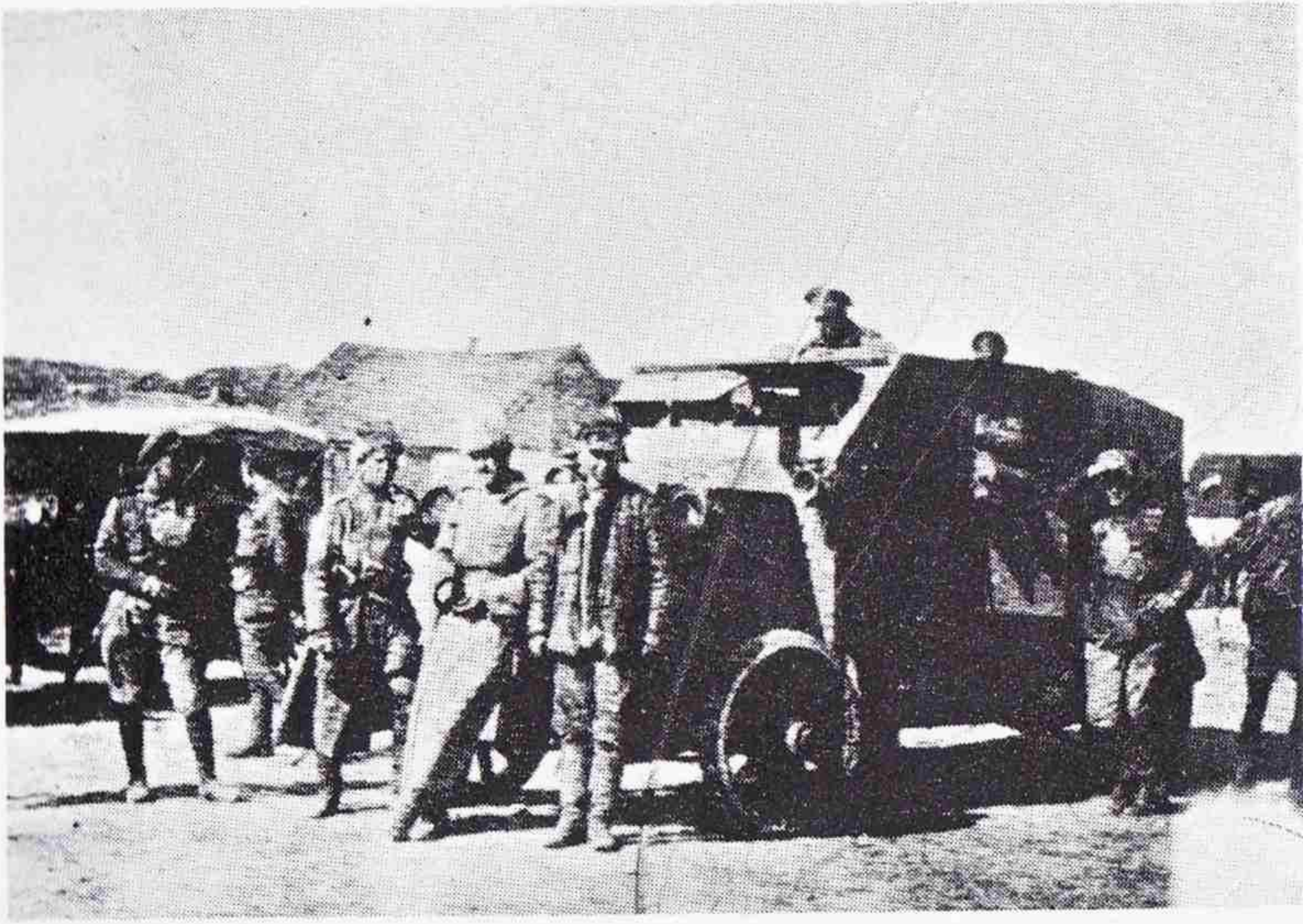
благодаря недальновидной своей политике, неумению организовать тыл и выбрать себе достойных помощников, снискать к себе полного доверия и любви.

Как показали дальнейшие события, возглавив Белых в Крыму, став Правителем и Главнокомандующим Русской Армии, генерал Петр Николаевич Врангель оказался тем Народным Вождем, которого не хватало за время марша на Москву, но тогда были уже слишком неравные силы.

Об этом повествование во 2-м томе сборника.

ПРИЛОЖЕНИЕ: ФОТОГРАФИИ И СХЕМЫ

www.elan-kazak.ru

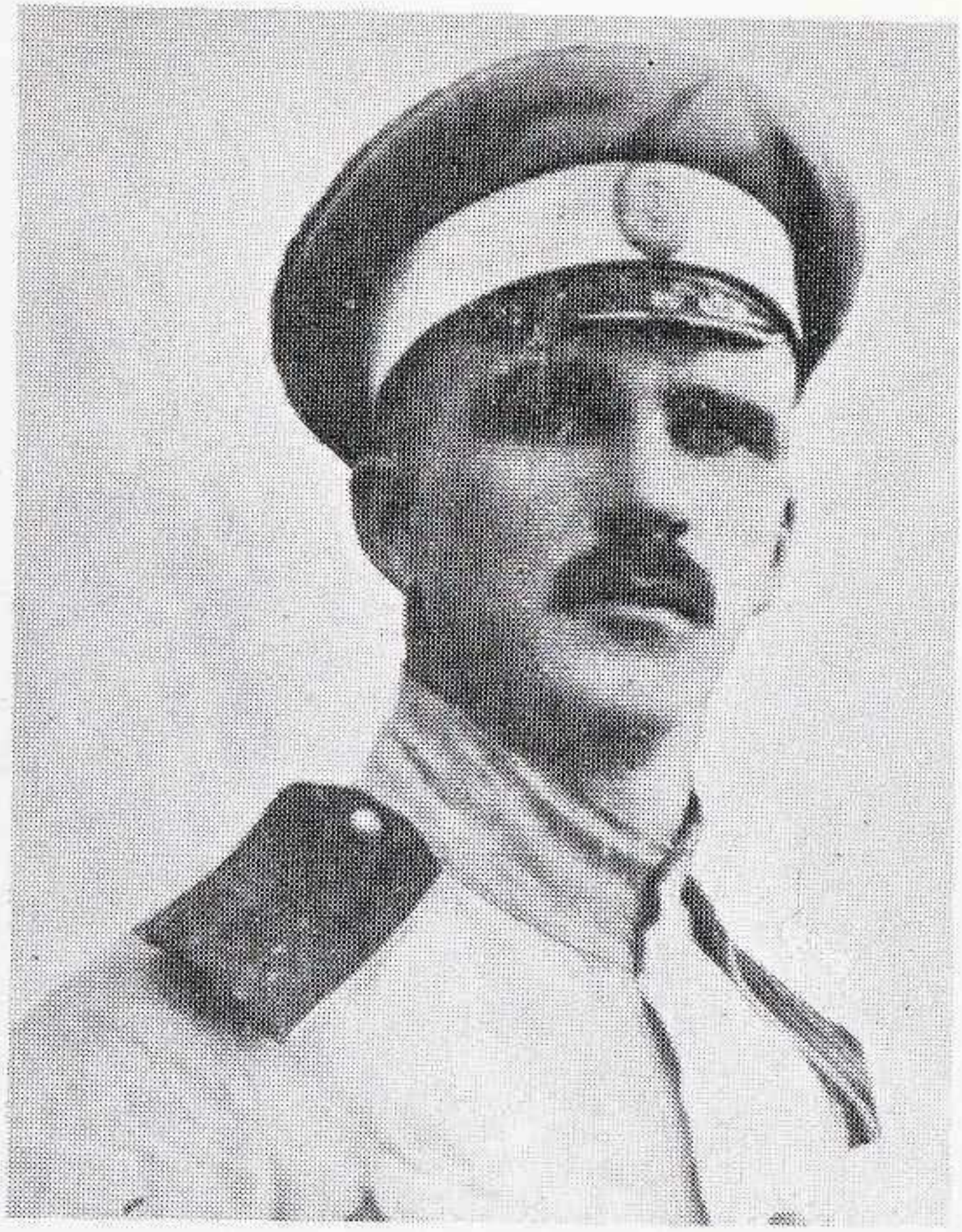


БРОНЕАВТОМОБИЛЬ № 3 в походе на ДОН.
По прибытии в Новочеркасск получил имя "ВЕРНЫЙ."
Снято 31.3.1918 г. в Торгаевке.

www.ellanskazak.ru

Полковник Сергей Радионович Н И Л О В.
Командир "Верного."

www.elan-kazak.ru



ПОЛКОВНИК РУМЕЛЬ
Командир 2-го Офицер.ген.ДРОЗДОВСКОГО
стрелкового полка

www.vostok.ru

ПОЛКОВНИК ФРИДМАН

Помощник командира полка

www.elan-kazak

ПЕРВЫЙ ОФИЦЕРСКИЙ ГЕНЕРАЛА ДРОЗДОВСКОГО СТРЕЛКОВЫЙ ПОЛК

ШТАБ ПОЛКА.

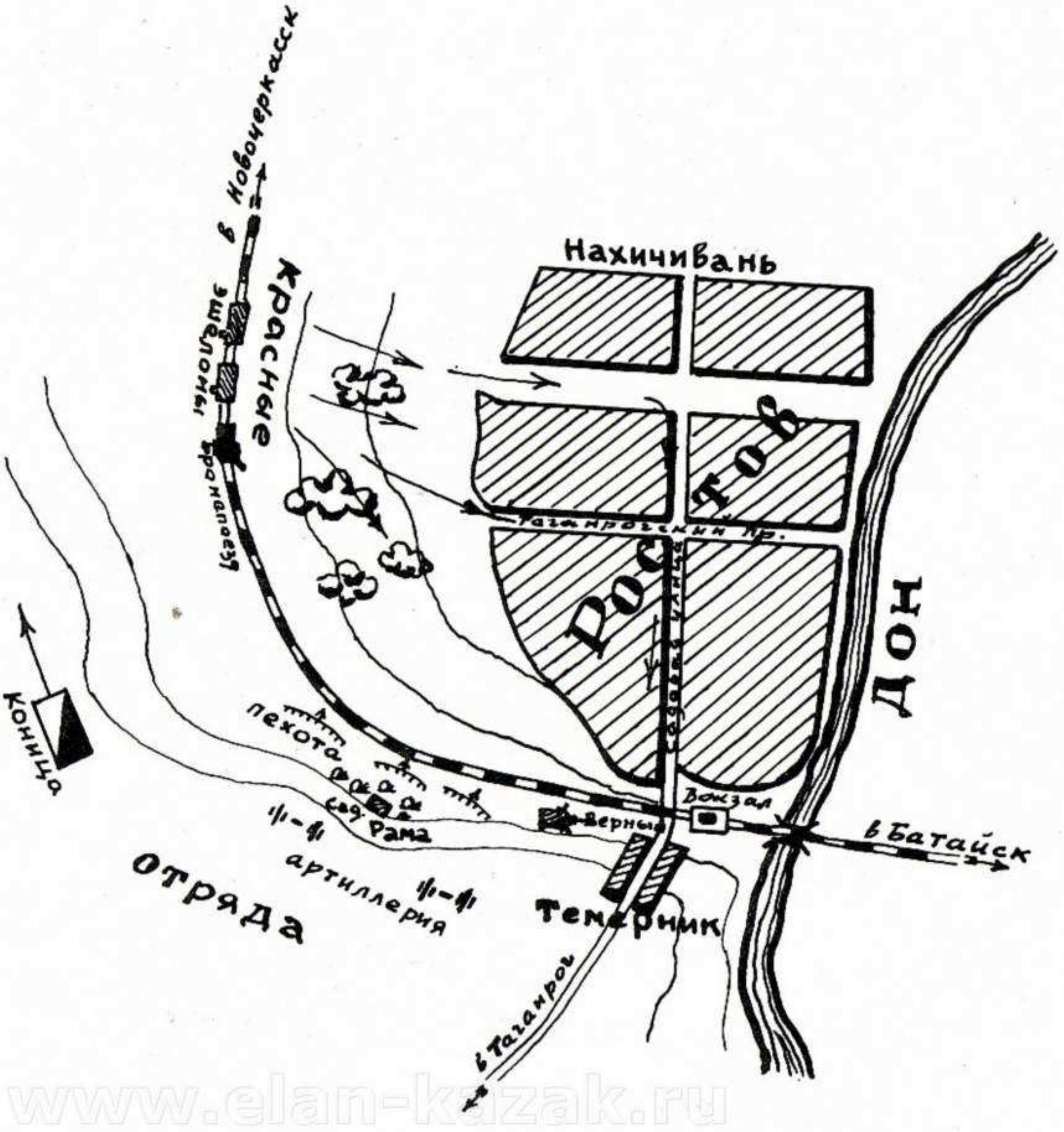
ПОЛКОВОЙ ОКОЛОДОК.

ПОЛКОВОЙ ОКОЛОДОК.

СХЕМА №1

Бой под Ростовым

22.4.1918 г.

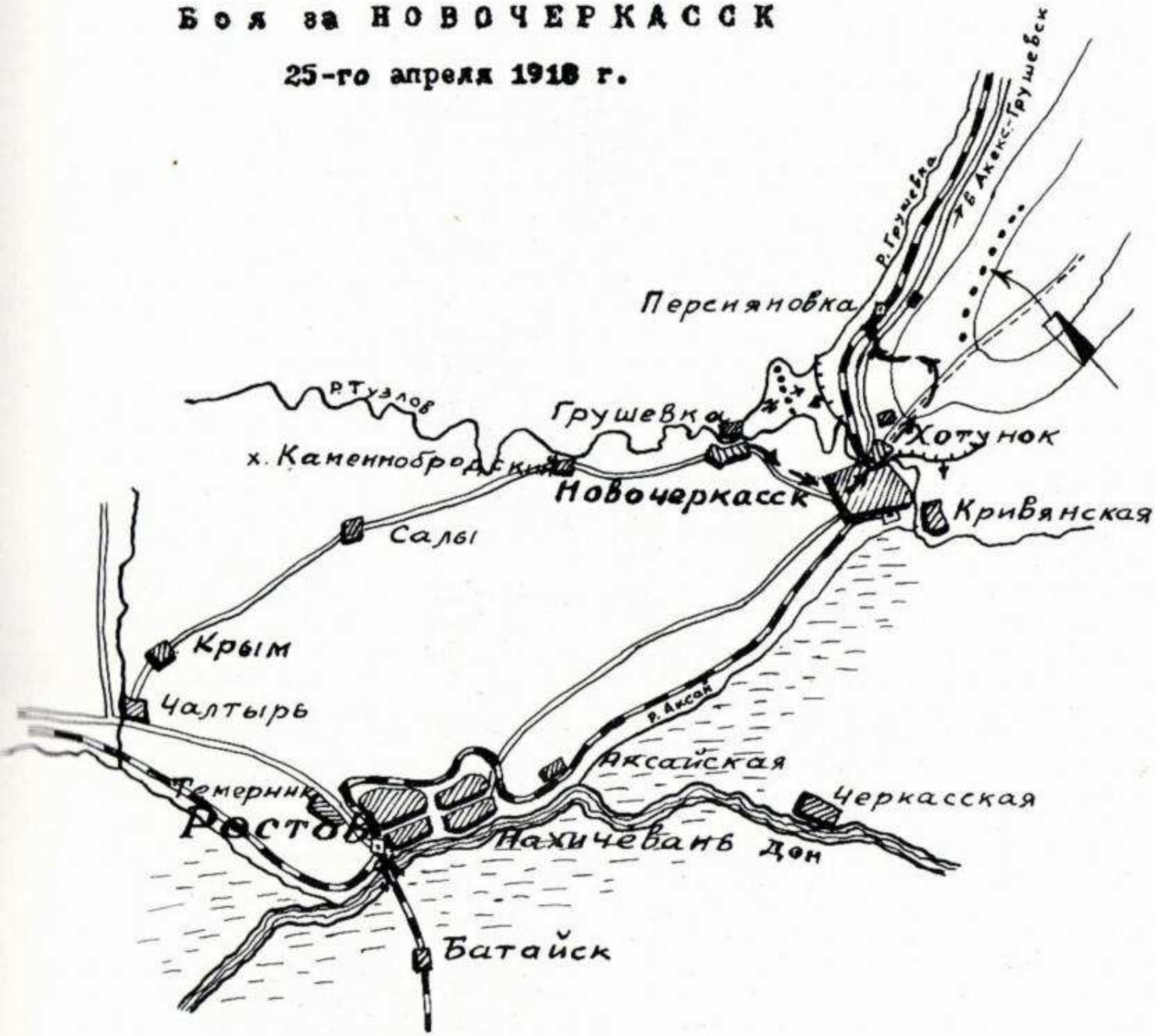


www.elan-kazak.ru

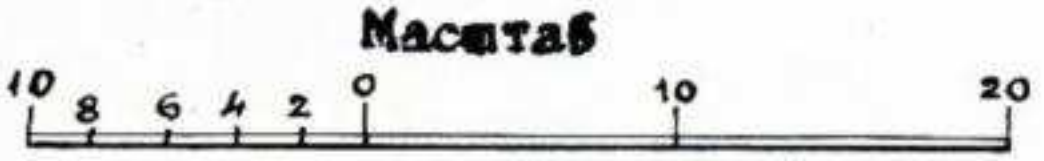
СХЕМА N2

Боя за НОВОЧЕРКАССК

25-го апреля 1918 г.



Масштаб



10 верст в 1-м дюйме

Путь броневика " Верный."

Конно-горная батарея и 2-й эскадрон.

Конница Семилетова.

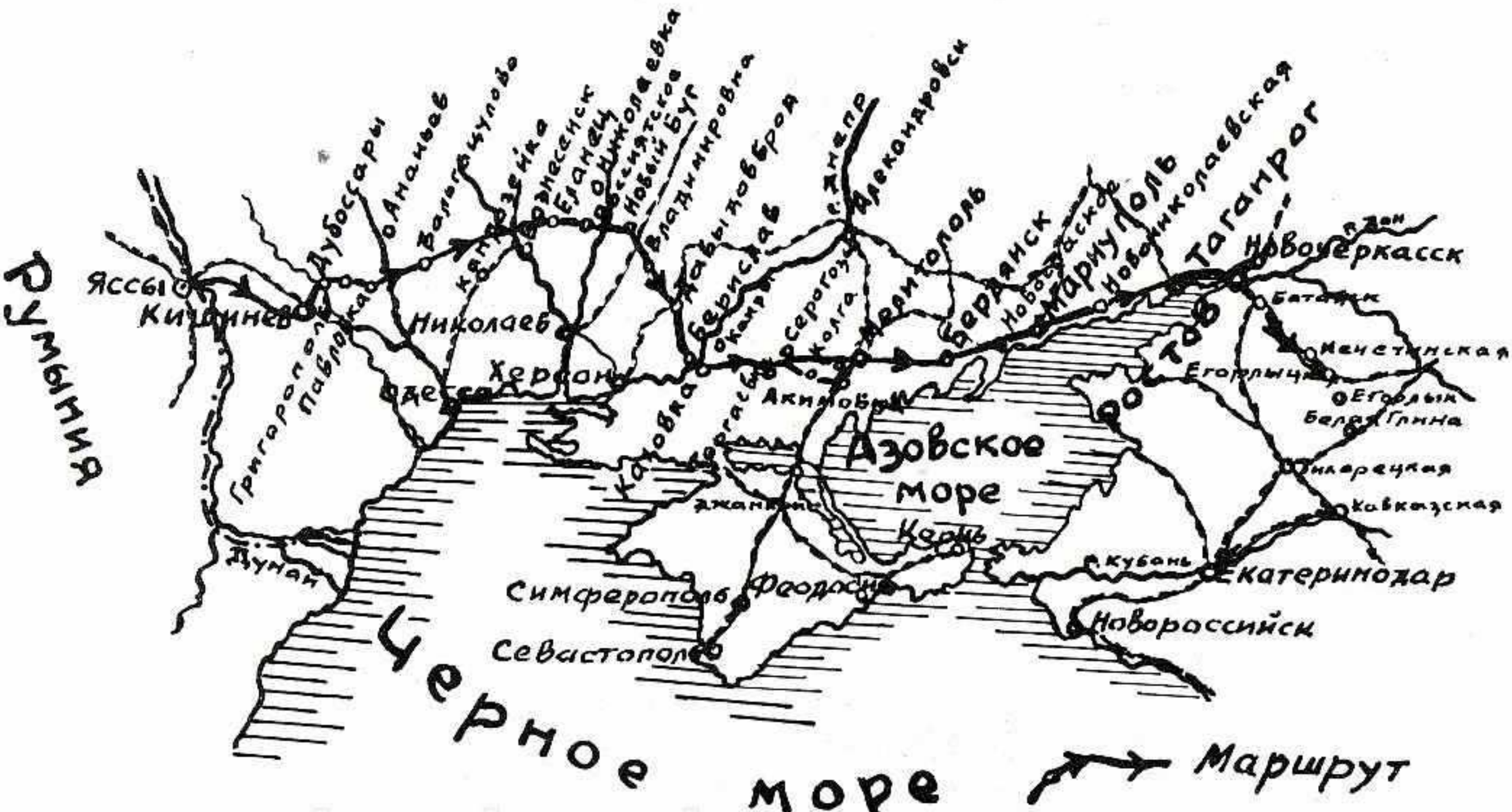
Большевики.

www.elan-kazak.ru

Ген. Дроздовский.

СХЕМА №3

ПУТИ СЛЕДОВАНИЯ ОТРЯДА



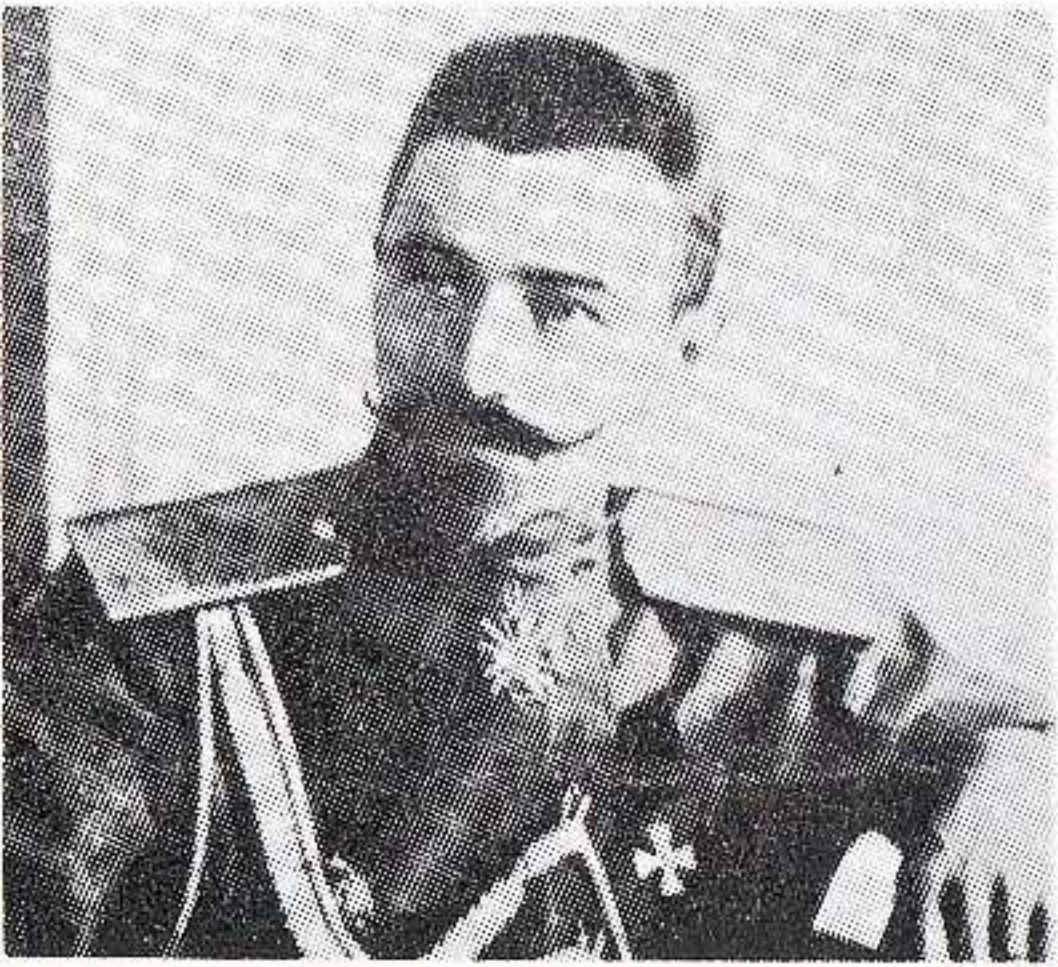
www.elan-kazak.ru

СХЕМА №4.

к бою под Торговой

в июне 1918 года

www.elan-kazak.ru

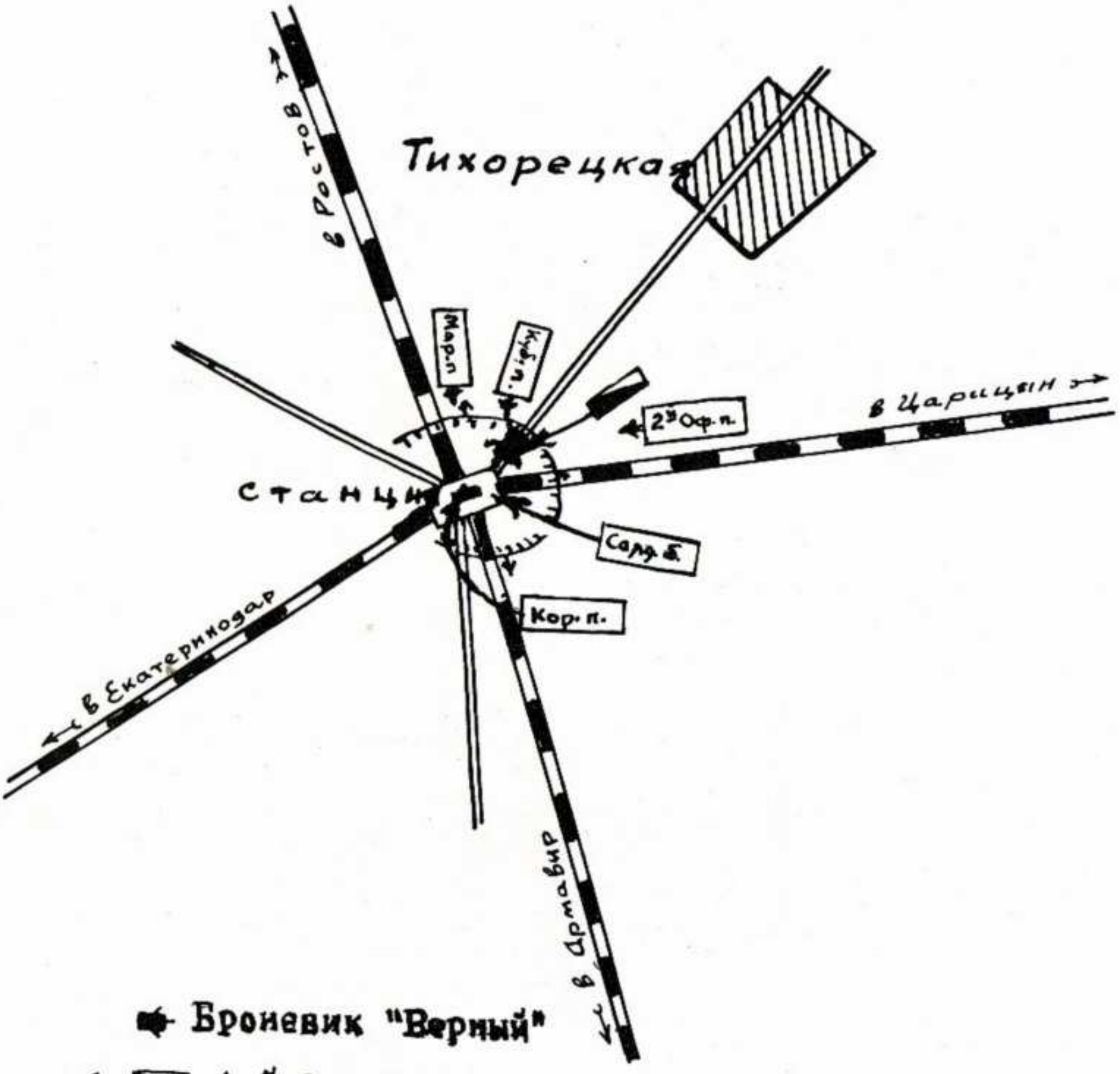


Генерал Марков.

www.elan-k

СХЕМА №5

Боя под Тихорецкой в 1918 г.



Броневик "Верный"

1-й Эск.2-го Конного полка

Сам.б. Наступающие полки Добровольческой Армии

Окопы большевиков.

www.elan-kazak.ru

С Х Е М А №6

К боям в районе станицы Кореновской в июле 1918-го года.

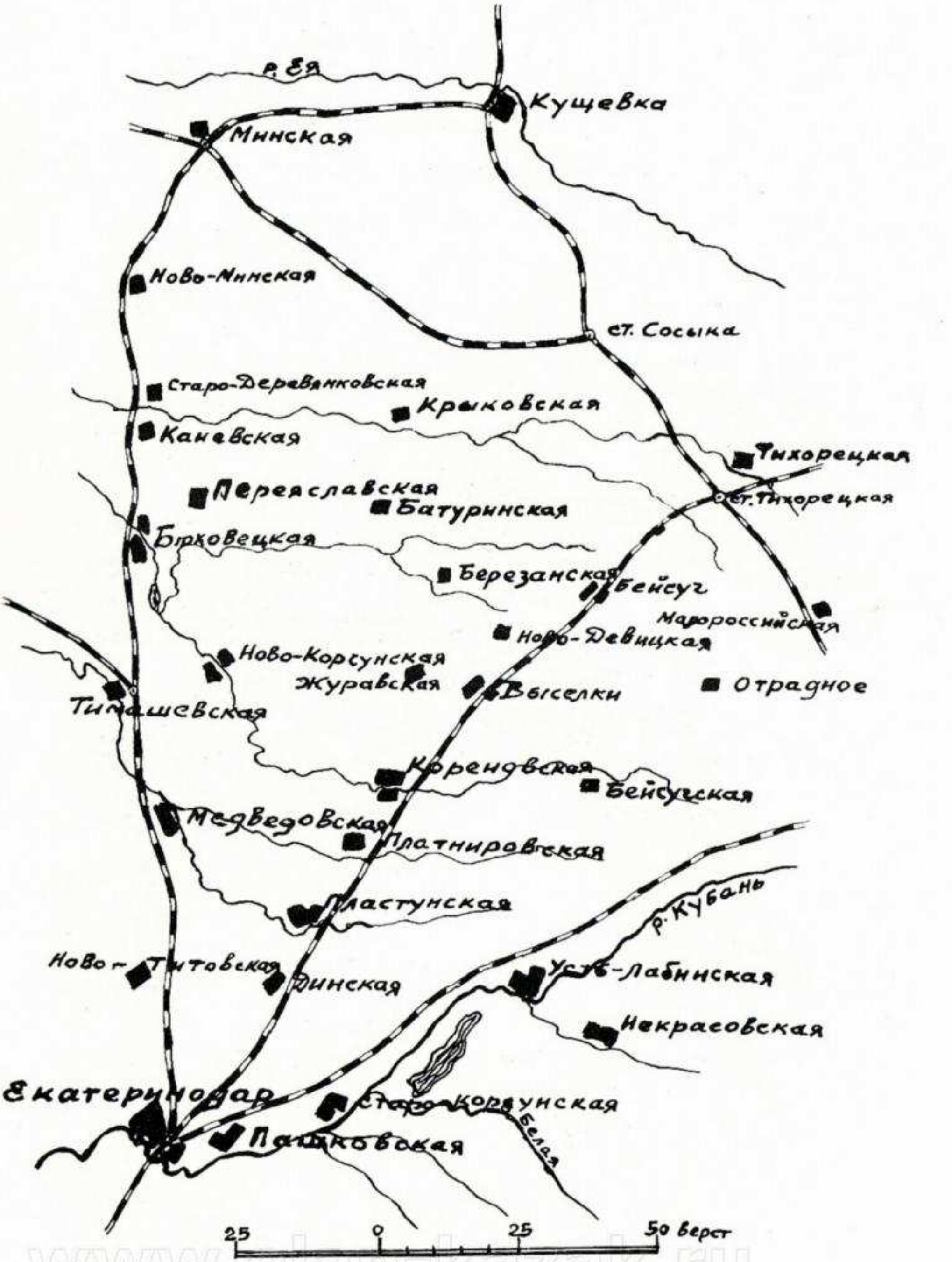
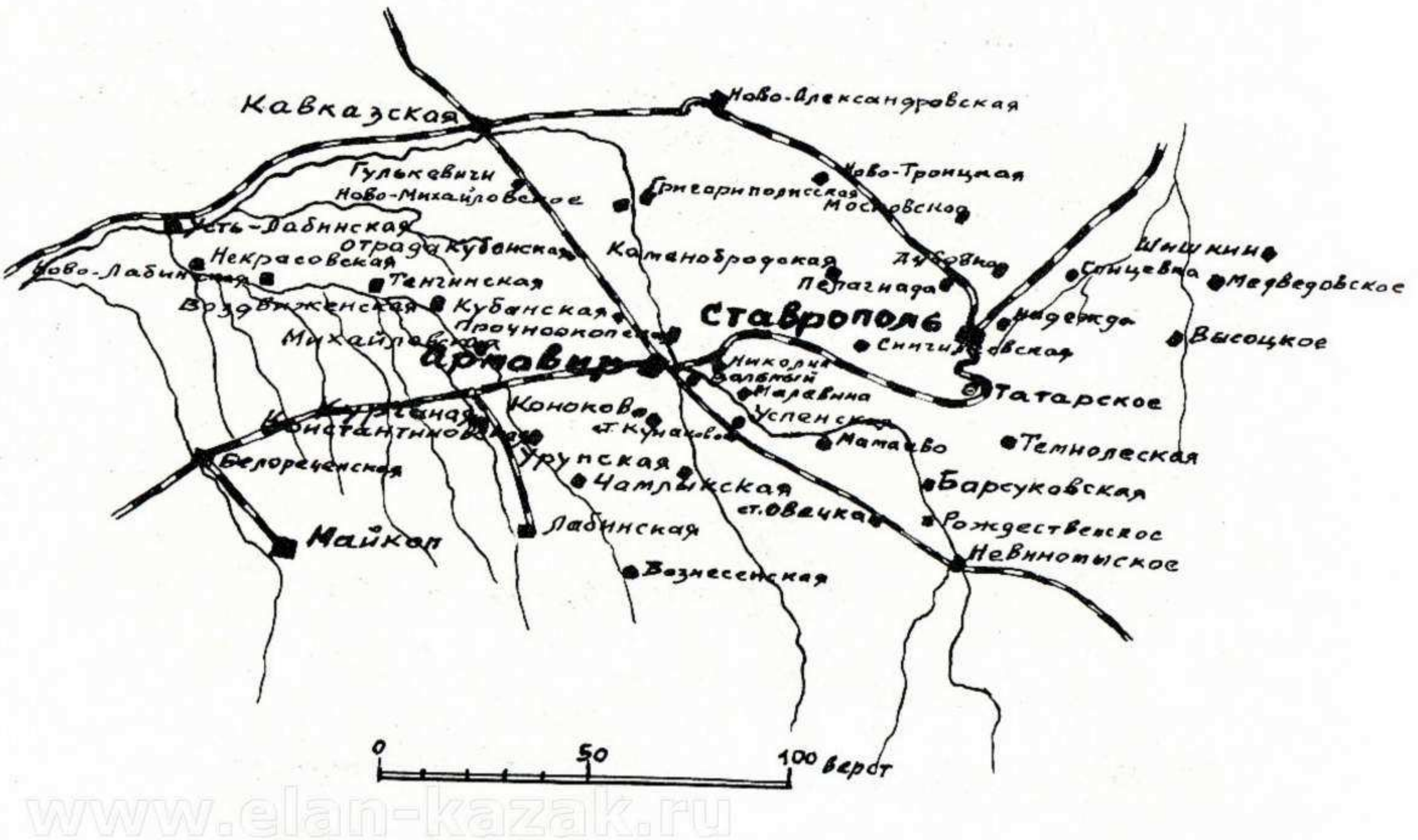


СХЕМА №7.

К боям под Армавиром и Ставрополем в 1918-м году.



www.elan-kazak.ru

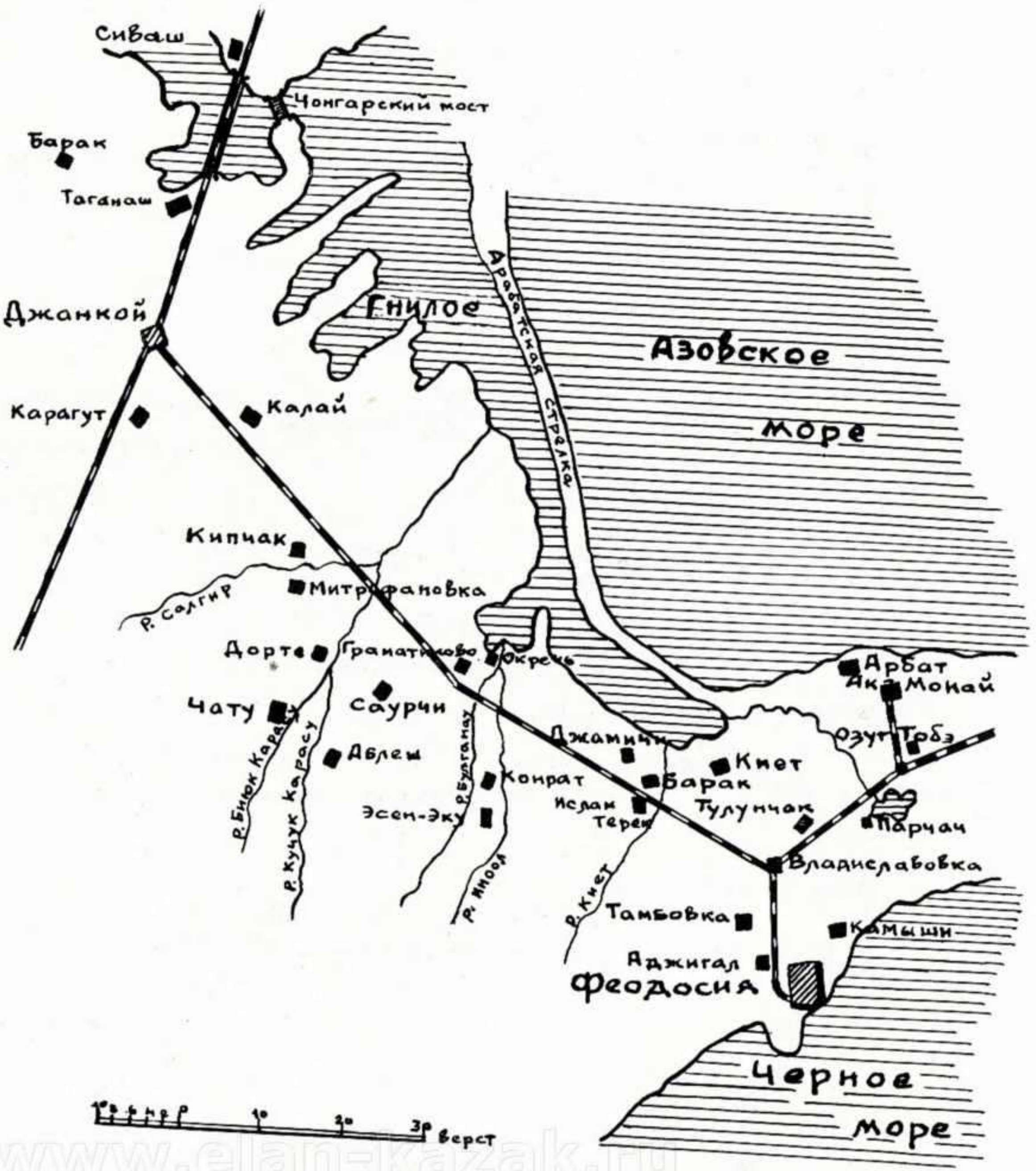
Схема №8

железно-дорожной сети Донецкого Бассейна

www.elan-kazak.ru

С Х Е М А №9

К боям в 1919-м году.



www.elan-kazak.ru

СХЕМА №10

к наступлению Добровольческой армии в 1919-м году.

www.elan-kazak.ru

СХЕМА №12

Расположения совет. армий

в начале октября 1919 г.

Линия фронта к началу октября 1919 года.

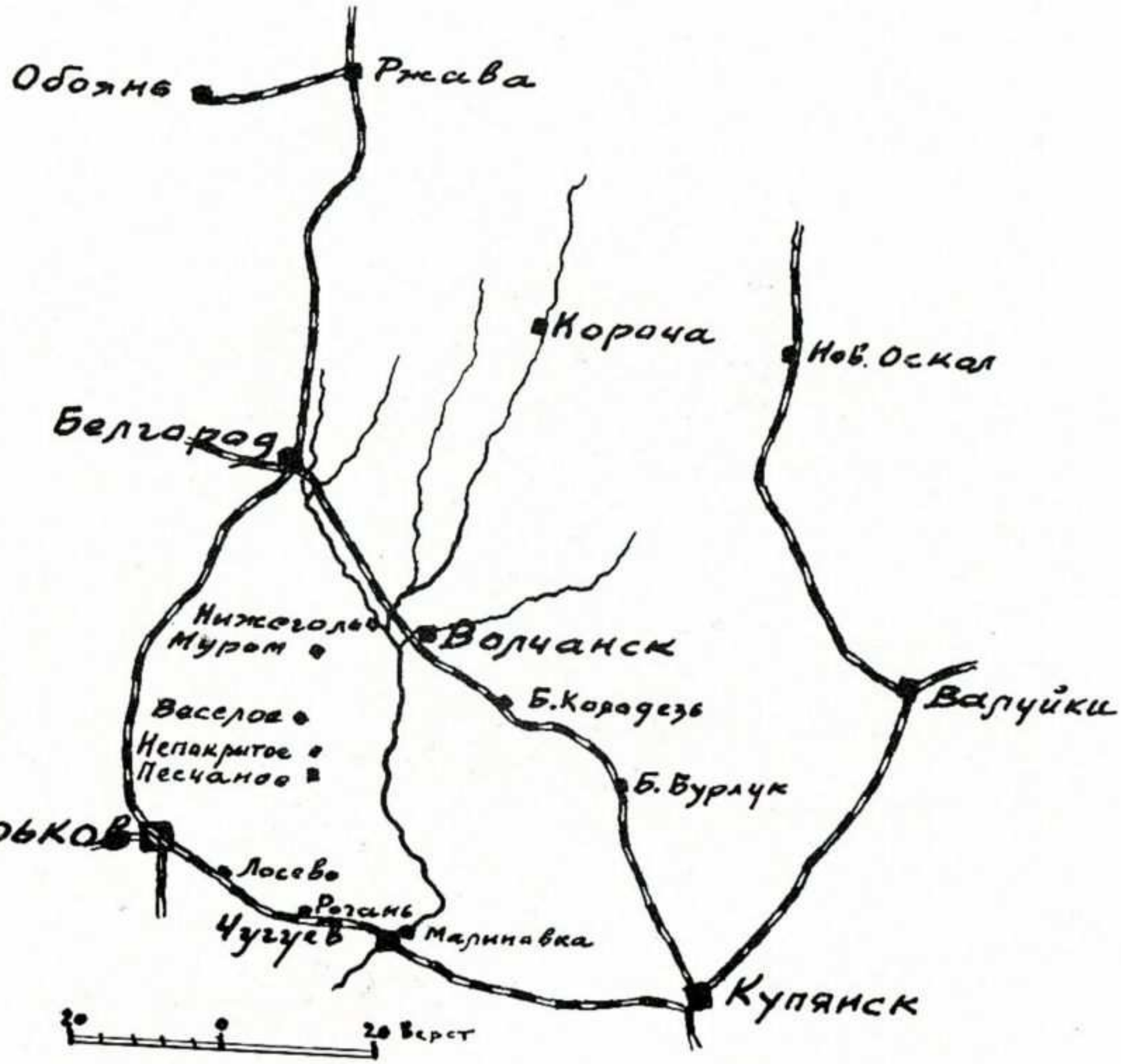
---------- железн. дороги.

150 0 150 300 450 Кл.

12 А, 14 А... Номера совет. армий

www.elan-kazak.ru

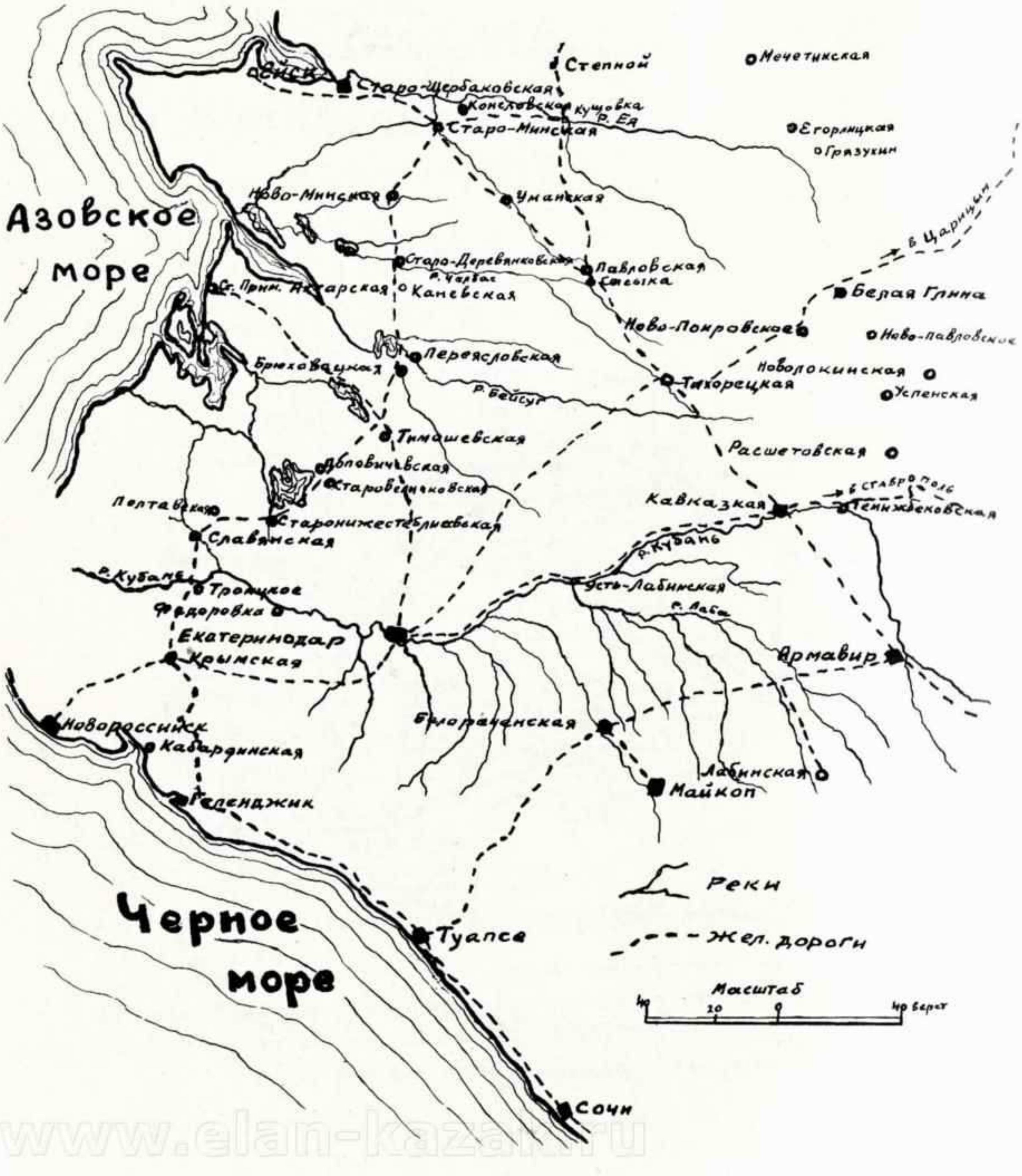
СХЕМА
№11.
к Купянскому прорыву
в августе 1919 г.



3-ая Дроздовсая батарея с Самурским полком из Харькова выступила к селу Веселому и оттуда наступала на Волчанск.

www.elan-kazak.ru

СХЕМА №13
к
ОТСТУПЛЕНИЮ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ЮГА РОССИИ НА НОВОРОССИЙСК.



www.elan-kazan.ru